Московскій Совѣтъ Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.

Отдѣлъ Издательства и Книжной Торговли.

АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ.

ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ

(МЕМУАРЫ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Переводъ С. и К. Цедербаумъ.

МОСКВА.
1918.

Предисловіе К. Каутскаго.

21-го іюля прошлаго (1913) года Бебель написалъ мнѣ изъ Цюриха письмо, въ которомъ, высказавъ сперва живой интересъ къ полемикѣ, ведшейся мною тогда въ печати, онъ дальше писалъ:

„Я сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія и надѣюсь, ты съ этимъ согласишься, что если я буду отозванъ въ ряды великой арміи ушедшихъ до того, какъ успѣю закончить третій томъ „Изъ моей жизни", ты возьмешь на себя изданіе книги, *поскольку рукопись окажется приготовленной къ печати*. Мнѣ осталось совсѣмъ немного, томъ доведенъ до 1882 года. Дальше пойдетъ быстрѣе.

„Я ставлю условіемъ, чтобы въ рукописи не было сдѣлано другихъ измѣненій, кромѣ чисто *стилистическихъ*. Поправки допустимы лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что тотъ или иной приводимый мною фактъ *не точенъ*, такъ что я самъ долженъ былъ бы исправить ошибку. Въ особенности не должны быть допущены или приведены въ сокращенномъ видѣ фамиліи еще находящихся въ живыхъ лицъ, которыхъ я называю, поскольку я самъ не сдѣлалъ этого въ рукописи... Такъ какъ я не проявилъ сознательно пристрастія по отношенію къ кому бы то ни было, а историческая правда требуетъ, чтобы ничего не подкрашивалось, то нѣтъ никакихъ основаній дѣлать какія-либо измѣненія въ написанномъ..

„Дальнѣйшую работу надъ этимъ томомъ и продолженіе его, если онъ не будетъ законченъ ко времени моей смерти, *я считаю недопустимой* — будь это ты или кто-нибудь другой...

Прошу тебя особенно старательно беречь это письмо, ибо оно должно послужить доказательствомъ твоихъ правъ".

Вслѣдъ за этими распоряженіями Бебель въ письмѣ

говорилъ о своихъ планахъ на лѣто и семейныхъ дѣлахъ, объявлялъ состояніе своего здоровья удовлетворительнымъ, высказывался о нѣкоторыхъ лицахъ изъ фракціи рейхстага и заканчивалъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

„Я работаю теперь надъ третьимъ томомъ въ такомъ порядкѣ, что каждая глава окончательно обрабатывается для печати и присоединяется къ уже готовой рукописи“.

Все содержаніе и тонъ письма свидѣтельствовали о томъ, что Бебель еще надѣялся самъ закончить свои воспоминанія, чего ему необычайно хотѣлось, и назначеніе меня издателемъ являлось лишь мѣрой предосторожности. И слѣдующее его письмо ко мнѣ отъ 29 іюля было исполнено интереса къ текущей жизни и спорнымъ вопросамъ дня, а именно вопросу объ отношеніи нашей фракціи къ законопроектамъ о новыхъ налогахъ. Тутъ онъ высказывался въ томъ же смыслѣ, что и въ письмѣ, прочтенномъ Молькенбуромъ на Іенскомъ партейзагѣ. Правда, онъ жаловался на свою „неработоспособность“, но называлъ этимъ „отравительное состояніе когда хочешь вмѣшаться и, однако, долженъ отступать отъ борьбы“. Его угнетала его неспособность участвовать въ борьбѣ, которую онъ считалъ равнозначащей съ неработоспособностью. Бороться и работать для него было одно и то же. Но въ слѣдующихъ же строкахъ этого письма онъ писалъ о своей работѣ надъ третьимъ томомъ, которую прервалъ только на нѣсколько недѣль. По поводу нѣкоторыхъ забытыхъ фактовъ со временъ 1876 года, на которые я обратилъ его вниманіе, онъ отвѣчалъ:

„То, что ты пишешь мнѣ о заявленіяхъ и нападкахъ въ „Берлинской Свободной Прессѣ“, было мнѣ неизвѣстно или я совершенно забылъ это, какъ, вообще, забылъ много другого. Какъ много я забылъ и пропускаю, объ этомъ я узнаю ежедневно, разсматривая матеріалы, собранные для третьяго тома“.

То были послѣднія слова Бебеля, обращенные ко мнѣ по поводу послѣдняго тома его воспоминаній. Они рисовали его погруженнымъ въ работу надъ окончаніемъ ихъ. Всего только черезъ двѣ недѣли его уже не стало среди насъ, онъ былъ оторванъ отъ всякой работы, отъ всякой борьбы. Тихо уснулъ онъ, будучи избавленъ отъ страданій продолжительной агоніи—

единственное утѣшеніе въ несказанной скорби, проститься съ нимъ навсегда, поразившей всѣхъ насъ, даже тѣхъ, кто не имѣлъ счастья быть личнымъ другомъ Бебеля, кто, будучи преданъ нашему великому дѣлу, потерялъ въ лицѣ Бебеля его величайшаго и преданнѣйшаго передового борца.

Какъ только въ моихъ рукахъ очутились оставшіяся послѣ Бебеля рукописи, я сейчасъ же поспѣшилъ взяться за выполненіе завѣщанія моего умершаго друга.

Работа моя, какъ указывалъ уже самъ Бебель, оказалась незначительной—потребовалась самая бѣглая редакція. Пришлось сглаживать нѣкоторыя стилистическія шероховатости, при чемъ я старался по возможности сохранить своеобразную манеру автора. Цитаты и хронологическія указанія были по возможности провѣрены по оригиналамъ. Въ письмахъ, переписанныхъ для печати, многія лица были обозначены только начальными буквами ихъ фамиліи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда само собою понятно, о комъ, именно, идетъ рѣчь, я возстановилъ эти фамиліи полностью. Когда же не было такой увѣренности, я называлъ фамилію въ примѣчаніи. Въ немногихъ случаяхъ для меня оказалось невозможнымъ хотя бы съ нѣкоторой увѣренностью установить опущенную фамилію—тогда я оставлялъ лишь начальныя буквы. То же самое сдѣлано и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Бебель намѣренно не привелъ полной фамиліи.

Напротивъ того, ни разу я не былъ вынужденъ желать лишь намекнуть или совсѣмъ опустить полностью приведенное чье-нибудь имя.

Строгое распоряженіе Бебеля относительно этого пункта заставило меня быть осторожнымъ. Оно заставляло думать, что онъ въ своемъ безудержномъ правдолюбіи чувствуетъ себя обязаннымъ сдѣлать разоблаченія, компрометирующія иныхъ видныхъ товарищей. Къ моему удивленію, я не нашелъ рѣшительно ничего, что хотя бы въ отдаленной степени могло имѣть такое дѣйствіе. Возможно, что непріятные для нѣкоторыхъ факты должны были быть приведены лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи, оставшись теперь навсегда погребенными.

Для изданія я передалъ только то, что содержалось въ приготовленной для печати рукописи. Для даль-

нѣйшей работы Бебель собралъ обширнѣйшій матеріалъ: письма, документы, вырѣзки изъ газетъ, разныя выписки, листки и т. п. Матеріалъ этотъ доходитъ до 1890 г. и дастъ историкамъ партіи не мало весьма цѣнныхъ указаній.

Я позволю себѣ уже здѣсь привести одно мѣсто изъ письма къ Шлютеру. Оно касается Эльберфельдскаго процесса. Въ своей рецензіи на біографію Бебеля, написанную Венделемъ, я замѣтилъ, что въ ней почти забытъ этотъ процессъ и роль въ немъ Бебеля, Вендель совсѣмъ не упомянулъ о немъ; въ слѣдующемъ изданіи онъ, впрочемъ, этотъ пробѣлъ восполнилъ. Тѣмъ не менѣе будетъ не безынтересно узнать, что Бебель еще во время самаго процесса писалъ о немъ 1 декабря 1889 года:

„Процессъ представляетъ собою скандалъ, какого еще никогда не было, позоръ и стыдъ для прокуратуры и полиціи,

„Та и другая не обманываются на счетъ того, что привлеченіе въ качествѣ обвиняемаго моей персоны уготовило имъ этотъ ужасный провалъ. Прокуроръ уже на второй день заявилъ въ частной бесѣдѣ: „Этотъ человѣкъ губитъ мнѣ весь процессъ", а въ слѣдующіе дни дѣло пошло еще хуже. Надѣюсь, что для большинства обвиняемыхъ процессъ закончится счастливо. Нѣкоторые будутъ осуждены за мѣстныя дѣла и за свои сношенія съ Ц. (Цюрихомъ) и Л. (Лондономъ).

„Досадно лишь, что процессъ поглощаетъ массу времени. Но когда я думаю, что по всѣмъ вѣроятіямъ съ обвиняемыми расправились бы, какъ съ овцами, не будь меня здѣсь, ибо они не могли охватить всего матеріала, то я не жалѣю потеряннаго времени. Полагаю, что это послѣдній крупный процессъ по обвиненію въ тайномъ сообществѣ, затѣянный въ Германіи".

То былъ, дѣйствительно, послѣдній процессъ подобнаго рода. Скоро послѣ него пересталъ существовать законъ противъ соціалистовъ.

Кромѣ подготовленной къ печати рукописи, я нашелъ еще рядъ мелкихъ рукописныхъ замѣтокъ, большею частью, содержащихъ въ немногихъ словахъ лишь простое указаніе хронологическихъ датъ. На лицо не оказалось связнаго изложенія отдѣльныхъ частей продолженія, даже въ самомъ зачаточномъ видѣ. Помимо публику-

емой нынѣ рукописи я ничего не могъ открыть, что возможно было бы издать въ качествѣ „воспоминаній“ Бебеля. Всякое добавленіе къ приготовленной для печати рукописи явилось бы работой другого лица, что запретилъ—и съ полнымъ правомъ—самъ авторъ, ибо всѣ подобныя продолженія и добавленія, какъ бы безупречны они ни были, не могли бы быть признаны *Воспоминаніями Бебеля.*

Продолжить эти воспоминанія для меня было немыслимо. Я позволилъ себѣ только прибавить нѣсколько заключительныхъ словъ; ибо изложеніе Бебеля рѣзко обрывается; въ этомъ добавленіи я привожу нѣсколько писемъ изъ переписки между Бебелемъ и Энгельсомъ, которыя ко времени примыкаютъ къ послѣднимъ страницамъ оставленной рукописи.

Такимъ образомъ, работа моя оказалась не очень большой. Гораздо больше было наслажденіе, доставленное мнѣ ею, хотя бы уже тѣмъ, что она дала мнѣ возможность вновь пережить тѣ годы, какіе являлись героическимъ періодомъ въ жизни нашей партіи. Всякій, кому посчастливилось жить въ ту пору, не можетъ думать о ней иначе, какъ съ гордостью. А болѣе юное поколѣніе должно изъ воспоминаній объ этихъ успѣшно побѣжденныхъ испытаніяхъ черпать мужество и силу для великихъ битвъ, еще предстоящихъ намъ. Ибо самое тяжелое еще впереди: завоеваніе политической власти.

Пламенное желаніе Бебеля имѣть возможность въ этомъ натискѣ итти во главѣ насъ не осуществилось. Но то, что было безсмертнаго въ нашемъ великомъ передовомъ борцѣ, продолжаетъ жить въ насъ и поведетъ насъ къ торжеству и побѣдѣ!

Январь 1914 г.

Обсужденіе закона противъ соціалистовъ.

Открытіе вновь избраннаго рейхстага состоялось въ бѣломъ залѣ королевскаго дворца. Всѣ ожидали, что вмѣсто все еще хворавшаго императора, тронную рѣчь произнесетъ кронпринцъ. Однако, на открытіе не явился ни онъ, ни канцлеръ, а графъ Отто Штольбергъ Вернигроде.

Это происшествіе вызвало горячіе толки. На основаніи его строили догадки, что кронпринцъ не согласенъ съ исключительнымъ закономъ (противъ соціалистовъ) и потому отказался открыть рейхстагъ. Бисмаркъ же, въ свою очередь, недовольный его отказомъ, уклонился отъ открытія и, такимъ образомъ, честь выпала на долю его замѣстителя.

Эта война мышей и лягушекъ въ высшихъ сферахъ, конечно, была любопытна, но ни на іоту не мѣняла дѣла, такъ какъ было ясно, что проектъ исключительнаго закона въ той или иной формѣ будетъ принятъ; за это ручались результаты выборовъ и настроеніе, господствовавшее въ большей части прессы.

Сравнительно съ предыдущимъ проектомъ, внесеннымъ въ маѣ, данный былъ значительно радикальнѣе и разработанъ тщательнѣе. Напротивъ, приложенная къ нему докладная записка—крайне жидка. Въ ней между прочимъ говорилось, что покушеніе и многочисленныя послѣдовавшія затѣмъ оскорбленія величества привели союзныя правительства къ убѣжденію, что въ широкихъ кругахъ царитъ моральное настроеніе, грозящее большими опасностями какъ государству, такъ и обществу. Поэтому необходимо законодательство, направленное противъ соціалъ-демократическаго движенія, какъ носителя этой опасности.

Затѣмъ идетъ краткое и совершенно поверхностное изложеніе соціалистическаго движенія со времени основанія Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза (1863) и

Международнаго общества рабочихъ (1864 г.). За скуднымъ историческимъ обзоромъ слѣдовала перепечатка уставовъ Интернаціонала и Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза, Эйзенахской и Готской программы и Женевскаго манифеста 1877 года. Въ уставѣ Интернаціонала находится слѣдующее мѣсто:

„Первый международный рабочій конгрессъ объявляетъ, что международная рабочая ассоціація и всѣ входящія въ нее общества и личности признаютъ основой отношеній какъ между собою, такъ и ко всѣмъ прочимъ людямъ безъ различія расы, вѣроисповѣданія и національности одни и тѣ же нормы справедливости, права и морали“.

И вотъ этимъ безспорно прекраснымъ и похвальнымъ принципомъ теперь воспользовались для обоснованія исключительнаго закона.

Далѣе идутъ выдержки изъ партійнаго отчета, представленнаго на Готскомъ конгрессѣ въ 1876 г. и 1877 г. Все это документы, открыто напечатанные, извѣстны каждому, кто занимался рабочимъ движеніемъ, и они-то должны были теперь послужить матеріаломъ для костра, на которомъ надѣялись сжечь соціалъ-демократическую партію.

Пренія по законопроекту начались 16 сентября подъ предсѣдательствомъ фонъ Форкенберга. Дебаты открылъ замѣститель государственнаго канцлера чрезвычайно слабой рѣчью, длившейся едва-ли и пять минутъ. Государственный канцлеръ въ преніяхъ не участвовалъ. Къ чему ему было терять время на рѣчи, разъ большинство рейхстага было твердо намѣрено одобрить пріемлемый для него законъ.

Первымъ ораторомъ въ палатѣ выступилъ предсѣдатель центра, депутатъ Петръ Рейхеншпергеръ Ольпе. Въ то время центръ велъ культуръ-мпкафъ, борьбу противъ законовъ, направленныхъ противъ католическаго духовенства.

Уже по этому одному исключительный законъ, хотя бы и направленный противъ ненавистной ему партіи, казался для центра опаснымъ по своимъ послѣдствіямъ. Да какъ было сторонникамъ центра не учитывать эти послѣдствія, когда сами они находились подъ исключительнымъ закономъ Поэтому господинъ Рейхеншпер-

геръ „пока“ высказался противъ какъ принятія законопроекта въ цѣломъ, такъ и измѣненія его.

Иное дѣло депутатъ фонъ Кельдорфъ-Берда, одинъ изъ самыхъ безудержныхъ членовъ консервативной партіи. Онъ съ пріятной откровенностью высказался за законопроектъ и выдвинулъ вопросъ о томъ, достаточенъ-ли онъ и не требуется ли кромѣ него заняться измѣненіемъ избирательнаго права въ смыслѣ обезпеченія большихъ правъ зрѣлому возрасту и продолжительной осѣдлости и не полезно ли увеличить продолжительность регистратуры рейхстага, чтобы покончить съ растущими волненіями политической жизни.

Это послѣднее сердечное пожеланіе исполнилось спустя девять лѣтъ.

Вслѣдъ за Кельдорфомъ слово взялъ я, какъ первый ораторъ фракціи. Фракція постановила рѣшительно бороться противъ закона какъ въ цѣломъ, такъ и при обсужденіи его по статьямъ. Съ этою цѣлью были назначены ораторы по разнымъ вопросамъ. Вальтейхъ и Кайзеръ не могли принять участія въ преніяхъ, они гостили въ это время на казенной квартирѣ.

Вѣрный своему принципу—нападеніе лучшая защита,—я въ двухчасовой рѣчи детально разобралъ докладную записку и рѣчи предыдущихъ ораторовъ. Прежде всего я изложилъ исторію возникновенія законопроекта, при чемъ указалъ на то, что оффиціальныя утвержденія часто противорѣчатъ истинѣ. Дальше нападалъ на произволъ полиціи и варварскіе приговоры судовъ въ періодъ покушенія, на факты, относящіеся къ самымъ темнымъ и постыднымъ страницамъ новой нѣмецкой исторіи и являющіеся стыдомъ и позоромъ нѣмецкаго государства. (Призывъ къ порядку). Затѣмъ я перешелъ къ исторіи партіи. Указалъ на попытки Бисмарка, тотчасъ же по вступленію его въ прусское министерство, въ сентябрѣ 1862 г. оказать вліяніе на движеніе черезъ своихъ агентовъ, на его переговоры съ Лассалемъ, на старанія близкаго ему тайнаго совѣтника Лотара Бухера завербовать Карла Маркса въ сотрудники „Государственнаго Указателя“, на роль Швейцара во Всеобщемъ нѣмецкомъ рабочемъ союзѣ и т. п., факты, ясно показывающіе, что Бисмаркомъ менѣе всего двигало отвращеніе къ социалъ-демократіи. Имъ руководило прежде всего раздраженіе, что партія оказалась недоступной

его планамъ и явилась самой ярой противницей его политики. Это заставило его воспользоваться покушеніемъ. Если нельзя было, соблюдая хоть видимость законности, никого изъ насъ повѣсить, то все же можно было использовать покушеніе для обоснованія исключительнаго закона противъ насъ.

Но—продолжалъ я—исключительный законъ не достигнетъ намѣченной цѣли, ряды соціалъ демократіи, вопреки его существованію и даже именно благодаря ему, будутъ увеличиваться. Интересъ къ ней возрастетъ и побѣжденными окажемся не мы, а наши противники. Поэтому законопроектъ слѣдуетъ бросить въ надлежащее мѣсто, въ корзину подъ столъ. Въ борьбѣ съ нами необходимо опираться не на голословныя обвиненія и краснорѣчіе, а на факты и доказательства; а для этого до сихъ поръ нѣтъ данныхъ.

Въ дальнѣйшемъ я нарисовалъ картину той вѣроятной работы, которую мы соціалъ-демократы вели бы во время исключительнаго закона для распространенія своихъ идей, не давая полиціи повода преслѣдовать насъ, и какое, неизвѣстное намъ до сихъ, поръ широкое распространеніе получила бы нелегальная литература. Будущее покажетъ, что законъ не достигнетъ цѣли.

Моя рѣчь, какъ показали рѣчи послѣдующихъ ораторовъ, возымѣла свое дѣйствіе. Даже газеты всѣхъ партій какъ въ Германіи, такъ и за-границей, занялись ею. Прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ, взявшій слово послѣ меня, поступилъ такъ же, какъ и его коллега графъ Штольбергъ Вернигроде—былъ чрезвычайно кратокъ. Онъ ограничился лишь приведеніемъ нѣскольких цитатъ изъ моей книги, которыя должны были доказать, что партія является сторонницей насильственнаго переворота. Впрочемъ, онъ оспаривалъ, что между соціалъ-демократами и представителями правительства были какія-либо сношенія, а если и были, то лишь въ то время, когда и партія была иная, ему будто ничего неизвѣстно о тѣхъ сношеніяхъ и переговорахъ, о которыхъ я сообщилъ.—Не будь приведены конкретные факты, изъ которыхъ каждый ему пришлось бы опровергать отдѣльно,—онъ рѣшительно отрицалъ бы какія-либо попытки соглашенія. Иначе поступилъ депутатъ націоналъ-либералъ д-ръ

Бамбергеръ, попытавшійся въ краткой рѣчи показать всю опасность соціалистическаго ученія; онъ также съ неудовольствіемъ констатировалъ, что въ извѣстныхъ кругахъ не всегда отрицательно относились къ соціалъ-демократіи, на что указываютъ отношенія между Бисмаркомъ и Лассалемъ. Сообщенные мною факты частью извѣстны, частью новы. Но и въ „Государственномъ Соціалистѣ", основанномъ Штекомъ, пасторомъ Тодтомъ и другими проводились взгляды, съ перваго взгляда схожіе съ нашими; тѣмъ опаснѣе было ихъ вліяніе. Бамбергеръ предложилъ избрать комиссію изъ 21 члена для разработки законопроекта. Законопроектъ нуждается въ основательномъ и внимательномъ разсмотрѣніи, такъ какъ моя рѣчь убѣдила его, что опасность, вскрытая мною, очень велика и нельзя отказаться ни отъ одной изъ возможностей предотвратить ее. Бамбергеръ, жившій политическимъ эмигрантомъ въ Парижѣ почти два десятилѣтія, дѣлалъ видъ, что впервые изъ моей рѣчи узналъ, что такое соціализмъ.

На слѣдующій день явился Бисмаркъ, чтобы возражать мнѣ. Онъ извинился за свое нездоровье, не позволявшее ему до сихъ поръ принимать участія въ преніяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ все же пришелъ, чтобы опровергнуть легенду, созданную мною, дабы ей не придали серьезнаго значенія. Самыя серьезныя возраженія Бисмарка противъ меня я уже привелъ въ первомъ томѣ. Поэтому повторять ихъ не буду. Въ заключеніе своей рѣчи онъ увѣрялъ: впервые истинную сущность соціализма онъ узналъ изъ моей рѣчи о коммунѣ (май 1871 г.) и съ тѣхъ поръ сталъ нашимъ непримиримымъ врагомъ. Онъ снова указалъ, что онъ, какъ палатѣ извѣстно, пытался всѣми законными мѣрами поставить насъ въ извѣстныя рамки, какъ враговъ государства и общества, но не встрѣтилъ въ палатѣ сочувствія. Соціалистическая пресса грозила и призывала „discite moniti". „Васъ предостерегали. Отъ чего же предостерегали? Какъ оказалось, ни отъ чего другого, какъ отъ ножа нигилистовъ, ружья Нобилинга. Да, господа, если мы, такимъ образомъ, будемъ принуждены жить при тираніи общества бандитовъ, то самое существованіе потеряетъ смыслъ. (Одобреніе правыхъ). Теперь дѣло идетъ объ охранѣ императора... „Очень возможно, что нѣкоторые изъ насъ падутъ при этомъ жертвою

убійцы, но пусть каждый, кому придется погибнуть, будетъ увѣренъ, что онъ палъ съ честью на полѣ брани за благо, великое благо своего отечества“. На эти слова правая отвѣтила бурей аплодисментовъ, мы же протестовали, а я потребовалъ слова къ порядку, чтобы потребовать отъ предсѣдателя призвать къ порядку канцлера, оскорбившаго насъ. Но предсѣдатель уже далъ слово застрѣльщику консервативной партіи фонъ Клейстъ Ратцеву. Этотъ послѣдній гремѣлъ противъ насъ съ фанатизмомъ христіанско-прусскаго правовѣрнаго юнкера, отстаивающаго привилегіи своего класса. Всю нашу агитацію онъ объявилъ подготовкой къ государственной измѣнѣ. Наши пѣсни—боевыя пѣсни, вся наша дѣятельность подготовка войны. Мы похитили у народа религію, въ результатѣ чего народъ сталъ требовать въ этомъ мірѣ не только равенства правъ, но и равенства наслажденій. Свою филиппику онъ окончилъ жалобой на все растущее недовольство и неблагодарность и усиливающееся огрубѣніе массъ, грозящія христіанству.

Наконецъ, я получилъ слово и потребовалъ призвать къ порядку какъ государственнаго канцлера, такъ и фонъ Клейста-Ратцева, обвинявшаго насъ въ подготовкѣ государственной измѣны. Предсѣдатель оспаривалъ, что слова предыдущаго оратора имѣли указанный мною смыслъ, и отклонилъ всякую попытку вмѣшаться въ его руководство преніями.

Браке, получившій вслѣдъ за мною слово, несмотря на характеръ, какой приняли пренія, говорилъ очень спокойно. На цитаты, понадерганныя министромъ внутреннихъ дѣлъ и фонъ Клейстомъ-Ратцевымъ изъ нашей литературы, онъ отвѣтилъ цитатами изъ сочиненій буржуазныхъ писателей, частью изъ временъ культуркампфа и превосходящія по рѣзкости—все, что могли привести противъ насъ. На либеральныя экономическія теоріи Бамбергера онъ отвѣтилъ соціалистическимъ ученіемъ о государствѣ и обществѣ. Подобно мнѣ, онъ тоже заявилъ, что нашимъ противникамъ не удастся сломить насъ исключительнымъ законодательствомъ.

Послѣ Браке, эльзасскій фабрикантъ Долльфусъ пытался доказать, что въ Мюльгаузенѣ въ видѣ такъ называемыхъ благотворительныхъ учрежденій для ра-

бочихъ удалось найти средство противъ соціалъ-демократіи. Однако, еще до паденія закона противъ соціалистовъ Мюльгаузенъ былъ представленъ въ рейхстагѣ соціалъ-демократомъ. За Эльзасцемъ выступилъ польскій ораторъ, который на своей собственной шкурѣ познакомился съ прусскимъ исключительнымъ законодательствомъ противъ поляковъ. Онъ высказался рѣзко противъ проекта. Это побудило слѣдующаго говорившаго, фонъ Кардорфа, тѣмъ съ большей горячностью защищать законопроектъ. Послѣ длинной рѣчи Евгенія Рихтера, въ которой онъ, главнымъ образомъ, возражалъ канцлеру, большинствомъ голосовъ пренія были закрыты, и, такимъ образомъ, я лишился слова для возраженія канцлеру. Мнѣ удалось въ личномъ объясненіи опровергнуть лишь часть его невѣрныхъ утвержденій и поклеповъ, направленныхъ противъ меня.

Палата приняла предложеніе Бамбергера передать проектъ на разсмотрѣніе комиссіи изъ 21 члена. Дѣломъ приличія, даже обязанностью Палаты было избрать въ эту комиссію также члена обвиняемой партіи, по поводу которой она должна была принимать рѣшеніе, чтобы онъ могъ говорить и отвѣчать и опровергать невѣрныя утвержденія, безъ сомнѣнія, неизбѣжныя. Часть палаты была готова сдѣлать это. На запросъ, обращенный къ нашей фракціи, кого бы она хотѣла видѣть избраннымъ въ комиссію, былъ предложенъ я. Но тогда немедленно затѣяна была интрига противъ меня, и я былъ забаллотированъ.

Въ комиссіи завязались жаркія пренія. Лѣвое крыло націоналъ-либераловъ подъ предводительствомъ Ласкера снова пыталось открыть квадратуру круга. Хотя дѣло и шло объ исключительномъ законѣ, они все же пытались по возможности ограничить произволъ полиціи. Они поэтому хотѣли помѣшать тому, чтобы закономъ задѣвались такъ называемыя законныя, справедливыя требованія соціалъ-демократіи, которыя впослѣдствіе назвали „здоровымъ ядромъ“ нашихъ требованій. На ряду съ этимъ не должны подпадать подъ дѣйствіе закона и другія стремленія буржуазныхъ круговъ, родственныя соціалистическимъ реформаторскимъ стремленіямъ. Наоборотъ, правое крыло комиссіи держалось того мнѣнія, что надо продѣлать работу цѣликомъ; слѣдуетъ отнять у соціалъ-демократіи всякую возможность

преслѣдовать свои опасныя стремленія въ безобидныхъ формахъ, и въ данномъ отношеніи необходимо имѣть довѣріе къ административнымъ властямъ и не связывать ихъ рукъ неясными и двусмысленными положеніями закона. Съ помомью противниковъ законопроекта, голосовавшихъ за всѣ предложенія смягчающаго характера, побѣдили Ласкеръ и его друзья. Опытъ впрочемъ, показалъ, что принятыя половинчатыя рѣшенія явились лишь тонкой паутиной, которою администрація не дала себя опутать; она истолковывала законъ по своему произволу.

Главныя измѣненія, принятыя комиссіей и вслѣдъ за нею пленумомъ, сводились къ слѣдующему: въ законопроектѣ говорилось, что общества, всякаго рода объединенія, а также товарищескія кассы, собранія, произведенія печати, денежныя сборы подлежатъ воспрещенію и преслѣдованію, поскольку окажется, что они служатъ стремленіямъ, направленнымъ на *подкапываніе* существующаго государственнаго или общественнаго порядка. Согласно постановленію комиссіи, а затѣмъ и пленума, этотъ пунктъ гласилъ теперь, что запрещеніе или преслѣдованіе должно воспослѣдовать, поскольку обнаруживаются соціалистическія, соціалъ-демократическія или коммунистическія, направленныя къ ниспроверженію существующаго государственнаго или общественнаго порядка, стремленія и притомъ угрожающимъ общественному спокойствію, особенно согласію между классами, образомъ.

Споръ о словахъ. Карасю совершенно безразлично, какъ его изжарятъ.

Далѣе, согласно проекту учреждалась комиссія изъ семи членовъ, избираемая союзнымъ совѣтомъ изъ своей среды, которая должна была являться послѣдней инстанціей для жалобъ на мѣропріятія низшихъ властей. Комиссія и рейхстагъ постановили установить комиссію изъ девяти членовъ, при чемъ союзный совѣтъ выбираетъ изъ своей среды лишь четырехъ. Другіе пять должны были назначаться изъ числа членовъ высшихъ судовъ имперіи или отдѣльныхъ государствъ. Рейхстагъ думалъ создать этимъ большую гарантію противъ слишкомъ смѣлаго истолкованія закона. Практика показала, что онъ заблуждался и въ данномъ случаѣ. Приговоры комиссіи по жалобамъ были столь реакціонны, что мы

въ Лейпцигѣ въ центральномъ комитетѣ постановили въ 1880 г. совсѣмъ впредь не обращаться къ ней съ жалобами въ виду безполезности этого.

Въ § 20 законопроекта (позднѣе § 28 закона), касавшемся такъ-называемаго малаго осаднаго положенія, было предусмотрѣно, что въ округахъ, гдѣ имѣется угроза общественной безопасности изъ-за соціалистическихъ стремленій, всѣ собранія могутъ быть объявлены подлежащими предварительному разрѣшенію полиціи. Комиссія и рейхстагъ постановили, что должно быть сдѣлано исключеніе изъ этой мѣры для выборовъ въ рейхстагъ или въ одинъ изъ ландтаговъ. Но гамбургскій сенатъ обошелъ это предписаніе тѣмъ, что запрещалъ и такія собранія, опираясь на мѣстныя законоположенія. И за все время дѣйствія исключительнаго закона, не считая лишь выборы въ рейхстагъ въ 1890 г., когда уже выяснилось опредѣленно, что въ концѣ сентября законъ утратитъ свою силу, соціалъ-демократія не смогла тамъ провести рѣшительно ни одного избирательнаго собранія. Пользы никакой эта репрессивная мѣра гамбургскаго сената не принесла; дѣйствительно, за время господства закона всѣ три избирательные округа попали въ руки соціалъ-демократіи и остались ея достояніемъ.

Другое измѣненіе и притомъ улучшеніе § 20 (въ законѣ—§ 28) состояло въ томъ, что о каждомъ мѣропріятіи, произведенномъ на основаніи упомянутаго параграфа представляется немедленно или сейчасъ же по возобновленіи сессіи докладъ рейхстагу о причинахъ, поведшихъ къ данной мѣрѣ. Правда, это постановленіе нигдѣ не помѣшало объявленію малаго осаднаго положенія, но оно давало намъ возможность критиковать изъ года въ годъ при обсужденіи этихъ мѣръ репрессіи примѣненіе закона; пренія по поводу исключительнаго закона стали, такимъ образомъ, обычнымъ явленіемъ.

Второе чтеніе законопроекта началось въ пленумѣ 9 октября. Центръ устами своего предсѣдателя сдѣлалъ заявленіе, что будетъ голосовать противъ законопроекта. Хотя и являясь рѣшительнымъ противникомъ соціалъ-демократіи,—говорилось въ заявленіи—центръ не можетъ голосовать за исключительный законъ, колеблющій правовое положеніе гражданъ, поражающій на ряду

съ опасными также и вполнѣ законныя стремленія и ставящій на мѣсто судебныхъ приговоровъ полицейское усмотрѣніе. Онъ готовъ голосовать за общій имперскій законъ, дополняющій въ виду все растущихъ въ имперіи опасностей уголовное уложеніе въ отношеніи печати, союзовъ и собраній. Онъ ожидаетъ также, что отнынѣ будутъ осуществлены положительныя мѣропріятія, чтобы смягчить, несомнѣнно, существующія и глубокія ненормальности въ экономической и соціальной жизни, а именно, въ положеніи рабочаго сословія, „дабы справедливость, благочестіе и миръ, особенно миръ въ области церковно-государственныхъ отношеній, достигли въ имперіи полнаго господства".

По существу дѣла центръ, такимъ образомъ, желалъ еще большаго, чѣмъ предлагалъ ему законъ противъ соціалистовъ; онъ хотѣлъ общаго усиленія карательныхъ законовъ, всеобщей реакціи.

Первымъ ораторомъ въ защиту проекта выступилъ депутатъ Маршаллъ фонъ Биберштейнъ, впослѣдствіи государственный секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ посланникъ въ Константинополѣ и Лондонѣ. Маршаллъ, высокій, представительный по внѣшности, былъ въ ту пору прокуроромъ въ Мангеймѣ, гдѣ онъ неоднократно выступалъ въ качествѣ публичнаго обвинителя противъ партійныхъ товарищей, какъ напримѣръ, противъ Франца Іосифа Эрхарта. Это обвиненіе породило одинъ веселый эпизодъ. Эрхарта обвиняли въ составленіи плаката, въ которомъ я рекомендовался въ качествѣ кандидата мангеймскихъ товарищей избирателямъ мангеймскаго округа; рекомендація эта выразилась въ слѣдующихъ словахъ: Бебель является мужественнымъ сыномъ народа, за свою борьбу ради народной свободы и правъ народа приговоренный къ двумъ годамъ заключенія въ крѣпости. Дѣло шло о выборахъ въ рейхстагъ въ 1877 г. Господинъ фонъ Маршаллъ, въ своемъ званіи прокурора, усмотрѣлъ въ этомъ утвержденіи извращеніе фактовъ, благодаря чему завѣдомо изображаются въ ненавистномъ видѣ распоряженія высшихъ властей. Онъ возбудилъ противъ Эрхарта обвиненіе на основаніи § 131 германскаго имперскаго уголовнаго уложенія и требовалъ для этого юнаго грѣшника примѣрнаго тюремнаго заключенія. Ибо я осужденъ не за свою борьбу за политическую

свободу, а за приготовленіе къ государственной измѣнѣ. Предсѣдатель суда собирался уже объявить судебныя пренія законченными, когда Эрхартъ попросилъ слова, замѣтивъ, что онъ, какъ обвиняемый, имѣетъ еще коечто сказать. Онъ получилъ слово, при чемъ закончилъ свою коротенькую защитительную рѣчь, произнесенную на чистомъ пфальцскомъ діалектѣ, слѣдующими словами: „Господа судьи, не вѣрьте этому господину, что тамъ на кафедрѣ (прокурору), онъ изъ мышенка дѣлаетъ слона“. Маршаллъ быстро схватилъ газету и закрылъ ею лицо, чтобы скрыть улыбку. Судъ, однако, повѣрилъ прокурору и отправилъ Эрхарта на 3 мѣсяца въ тюрьму. Его дальнѣйшее поведеніе показало, что кара эта имѣла для него воспитательное значеніе.

Въ противоположность своимъ рѣзко реакціонно настроеннымъ товарищамъ по партіи г. фонъ Маршаллъ былъ умѣреннымъ. Онъ высказался за краткосрочный законъ, съ помощью котораго имѣющаяся въ виду цѣль прекрасно достигается. За нимъ говорилъ Зонneманъ, высказавшійся противъ закона. Бисмаркъ, еще со времени войны 1866 г. имѣвшій зубъ противъ Зоннемана, отвѣчалъ послѣднему.

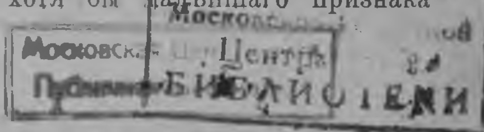
Не рѣшаюсь сказать, кого Бисмаркъ лично ненавидѣлъ сильнѣе—Евгенія Рихтера или Зоннемана. Мнѣ думается, послѣдняго, ибо Евгеній Рихтеръ, несмотря на всю свою оппозиціонность, всегда былъ добрымъ пруссакомъ, тогда какъ въ лицѣ Зоннемана онъ ненавидѣлъ южно-германскаго врага пруссаковъ, „республиканца“, объ органѣ котораго „Франкфуртская газета“ онъ утверждалъ, что газета эта больше симпатизируетъ французской республикѣ, чѣмъ Германской Имперіи. Этимъ объясняется, что когда во время выборовъ въ рейхстагъ въ 1884 г. Зоннеманъ попалъ въ перебаллотировку съ нашимъ кандидатомъ Саборомъ, Бисмаркъ на запросъ франкфуртскихъ націоналъ либераловъ, за кого имъ слѣдуетъ голосовать, велѣлъ отвѣтить: „Князь желаетъ Сабора“. И Саборъ былъ избранъ.

У Бисмарка была привычка, когда онъ бывалъ въ боевомъ настроеніи,—а въ этотъ день настроеніе его было, именно, такое,—не очень держаться вопроса, поставленнаго на обсужденіе. Чтобы облегчить свое сердце, онъ перескакивалъ съ одного предмета на другой и набрасывался на врага, стоящаго у него на пути,—часто

къ отчаянію предсѣдателя, не осмѣливавшагося прервать его, но также не имѣвшаго возможности помѣшать тому, чтобы подвергшіеся его нападенію не отвѣчали ему, въ результатѣ чего возникали пренія, далеко выходившія за рамки обсуждаемаго вопроса. Такъ случилось и на этотъ разъ.

Раздѣлавшись съ Зоннеманомъ, Бисмаркъ обрушился на насъ. Раньше испытаннымъ поприщемъ для соціализма являлась Франція, послѣ пораженія Коммуны имъ стала Германія. Дальше онъ сталъ жаловаться: Нѣмцы—критики отъ рожденія, которымъ доставляетъ удовольствіе дискредитированіе властей и учрежденій. Это относится спеціально къ прогрессивной партіи, которая вспахала въ большихъ городахъ почву для насъ, соціалъ-демократовъ; она является „предтечей соціалъ-демократіи". Затѣмъ онъ снова обрушился на насъ, осудилъ пріемы нашей агитаціи и какъ мы завлекаемъ къ себѣ массы. Дальше онъ жаловался на мягкость нашего уголовнаго законодательства, на добродушіе судей, по поводу свободы передвиженія, развращенія массъ удовольствіями большихъ городовъ. Рѣчь его была іеремiадой, вылившейся изъ самыхъ глубинъ души юнкеровъ и ихъ единомышленниковъ. Но въ ней не было замѣтно ни слѣда необходимаго для государственнаго дѣятеля пониманія сущности и движущихъ силъ буржуазнаго міра, въ которомъ, именно, заложены корни всего того, на что онъ жаловался, и который сдѣлалъ соціалъ-демократію неизбѣжнымъ, естественнымъ явленіемъ общественной жизни, при чемъ съ этимъ явленіемъ ему неизбѣжно приходится считаться.

Въ дальнѣйшемъ онъ плакался на расколы въ средѣ буржуазныхъ партій, на неполное довѣріе и недостаточную отзывчивость съ той стороны. Его рѣчь заканчивалась призывомъ сплотиться въ одну фалангу, проникнутую полнымъ довѣріемъ всѣхъ ея частей другъ къ другу, чтобы Имперія могла противостоять всѣмъ бурямъ. Послѣ всего того, что самъ Бисмаркъ сдѣлалъ для натравливанія партій другъ противъ друга, и что онъ самъ сказалъ еще въ этой рѣчи, этотъ призывъ оказался для палаты совсѣмъ неперевариимымъ угощеніемъ. Свою рѣчь онъ закончилъ при гробовомъ молчаніи, при отсутствіи хотя бы малѣйшаго признака одобренія.

На другой день Гессельманъ получилъ возможность отвѣтить на нападки и провокаціонныя выходки Бисмарка. Онъ сдѣлалъ это въ значительной части своей рѣчи съ несомнѣннымъ искусствомъ, но подъ конецъ онъ самъ не удержался отъ провоцированія. На нападки Бисмарка въ его предпослѣдней рѣчи противъ меня Гессельманъ отвѣчалъ: мы не оттачиваемъ кинжала, мы презираемъ кинжалъ, поражающій въ спину; когда мы вступаемъ въ борьбу, мы боремся грудь съ грудью, но если для насъ льютъ пули и оттачиваютъ штыки, то мы говоримъ: „Если мы при такихъ условіяхъ должны существовать подъ гнетомъ тираніи общества бандитовъ“... Тутъ его прервала буря въ собраніи. Предсѣдатель призвалъ Гессельмана къ порядку за мнимый призывъ къ возстанію. Гессельманъ продолжалъ: „Провоцирую не я; я достаточно ясно показалъ, что предпочитаю мирный путь (смѣхъ). Да, я его предпочитаю, но я готовъ также отдать и свою жизнь. Князю Бисмарку не мѣшаетъ помнить о днѣ 18 марта“.

Леве Кольбе, говорившій послѣ Гессельмана, между прочимъ заявилъ: Я благодаренъ оратору, что онъ оставилъ систему Бебеля въ защитѣ своего дѣла и выступилъ съ откровенной рѣчью. Г-нъ Беннигсенъ, теперь тоже взявшій слово, пытался длинными разсужденіями затушевать разумную точку зрѣнія, которой онъ держался при обсужденіи перваго проекта исключительнаго закона послѣ покушенія Геделя. Онъ говорилъ теперь: Отче, прости мнѣ.

Во время второго чтенія пренія принимали все болѣе страстный и рѣзкій характеръ. Всѣ буржуазныя партіи посылали въ бой для защиты своей точки зрѣнія лучшія свои силы. Съ нашей стороны принимали участіе въ преніяхъ Браке, Фритче, Гессельманъ, Либкнехтъ, Рейндерсъ и я, причемъ почти всѣ мы брали слово по нѣсколько разъ. Бурную сцену вызвалъ Браке при обсужденіи § 4 проекта, ставшаго позднѣе § 8 закона, который касался закрытія союзовъ и обществъ и содержалъ въ себѣ постановленіе, что принесеніе жалобы на закрытіе общества не останавливаетъ дѣйствительность этого закрытія. Въ своей краткой рѣчи Браке высказался особенно рѣзко противъ этого постановленія. Затѣмъ, вдругъ потерявъ нить своей рѣчи, онъ вскричалъ: „долженъ вамъ сказать, господа, что мы, вообще.

плюемъ на весь этотъ законъ!" Мы разразились бурными аплодисментами, тогда какъ большая часть палаты бушевала въ своемъ возмущеніи, а предсѣдатель призвалъ Браке къ порядку; но повсюду въ странѣ партія торжествовала по поводу этой яркой характеристики нашего отношенія къ закону. 18 октября началось третье чтеніе законопроекта. Депутатъ Шорлемеръ-Альстъ отъ имени центра, еще разъ рѣзко выступилъ противъ проекта: кто какъ мы, испыталъ на себѣ дѣйствіе исключительныхъ законовъ, тотъ никогда не сможетъ голосовать за исключительный законъ. Это было великолѣпно сказано, но въ позднѣйшихъ преніяхъ о продленіи дѣйствія закона бывало иначе; и въ средѣ центра находилось все больше голосовъ въ его пользу или же его члены не являлись на рѣшающее вопросъ засѣданіе, чтобы обезпечить большинство за продленіе.

Съ нашей стороны еще разъ взялъ слово Либкнехтъ, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ выступить противъ закона, хотя было ясно, какъ онъ отмѣтилъ вначалѣ своей рѣчи, что рѣшеніе уже принято. Онъ говоритъ лишь для того, чтобы выполнить свой долгъ. Закончилъ онъ слѣдующими словами: наступитъ день, когда германскій народъ потребуетъ отчета за это покушеніе на его благополучіе, на его свободу, на его честь. 19 октября состоялись два засѣданія. Депутаты торопились разъѣхаться по домамъ. Первое началось въ 10 часовъ 30 мин., второе въ 2 час. 15 мин. Послѣднее было посвящено исключительно поименному голосованію, во время котораго царствовала мертвая тишина. Затѣмъ предсѣдатель огласилъ результаты. Въ засѣданіи участвовало 370 депутатовъ—ихъ всего 397,—изъ которыхъ 221 голосовали за, 149—противъ; большинство, такимъ образомъ, доходило до 72 голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ поднялся Бисмаркъ и прочелъ императорское посланіе, которымъ закрывалась сессія. Но Бисмаркъ не удовлетворился этимъ, онъ обратился еще къ палатѣ съ особой рѣчью. Онъ долженъ высказать свое удовлетвореніе,—заявилъ онъ,—по поводу того, что несмотря на крупныя разногласія, обнаружившіяся въ началѣ обсужденія законопроекта, нашлось рѣшеніе, удовлетворяющее всѣ части палаты, въ принципѣ принимавшія его. Если при дѣйствіи закона на практикѣ выяснится, что онъ не достигаетъ своей цѣли, союзныя

правительства снова съ полнымъ довѣріемъ обратятся къ рейхстагу, чтобы провести или усиленіе строгости закона или реформу общаго законодательства, что онъ лично считаетъ лучшимъ путемъ. Союзныя правительства питаютъ при этомъ надежду, что, поскольку они оправдаютъ лойяльнымъ примѣненіемъ закона довѣріе рейхстага, имъ будутъ обезпечены при необходимости поддержка и помощь рейхстага.

Обѣщаніе лойяльно примѣнять законъ звучало насмѣшкой. Законъ, открывавшій безграничный просторъ усмотрѣнію чиновниковъ, являлся индульгенціей для произвола Это должно было сказаться достаточно скоро. И Бисмаркъ былъ первымъ, кто защищалъ и оправдывалъ любой актъ произвола, разъ только онъ былъ направленъ противъ насъ.

Объявивъ о закрытіи засѣданій рейхстага, предсѣдатель провозгласилъ обычное „да здравствуетъ Императоръ“ и т. д. Мы тѣмъ временемъ вышли изъ зала и, хотя и побитые, покинули въ бодромъ настроеніи рейхстагъ, въ надеждѣ, что настанетъ день, когда мы вернемся въ него побѣдителями—правда, лишь переживъ тяжелыя времена. Не стану отрицать, мною овладѣли мрачныя мысли, когда я ѣхалъ домой. Я въ этотъ моментъ далъ себѣ слово приложить всѣ усилія, насколько это будетъ зависѣть отъ меня, чтобы помѣшать губительному вліянію закона, и я честно сдержалъ данное себѣ слово.

Наши враги торопились. Уже на слѣдующій день законъ былъ опубликованъ. Онъ вступилъ въ силу 21 октября.

Непосредственные результаты закона.

Какъ только рейхстагъ закончилъ 17-го сентября первое чтеніе законопроекта, и онъ былъ переданъ на обсужденіе комиссіи, фракція отправилась въ Гамбургъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ центральнымъ комитетомъ партіи намѣтить мѣры, какія нужно будетъ предпринять по вступленіи закона въ силу. Комитетъ представлялъ собою не очень веселую картину. Послѣ переѣзда Ауера изъ Гамбурга въ Берлинъ, вызваннаго его вступленіемъ въ редакцію „Свободной Прессы“, Августъ Гейбъ остался единственной замѣтной величиной въ комитетѣ, состоящемъ изъ пяти членовъ. Гейбъ чувствовалъ себя поэтому изолированнымъ и лишеннымъ опоры въ борьбѣ, которую слѣдовало ожидать. Къ тому же самъ Гейбъ, будучи человѣкомъ весьма интеллигентнымъ, безупречной честности и большой дѣловитости, отнюдь не обладалъ боевымъ характеромъ. Совсѣмъ не въ его натурѣ было показывать врагу зубы и пускать въ ходъ всѣ средства, способныя нанести ему пораженіе. Сюда присоединялись еще два обстоятельства, тогда намъ неизвѣстныя, вполнѣ объясняющія его поведеніе. Гейбъ страдалъ болѣзнью сердца, какъ показала намъ его смерть вскорѣ послѣ того, и какъ я случайно узналъ во время обыска у него, при которомъ мнѣ пришлось оказаться невольнымъ свидѣтелемъ. А затѣмъ послѣ его смерти къ нашему общему изумленію выяснилось, что его матеріальное положеніе совсѣмъ не таково, какимъ его считали. Онъ казался зажиточнымъ человѣкомъ, получающимъ недурный доходъ отъ принадлежащей ему библіотеки для чтенія. Домашній уютъ, который онъ создалъ себѣ съ помощью своей жены, и отличавшее его гостепріимство покрѣпляли это мнѣніе. Но это была ошибка. Если бы ему пришлось дожить до объявленія въ Гамбургѣ малаго осаднаго положенія и оказаться въ числѣ первыхъ высылаемыхъ изъ города

это повело бы къ полному его разоренію, а что это значитъ для впечатлительнаго человѣка—легко себѣ представить. Къ тому же Гейбъ не могъ бы справиться со всей той работой, которая выпала бы на его долю при исключительномъ законѣ, хотя бы онъ и пересталъ носить официальное званіе члена комитета. Равнымъ образомъ не приходилось и думать о жалованіи.

Все это долженъ былъ сознавать Гейбъ, и, къ нашему непріятному изумленію, онъ заявилъ, что онъ безусловно подаетъ въ отставку и думаетъ, что слѣдуетъ еще до вступленія закона въ силу объявить партію распущенной, чтобы не дать полиціи распустить ее. Но съ уходомъ Гейба оказывалось невозможнымъ оставлять центръ въ Гамбургѣ.

Между нами и Гейбомъ состоялся оживленный обмѣнъ мнѣній. Дѣлались различныя предложенія по вопросу о томъ, какъ облегчить ему его работу. Однако, онъ настаивалъ на своемъ. На это я заявилъ, что, по моему, абсолютно невозможно, чтобы партія осталась безъ центра, къ которому при нуждѣ могли бы обращаться товарищи за совѣтомъ и помощью. Если Гамбургъ отклоняетъ отъ себя эту задачу, то я предлагаю Лейпцигъ и готовъ принять отъ Гейба обязанности кассира-сборщика средствъ, добываніе которыхъ представлялось мнѣ теперь—въ виду предстоящихъ жертвъ—важнѣйшимъ дѣломъ. Такъ и было рѣшено. Гейбъ вручилъ мнѣ послѣднюю тысячу марокъ, остававшуюся въ кассѣ. Таковъ былъ основной капиталъ для моей последующей дѣятельности въ качествѣ министра финансовъ при законѣ противъ соціалистовъ.

Мы вынуждены были также уступить настояніямъ Гейба немедленно объявить партію распущенной, ибо онъ отказывается оставаться дальше на своемъ посту. Въ самомъ дѣлѣ, было бы смѣшно на ничтожный срокъ въ нѣсколько недѣль выбирать временный центральный комитетъ, обреченный на немедленное распущеніе его полиціей. Въ виду этого было рѣшено обратиться съ воззваніемъ къ партіи и объявить ее распущенной. Но способъ, какимъ это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, возбудилъ неудовольствіе. Вмѣсто того, чтобы центральный комитетъ (или центральный избирательный комитетъ, какъ онъ назывался съ тѣхъ поръ, какъ Тессендорфъ провелъ запрещеніе партійной организаціи

въ Пруссіи) самъ обратился съ прокламаціей къ партіи, объявляя организацію распущенной, давая ей указанія на счетъ дальнѣйшей дѣятельности и стараясь вдохнуть въ нее бодрость и мужество, въ „Впередъ“ (*Vorwärts*) появилось подписанное секретаремъ Деросси простое извѣщеніе, притомъ, невѣроятно сухое по тону и весьма слабое по содержанію. Только послѣ нашего указанія, что недостаточно одного извѣщенія секретаря и что комитету слѣдовало бы за подписью своихъ членовъ выпустить заявленіе о роспускѣ партійной организаціи, такое заявленіе, датированное 15 октября, появилось въ „Впередъ“ въ номерѣ отъ 21 октября. Но это воззваніе не улучшило настроенія. Комитетъ заявлялъ, что онъ сообщилъ полицейскимъ властямъ о своемъ роспускѣ и что, слѣдовательно, отнынѣ не существуетъ уже централизованной организаціи партіи, а также и, вообще, какой-либо планомѣрной организаціи. Съ этимъ кончено. И для денежныхъ поступленій не можетъ уже найтись примѣненія, въ виду чего отнынѣ не слѣдуетъ направлять ихъ Гейбу. Пошли еще дальше – заявленіе требовало, чтобы если еще гдѣ нибудь существуетъ мѣстная организація членовъ—она немедленно распустилась. Воззваніе заканчивалось слѣдующими словами: „Единодушіе въ тактикѣ даже въ тяжелыя времена—да будетъ залогомъ лучшаго будущаго“.

На Гамбургскомъ совѣщаніи всѣ признавали необходимымъ выждать удары, предстоящіе партіи сейчасъ же вслѣдъ за опубликованіемъ закона, и уже въ зависимости отъ ихъ характера намѣтить необходимыя мѣропріятія. Ни при какихъ условіяхъ не слѣдуетъ очищать добровольно свои позиціи. Можно было предвидѣть, что въ первую очередь подвергнутся запрещенію партійные и профессіональные органы. Въ ту пору существовало 23 политическихъ органа, изъ которыхъ 8 выходили ежедневно, 8—три раза въ недѣлю, 4—два раза и 3—одинъ разъ въ недѣлю. Кромѣ того, выходилъ еще „Новый Міръ“, журналъ для семейнаго чтенія. Профессіональныхъ органовъ насчитывалось 14. Большинство, этихъ газетъ и журналовъ печаталось въ 16 кооперативныхъ типографіяхъ.

Приходилось считаться съ тѣмъ, что съ закрытіемъ этихъ органовъ сразу лишится куска хлѣба значительное число лицъ—редакторы, экспедиторы, разносчики

завѣдующіе, наборщики, всякаго рода вспомогательный персоналъ. Для того, чтобы по возможности помочь всѣмъ этимъ лишившимся заработка лицамъ, надо будетъ попытаться основать вмѣсто закрытыхъ новыя изданія, которыя попробуютъ приспособиться къ закону. Вѣдь Ласкеръ, равно какъ и докладчикъ комиссіи заявили при обсужденіи законопроекта, что періодическія изданія, которыя измѣнятъ свой тонъ, не будутъ подлежать закрытію. Но врядъ ли будутъ считаться съ этими обѣщаніями На ряду съ созданіемъ новыхъ органовъ надо приняться за изданіе популярной просвѣтительной литературы. Созданіе періодическихъ органовъ диктуется также тѣмъ соображеніемъ, что они являются наиболѣе удобнымъ и наименѣе уязвимымъ средствомъ поддерживать связь между членами партіи. Если же не удастся организовать въ томъ или другомъ видѣ помощь попавшимъ въ нужду товарищамъ, то значительное число руководящихъ работниковъ окажется вынужденнымъ эмигрировать за-границу, что повлечетъ за собою большой ущербъ для партіи. Съ ярлыкомъ соціалистовъ, они въ виду настроенія предпринимательскихъ круговъ не могутъ найти работы, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе кризиса безъ того имѣется избытокъ рабочихъ рукъ.

О томъ, что очень скоро придется считаться съ значительнымъ—принимая во вниманіе размѣры и средства партіи—числомъ высланныхъ и ихъ очутившихся въ бѣдственномъ положеніи семействъ, мы сперва не думали. Полагаясь на заявленія, сдѣланныя компетентнымъ лицомъ во время преній по поводу малаго осаднаго положенія, мы сперва считали маловѣроятнымъ объявленіе послѣдняго. Мы обманулись въ расчетахъ. Уже въ ноябрѣ малое осадное положеніе было объявлено въ Берлинѣ. За этимъ послѣдовало въ 1880 г. распространеніе его на Гамбургъ—Альтону съ округомъ, затѣмъ на Гамбургъ, а въ концѣ іюня 1881 г.—на городъ Лейпцигъ съ уѣздомъ. Ярче, чѣмъ при какомъ-либо мѣропріятіи во время дѣйствія закона противъ соціалистовъ, сказалась въ этомъ объявленіи малаго осаднаго положенія лживость обѣщаній о „лойяльномъ“ примѣненіи закона.

Немедленно вслѣдъ за опубликованіемъ закона и вступленіемъ его въ силу посыпались одинъ за другимъ

удары. Въ теченіе нѣсколькихъ дней подверглась закрытію вся партійная пресса, исключая „Оффенбахской газеты“ и „Франконской почты“ въ Нюренбергѣ. Та же участь постигла и профессіональную прессу, кромѣ органа союза печатниковъ „Корреспондента“. Союзъ печатниковъ оказался также единственной (если не считать гиршъ-дункеровскихъ союзовъ) профессіональной организаціей, избѣгнувшей закрытія. Всѣ остальныя пали жертвами закона. Равнымъ образомъ подверглись закрытію многочисленныя мѣстныя соціалъ-демократическія рабочія общества, а также и образовательныя, пѣвческія и гимнастическія общества, во главѣ которыхъ стояли соціалъ демократы и которыя поэтому были объявлены соціалъ-демократическими сообществами, въ каковыхъ, говоря словами закона, обнаруживаются, „опаснымъ для общественнаго спокойствія образомъ и вносящія классовую рознь, соціалъ-демократическія стремленія, направленныя къ ниспроверженію существующаго государственнаго или общественнаго порядка“.

Читая нынѣ эту фразу, съ трудомъ удерживаешься отъ того, чтобы не пожать плечьми и не улыбнуться. Но въ ту пору съ нею приходилось очень и очень считаться. Однимъ росчеркомъ пера полицейскія власти уничтожили плоды многолѣтнихъ усилій и жертвъ.

Поле разрушенія было еще увеличено запрещеніями непеAccording to ріодическихъ изданій. Серію запрещеній открыло берлинское полицейское управленіе. Во главѣ перваго списка запрещенныхъ изданій стояло какъ бы въ насмѣшку „Да будетъ свѣтъ?“ Леопольда Якоби. Жертвой слѣпого усердія запрещать во что бы то ни стало пало также не мало произведеній, ничего общаго съ соціализмомъ не имѣющихъ. Была даже запрещена книжка бывшаго австрійскаго министра профессора Шеффле „Сущность соціализма“, хотя, впрочемъ, это запрещеніе въ результатѣ жалобы было отмѣнено.

Почти всѣ попытки замѣнить закрытыя газеты новыми, въ силу обстоятельствъ редактируемыми весьма осторожно, кончались въ первые годы неудачно. Такъ, въ Берлинѣ послѣ закрытія „Свободной Прессы“ попробовали основать безцвѣтную газету подъ названіемъ „Берлинская Почта“, но она была признана продолженіемъ „Берлинской Свободной Прессы“ и немедленно закрыта, а ея издатели приговорены къ значительному

денежному штрафу. Вмѣстѣ съ „Впередъ" въ Лейпцигѣ пали жертвой закона нѣсколько выходившихъ здѣсь провинціальныхъ газетъ: „Альтенбургскій Народдый Листокъ", „Народная Газета 14 саксонскаго избирательнаго округа", „Мульдентальскій Другъ Народа", „Народный Листокъ" въ Гройцшъ-Пегау и „Фойглендская Свободная Пресса". Погибли также „Среднегерманская Газета", „Свободная Пресса" и „Новая Лейпцигская Газета". Въ 1879 г. послѣдовали за ними „Лейпцигскій Наблюдатель", „Нѣмецкій Еженедѣльникъ" и „Путникъ", послѣднимъ былъ закрытъ въ 1881 г. „Имперскій Гражданинъ", а передъ нимъ уготованная закономъ противъ соціалистовъ участь постигла еще маленькій юмористическій листокъ „Фонарикъ". Въ концѣ-концовъ, мы въ Лейпцигѣ на долгіе годы отказались отъ всякой попытки основать новую газету. Опытъ намъ показалъ, что газеты неизмѣнно подвергались запрещенію тогда, какъ разъ, когда число ихъ подписчиковъ доходило до цыфры, дѣлающей изданіе безубыточнымъ. Это обстоятельство, а также рядъ другихъ признаковъ заставили насъ насторожиться, и мы обнаружили, что въ нашемъ предпріятіи сидитъ полицейскій шпіонъ, а именно экспедиторъ газеты, которому, конечно, немедленно была указана дверь. Вслѣдъ за тѣмъ мы попробовали издавать газету вмѣстѣ съ однимъ буржуазнымъ издателемъ подъ его фирмой. Это, однако, вызвало рядъ неудобствъ и намъ пришлось отказаться отъ такого рѣшенія вопроса. Въ виду того, что такія же мѣры, какъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ были приняты противъ насъ почти повсюду, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ намъ пришлось думатъ объ обезпеченіи существованія сотенъ товарищей и ихъ семействъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ намъ въ Лейпцигъ просьбы о помощи, которыя мы даже при всѣхъ усиліяхъ могли удовлетворять лишь въ ничтожной долѣ.

Товарищи, въ ту пору стоявшіе въ сторонѣ или нашедшіе себѣ надежное убѣжище за-границей, сочли впослѣдствіи нужнымъ рѣзко критиковать „бездѣятельность" руководителей. Хорошіе люди, но плохіе музыканты, они не имѣли ни малѣйшаго представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей, о которомъ мы не находили возможнымъ звонить во всѣ колокола. Извиненіемъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ критиковъ можетъ служить

то обстоятельство, что они судили по протоколамъ Виденскаго съѣзда партіи. Но протоколы эти не точны. Ихъ почистили, какъ это потомъ пришлось сдѣлать съ протоколами Копенгагенскаго съѣзда, чтобы не донести самимъ на себя и не вызвать новыхъ репрессій. И потому въ протоколахъ были приведены нападки на партійный центръ, но обойдено молчаніемъ или упомянуто лишь вскользь все то, что онъ говорилъ въ свое оправданіе, и что онъ имѣлъ сообщить. Это ввело также въ заблужденіе и власти.

Въ первомъ томѣ своихъ воспоминаній я писалъ, что годы 1867—1871 были самыми продуктивными въ моей жизни; по поводу трехъ лѣтъ—съ осени 1878 до осени 1881—могу сказать, что это были самые непріятные, ибо наиболѣе полные заботъ, годы моей жизни. Да и работать приходилось чрезмѣрно. Такъ какъ въ ту пору положеніе моихъ дѣлъ освобождало меня отъ матеріальныхъ заботъ въ противоположность Ауеру, Блоссу, Газенклеверу, М. Кайзеру, Либкнехту, Моттелеру и многимъ другимъ, то вполнѣ естественно вся тяжесть партійной работы и, въ особенности, заботы о добываніи денежныхъ средствъ пали въ первую очередь на меня. Шестнадцатичасовой рабочій день сталъ для меня общимъ правиломъ.

Прежде, чѣмъ браться за заграничныя предпріятія, надо было привести все въ порядокъ у себя дома. Поэтому Либкнехтъ и я временно отклонили сдѣланное намъ вскорѣ послѣ изданія закона противъ соціалистовъ предложеніе предоставить въ наше распоряженіе средства для изданія газеты за-границей. Замѣчу, чтобы предотвратить ложныя догадки, что это предложеніе исходило не отъ Карла Гохберга. Гохбергъ и Отто Фрейтагъ въ Лейпцигѣ и небольшое число лицъ со средствами, близко стоявшихъ тогда къ партіи или принадлежавшихъ къ ней, доставляли средства на удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ нуждъ. Сборы среди членовъ партіи удалось наладить мало-по-малу, да и поглощались они кочевавшими съ мѣста на мѣсто высланными. А число нуждающихся въ помощи было, именно, въ первые годы значительно и росло оно непрерывно.

При такихъ условіяхъ партіи было не до жиру. Главная и ближайшая задача состояла въ томъ, чтобы

снова получить твердую почву подъ ногами, вновь собрать массы, пришедшія въ замѣшательство послѣ первыхъ грозовыхъ раскатовъ исключительнаго закона, и подбодрить ихъ. Не соотвѣтствуетъ дѣйствительности изображеніе дѣла такъ, будто въ ту пору вожди потеряли голову и массамъ пришлось спасать партію. Массы и вожди зависятъ другъ отъ друга, одни не могутъ дѣйствовать безъ другихъ. Правда, среди вождей—употребляя это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ—оказалось больше дезертировъ и заячьихъ натуръ, чѣмъ это намъ хотѣлось бы, но бѣдственное матеріальное положеніе большинства изъ нихъ многое извиняетъ. Но и среди массъ, въ особенности въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ, часто господствовало уныніе, упадокъ духа и бездѣятельность. Нужны были многочисленныя тайныя собесѣдованія и собранія, и энергичная агитація, чтобы подбодрить струсившихъ и подхлестнуть къ возобновленію партійной дѣятельности. И это удалось. Но этой трудной и настойчивой, абсолютно необходимой дѣятельности нельзя было показать никому изъ стоящихъ внѣ круга непосредственно участвующихъ въ ней, нельзя было и говорить о ней безъ риска выдать самихъ себя.

И вотъ въ самый разгаръ этой работы по спасенію того, что можно было еще спасти изъ обломковъ крушенія, произведеннаго исключительнымъ закономъ, мы были ошеломлены 29 ноября извѣстіемъ, что наканунѣ въ „Имперскомъ Указателѣ“ опубликована прокламація министерства, сообщающая объ объявленіи въ Берлинѣ малаго осаднаго положенія. За этимъ зловѣщимъ извѣстіемъ послѣдовало на слѣдующій день сообщеніе о высылкѣ 67 нашихъ извѣстнѣйшихъ товарищей, въ числѣ нихъ: И. Ауера, Генриха Ракова, Ф. В. Фритче—все людей семейныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ обязаны были покинуть городъ въ теченіе 24 часовъ, большинство—не позднѣе 48 часовъ, только немногимъ былъ данъ трехдневный срокъ. Извѣстіе объ объявленіи въ Берлинѣ малаго осаднаго положенія вызвало сильнѣйшее возбужденіе какъ въ самомъ Берлинѣ, такъ и внѣ его. Никто не могъ найти разумныхъ основаній для такого акта грубаго насилія, даже буржуазныя газеты—вплоть до самыхъ правыхъ—выражали свое недоумѣніе.

Когда при обсужденіи § 28 закона (о маломъ осад-

номъ положенiи) депутатъ Виндгорстъ высказалъ опасенiе, что этой крайней мѣрой легко смогутъ злоупотреблять, докладчикъ комиссiи, дрезденскiй депутатъ фонъ Шварце пытался успокоить его слѣдующимъ заявленiемъ: „Вполнѣ опредѣленно предусмотрѣны (для примѣненiя § 28) только такiе случаи, когда цѣлые округа или мѣстности окажутся настолько зараженными соцiалъ-демократической агитацiей, что будетъ очевидна для всѣхъ опасность для общественнаго спокойствiя и гражданскаго мира; что возможно ожидать нарушенiя общественной безопасности какими либо насильственными дѣйствiями, что, однимъ словомъ, нельзя будетъ обезпечить общественную безопасность и гражданскiй миръ примѣненiемъ обычныхъ нормъ существующаго закона, имѣющихъ въ виду отдѣльныхъ лицъ". Въ томъ же духѣ высказался еще одинъ консервативный депутатъ. Если бы правительство честно отнеслось къ этому заявленiю докладчика комиссiи депутата Шварце по вопросу объ условiяхъ, допускающихъ объявленiе малаго осаднаго положенiя, его нельзя было бы объявить ни въ Берлинѣ, ни въ другихъ городахъ округа, на которые оно затѣмъ было распространено. Ни одинъ честный человѣкъ не могъ утверждать, что въ этихъ городахъ и округахъ создалось положенiе, какое депутатъ Шварце признавалъ необходимой предпосылкой для примѣненiя § 28 закона противъ соцiалистовъ. Всѣ толкованiя и обѣщанiя, какiя дѣлались во время обсужденiя закона для успокоенiя смутившихся добрыхъ душъ, оказались пустыми разговорами, ничего не стоющими.

Для насъ въ Лейпцигѣ массовыя высылки изъ Берлина сильно ухудшили общее положенiе вещей. Снова приходилось теперь искать мѣста для лишившихся хлѣба и постояннаго заработка товарищей и добывать средства для поддержки ихъ и ихъ семействъ на все время безработицы. Ауеръ направился въ Гамбургъ, гдѣ нашелъ работу въ только-что основанной „Судебной Газетѣ", Раковъ, управлявшiй берлинской кооперативной типографiей, переселился въ Лондонъ. Нѣсколько высланныхъ товарищей переплыли черезъ океанъ— въ Соединенные Штаты, большинство же перебрались въ Лейпцигъ—въ томъ числѣ Ф. В. Фритче—и въ Гамбургъ. Для того, чтобы добыть средства, я съ со-

гласія остальныхъ членовъ комитета составилъ циркулярное письмо, которое и разослалъ всѣмъ казавшимся мнѣ подходящими лицамъ. Вотъ текстъ этого письма.

„Милостивый Государь!

Въ силу событій, которыя Вамъ должны уже быть извѣстны, значительное число людей оказались вынужденными покинуть родныя мѣста и лишились заработка, будучи обречены вмѣстѣ съ своими семьями на горькую нужду.

Помочь по возможности этимъ нуждающимся и оказать имъ содѣйствіе въ пріисканіи заработка требуетъ долгъ любви къ ближнему. Я позволяю себѣ, поэтому, по соглашенію съ группой моихъ друзей, обратиться и къ Вамъ съ настоятельной просьбой внести свою лепту на дѣло помощи нуждающимся и въ этомъ же духѣ дѣйствовать въ кругу Вашихъ знакомыхъ.

Свой взносъ благоволите послать по адресу: М. Кобитчъ, Дрезденъ, Фрауенкирхе 6—7 или на имя г-жи І. Бебель, Гауптманштрассе 2, Лейпцигъ.

Вы можете быть увѣрены въ добросовѣстномъ расходованіи поступающихъ суммъ, равно какъ и въ соблюденіи полной осторожности и скромности.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

А. Бебель“.

Осторожныя выраженія письма показываютъ, какъ намъ приходилось нащупывать почву. Намъ нужно было прежде всего установить, какъ далеко можемъ мы итти на почвѣ исключительнаго закона, ибо денежные сборы не могли оставаться тайными. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у меня былъ произведенъ безрезультатный обыскъ и противъ меня было возбуждено, на основаніи закона противъ соціалистовъ, обвиненіе въ организаціи запрещенныхъ денежныхъ сборовъ. Но я оказался оправданнымъ. Въ ту пору суды не зашли еще такъ далеко, чтобы карать за сборы въ пользу высылаемыхъ, но впослѣдствіи, когда правительство опредѣленно воспретило подобные сборы, основываясь на законѣ противъ соціалистовъ, приговоры стали выносить иные. Съ той поры намъ приходилось уже производить сборы исключительно въ пользу *семействъ* высланныхъ.

Мое воззванiе о сборахъ увѣнчалось успѣхомъ, какого я не ожидалъ. Позже, когда законъ сталъ примѣняться все строже и число высылаемыхъ все возрастало, подобные сборы организовали также отдѣльные лѣвые депутаты. Даже депутатъ Ласкеръ, котораго скоро стала упрекать совѣсть за голосованiе въ пользу закона, принялъ участiе въ одномъ изъ такихъ сборовъ.

Подысканiе работы для высылаемыхъ было для насъ, какъ я уже указывалъ, весьма труднымъ дѣломъ. Промышленный кризисъ достигъ высшей точки. Почти во всѣхъ отрасляхъ наблюдалось превышенiе предложенiя рабочихъ рукъ надъ спросомъ на нихъ. А если кому-нибудь изъ высланныхъ улыбалось счастье, и онъ устраивался на мѣстѣ, моментально появлялась полицiя и доносила на бѣднягу предпринимателю, который часто, скрѣпя сердце, увольнялъ только-что принятаго работника. И послѣднему приходилось снова взваливать на спину свой ранецъ и отправляться въ дальнѣйшее странствованiе. Суровый жребiй для людей немолодыхъ.

Непрекращающiяся высылки и преслѣдованiя высланныхъ полицiей привели къ результатамъ, которыхъ не предвидѣли наши спасители государства. Озлобленные до крайней степени преслѣдованiями, переходили изгнанники изъ города въ городъ, отыскивая всюду партiйныхъ товарищей, которые принимали ихъ съ распростертыми объятiями, и передавали имъ свое возмущенiе и гнѣвъ, побуждая ихъ сплачиваться и дѣйствовать. Такимъ путемъ возникло не мало мѣстныхъ тайныхъ кружковъ, которые врядъ ли бы образовались безъ этой агитацiи высланныхъ. Происшедшее напоминаетъ преслѣдованiе христiанъ въ первыя столѣтiя нашей вѣры римскими императорами и ихъ слугами. Скрываясь отъ преслѣдованiй въ самыя дальнiя части имперiи, всюду проповѣдовали они новое ученiе, во имя котораго подвергались преслѣдованiямъ, и этимъ сильнѣе всего подкапывали имперiю, боявшуюся ихъ, какъ мятежниковъ. Надо признать, что высланные, въ большинствѣ своемъ—знающiе, энергичные люди—сослужили тогда партiи величайшую службу и вдвое и втрое возмѣстили принесенныя для нихъ партiей финансовыя жертвы. Мало-по-малу уразумѣли это и наши враги. Непрерывно стали поступать къ высшимъ вла-

стямъ жалобы бюргермейстеровъ небольшихъ городовъ и ландратовъ на пагубное вліяніе высланныхъ въ ихъ округахъ. Въ результатѣ начиная съ 1886 г., по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ высылки имѣли мѣсто лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Дошло даже до того, что уличеннымъ за запрещенныя дѣянія послѣ отбытія ими наказанія откровенно заявляли: мы васъ не вышлемъ, ибо вы займетесь агитаціей,- тогда какъ здѣсь вы у насъ передъ глазами и не можете развернуться.

О томъ, какъ я оцѣнивалъ положеніе въ концѣ 1878 года, черезъ два мѣсяца послѣ вступленія въ силу исключительнаго закона можетъ дать представленіе слѣдующее письмо къ Фольмару, который въ то время отбывалъ еще долгосрочное тюремное заключеніе въ Цвиккау по литературному дѣлу.

„Свое долгое молчаніе долженъ я извинить обычнымъ припѣвомъ—кучей работы. Преслѣдованія, высылки и пр. доставили мнѣ гораздо больше хлопотъ и работы, чѣмъ я объ этомъ думалъ въ ожиданіи изданія закона. Вмѣсто того, чтобы совсѣмъ пріостановилась всякая дѣятельность, мнѣ приходится работать больше, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы; къ счастью, мое продолжительное пребываніе здѣсь даетъ мнѣ возможность выполнить то, что безъ этого было бы совершенно немыслимо. Мы всецѣло поглощены добываніемъ средствъ для помощи лишившимся домашняго очага и заработка. Въ общемъ, я доволенъ результатами. Несмотря на худыя времена—дѣла въ общемъ идутъ плохо и нынѣшняя зима хуже, чѣмъ за всѣ послѣдніе годы,—товарищи жертвуютъ, что могутъ, и посрамляютъ, такимъ образомъ, тѣхъ, негодяевъ и бездѣльниковъ, которые, именно, теперь совершенно безстыдно задаютъ тонъ въ прессѣ.

Вы не можете себѣ представить, какъ либеральная клика журналистовъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ и даже теперь, когда намъ зажали ротъ, непрерывно преслѣдуетъ насъ своими клеветами и доносами. Сѣется ядовитое сѣмя, и оно не дастъ добрыхъ плодовъ.

О вашей высылкѣ намъ, конечно, извѣстно; само собою разумѣется, вы ее обжалуете, но также само собою разумѣется, что жалоба останется безрезультатной. Въ настоящее время по отношенію къ соціалъ-демократамъ

можно себѣ позволить что угодно, для насъ не существуетъ права и закона.

Смѣшнѣе всего резолюціи высшей имперской комиссіи по жалобамъ на репрессивныя мѣры—она перещеголяла даже полицію. Впрочемъ, послѣ послѣднихъ берлинскихъ событій это вполнѣ понятно.

Кайзеръ на этой недѣлѣ побывалъ и здѣсь; онъ еще больше пожелтѣлъ; собирается теперь въ Бреславль.

Если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, пишите безъ стѣсненій; что возможно—будетъ сдѣлано. Вообще же сохраняйте необходимое философски-спокойное настроеніе. Будь вы нынѣ „на волѣ", у васъ было бы больше причинъ для раздраженія и огорченій, ибо Германія для всѣхъ насъ является въ настоящее время каторжной тюрьмой.

Сердечный отъ насъ привѣтъ.

Вашъ А. Бебель".

Для поясненія добавлю, что высылка, постигшая Фольмара немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ покинулъ тюрьму, послѣдовала на основаніи стараго саксонскаго закона, въ силу котораго каждый, приговоренный къ тюремному заключенію, могъ быть высланъ изъ своего постояннаго мѣстожительсгва. Этимъ закономъ въ ту пору стали широко пользоваться противъ осужденныхъ соціалъ-демократовъ. Особенно травили тогда Макса Кайзера и Вильгельма Уферта, которыхъ гоняли съ мѣста на мѣсто почти по всему королевству.

Мои слова объ Имперской комиссіи, о безполезности которой я уже упомянулъ выше, можно дополнить выдержкой изъ дневника умершаго министра вѣроисповѣданій Боссе, объясняющей, почему эта комиссія для разсмотрѣнія жалобъ не могла дѣйствовать иначе. Объ этомъ позаботились при опредѣленіи ея состава. Вотъ что заноситъ Боссе въ свой дневникъ 20 октября 1878 года:

„Прежде всего Бисмаркъ заговорилъ о примѣненіи закона противъ соціалистовъ! Принятіе его въ Союзномъ Совѣтѣ, затѣмъ тотчасъ же предложеніе наслѣднику возможно скорѣе опубликовать его... Въ качествѣ членовъ комиссіи по жалобамъ отъ судебнаго вѣдомства ему были представлены, какъ совершенно надежные люди—члены Высшаго Трибунала фонъ Гревеницъ,

Клаузвицъ, Ганъ и Деліусъ. Министръ юстиціи предложилъ еще совѣтника трибунала фонъ Голлебена и въ связи съ этимъ—какъ мнѣ кажется, не очень тактично и ловко—подчеркнулъ особенную надежность прусскихъ судей. Князь Бисмаркъ полагалъ, что будь всѣ прусскіе юристы похожи на прокурора Тессендорфа ими можно было бы воспользоваться для комиссіи по жалобамъ. Но прусскіе прокуроры въ большинствѣ случаевъ чувствуютъ себя не правительственными чиновниками, а независимыми суверенными судьями. Онъ указалъ при этомъ на баденскаго главнаго прокурора Кифера, какъ на ужасающій примѣръ этого. О баденскихъ судьяхъ, такимъ образомъ, совсѣмъ нельзя думать въ связи съ комиссіей".

Второе письмо, написанное мною Фольмару черезъ пять мѣсяцевъ, 28 марта 1879 г., такъ рисуетъ наше положеніе:

„Ваше письмо отъ 23-го я получилъ. Я бы уже давно написалъ вамъ, еслибы не былъ заваленъ все время самыми различными и часто весьма непріятными дѣлами и благодаря этому такъ разстроилъ себѣ, въ концѣ концовъ, нервы, что здоровье мое оставляетъ желать лучшаго. Когда со всѣхъ сторонъ обращаются за совѣтомъ и помощью, когда видишь неизбѣжность этого и притомъ такъ мало можешь сдѣлать, то положеніе создается въ высшей степени непріятное. Какъ я, если не ошибаюсь, уже писалъ вамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, промышленный кризисъ, матеріально вредитъ намъ гораздо больше, чѣмъ исключительный законъ—и это нынѣ еще болѣе вѣрно, чѣмъ тогда. Отдѣльныя предпріятія повсемѣстно теряютъ подъ собою почву и, если такъ будетъ итти дальше, то можно математически точно вычислить, когда они должны будутъ ликвидироваться. Нечего говорить, что при такихъ условіяхъ при нашихъ, вообще, ограниченныхъ средствахъ приходится думать о сокращеніи рабочихъ силъ, а не объ ихъ увеличеніи.

Изъ нашихъ старѣйшихъ и наиболѣе извѣстныхъ работниковъ Моттелеръ и Кайзеръ все еще совершенно безъ заработка. Вимеръ занялся изготовленіемъ вставочекъ изъ камыша, Вальтейхъ собирается приняться за сапожное ремесло въ Хемницѣ, куда его недавно

отправили отсюда этапомъ, ибо онъ жилъ здѣсь безъ прописки; однорукій Зейфертъ рѣшилъ попытать счастья въ разносной торговлѣ; Кайзера, Газенклевера и Либкнехта кое-какъ удается еще содержать здѣсь; сколько времени это протянется при данномъ положеніи вещей, я не рѣшусь сказать, ибо „Новый Міръ“ лишился значительнаго числа подписчиковъ, едва сводитъ концы съ концами безъ дефицита, а другія предпріятія съ трудомъ держатся. Какъ въ такомъ положеніи найти для васъ подходящее мѣсто, я, при всемъ своемъ желаніи, не могу сообразить. Пожалуй, можно устроиться съ переводами, издавая и распространяя соотвѣтствующія брошюры, но разумѣется такія, какія можно выпустить безъ риска конфискаціи. Здѣшнее издательское товарищество сможетъ этимъ заняться. Но это все же недостаточно, я еще поговорю съ Либкнехтомъ, нельзя ли васъ пристроить куда нибудь заграничнымъ корреспондентомъ. Боюсь, что съ З. у васъ ничего не выйдетъ, онъ сталъ ужасно остороженъ, остороженъ до трусости.

Подождите – мнѣ пришло въ голову, что вы, пожалуй, сможете устроиться корреспондентомъ въ Цюрихской почтѣ, которую съ апрѣля издаютъ Курти и Рюегъ. Когда я недавно послѣ Пасхи былъ тамъ, они были довольны положеніемъ газеты. Конечно, много платить они не смогутъ, Курти раньше работалъ въ редакціи франкфуртской газеты. Пишите прямо ему, письмо на адресъ газеты, несомнѣнно, дойдетъ; сошлитесь на меня, если вы съ нимъ незнакомы“.

Итакъ, наши затрудненія были немалы, но съ ними надо было справиться и мы, дѣйствительно, съ ними справились. Вводило въ заблужденіе то обстоятельство, какъ будто партія терпѣливо все переноситъ. Канцлеру эта видимая покорность совсѣмъ не нравилась. Ему было бы гораздо пріятнѣе, если бы мы дали себя спровоцировать на бунты. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о производившейся подпольной работѣ. Ему приписывали въ ту пору слѣдующія слова: „соціалъ-демократію необходимо преслѣдовать и травить до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ на улицу, чтобы тогда истребить ее съ корнемъ“. Такое же мнѣніе защищалъ онъ еще наканунѣ паденія закона, когда Вильгельмъ второй вступилъ на другой путь, созвавъ между-

народную конференцію по охранѣ труда и издавъ свой знаменитый указъ 1890 года. И въ другихъ вліятельныхъ кругахъ, особенно военныхъ, пріобладало мнѣніе, что соціалъ-демократія отвѣтитъ на изданіе исключительнаго закона открытымъ возстаніемъ,—они были ошеломлены тѣмъ, что этого не случилось. Въ этомъ усматривали лишь доказательство нашей трусости. Такъ, весною 1880 года разсказывала мнѣ сестра философа Майнлендера, съ которой мнѣ довелось познакомиться, что будучи незадолго передъ тѣмъ въ Берлинѣ—она постоянно жила въ Оффенбахѣ—она попала, между прочимъ, въ общество, гдѣ присутствовало нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. Вечеромъ разговоръ коснулся соціалъ-демократіи и ее ужаснула ненависть, какую обнаружили по отношенію къ намъ эти господа. Одинъ изъ нихъ заявилъ, слѣдующее: если бы у этихъ мерзавцевъ хватило храбрости выйти на улицу, мы выкупались бы въ ихъ крови.

Въ стремленіи поддерживать въ старомъ императорѣ соотвѣтствующее настроеніе противъ насъ его кормили постоянно глупѣйшими сказками насчетъ нашихъ мнимыхъ плановъ. Только этимъ можно объяснить, что когда, послѣ многомѣсячнаго отсутствія старикъ вернулся 7 декабря 1878 года въ Берлинѣ—ровно черезъ 9 дней послѣ объявленія тамъ малаго осаднаго положенія, онъ сказалъ, привѣтствовавшимъ его городскимъ гласнымъ: „Доказано, что существуетъ широко развѣтвленная организація заговорщиковъ, опредѣленно ставящая себѣ цѣлью убійства представителей верховной власти". Такими розсказнями стращали Вильгельма I, какъ впослѣдствіи, при министерствѣ Фейлитча пугали соціалъ-демократіей Людовика Баварскаго. Пробовали примѣнить такія же средства и къ Вильгельму II. Знакомые, посѣщавшіе императорскій дворецъ, неоднократно разсказывали мнѣ, что въ кабинетѣ Вильгельма I лежали на столѣ наиболѣе злостные и клеветническіе памфлеты противъ нашей партіи. Ясно съ какой цѣлью. Господъ, стоящихъ наверху, постигаетъ та же участь, что и простыхъ смертныхъ—они воображаютъ, что ведутъ другихъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, ихъ ведутъ. Они воображаютъ себя правителями, тогда какъ ими управляютъ.

Первыя проявленія жизнедѣятельности партіи.

Въ буржуазныхъ кругахъ многіе полагали, что мы совсѣмъ убиты. Человѣкъ охотно вѣритъ тому, на что онъ надѣется. Разъ мы даемъ такъ мало признаковъ жизни, весьма, вѣроятно, что мы при послѣнемъ издыханіи. Но мы продолжали жить. Когда въ февралѣ 1879 года въ округѣ западнаго Бреславля были назначены дополнительные выборы, на сцену выступила и наша партія, и, хотя она не одержала побѣду и въ пользу своего кандидата собрала меньше голосовъ, чѣмъ на основныхъ выборахъ въ 1878 году, она все же, въ сравненіи съ буржуазными партіями потеряла меньше всего. Съ еще большей несомнѣнностью показало, что партія жива, второе событіе въ Бреславлѣ. 22 мая отъ пролетаріатской болѣзни умеръ депутатъ отъ восточно Бреславльскаго округа Клаусъ Петеръ Рейндерсъ. Рейндерсъ до самаго послѣдняго вздоха душой и тѣломъ отдававшійся партіи, для котораго партія была рѣшительно всѣмъ, получилъ похороны, какихъ Бреславль еще никогда не видалъ. А успѣхъ на дополнительныхъ выборахъ, вызванныхъ его смертью, превзошелъ наши самыя смѣлыя ожиданія. Правда, полиція вмѣшивалась въ избирательную компанію съ небывалой еще безцеремонностью и грубостью; она, напримѣръ, запретила всѣ избирательныя собранія, такъ что Газенклеверъ, выставленный кандидатомъ и Максъ Кайзеръ, помогавшій ему въ избирательной компаніи, смогли выступить лишь на одномъ собраніи. Въ результатѣ выборовъ 8 іюля была назначена перебаллотировка между Газенклеверомъ и прогрессивнымъ кандидатомъ—побѣдилъ Газенклеверъ, собравъ большинство въ 1200 голосовъ. Противники наши были поражены, но съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ привѣтствовала партія эту побѣду. Было дано доказательство, что партія умѣетъ побѣждать даже подъ гнетомъ исключитель-

наго закона, вопреки всѣмъ притѣсненіямъ и насиліямъ. Вслѣдъ за Бреславльской побѣдой партію постигла тяжелая потеря. Перваго августа, послѣ непродолжительной болѣзни, отъ паралича сердца умеръ Августъ Гейбъ. Можно смѣло утверждать, что этотъ, по внѣшности столь крѣпкій человѣкъ, съ прекраснымъ, мужественнымъ лицомъ, умеръ на 38 году жизни жертвою исключительнаго закона. Онъ прожилъ бы еще много лѣтъ, если бы не огорченія, заботы, раздраженія, принесенныя исключительнымъ закономъ. На его похоронахъ ярко проявились любовь и уваженіе къ этому человѣку, который въ кругу вождей партіи былъ всегда однимъ изъ первыхъ и лучшихъ. Свыше 30.000 рабочихъ шли за его гробомъ. Гамбургъ, эта твердыня и гордость партіи, доказалъ впослѣдствіе, что сѣмя, посѣянное Гейбомъ, пышно взошло. По поводу его смерти жена, уже тогда тяжело-больного, Браке писала моей женѣ:

Брауншвейгъ, 2 августа 1879 г.

„Мнѣ хочется написать тебѣ нѣсколько строкъ. Когда ты получишь мое письмо, тебѣ уже, навѣрно, будетъ извѣстно, что Гейбъ умеръ вчера отъ паралича сердца. Мы очень, очень опечалины. Это былъ честный человѣкъ и вѣрный и смѣлый борецъ за дѣло соціалъ-демократіи. Мой мужъ былъ сегодня въ такомъ подавленномъ настроеніи, что слезы выступали у него на глазахъ. Я такъ жалѣю госпожу Гейбъ. У нихъ нѣтъ дѣтей, а потому мужъ для нея былъ всѣмъ. Ахъ, какъ это тяжело однимъ ударомъ оказаться въ этомъ мірѣ совсѣмъ одинокимъ. Жизнь должна стать печальной пустыней. Вчера мы испытали большую радость при посѣщеніи твоего милаго мужа. Мы даже отправились за городъ, въ лѣсокъ, на лошади, ибо мой мужъ все еще не въ силахъ ходить. Ноги у него точно отнялись. Онъ ими едва шевелитъ. Твой мужъ разскажетъ тебѣ объ этомъ. Мнѣ нечего объяснять тебѣ какую тревогу причиняетъ мнѣ такое состояніе его. Улучшенія незамѣтно и это заставляетъ терять бодрость и отчаяваться. Когда я думаю о томъ, какъ онъ раньше крѣпко стоялъ на ногахъ и какимъ былъ ходокомъ, и сравниваю съ тѣмъ, какъ онъ теперь ковыляетъ, сердце обливается у меня кровью. Я не могу прогнать мысли, что его

ждетъ судьба дѣдушки, а онъ еще такъ молодъ... Вѣдь такая участь гораздо тяжелѣе для молодого человѣка, чѣмъ для того, кто дожилъ до заката своихъ дней. Черезъ недѣлю мужъ поѣдетъ полѣчиться въ Баденъ-Баденъ. Мой братъ сейчасъ въ Гамбургѣ, куда онъ отправился на похороны Гейба. Онъ, навѣрное, застанетъ тамъ твоего мужа. Мой мужъ телеграфировалъ твоему въ Ганноверъ; онъ будетъ очень испуганъ, мы говорили еще только о болѣзни Гейба. За ваше милое приглашеніе тысячу разъ спасибо. Съ какимъ удовольствіемъ побывала бы я въ Лейпцигѣ, но объ этомъ нечего мечтать. Напротивъ, твой мужъ обѣщалъ мнѣ, что ты съ Фридой пріѣдешь погостить къ намъ осенью. Большаго удовольствія я не могу себѣ представить. Объ этомъ мы еще спишемся, а теперь до свиданія, мнѣ нужно заняться приготовленіемъ къ ужину. Будь здорова и черкни мнѣ хоть пару строкъ поскорѣе. Сердечный привѣтъ отъ насъ всѣхъ Фридѣ.

Любящая тебя Эмилія Браке.

Когда госпожа Браке писала это письмо, она не предчувствовала, что еще до истеченія года она то же станетъ вдовою.

За тяжелой потерей, какою для насъ была смерть Августа Гейба, снова пошли удачи. Въ августѣ 1879 г. въ Саксоніи состоялись дополнительные выборы въ ландтагъ, на основаніи закона имѣвшіе мѣсто только въ одной трети округовъ. Въ одномъ изъ округовъ, а именно въ сельскомъ округѣ Лейпцига, побѣдилъ Либкнехтъ, а въ сельскомъ Цвиккау—адвокатъ Путтрихъ. Значительное увеличеніе голосовъ сравнительно съ прошлыми выборами получили мы въ одномъ изъ дрезденскихъ сельскихъ округовъ и въ одномъ округѣ города Хемница. Въ послѣднемъ полиція точно обезумѣла. Почти наканунѣ выборовъ она арестовала двадцать товарищей, которые фальцовали наши воззванія и избирательные бюллетени, и отвела ихъ подъ конвоемъ въ полицейское управленіе, опутавъ веревкой, точно пачку сигаръ. Тутъ большую часть арестованныхъ освободили, но Юлія Вальтейха, кандидата партіи, и нѣкоторыхъ другихъ совершенно беззаконно продержали нѣсколько дней подъ арестомъ. Судебное преслѣдованіе противъ нихъ не удалось возбудить. Вся эта исторія имѣла

цѣлью помѣшать нашей избирательной агитаціи, и цѣль эта была достигнута явнымъ нарушеніемъ закона, произведеннымъ хемницкой полиціей.

Съ дополнительными выборами въ рейхстагъ въ Эрфуртѣ и Магдебургѣ партія справилась очень удачно. Эти успѣхи такъ обезокуражили враждебную намъ прессу, что часть ея выступила теперь въ защиту продленія дѣйствія исключительнаго закона послѣ 31 октября 1881 г. Въ началѣ января 1880 г. Браке увидѣлъ себя вынужденнымъ сложить съ себя мандатъ отъ 17 саксонскаго избирательнаго округа въ рейхстагъ Глаухау-Мееране-Гогенштейнъ. Это сложеніе мандата дало враждебной прессѣ поводъ распространять всякаго рода нелѣпыя небылицы и слухи. Браке будто бы отказывается отъ мандата изъ-за разногласіи съ „Соціалъ-демократомъ", а также съ Либкнехтомъ и мною. Затѣмъ утверждали, что и дѣловыя соображенія побуждаютъ его отказаться отъ общественной дѣятельности. Браке отозвался на все это въ № 15 „Соціалъ-демократа" отъ 11 апрѣля 1880 г.

„Заявляю, во-первыхъ, что состояніе моего здоровья, къ сожалѣнію, столь печально, что еще передъ Рождествомъ пользующій меня д-ръ Отто Мюллеръ питалъ на мой счетъ самыя серьезныя опасенія, какъ онъ это сообщилъ мнѣ послѣ наступившаго въ послѣдніе мѣсяцы улучшенія. Но и теперь я все еще страдаю отъ сильныхъ припадковъ періодически обостряющагося катарра, котораго одного достаточно, чтобы *заставить* меня оставаться прикованнымъ къ постели, я страдаю также ревматизмомъ, часто не позволяющимъ мнѣ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ безъ посторонней помощи; страдаю я, далѣе нервной болѣзнью, дѣлающей опаснымъ, если не смертельнымъ, всякое переутомленіе и возбужденіе. И если въ Брауншвейгѣ *ни одинъ человѣкъ* не вѣритъ въ мою болѣзнь, то, очевидно, большинство его жителей внезапно ослѣпло или лишилось разсудка. Во-вторыхъ, что касается „дѣловыхъ соображеній", то вообще *за всю мою жизнь* матеріальные интересы *никогда* не заставляли меня уклоняться отъ служенія моимъ убѣжденіямъ. Утвержденіе противнаго по поводу моей нынѣшней вынужденной бездѣятельности является въ высшей степени легкомысленнымъ и грубымъ оскорбленіемъ. До сихъ поръ я никогда еще не считался съ

„нѣкоторыми дворянами - помѣщиками“ и, къ счастью, не имѣю въ томъ нужды. Люди, которые до сихъ поръ вступали со мною въ дѣловыя отношенія, одобряли, повидимому, мои *дѣловые* принципы и не спрашивали меня о моемъ политическомъ символѣ вѣры, а тѣ, кто хотѣлъ бы заняться этимъ, сдѣлаетъ лучше всего, если будетъ держаться подальше отъ меня (Браке продолжалъ дѣло своего отца—торговлю зерномъ и мукою. А. Б). Въ третьихъ: я, правда, осуждаю *всякія* насильственныя дѣйствія; но исторія учитъ, что всегда насиліе сверху порождало отвѣтныя насилія снизу. Поэтому также я *вполнѣ* согласенъ съ моими друзьями Бебелемъ и Либкнехтомъ, равно какъ и съ цюрихскимъ „Соціалъ-демократомъ“. О полной „утратѣ“ въ вашемъ смыслѣ не можетъ быть поэтому и рѣчи, хотя я, впрочемъ, остаюсь на нѣкоторое время полнымъ инвалидомъ“.

Это заявленіе было послѣднимъ публичнымъ выступленіемъ Браке. Не прошло и двухъ недѣль, какъ 27 апрѣля, въ 8 часовъ вечера онъ умеръ—въ возрастѣ всего лишь 38 лѣтъ — отъ кровоизліянія. Перестало биться великое сердце, стало однимъ изъ пріятнѣйшихъ людей меньше. Партія лишилась высоко интеллигентнаго, неутомимаго, готоваго на всяческія жертвы члена, жена и четверо дѣтей—страстно любящаго мужа и отца, престарѣлые родители—отецъ его самъ уже много лѣтъ болѣлъ—внимательнаго сына. Лично я, ближе другихъ сошедшійся съ нимъ, утратилъ въ его лицѣ постоянно веселаго, отзывчиваго друга и товарища, лучше котораго не найти.

Въ воскресенье 2 мая Браке былъ похороненъ при громадномъ стеченіи народа. Здѣсь опять полиція показала все свое варварство и жалкое ничтожество; она запретила нести вѣнки и произнесеніе рѣчей на могилѣ. Но это не смогло умалить грандіозность похоронъ. Брауншвейгскіе товарищи сами вырыли могилу, а ихъ жены усѣяли могильный холмикъ свѣжими цвѣтами; вокругъ могилы возвышалась гора вѣнковъ и пальмовыхъ вѣтвей. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій брауншвейгскіе товарищи соблюдали обычай устраивать въ годовщину смерти своего незабвеннаго вождя поминки на его могилѣ.

Когда Браке сложилъ свой мандатъ, кандидатомъ

въ 17 саксонскомъ округѣ былъ выставленъ Игнатій Ауэръ; въ № 5 „Соціалъ-демократа“ я напечаталъ призывъ къ денежнымъ сборамъ для избирательной кампаніи въ пользу его. 2 марта Ауэръ одержалъ побѣду, получивъ 8225 голосовъ противъ 7256 голосовъ своего соперника. Участіе въ выборахъ было довольно вялое, а полученное Ауэромъ большинство не очень значительно. Дѣло было не въ немъ самомъ. Зимою 1879/80 года нужда среди сравнительно весьма многочисленныхъ въ этомъ округѣ ручныхъ ткачей обострилась до чрезвычайности и это вызвало общій упадокъ духа и уныніе. Нужда—въ особенности ручныхъ ткачей въ селахъ такъ называемаго Мюльзенгрунда—была такъ велика, что я счелъ необходимымъ произвести анкету объ ихъ положеніи; чтобы обратить на него общественное вниманіе, я выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ „какъ живутъ наши ткачи“, которая вышла двумя изданіями. При обработкѣ матеріала я не одинъ разъ долженъ былъ задавать себѣ вопросъ: „какъ люди, вообще, могутъ жить въ подобныхъ условіяхъ?“

Другое обстоятельство, неблагопріятно отражавшееся на интересѣ къ выборамъ, состояло въ томъ, что полицейскія власти побудили владѣльцевъ ресторановъ и харчевенъ отказывать въ сдачѣ своихъ помѣщеній для собраній. И когда Ауэръ попытался хотя отчасти возмѣстить это тѣмъ, что сталъ обходить мѣстечки и всюду созывать въ рестораны жителей, чтобы высказаться въ частной бесѣдѣ, жандармы получили распоряженіе слѣдовать за нимъ по пятамъ. Однако, это усердное не по разуму стараніе спасать государство, которое въ ту пору проявляли саксонскія власти, начиная съ самыхъ верховъ и кончая послѣднимъ жандармомъ не дало, какъ указано, желательныхъ результатовъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть мимоходомъ невѣроятно глупыя нападки, которымъ въ то время подвергался въ Гамбургѣ Ауэръ со стороны небольшой группы гамбургскихъ товарищей, встрѣтившихъ поддержку со стороны Моста въ его „Свободѣ“. Они, между прочимъ, обвиняли Ауэра и Ракова въ томъ, что тѣ послѣ объявленія въ Берлинѣ малаго осаднаго положенія получили болѣе значительныя пособія, чѣмъ имъ слѣдовало. Нѣкій Кранстоверъ явился главнымъ распространителемъ подобныхъ обвиненій съ наслажденіемъ повто-

рявшихся дальше и соотвѣтстнующимъ образомъ дополнявшихся буржуазной прессой. Ауэръ и Раковъ подали на Кранстовера въ судъ; процессъ не далъ ни одного факта, могущаго положить пятно на ихъ честь. Гамбургская пресса дала вполнѣ безпристрастный отчетъ о процессѣ; лишь „Берлинская Почта“, которая тогда, какъ и нынѣ, принадлежала къ числу самыхъ злостныхъ и безчестныхъ враговъ партіи, самымъ гнуснымъ образомъ напала на Ауэра. Это побудило меня публично высказать Кранстоверу съ Компаніей, что они изъ ненависти къ Ауэру, совершили по отношеніи къ нему подлую выходку. И такъ какъ въ ту пору постоянно возникали подобныя дрязги съ взаимными обвиненіями и оскорбленіями, при чемъ—весьма характерно, постоянно выходило, что сторона, оказавшаяся неправой, переходила въ лагерь Моста, то я напечаталъ въ седьмомъ номерѣ „Соціалъ-демократа“ (1880 г,) рѣзкую статью, въ которой, между прочимъ, говорилъ: „Давно уже враждебная намъ пресса придерживалась тактики, старательно раздувать споры и разногласія, возникающіе между отдѣльными соціалистами, и изображать ихъ въ непривлекательномъ свѣтѣ, сѣя этимъ недовѣріе и расколъ въ партійныхъ кругахъ. Въ послѣднее время мы видѣли неоднократное примѣненіе этой тактики. Враждебная соціалистамъ пресса разсчитываетъ теперь съ тѣмъ большей надеждой на успѣхъ вызвать расколъ, что благодаря исключительному закону уничтожены въ Германіи партійная пресса и право собраній и, такимъ образомъ, мы лишены возможности опровергать нападки и клеветы и должнымъ образомъ заклеймить тактику нашихъ противниковъ. Въ виду этого каждый партійный товарищъ обязанъ почитать своимъ долгомъ противодѣйствовать въ кругу товарищей распространенію извращенныхъ свѣдѣній, а въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ недостаточно освѣдомленъ, обращаться къ товарищамъ, которые, какъ ему извѣстно, лучше освѣдомлены и у нихъ получать правильное объясненіе. За все время существованія соціалистической партіи не было періода подобнаго нынѣшнему, когда особенно необходимо сознаніе общей солидарности. Если это сознаніе ослабѣетъ или, если оно утратитъ свою силу, благодаря тому, что отдѣльные товарищи займутся распространеніемъ злостныхъ обвиненій

и измышленій, будь это изъ личной ненависти къ тому или иному члену партіи, или въ силу прирожденной неуживчивости и сварливости,—партія перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть, она превратится въ клику, которую, въ концѣ концовъ, покинутъ всѣ тѣ, кто честно относится къ дѣлу, тогда какъ верхъ возьмутъ безплодные и неспособные ни на что скандалисты“.

Но дополнительные выборы въ рейхстагъ во второмъ гамбургскомъ округѣ показали, что эти непрекращавшіяся дрязги не имѣли никакого вліянія на массу гамбургскихъ товарищей. Здѣсь 27 апрѣля 1880 г., въ день годовщины смерти Браке, былъ выбранъ въ рейхстагъ 13.118 голосами нашъ кандидатъ Гартманъ, получивъ, такимъ образомъ, наибольшее число голосовъ, какое мы имѣли когда-либо въ этомъ округѣ. Съ той поры, этотъ избирательный округъ оставался достояніемъ партіи—начиная съ выборовъ 1881 года, его представителемъ является Генрихъ Дитцъ. Мостъ, который постоянно распинался противъ участія въ выборахъ, отозвался на побѣду Гартмана слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Гамбургскимъ лавочникамъ захотѣлось разнообразія, а потому они послали въ Берлинъ вмѣсто мастера каменщика Бауэра (либерала) сапожника Гартмана. Вотъ и все“. Подобныя плоскости стали для Моста общимъ правиломъ.

Основаніе нелегальной партійной прессы.

Нелегально, незаконно,—съ точки зрѣнія закона противъ соціалистовъ, легально — согласно закону дѣйствующему за-границей, гдѣ она появилась. За-границей наши товарищи послѣ уничтоженія соціалистической прессы въ Германіи первые почувствовали необходимость изданія соціалъ-демократической газеты, ибо немногія уцѣлѣвшія послѣ изданія исключительнаго закона газеты меньше всего могли ихъ удовлетворять. Необычно велико было въ то время количество германскихъ соціалистовъ въ крупныхъ и крупнѣйшихъ городахъ европейскихъ странъ—въ Лондонѣ, Парижѣ, Брюсселѣ, Цюрихѣ, Базелѣ, Женевѣ и т. д., а также и въ Соединенныхъ Штатахъ. Длившійся съ 1874 г. промышленный кризисъ и преслѣдованія на почвѣ закона противъ соціалистовъ лишили куска хлѣба многія тысячи нашихъ партійныхъ товарищей и погнали ихъ за-границу. Въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ росла одна лишь эмиграція за океанъ, показываютъ слѣдующія цифры: въ 1879 г. число эмигрантовъ изъ Германіи доходило до 51.763 человѣкъ, въ 1880 г.—до 149.769, въ 1881 г.—247 332, въ 1882 г.—231.943, и въ 1883 г.—до 201.314. Нельзя точно установить, сколько изъ этихъ эмигрантовъ были соціалистами, но число ихъ было значительно, и оно неизмѣнно увеличивалось, при чемъ не только за счетъ высылаемыхъ изъ округовъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи, но также и изъ другихъ частей страны. Повсюду въ глазахъ полиціи соціалисты являлись красной дичью, и каждый полицейскій бездѣльникъ, (а число ихъ было велико), который добивался награды или повышенія по службѣ и надѣялся получить отъ своего начальства прощенія за совершонныя темныя дѣлишки, зналъ, что онъ достигнетъ цѣли усерднымъ преслѣдованіемъ соціалистовъ.

Перечень актовъ полицейскаго произвола и позорныхъ дѣйствій полиціи за эти годы составилъ бы толстую книгу.

Благодаря этимъ преслѣдованіямъ всюду за-границей значительно пополнились ряды членовъ германскихъ соціалистическихъ организацій и обществъ. Съ годами эти общества сдѣлались для партіи существенной опорой, распространяя нелегальную литературу и газеты и собирая средства для выполненія различныхъ задачъ, стоявшихъ передъ партіей въ самой Германіи.

Да и въ самой Германіи подъ гнетомъ исключительнаго закона все сильнѣе чувствовалась нужда въ принципіально выдержанной газетѣ. Безъ нея нельзя было обойтись: необходимо было, во-первыхъ, принципіальное освѣщеніе основныхъ вопросовъ и текущей жизни, чего не могли дать немногія выходящія въ Германіи газеты; необходима была, во-вторыхъ, критика дѣйствій полиціи и судовъ; въ-третьихъ, надо было столковываться о тактикѣ, соотвѣтствующей обстоятельствамъ; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, приходилось найти способъ освѣдомлять партійныхъ товарищей и давать имъ указанія, чего при данныхъ условіяхъ нельзя было дѣлать инымъ путемъ, какъ въ нелегальной печати.

Первой газетой—или, въ данномъ случаѣ правильнѣе, листкомъ—появившейся за-границей, былъ „Фонарь“, издававшійся Карломъ Гиршемъ. Форматъ этого листка—10 сантиметровъ на 7—былъ приспособленъ къ разсылкѣ его въ конвертахъ обычнаго тогда размѣра. Карлъ Гиршъ, жившій съ 1874 г. въ Парижѣ, былъ оттуда высланъ и направился въ Бреда (въ Бельгіи), гдѣ и сталъ издавать „Фонарь“. Листокъ этотъ не только отличался скудостью содержанія, но и тономъ своимъ не соотвѣтствовалъ потребностямъ читателя. Въ номерѣ отъ 11 мая 1879 г. Гиршъ обрушился на будто-бы господствующую въ Германіи чрезмѣрную осторожность: „Во всѣ концы Германіи пишутъ письма и циркуляры, всюду шепчутся, разъѣзжаютъ, лишь бы только удержать товарищей отъ поддержки и даже чтенія выходящихъ за-границей газетъ“.

Онъ рисовалъ положеніе въ мрачномъ освѣщеніи Мнѣ ничего не было извѣстно о подобныхъ интригахъ. Мы всѣ отрицательно отнеслись къ тому, что онъ подвергъ несправедливой, оскорбительной критикѣ рѣчь,

Макса Кайзера въ рейхстагѣ, хотя большинство изъ насъ не было съ нею согласно. Но это отнюдь не побудило насъ выступить противъ газеты Гирша. Правда, она не получила нашей поддержки, но исключительно потому, что въ томъ видѣ, въ какомъ газета выходила, она не удовлетворяла имѣющейся потребности.

Иначе обстояло дѣло съ „Свободой“ Моста, первый номеръ которой появился въ Лондонѣ въ концѣ декабря 1878 г.

Мостъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы Плотцензее 9 декабря 1878 г., черезъ полтора мѣсяца послѣ вступленія въ силу исключительнаго закона и черезъ 11 дней послѣ объявленія въ Берлинѣ малаго осаднаго положенія. Въ Берлинѣ, поэтому, ему нельзя было оставаться. Онъ направился сперва въ Брауншвейгъ, гдѣ, какъ онъ полагалъ, Браке искалъ редактора для своей неполитической освѣдомительной газеты, основанной имъ послѣ запрещенія его политическаго органа „Брауншвейгскаго Друга Народа“. Мостъ нашелъ мѣсто это уже занятымъ; онъ поѣхалъ тогда въ Гамбургъ, гдѣ съ 10 ноября вмѣсто закрытой „Народной Газеты“ стала выходить „Судебная Газета“. Но и здѣсь, гдѣ работали Ауэръ, Блосъ и другіе, онъ тоже не нашелъ пріюта. Тогда онъ рѣшился послѣдовать примѣру другихъ и переселиться въ Соединенные Штаты. Во время остановки по пути въ Лондонѣ онъ, при посѣщеніи Коммунистическаго рабочаго общества самообразованія, былъ убѣжденъ другомъ своимъ Францемъ Эрхартомъ остаться тамъ. Тотъ же Францъ Эрхартъ, согласно его разсказу въ „Пфальцскомъ Календарѣ“, внесъ предложеніе издавать газету; предложеніе это встрѣтило одобреніе Моста и Коммунистическаго общества самообразованія. Такъ возникла „Свобода“.

Органъ этотъ появился безъ предварительнаго освѣдомленія насъ хотя бы однимъ словомъ объ этомъ проектѣ и безъ попытки получить наше согласіе и содѣйствіе. Другой вопросъ, дали ли бы мы то и другое. Во всякомъ случаѣ, условіемъ было бы поставлено, чтобы органъ находился подъ нашимъ контролемъ, и чтобы мы имѣли возможность оказывать рѣшающее вліяніе на его направленіе. Безъ выполненія этого условія мы не могли бы ни рекомендовать газету, ни взять на себя въ какой либо степени отвѣтственность за нее. Это

знали также и въ Лондонѣ. Такимъ образомъ, дѣло начато было лондонцами за свой страхъ и рискъ. Въ началѣ газета велась довольно благоразумно. Но Мостъ не былъ бы Мостомъ, еслибъ разумъ и благоразуміе продолжительное время опредѣляли его поведеніе. Лишенный всякаго чувства отвѣтственности, по природѣ своей склонный къ экцентричностямъ, все болѣе и болѣе пришпориваемый приходящими изъ Германіи вѣстями о новыхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ властей, онъ далъ себя увлекать на все болѣе радикальный путь.

Довольно скоро онъ съ слѣпымъ фанатизмомъ обрушился на партію и, въ особенности, на ея вождей, тактики которыхъ онъ не понималъ. Для него совершенно не существовало то, что дѣлалось безъ шума и треска. Онъ съ страстнымъ усердіемъ сталъ раздувать въ своемъ органѣ всѣ мелкія дрязги и столкновенія, которыя при господствѣ исключительнаго закона чаще, чѣмъ когда бы то ни было, возникали то здѣсь, то тамъ, поскольку исключена была возможность спокойнаго и упорядоченнаго улаживанія конфликтовъ. Безъ критики онъ охотно предоставлялъ столбцы своей газеты для любой сплетни, въ особенности, если она была направлена противъ живущихъ въ Германіи вождей, причемъ старался своими злостными и оскорбительными комментаріями обострить и углубить споръ. Въ результатѣ уже въ серединѣ февраля 1880 г. „Соціалъ-демократъ“ могъ упрекать Моста за то, что его газета—если не считать короткаго періода въ началѣ ея существованія—посвящена въ гораздо большей степени натравливанію противъ партіи и причиненію ей вреда, чѣмъ борьбѣ съ ея врагами. И эта система озлобленныхъ нападокъ примѣнялась тѣмъ безудержнѣе, чѣмъ больше ему приходилось убѣждаться на опытѣ, что извѣстные въ партіи и видные товарищи, сперва привѣтствовавшіе основаніе его газеты, сотрудничавшіе въ ней и дѣятельно содѣйствовавшіе ея распространенію, послѣ появленія „Соціалъ-демократа“ все больше и больше покидали его. Въ концѣ-концовъ, онъ почувствовалъ себя изолированнымъ и постепенно сталъ жертвой окружавшихъ его людей, которые питали его тщеславіе и безудержно подхлестывали его радикализмъ. Отнынѣ онъ не зналъ границъ своему радикализму. Вожди партіи являлись въ его глазахъ всѣ безъ исключенія

погрязшими въ парламентскомъ кретинизмѣ и способными на всякую измѣну партіи. Съ особенной необузданностью обнаруживалъ онъ свою ненависть къ Ауэру, Либкнехту и Вальтейху—ненависть, которую онъ привезъ съ собою съ континента въ Лондонъ: къ Ауэру, потому что онъ въ редакціи „Берлинской Свободной Прессы" часто обуздывалъ радикализмъ Моста и давалъ ему чувствовать свое умственное превосходство; къ Либкнехту, потому что онъ, по мнѣнію Моста, любилъ съ легкой насмѣшкой отзываться на его фантастическіе планы и относился къ нему съ недостаточнымъ уваженіемъ; наконецъ, къ Вальтейху, потому что въ немъ—еще со времени своего пребыванія въ Хемницѣ—онъ видѣлъ своего личнаго врага, не желающаго ему, будто бы, давать ходу. Да и мнѣ тоже досталась доля его круто-наперченныхъ нападокъ, но, въ общемъ, я отдѣлался сравнительно легко. Когда осенью 1879 г. онъ донесъ на меня, что я весною совершилъ тайную агитаціонную поѣздку по Германіи, и я за это должнымъ образомъ отчиталъ его, онъ даже извинился, сославшись на то, что эту замѣтку онъ пропустилъ по недосмотру среди другихъ дѣлъ. Но уже совсѣмъ скоро онъ совершенно перестaлъ сознавать печальную роль, какую игралъ по отношенію къ партіи. И такъ какъ знаніе людей никогда не отличало его, и онъ легко поддавался на удочку всякихъ льстецовъ, то въ редакціи и экспедиціи его газеты прочно засѣли агенты берлинскаго полицейскаго управленія, толкавшіе его на всякаго рода глупости и безумства. Нападки на князей и вѣнценосцевъ приняли болѣзненный характеръ; Мостъ началъ печатать рецепты изготовленія бомбъ и взрывчатыхъ веществъ и сталъ проповѣдовать пропаганду дѣйствіемъ, которая единственно умѣстна передъ лицомъ праздной болтовни въ парламентахъ. Съ осени 1883 г. онъ находился въ какомъ-то кровавомъ туманѣ—онъ не переставалъ возбуждать къ покушеніямъ и убійствамъ и, когда его сторонники совершали ихъ, онъ разражался торжествующими кликами и восхвалялъ авторовъ, какъ спасителей человѣчества. А когда разоблачали кого либо изъ его сотрудниковъ, какъ полицейскаго шпіона—а это по мѣрѣ развитія его дѣятельности въ Лондонѣ случалось все чаще—онъ принималъ это, какъ несчастную случайность, отнюдь

не заставляющую его быть болѣе осторожнымъ. Эти шпіоны и были, должно быть, главными виновниками тѣхъ подлостей, какія за рядъ лѣтъ приходилось поставить на счетъ „Свободы“. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1880 г. „Свобода“ донесла на нашего берлинскаго товарища Генриха Фогеля, указавъ, что онъ получилъ изъ Цюриха адресованный на его имя ящикъ съ „Соціалъ-демократомъ“. Слѣдствіемъ этого была высылка Фогеля, повелшая за собою ликвидацію его процвѣтавшаго аптекарскаго магазина. Между тѣмъ, сообщеніе о Фогелѣ было лишено всякаго основанія.

При обрисованныхъ условіяхъ было вполнѣ естественнымъ дѣломъ, что мы тоже стали подумывать объ изданіи за-границей партійнаго органа. Не говоря уже о приведенныхъ выше причинахъ, это было желательно хотя бы для опроверженія вымысловъ и сплетенъ Моста. Во фракціи, гдѣ первыми возбудили этотъ вопросъ я и Либкнехтъ, мнѣнія по этому поводу рѣзко расходились. Среди ея членовъ не мало было такихъ, которые по-прежнему стояли за выжидательную тактику, опасались въ результатѣ появленія подобнаго органа обостренія гоненій на партію со стороны властей и считали тогда погибшими свои надежды на скорую отмѣну исключительнаго закона. Противъ подобныхъ взглядовъ рѣшительно выступили Либкнехтъ и я. Въ концѣ-концовъ, сошлись на необходимости сдѣлать попытку. Газету предполагалось выпускать въ Цюрихѣ, при чемъ исходили изъ увѣренности, что наши живущіе въ Цюрихѣ товарищи—высланный изъ Берлина страховой инспекторъ Шраммъ, Карлъ Гёхбергъ и его секретарь Бернштейнъ окажутъ предпріятію свою поддержку. Въ виду не было такихъ швейцарскихъ товарищей, которымъ можно было бы поручить веденіе дѣла, а среди нашихъ товарищей изъ Нѣмецкаго Общества въ Цюрихѣ тоже не было подходящихъ силъ. Но упомянутые цюрихскіе товарищи встрѣтили наше предложеніе безъ особаго восторга; среди нихъ господствовало страннымъ образомъ весьма подавленное настроеніе. Уже 15 марта 1879 г. Бернштейнъ писалъ Мосту: „Своими писаніями ты отнюдь не приносишь большой пользы нашему дѣлу, какъ это въ свое время было и съ „Народнымъ Государствомъ“. Я давно уже пришелъ къ убѣжденію, что послѣднее очень, очень сильно повредило намъ, поро-

дивъ намъ новыхъ враговъ и прививъ нашимъ собственнымъ работникамъ тотъ нелѣпый самодовольный тонъ, который демонстрируетъ — въ сознаніи своей непогрѣшимости — свое превосходство надъ всѣми и нападаетъ на всѣхъ безъ различія. Въ послѣдніе годы, къ счастью, стали оставлять эту привычку, и если ты снова хочешь ввести въ употребленіе подобный тонъ, то ты долженъ позволить мнѣ, по крайней мѣрѣ, протестовать противъ этого"... И въ тотъ же самый день Гёхбергъ, очевидно, въ отвѣтъ на письмо Моста, писалъ ему: „Что касается осторожности и взвѣшиванія своихъ словъ, то въ этомъ отношеніи я остался такимъ же, каковъ былъ прежде; я думаю, вы помните, что мнѣ весьма часто не нравился тонъ нашихъ газетъ, въ особенности „Центральнаго Органа" въ Лейпцигѣ, и—кто знаетъ,—не слѣдуетъ ли приписать долю вины за изданіе исключительнаго закона тѣмъ преувеличеніямъ и крайностямъ, какія часто наблюдались въ нашей прессѣ и агитаціи". Было счастьемъ, что эти заявленія, которымъ соотвѣтствовали впослѣдствіи другія (о нихъ мнѣ еще придется говорить), остались неопубликованными, они вызвали бы сильное раздраженіе въ средѣ товарищей и дали бы врагамъ оружіе противъ насъ.

На наше предложеніе цюрихцы отвѣтили контъ проектомъ объ изданіи и распространеніи воспроизводимой на гектографѣ партійной кореспонденціи. Въ концѣ-концовъ, они заявили о принятіи нашего плана, но большого рвенія осуществить его отнюдь не обнаруживали. Либкнехтъ былъ того мнѣнія, что редакцію слѣдуетъ поручить Карлу Гиршу, „Фонарь" котораго не могъ расчитывать на дальнѣйшее существованіе, и я тоже сначала склонялся въ его пользу. Марксъ и Энгельсъ тоже соглашались на кандидатуру Гирша, но желали, чтобы органъ издавался въ Лондонѣ, гдѣ на лицо имѣются наибольшія гарантіи его жизнеспособности, чего нельзя было сказать о Швейцаріи. Притомъ Марксъ и Энгельсъ питали вполнѣ опредѣленное недовѣріе къ цюрихской тройкѣ — Бернштейну, Гёхбергу и Шрамму, неблагопріятнаго вліянія которыхъ на направленіе газеты они весьма опасались. Гиршъ соглашался взяться за редакторство, но хотѣлъ знать, имѣются ли въ наличности необходимыя средства, могущія обезпе-

чить существованіе газеты. Либкнехтъ, всегда питавшій большую слабость къ Лондону и Англіи, склонялся къ перенесенію изданія туда. Противъ этого я рѣшительно возсталъ; если мы не хотимъ ограничиваться письменными сношеніями съ персоналомъ редакціи, а считаемъ нужнымъ также и личное общеніе съ нимъ, то это гораздо легче достижимо при предпочтеніи Цюриха Лондону. Кромѣ того, Цюрихъ—городъ съ преобладаніемъ нѣмецкаго языка и сосѣдство Швейцаріи съ южно-германскими государствами создаетъ неоспоримыя преимущества для сношеній съ нашими товарищами. Да и контрабандный ввозъ легче организовать изъ Швейцаріи, чѣмъ изъ Лондона. Не нравилось мнѣ также, что Гиршъ требовалъ финансоваго обезпеченія существованія органа. Надъ подобными вопросами мы до сихъ поръ при основаніи новыхъ газетъ никогда не задумывались, довѣріе къ творческимъ силамъ партіи было такъ велико, что имъ не придавали значенія. Я, поэтому, въ концѣ-концовъ, остановилъ свой выборъ на Фольмарѣ, который мнѣ казался наиболѣе подходящимъ, и уже списывался съ нимъ по этому поводу. Вотъ что писалъ я ему о положеніи дѣла 17 іюля 1879 г.:

„Ваше письмо не застало меня въ Берлинѣ, только сегодня оно попало въ мои руки. Относительно вашего положенія могу сообщить вамъ слѣдующее: мы рѣшили редакторомъ новой газеты, которая должна выходить въ Цюрихѣ, если тамъ на это согласятся, пригласить Карла Гирша или васъ Рѣчь зашла о Карлѣ Гиршѣ потому, что онъ долженъ прекратить свой „Фонарь" и простое приличіе требовало въ данномъ случаѣ предложить ему редакторскій постъ, который пока что не можетъ быть особенно хорошо оплачиваемъ. Я надѣюсь и желаю, чтобы онъ отклонилъ это предложеніе—и это вѣроятно, ибо въ Парижѣ онъ хорошо устроился (высылка Гирша изъ Франціи была отмѣнена); дѣло рѣшится на протяженіи ближайшихъ двухъ недѣль. Сперва Либкхнетъ поѣдетъ въ Гамбургъ, чтобы получить одобреніе нашего проекта, потомъ напишетъ въ Парижъ. Съ другой стороны, я устроилъ, чтобы Карлу Гиршу написали, что ему не слѣдуетъ принимать приглашеніе. Болѣе опредѣленно пока ничего нельзя сказать. Газета должна начать выходить самое позднее—въ серединѣ

августа, если не возникнутъ непредвидѣнныя затрудненія. Свиданіе въ Богеміи (Фольмаръ тогда находился въ Теплицѣ) вы сами признаете немыслимымъ, если я вамъ сообщу, что Вальтейхъ, который долженъ былъ на этой недѣлѣ начать свое дѣло и получилъ уже для этого нужныя деньги, вчера спѣшно поѣхалъ въ Временъ, потому что Гёхбергъ заявляетъ, что остановитъ тамошнее дѣло, если В. будетъ довѣреннымъ. В. изъ Бремена собирается въ Гамбургъ, и я не имѣю никакого представленія, когда онъ оттуда вернется. Либкнехтъ завтра отправляется въ Бреславль, оттуда въ Гамбургъ и вернется лишь въ понедѣльникъ. Кайзеръ собирался на этой недѣлѣ въ Фрейбергъ и его округъ, но будетъ къ 18 числу въ Бреславлѣ ко времени перебаллотировки; гдѣ онъ будетъ потомъ, не знаю. Вимеръ совершаетъ объѣздъ южной Германіи, я долженъ въ понедѣльникъ уѣхать на двѣ недѣли съ лишнимъ, такъ что изъ всей фракціи остается одинъ лишь Фритче, который, насколько я знаю, находится здѣсь. Такимъ образомъ, совершенно невозможно что нибудь сообща обсудить или сдѣлать.

Исторію со слѣжкой вы во всякомъ случаѣ должны опубликовать, она до извѣстной степени напоминаетъ нашъ берлинскій опытъ, гдѣ за нами слѣдили до самой послѣдней минуты. Сердечный привѣтъ отъ вашего А. Бебеля.

Сообщите сюда сейчасъ же, когда отправитесь въ тюрьму (Фольмару оставалось отсидѣть еще три недѣли)".

Замѣчу здѣсь, что письма Фольмара у меня пропали, равно какъ и письма ко мнѣ Энгельса, сохранившіяся у меня лишь съ ноября 1879 г.

Весною 1879 г. до насъ дошло, что Мостъ, желая зарекомендовать свою газету, написалъ одному цюрихскому товарищу письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: „У Маркса и Энгельса я провелъ уже нѣсколько разъ по многу часовъ. Хотя, когда затѣвалась „Свобода", не спросили ихъ совѣта, ибо они до того принесли слишкомъ большія матеріальныя жертвы на подобныя предпріятія, все же они одобряютъ его, вплоть до направленія газеты и ея тона, что не мѣшаетъ замѣтить себѣ Эди (Бернштейну). Въ отличіе отъ тѣхъ двухъ попытокъ отговорить меня, какія дѣ-

лались со стороны Лейпцига и Кастаньолы (гдѣ въ началѣ 1879 г. жили Гёхбергъ и Бернштейнъ), старики сошлись съ сотнями другихъ, писавшихъ мнѣ до сихъ поръ изъ Германіи ободряющія письма. Далекіе отъ того, чтобы бранить меня за дѣло съ Леманомъ и компаніей, они мнѣ обѣщали доставить какъ можно больше матеріала для новыхъ нападеній, такъ какъ необходимо всегда подстегивать реакцію, которая въ противномъ случаѣ остываетъ и не даетъ тогда столь хорошихъ результатовъ, какъ тогда, когда она все больше безумствуетъ",—что, разумѣется, не приноситъ вреда Гансу въ Лондонѣ, далекому отъ Мадрида. Я полагаю, что написанное здѣсь Мостомъ про Маркса и Энгельса соотвѣтствовало дѣйствительности. Надо подчеркнуть, что это письмо помѣчено 3 февраля 1879 г., т. е. относится къ тому времени, когда „Свобода" велась въ сравнительно благоразумномъ духѣ. Но Мостъ старался все время—и притомъ неправильно и съ значительными преувеличеніями—использовать одобреніе нашихъ стариковъ, и въ результатѣ эта похвальба дошла также и до ушей Маркса и Энгельса, что побудило ихъ, какъ показываетъ нижеслѣдующее письмо, запросить Браке, въ чемъ дѣло. Браке обратился ко мнѣ, и тогда я отвѣтилъ Энгельсу.

Лейпцигъ, 19 іюля 1879 г.

„Дорогой Энгельсъ!

Браке переслалъ мнѣ ваше письмо отъ 28 го, въ которомъ вы просили разъясненія на счетъ словъ Моста по поводу вашего и Маркса отношенія къ „Свободѣ".

Насколько я припоминаю, мои свѣдѣнія исходятъ отъ Бернштейна изъ Цюриха, это, слѣдовательно, тотъ-же источникъ, изъ котораго исходятъ и дошедшія до васъ другимъ путемъ извѣстія.

Я предложилъ бы вамъ пока что не выступать съ публичнымъ заявленіемъ противъ Моста а опубликовать свое и Маркса мнѣніе другимъ способомъ.

Какъ разъ повсюду теперь выяснилась потребность въ существованіи за границей газеты, могущей писать совершенно свободно и—что важнѣе всего—социалистически. Необходима она, съ одной стороны, для того, чтобы лучше поддерживались партійныя связи, затѣмъ

въ особенности для того, чтобы имѣть возможность безъ стѣсненій обсуждать принципіальные вопросы, равно какъ и вопросы тактики. Газета должна появиться въ теченіе ближайшаго мѣсяца, въ форматѣ и съ внѣшнимъ видомъ прежняго „Народнаго Государства“; выходить она будетъ въ Цюрихѣ, гдѣ, послѣ зрѣлаго обсужденія, условія для этого признаны самыми благопріятными. Карлъ Гиршъ долженъ прекратить и, дѣйствительно, прекратитъ изданіе „Фонаря“, редакторомъ долженъ быть онъ или Фольмаръ. Мы всѣ собираемся сотрудничать и распространеніе газеты должно быть организовано возможно шире.

Въ лицѣ этого органа мы получимъ надлежащее оружіе противъ Моста—хотя мы рѣшили обезвредить „Свободу“ больше простымъ игнорированіемъ ея, чѣмъ непосредственной полемикой съ нею. И въ этомъ органѣ вы сможете въ кореспонденціи изъ Лондона сказать то, что считаете необходимымъ—мы вѣдь надѣемся и расчитываемъ на то, что вы и Марксъ будете сотрудничать въ газетѣ.

Для того, чтобы не затруднять существованіе газеты вмѣшательствомъ со стороны германскаго правительства, она должна будетъ носить международный характеръ и на ряду съ нѣмецкимъ имѣть редактора—швейцарца.

Я не сомнѣваюсь, что начинаніе наше будетъ успѣшно, и что оно встрѣтитъ также одобреніе ваше и Маркса...

Прошу у васъ и у Маркса извиненія, что пишу такъ рѣдко, но я, право, заваленъ работой свыше всякой мѣры; переходя постоянно изъ одной шкуры въ другую,—то коммерсантъ и коммивояжеръ, то снова партійный работникъ, при чемъ всегда приходится вкушать самыя непріятныя стороны данной профессіи, я неизмѣнно нахожусь въ нервномъ возбужденіи и испытываю переутомленіе.

Сердечный привѣтъ вамъ и Марксу отъ вашего

А. Бебеля“.

Дальше я ограничусь по вопросу о „Соціалъ-демократѣ“ ознакомленіемъ читателя съ перепиской по этому поводу между Фольмаромъ и мною, и Энгельсомъ и мною. Къ этимъ письмамъ я дамъ пояснительныя замѣчанія

въ тѣхъ случаяхъ, когда это покажется мнѣ нужнымъ для лучшаго уясненія дѣла.

27 іюля 1879 г. я писалъ изъ Лейпцига Фольмару:

„Пишу наспѣхъ лишь нѣсколько строкъ, такъ какъ завтра утромъ долженъ ѣхать и отъ усталости едва держусь на ногахъ.

О переселеніи Либкнехта въ Цюрихъ нечего и думать; мы совсѣмъ не намѣревались перенести центръ тяжести за-границу цѣликомъ, какъ это вамъ представляется. Къ тому же Либкнехтъ не можетъ перебраться туда съ семьею, и наѣзжать оттуда въ рейхстагъ, а остальное время жить за-границей—это значило бы вызвать противъ себя настоящую травлю.

Мы считаемъ выходъ одинъ разъ въ недѣлю вполнѣ достаточнымъ; Марксъ и Энгельсъ пишутъ мнѣ сегодня изъ Лондона, что на первое время они считаютъ даже достаточнымъ выходъ два раза въ мѣсяцъ. Откуда достать средства на болѣе частый выходъ? Объ этомъ нечего и думать, ибо уже при еженедѣльномъ выходѣ подписная плата доходитъ до 3—4 марокъ за четверть года, такъ какъ экспедиція обойдется очень дорого. При разсылкѣ въ конвертахъ однѣ лишь марки стоятъ на каждый номеръ 20 пфен. Редакторъ вмѣстѣ съ Шраммомъ, Гёхбергомъ и Бернштейномъ, которые живутъ почти что въ Цюрихѣ, составятъ достаточную коллегію. Притомъ, само собою разумѣется, что главная работа будетъ дѣлаться въ Германіи. Что касается названія, то Карлъ Гиршъ предложилъ то же, что и вы. Мы противъ него, потому что это дало бы первый поводъ для вмѣшательства со стороны германскаго правительства и сдѣлало бы невозможнымъ для насъ дальнѣйшее веденіе предпріятія въ Швейцаріи.

Что касается времени появленія перваго номера, то, кажется, цюрихцы слишкомъ тянутъ, они хотятъ начать лишь 1 октября, противъ чего мы возстаемъ. Надо безусловно начать 1 сентября, но мы, разумѣется, не можемъ насиловать цюрихцевъ, разъ они заявляютъ, что раньше не справятся. Съ дороги я еще напишу Бернштейну и возможно скорѣе.

Если вы хотите и считаете это цѣлесообразнымъ, то можете, такимъ образомъ, отсидѣть свои три недѣли безъ всякаго вреда. Я на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы

именно такъ, потому что тогда вы будете всегда располагать свободой дѣйствій и для работы въ Германіи.

По вопросу о редакціи въ Цюрихѣ еще ничего не рѣшено, сперва написали въ Парижъ Карлу Гиршу. Изъ Цюриха спрашиваютъ, не лишитесь ли вы пенсіи, если будете жить за границей.

Энгельсъ и Марксъ заявили о своемъ согласіи съ сущностью нашего проекта.

Вашъ А. Бебель".

Необходимость въ интересахъ моего предпріятія (токарная мастерская) проводить лѣто въ разъѣздахъ помѣшала мнѣ неотступно слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ Цюрихѣ и настойчиво требовать отъ цюрихцевъ быстраго рѣшенія. Я былъ поэтому принужденъ писать Фольмару 17 августа слѣдующее:

„Вчера вечеромъ я вернулся изъ поѣздки, совершонную съ такой поспѣшностью, что у меня совсѣмъ не оставалось времени на писаніе писемъ. Въ данную минуту я знаю врядъ ли больше, чѣмъ три недѣли тому назадъ. Похоже, что въ Цюрихѣ относятся къ дѣлу очень вяло и нерѣшительно и я, разумѣется, отнюдь не восторгаюсь такимъ отношеніемъ.

Въ результатѣ писемъ Бернштейна къ Гиршу и Гирша въ Лондонъ Энгельсъ и Марксъ отказались отъ сотрудничества, какъ я это узналъ сегодня изъ письма Энгельса, ждавшаго меня здѣсь. Причиной тому вялое и безцвѣтное направленіе, какого опасаются Энгельсъ и Марксъ, судя по этому письму.

О томъ, чтобы газета была разумна и соотвѣтствовала намѣченной цѣли—объ этомъ мы позаботимся; но что касается рѣшенія вопроса о редактированіи съ тою быстротой, какую вы съ полнымъ правомъ ожидаете, то въ этомъ направленіи я въ данную минуту ничего не могу сдѣлать. Поэтому прошу васъ, такъ какъ я не могъ бы взять на себя всю отвѣтственность, самому принять рѣшеніе въ зависимости отъ отвѣта, какой вы получите изъ Цюриха. Прошу также освѣдомить меня объ этомъ рѣшеніи, чтобы я былъ въ курсѣ дѣла.

Завтра я напишу Бернштейну и мое письмо не оставитъ желать большаго въ смыслѣ категоричности; такъ какъ къ тому же я теперь буду оставаться дома почти

все время, не считая кратковременныхъ перерывовъ, то сдѣлаю для рѣшенія дѣла все, что смогу. Замѣчу еще, что судя по письму Энгельса, Гиршъ опредѣленно отказался, такъ что наше предложеніе касательно васъ должно быть принято, если только цюрихцы не намѣрены дѣйствовать совершенно самостоятельно. Это будетъ встрѣчено съ нашей стороны съ большимъ неудовольствіемъ и вызоветъ разногласія.

Со всей поспѣшностью вашъ А. Бебель".

Взятіе назадъ согласія сотрудничать въ „Соціалъ-демократѣ" послѣдовало со стороны Маркса и Энгельса главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ Гирша. Оба они еще со времени издававшагося Гёхбергомъ „Будущаго" были полны недовѣріемъ къ Гёхбергу, который, по ихъ мнѣнію, открылъ столбцы своей газеты слишкомъ смѣшанной компаніи докторовъ, студентовъ и катедеръ-соціалистовъ и теперь, какъ они опасались повторить ту же исторію съ „Соціалъ-демократомъ". А тутъ Гиршъ не только переслалъ въ Лондонъ письма Бернштейна, которыя, вѣроятно,—я ихъ никогда не видалъ—казались подкрѣпляющими опасенія Маркса и Энгельса. Гиршъ, который тѣмъ временемъ былъ въ Цюрихѣ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ вещей, сообщилъ далѣе въ Лондонъ, что въ Цюрихѣ, кромѣ Шрамма, Гёхберга и Бернштейна, онъ засталъ также Зингера и Фирека, делегатовъ изъ Лейпцига, и что первые трое назначены въ качествѣ управленія и наблюдательной инстанціи надъ редакціей. Въ случаѣ разногласій противъ ихъ рѣшеній надлежитъ обращаться, какъ къ высшей инстанціи, къ намъ въ Лейпцигъ. Гиршъ, который, вообще, не думалъ серьезно о переѣздѣ въ Цюрихъ и который вдобавокъ былъ пессимистомъ и рѣзко враждебно относился къ тремъ вышеназваннымъ товарищамъ, изобразилъ все это въ своихъ письмахъ въ Лондонъ въ соотвѣтственномъ освѣщеніи и этимъ укрѣпилъ рѣшеніе Маркса и Энгельса отказаться отъ сотрудничества.

По этому поводу вотъ что писалъ я Энгельсу 20 августа:

„Дорогой Энгельсъ!

Ваше представленіе о вновь организуемой газетѣ неправильно и, если Карлъ Гиршъ на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ письмѣ Бернштейна пришелъ къ та-

кимъ же заключеніямъ, то это тѣмъ непонятнѣе, что онъ отъ Либкнехта получилъ достаточныя разъясненія и свѣдѣнія. Либкнехтъ отзывается о Карлѣ Гиршѣ очень скверно, онъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ отказался отъ принятія мѣста редактора совсѣмъ по другимъ мотивамъ, чѣмъ тѣ, какіе онъ самъ приводитъ.

Могу васъ увѣрить, что мы не потерпимъ отклоненія редакціи отъ направленія, какое я изложилъ вамъ въ своемъ письмѣ, и что не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь серьезномъ вліяніи Гёхберга. Объ этомъ позаботится также и Фольмаръ, которому, въ виду отказа Гирша, поручена редакція. Мы должны ожидать отъ Фольмара скорѣе слишкомъ рѣзкаго и грубаго тона, чѣмъ наоборотъ; затѣмъ, Фольмаръ съ той поры, какъ участвуетъ въ движеніи, постоянно съ интересомъ слѣдитъ за международнымъ движеніемъ, такъ что и въ этой области онъ отнюдь не является профаномъ. Впрочемъ, передъ отъѣздомъ въ Цюрихъ Фольмаръ, въ настоящее время отбывающій еще трехнедѣльное тюремное заключеніе, будетъ имѣть здѣсь съ нами основательную и продолжительную бесѣду, такъ что будетъ точно освѣдомленъ о нашихъ намѣреніяхъ.

Надѣюсь, такимъ образомъ, что вы и Марксъ, согласно первоначальному обѣщанію, станете сотрудничать въ газетѣ, чтобы она, дѣйствительно, стала германско-международнымъ органомъ.

Прошу извинить за столь запоздалый отвѣтъ на ваше письмо—нѣсколько недѣль я провелъ въ дѣловой поѣздкѣ и только въ субботу вернулся. Впечатлѣніе, какое я вынесъ во время своей поѣздки о настроеніи въ народѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ соображеніямъ, высказанныхъ въ вашемъ предыдущемъ письмѣ о результатахъ германской таможенной политики. Несмотря на исключительный законъ, мы можемъ быть очень довольны ходомъ вещей.

Сердечный привѣтъ вамъ и Марксу.

Вашъ А. Бебель".

„P. S Если даже Гехбергъ будетъ матеріально поддерживать газету,—объ этомъ я пока ничего не знаю,—то все же мы отнюдь не принуждены опираться на него одного. Съ разныхъ сторонъ намъ обѣщано уже 800 ма-

рокъ и будетъ больше, если понадобится; къ тому же я надѣюсь, что не понадобится значительныхъ суммъ, ибо газета въ скоромъ времени будетъ окупать расходы. Наконецъ, я долженъ сказать, что Гёхбергъ до сихъ поръ никогда не дѣлалъ ни малѣйшей попытки прiобрѣсти ненадлежащее влiянiе. У него слишкомъ много хлопотъ съ самимъ собою и онъ физически слишкомъ немощенъ, чтобы думать объ этомъ. Вполнѣ естественно, что, будучи редакторомъ „Будущаго", онъ давалъ возможно больше простора своимъ взглядамъ. Въ редакцiи „Соцiалъ-демократа" его голосъ не сильнѣе голоса любого извѣстнаго партiйнаго товарища и его мнѣнiе ни при какихъ условiяхъ не сможетъ взять верхъ надъ нашимъ".

Мое послѣднее письмо Фольмару до вступленiя его въ исполненiе редакторскихъ обязанностей гласило слѣдующее:

Лейпцигъ, 24 августа 1879 г.

„Дорогой другъ!

Я очень радъ, что, наконецъ, редакторскiй вопросъ, т.-е. главный вопросъ, улаженъ. Разумѣется, ваше свиданiе съ нами весьма желательно и лучше всего, если оно состоится здѣсь, ибо тогда вы прямымъ путемъ попадете въ Цюрихъ. До этого свиданiя мы думаемъ оставить до выясненiя всѣ спецiальные пункты, такъ какъ устно сговариваться всегда быстрѣе.

Въ Цюрихѣ, кажется, вполнѣ умѣстно нѣкоторое давленiе въ лѣвую сторону и оно должно и уже теперь послѣдуетъ отсюда. Первые шаги, предпринятые тамъ, не встрѣчаютъ нашего одобренiя, потому что они явно говорятъ о вялости. Замѣтно, какъ легко утрачивается чуткость и энергiя у людей, по характеру своему склонныхъ къ уступчивости.

О расходахъ по проѣзду я позабочусь. Будьте добры, привезите съ собою мои книги, если вы здѣсь будете. Письмо ваше къ Мосту не будетъ имѣть успѣха. Мостъ станетъ лишь еще больше бушевать, когда узнаетъ о нашемъ проектѣ, и такъ какъ для него дѣло идетъ въ данномъ случаѣ, какъ о кускѣ хлѣба, такъ и о влiянiи въ партiи, то онъ еще разъ припишетъ намъ самые

скверные мотивы. Я не напечаталъ противъ Моста ни одной строчки, и все же онъ нападаетъ на меня съ такой же яростью, какъ и на другихъ.

Энгельсу и Марксу въ Лондонъ написано, и думаю я, что они, нѣсколько легкомысленно давшіе повліять на себя Гиршу, теперь заговорятъ другимъ тономъ.

Пожелаю, чтобы время вашего заключенія не показалось вамъ ползущимъ слишкомъ медленно и протекло нормально. Дружески вашъ

А. Бебель".

При выходѣ Фольмара изъ тюрьмы дрезденская полиція вручила ему на дорогу въ Цюрихъ приказъ о высылкѣ изъ Дрездена; Максъ Кайзеръ въ виду его осужденія въ силу § 22 исключительнаго закона получилъ такой же приказъ.

Ежегодникъ Рихтера.

Причина медлительности и вялости трехъ цюрихскихъ товарищей—Шрамма, Гёхберга и Бернштейна—вопреки нашему требованію ускорить появленіе „Соціалъ демократа“, наконецъ, разъяснилась; въ появившемся въ іюлѣ 1879 г. „Ежегодникѣ Соціальныхъ наукъ и соціальной политики“, изданномъ по иниціативѣ Гёхберга, они помѣстили сообща написанную статью, которая плохо согласовалась съ затѣяннымъ нами предпріятіемъ. Мы собирались въ основываемой нами газетѣ со всей рѣшительностью и рѣзкостью повести борьбу противъ позорнаго закона, который въ нашихъ глазахъ являлся закономъ противъ соціалистовъ. А тройка въ своей своебразной невозмутимости смотрѣла на этотъ законъ, какъ на отнюдь не незаслуженное наказаніе за наше столь мало примѣрное поведеніе въ періодъ, предшествовавшій его изданію; эта точка зрѣнія проявилась уже въ письмахъ къ Мосту, написанныхъ въ мартѣ. Такъ, въ введеніи къ статьѣ, озаглавленной „Замѣтки о соціалистическомъ движеніи, критическіе афоризмы *.**, они заявляли, что партіи необходимъ періодъ покоя, своевременно навязаннаго ей исключительнымъ закономъ, для самокритики и углубленія внутрь себя, т.-е, что ей нуженъ своего рода постъ. Послѣ порицанія за то, что до сихъ поръ мы не участвовали ни въ коммунальныхъ выборахъ, ни въ выборахъ въ ландтаги, не взирая на существующіе мѣстные законы, они критиковали наше отрицательное отношеніе къ буржуазнымъ демократамъ и интеллигенціи. Этимъ отталкиваютъ полезныхъ союзниковъ и мѣшаютъ, такимъ образомъ, привлечь на сторону партіи представителей интеллигенціи и знанія, которые могли бы содѣйствовать поднятію ея на болѣе высокій уровень. Въ своей односторонности—говорилось тамъ дальше — признали

себя „рабочей партіей“ и благодаря этому осудили себя на пользованіе умственнымъ творчествомъ немногихъ лицъ, которые повторяютъ въ партійномъ органѣ содержаніе агитаціонныхъ брошюръ Лассаля, нерѣдко его же словами. Въ своихъ писаніяхъ имѣя въ виду однихъ лишь рабочихъ и къ нимъ однимъ обращаясь, въ прессу перенесли тонъ народныхъ собраній и старались перещеголять другъ друга въ употребленіи сильныхъ выраженій. Тонъ газетъ отнюдь не содѣйствовалъ развитію хорошаго вкуса. Если заняться составленіемъ словаря употребляемыхъ въ нашихъ газетахъ бранныхъ словечекъ и рѣзкихъ выраженій—при этомъ досталось Лассалю за отдѣльныя выраженія въ „Бастіа-Шульце“, недостаточно вѣжливыя,—„то, навѣрно, даже самые свирѣпые товарищи не смогутъ признать его образцовымъ произведеніемъ, способнымъ научить хорошему тону... А каковъ стиль, таковъ и человѣкъ.. Говоря откровенно, здѣсь дурной примѣръ отдѣльныхъ вождей оказалъ прямо-таки деморализующее вліяніе“.

Въ такомъ же духѣ продолжалась эта морализующая проповѣдь и на дальнѣйшемъ протяженіи статьи. Она коснулась даже манеры одѣваться, внѣшняго вида и обращенія партійныхъ товарищей. „Быть грязнымъ изъ-за работы, разумѣется, не стыдно, но стыдно чувствовать себя хорошо въ грязи послѣ работы“.

По поводу „проникновенія соціалистическихъ идей въ круги образованныхъ“, которое чудилось тройкѣ, говорилось: „Выступленіе пасторовъ Штекера и Тодта, даже отношеніе князя Бисмарка къ столь опредѣленно соціалистически, если не соціалъ-демократически настроеннымъ лицамъ, какъ тайный совѣтникъ Вагенеръ и Лотарь Бухеръ, ясно показываетъ, что новая истина непреодолимо захватываетъ умы“. Дальше идутъ нападки на полуобразованіе, на отсутствіе такта у отдѣльныхъ редакторовъ, и поставленъ вопросъ, не лежитъ ли на самой партіи доля вины за пораженіе 21 октября 1878 г. И на этотъ вопросъ дается утвердительный отвѣтъ.

Я даю тутъ лишь краткое, далеко неполное изложеніе статьи.

Въ статьѣ этой, страдающей отсутствіемъ широкаго кругозора и глубокаго пониманія движенія, мы увидѣли настоящую работу школьнаго учителя, которая

должна вызвать раздраженіе повсюду въ партійныхъ кругахъ, гдѣ ее прочтутъ. Моментъ для подобнаго выступленія былъ выбранъ, какъ нельзя болѣе некстати. Къ счастью, книга не предназначалась для публики. Бисмарку съ компаніей она доставила бы полное удовлетвореніе и дала бы имъ оправданіе ихъ поведенія по отношенію къ намъ. Какъ только книга попала къ Марксу и Энгельсу—а они получили ее раньше насъ,—и они прочли пресловутую статью,—ихъ гнѣву не было границъ. Не хватало только этой книги, чтобы окончательно внушить имъ обоимъ убѣжденіе, что въ лицѣ Гехберга—ибо безъ его финансовой поддержки книга не могла бы появиться—они имѣютъ дѣло съ сознательнымъ развратителемъ партіи. Они написали статью, въ которой основательно раскритиковали всю книгу и изложенную статью. Энгельсъ даже писалъ мнѣ, что человѣкъ, подобный Гехбергу, долженъ быть исключенъ изъ партіи. Свою полемическую статью они послали для ознакомленія фракціи, которая, въ свою очередь, поручила Фритче написать отвѣтъ, послѣ того, какъ мы столковались о его содержаніи. Статья Маркса и Энгельса была переслана Браке, какъ они этого настоятельно потребовали, а отъ него—цюрихскому созвѣздію. Вслѣдъ за этимъ я писалъ Энгельсу:

Лейпцигъ, 23 октября 1879 г.

„Дорогой Энгельсъ!

Прилагаемый отвѣтъ на вашу и Маркса критику потому отличается формальнымъ характеромъ, что составилъ его Фритче.

Въ тотъ самый моментъ, когда я собирался отправить рукопись, я получилъ подъ бандеролью часть Рихтеровскаго Ежегодника, содержащаго знаменитую статью. Я ее прочелъ и понимаю теперь ваше возмущеніе. Не говоря уже о принципіальныхъ погрѣшностяхъ, статья эта пропитана духомъ класснаго наставника—ничего подобнаго мнѣ до сихъ поръ не приходилось видѣть. Такъ высоко возносясь надъ всѣми и съ своего высокаго мѣста проливая свой критическій свѣтъ, три автора со всѣми разругались, никого не сумѣвъ убѣдить или удовлетворить. Притомъ произведеніе это полно противорѣчіями.

Я, разумѣется, не замедлю сообщить свое мнѣніе въ Цюрихъ. То же самое сдѣлаютъ и другіе изъ здѣшнихъ, какъ только ознакомятся непосредственно со статьею, а объ этомъ я позабочусь. Но если я высказываюсь противъ этого произведенія и противъ его совершенно безцѣльнаго опубликованія, то, съ другой стороны, я считалъ бы нужнымъ предостеречь отъ переоцѣнки вліянія авторовъ внутри партіи. Думается мнѣ, я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что во всей партіи не найдется дюжины человѣкъ, хотя бы въ основномъ одобряющихъ эту статью, и никому она не принесетъ большаго вреда, какъ самимъ авторамъ.

Совершенно ошибочно ваше мнѣніе о вліяніи авторовъ въ партіи. Я долженъ снова и со всей рѣшительностью заявить, что Гёхбергъ, несмотря на дѣйствительно крупныя матеріальныя жертвы, которыя онъ принесъ для партіи, никогда не дѣлалъ ни малѣйшей попытки требовать взамѣнъ этого соотвѣтствующаго вліянія. Насколько я знаю, никогда онъ не ставилъ условіемъ, чтобы та или иная газета редактировалась въ томъ или иномъ направленіи, чтобы тотъ или иной редакторъ былъ устраненъ, а другой приглашенъ. Всякій разъ, когда къ нему съ какой-либо стороны обращались за помощью,—а это бывало очень часто, и онъ уже потерялъ значительное состояніе,—онъ *всегда* обращался къ Гейбу или ко мнѣ, обыкновенно же къ намъ обоимъ и еще къ другимъ, съ вопросомъ, долженъ ли онъ помогать, заслуживаютъ ли поддержки данное предпріятіе или данные люди, и *наше слово бывало для него рѣшающимъ.* Изъ-за этого въ высшей степени рѣдкаго безкорыстія я прощалъ ему многіе его недостатки.

Если онъ пріобрѣлъ своею редакціонной работой въ „Будущемъ“ нѣкоторое вліяніе, то это случилось потому, что фактически наблюдалось отсутствіе подходящихъ силъ. Кромѣ того, грубымъ самообманомъ было бы утвержденіе, что во многихъ головахъ въ партіи имѣется полная принципіальная ясность. Это можетъ быть плохо, и объ этомъ надо жалѣть, но этого не измѣнишь. Причина тому въ молодости партіи, а также въ томъ, что тысячи примыкаютъ къ ней сперва въ силу самыхъ различныхъ побужденій, лишенные яснаго пониманія, и только впослѣдствіи, мало-по-малу, получаютъ въ партіи необходимую выучку.

Возвращаясь снова къ упомянутымъ личностямъ, замѣчу слѣдующее:

Гиршу совсѣмъ не надо было спотыкаться о какія-либо отклоненія цюрихцевъ въ письмахъ, какъ не сдѣлалъ этого Фольмаръ. Фольмаръ въ письмѣ въ Цюрихъ изложилъ свою точку зрѣнія; здѣсь онъ получилъ инструкціи, и по его прибытіи въ Цюрихъ дѣло пошло гладко и безъ столкновеній. Сегодня онъ жалуется на недостаточный надзоръ,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи хозяйственной стороны дѣла; въ редакціонномъ отношеніи ему еще никто не сталъ поперекъ дороги. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что только благодаря Гиршу, мы получили независимую газету. Вы въ такомъ случаѣ слишкомъ недооцѣниваете насъ и столь же переоцѣниваете цюрихцевъ.

Если же Гиршъ придаетъ такъ много значенія удовлетворительному отвѣту на его запросъ объ обезпеченіи денежными средствами и вы дѣлаете то же самое, признавая его вполнѣ правымъ, то я этого не понимаю.

Партія до сихъ поръ никогда не прилагала къ своимъ предпріятіямъ мѣрку строгой хозяйственной дѣловитости, ибо въ противномъ случаѣ большинство ея газетъ не увидѣло свѣта. Въ свое время мы безъ копейки денегъ основали „Демократическій Еженедѣльникъ“, изъ котораго развилось „Народное Государство“, а затѣмъ „Впередъ“, и совершенно то же самое имѣло мѣсто съ дюжиной другихъ нашихъ газетныхъ начинаній.

Этотъ вопросъ, говоря откровенно, и на этотъ разъ не заставилъ насъ особенно ломать голову, ибо мы всѣ держались и держимся того убѣжденія, что газета въ скоромъ времени будетъ не только окупать себя, но и приносить нѣкоторую прибыль, которая покроетъ расходы по ея организаціи.

Мы разсчитывали только на то, что Гёхбергъ согласится авансировать нужную сумму на первоначальные расходы, поскольку мы сами не сможемъ добыть ее цѣликомъ. Если Гиршъ обратился ко мнѣ, я не могъ бы отвѣтить ему иначе, чѣмъ пишу сейчасъ вамъ. Но мнѣ кажется, что безъ гарантіи тысячной субсидіи, Гиршъ не имѣлъ довѣрія къ предпріятію и, не питая нужнаго довѣрія, видѣлъ несуществующіе призраки.

Я отнюдь не собираюсь распространяться дальше на эту тему. Дѣло кончено, предпріятіе живетъ и будетъ жить такъ, что дождется одобренія также и отъ васъ и Маркса.

Если мы проявляемъ нѣкоторую осторожность въ тонѣ газеты, то это съ той цѣлью, чтобы при предстоящихъ неизбѣжно процессахъ за ея распространеніе суды не могли приговаривать къ болѣе строгимъ карамъ, ссылаясь на содержаніе. Мы теперь никоимъ образомъ не можемъ себѣ позволить роскоши такихъ осужденій, налагающихъ на насъ тяжелыя финансовыя жертвы. Очень трудно добывать нужныя денежныя средства для поддержки массы высланныхъ и ихъ семействъ и иныхъ товарищей, благодаря исключительному закону лишившихся куска хлѣба; всякое новое требованіе къ нашему кошельку для насъ въ высшей степени непріятно. Не будь кризиса, мы не придавали бы всему этому никакого значенія, но съ каждой недѣлей кризисъ дѣйствуетъ все губительнѣе; наши лучшіе округа онъ гнететъ сильнѣе всего. Таковы условія, съ которыми мы должны считаться, хотимъ мы того или нѣтъ.

Нѣсколько словъ еще объ инцидентѣ съ Кайзеромъ. Говорю вамъ прямо, я былъ возмущенъ манерой, съ какою Гиршъ напалъ на Кайзера, хотя я самъ отнюдь не согласенъ съ позиціей послѣдняго. Такъ съ партійными товарищами не обращаются. Нападеніе это дышитъ личнымъ раздраженіемъ и ненавистью; видно, что авторъ съ радостью ухватился за представившійся ему поводъ обругать Кайзера.

Какъ партія думаетъ о таможенномъ покровительствѣ и свободной торговлѣ, показала резолюція ея Готскаго съѣзда (въ 1877 г.), на которомъ присутствовалъ Гиршъ. Принятой тамъ резолюціей, за которую высказались К. Гиршъ и Мостъ, мы руководствовались въ нашихъ выступленіяхъ. Получаетъ ли Бисмаркъ, благодаря покровительственной системѣ новые милліоны или нѣтъ, это было для насъ совершенно безразлично, разъ мы пришли къ убѣжденію, что при данныхъ условіяхъ покровительственныя пошлины необходимы для промышленности. Въ этомъ вопросѣ были у насъ разногласія, и не одинъ разъ, при чемъ раздѣлились мнѣнія не только среди насъ, депутатовъ, но и въ партіи

вообще. Такъ, напримѣръ, Ауэръ оказался ярымъ сторонникомъ покровительственной системы, тогда какъ Гейбъ и Блосъ были столь же ярыми проповѣдниками свободы торговли. Гёхбергъ высказывался за безусловную свободу торговли, а Бернштейнъ былъ условно за пошлины, и т. д.

Мы сплоховали въ рейхстагѣ не своими голосованіями, а тѣмъ, что неудачно выступали. Злополучный дебютъ Кайзера по вопросу о пошлинахъ на желѣзо никого не могъ разсердить больше, чѣмъ насъ самихъ, и на его долю досталось вдоволь упрековъ. Вальтейхъ, который долженъ былъ выступать во время общихъ преній, при первомъ генеральномъ обсужденіи не получилъ слова, а когда при третьемъ чтеніи до него дошла очередь, онъ былъ въ совершенно плохомъ состояніи, и мы поэтому должны были радоваться тому, что онъ не скандалился. Это было неудачное выступленіе, и я совсѣмъ не въ восторгѣ отъ него.

Помимо прочаго, наше представительство въ этотъ разъ сдѣлалось такимъ тусклымъ—не говоря о частомъ закрытіи преній, лишавшемъ насъ слова; мнѣ одному пришлось дважды при обсужденіи вопроса о хлѣбныхъ пошлинахъ испытать это—чрезмѣрная продолжительность сессіи, заставлявшая насъ всѣхъ надолго разъѣзжаться по домамъ и часто отсутствовать, а затѣмъ—недостаточность средствъ, совсѣмъ не разсчитанныхъ на такой долгій срокъ. Вы за-границей не имѣете никакого понятія о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится бороться почти каждому изъ насъ. Я не буду считать несчастьемъ, если провалюсь какъ-нибудь на выборахъ и буду отъ нихъ избавленъ на нѣсколько лѣтъ.

По поводу опасеній, которыя вы высказываете насчетъ направленія новаго органа, я не стану больше говорить. Газета уже появилась, и вы можете судить сами. И если въ томъ или другомъ отношеніи она не удовлетворяетъ васъ и Маркса,—то помогите сдѣлать ее лучше, начавъ усердно писать для нея.

Завтра я посылаю вамъ документъ Браке, который, впрочемъ, благодаря своей болѣзни почти ни о чемъ не знаетъ; затѣмъ я отправлю его въ Цюрихъ.

Дружескій привѣтъ вамъ и Марксу отъ вашего

А. Бебеля“.

„Соціалъ-демократъ“.

Послѣ преодолѣнія, въ концѣ концовъ, всѣхъ затрудненій 28 сентября появился первый номеръ газеты съ воззваніемъ, подписаннымъ издательствомъ и редакціей. Воззваніе начинало съ указанія на то, что исключительный законъ противъ соціалистовъ сдѣлалъ невозможнымъ существованіе прессы, открыто выражающей воззрѣнія партіи, и притомъ не только въ Германіи, но и въ Австріи, гдѣ даже при отсутствіи исключительнаго закона въ виду конфискацій и судебныхъ каръ до крайности затруднена даже самая осторожная и умѣренная защита нашихъ принциповъ. Необходимъ поэтому органъ, смѣло и безъ стѣсненій отстаивающій принципы соціалъ-демократіи и содѣйствующій проникновенію ихъ въ народныя массы, притомъ удѣляющій особенное вниманіе Германіи и Австріи. Правда, успѣхи германской партіи показали, что она можетъ вести борьбу, не обладая собственнымъ партійнымъ органомъ, но въ дальнѣйшемъ нельзя будетъ обойтись безъ газеты, ставящей себѣ задачей дальнѣйшее развитіе и воспитаніе членовъ партіи. „Соціалъ-демократъ“ основанъ по инициативѣ группы нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, очутившихся въ Швейцаріи и рѣшившихъ приступить къ изданію придерживающагося интернаціональныхъ взглядовъ органа нѣмецкой соціалъ-демократіи, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго представлять партію. Направленіе газеты опредѣляется готской объединительной программой, которая будетъ служить ей руководителемъ въ ея работѣ. Какъ и прежде, партія остается революціонной партіей въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но она самымъ рѣшительнымъ образомъ выступитъ противъ нелѣпаго бунтарства и вспышкопускательства. „Соціалъ-демократъ“ „полностью и цѣликомъ стоитъ на позиціи германской соціалъ-демократіи, какою она была,

и какова она есть въ настоящее время". И поскольку газетѣ обѣщано и обезпечено сотрудничество наиболѣе извѣстныхъ и компетентныхъ передовыхъ борцовъ международной соціалъ-демократіи и въ первую очередь соціалъ-демократіи германской, постольку она является не частнымъ предпріятіемъ, а офиціальнымъ центральнымъ органомъ партіи.

Въ первыхъ же номерахъ „Соціалъ-демократа" появился отчетъ фракціи о ея дѣятельности. Говоря объ усвоенной ею тактикѣ, отчетъ замѣчалъ: задача партіи состоитъ въ томъ, чтобы не дать реакціи ни малѣйшей возможности использовать соціалъ-демократію въ качествѣ краснаго призрака, смягчить ненависть, при помощи низкихъ клеветъ на насъ навлеченную, и такъ дѣйствовать, чтобы возмущеніе за господствующее хозяйственное разстройство и непорядки направилось противъ тѣхъ, кто, дѣйствительно, заслужилъ это или активнымъ соучастіемъ въ созданіи такихъ условій или пассивнымъ непротивленіемъ имъ. „Мы остаемся такими, какими были, и останемся такими, какими являемся въ настоящее время".

Отчетъ предостерегаетъ отъ иллюзіи, что будутъ отмѣнены исключительный законъ и объявленное въ Берлинѣ осадное положеніе. Реакція не можетъ остановиться и не остановится, пока не натолкнется на непреодолимое сопротивленіе.

Отчетъ заканчивался слѣдующими словами: „Пусть товарищи всюду тѣсно сплачиваются между собою, стремятся установить связь съ цѣлымъ! Каждый обязанъ въ эти дни испытаній и гоненій въ полной мѣрѣ выполнить свой долгъ, всѣ свои силы и способности обратить на служеніе партіи. Дружное сотрудничество всѣхъ является настоятельной необходимостью. Кто нарушаетъ его, сѣетъ сѣмена раздора, тотъ врагъ нашего дѣла. Не надо слѣпого довѣрія къ отдѣльнымъ лицамъ, но не надо также и слѣпого огульнаго недовѣрія; строгая критика товарищей на ряду съ строгой самокритикой. Мы сознаемъ, насколько усложнилъ и умножилъ наши обязанности исключительный законъ, и мы твердо рѣшили выполнить ихъ. Да здравствуетъ соціалъ-демократія! А. Бебель, В. Браке, Ф. В. Фритче, М. Кайзеръ, В. Либкнехтъ, І. Вальтейхъ, Ф. Вимеръ".

Газенклеверъ, избранный въ рейхстагъ уже по окончаніи послѣдней сессіи, особымъ письмомъ въ редакцію заявилъ о своемъ присоединеніи къ отчету фракціи.

Дальше я опять приведу нѣсколько писемъ, содержаніе которыхъ не цѣликомъ относится къ „Соціалъ-демократу", но которыя, какъ мнѣ кажется, потому представляютъ собою значительный интересъ, что вскрываютъ разногласія, до сихъ поръ совершенно неизвѣстныя партійнымъ кругамъ.

21 октября 1879 г. я отвѣчалъ на письмо Фольмара:

„Дорогой другъ!

Что не все въ Цюрихѣ сошло гладко, объ этомъ мы, конечно, предполагали; но поскольку то, на что слѣдуетъ жаловаться, объясняется скорѣе не вполнѣ правильной точкой зрѣнія и нѣкоторой робостью, какъ вы это сами говорите, то можно надѣяться на то, что все понемногу образуется.

Если Шраммъ держится совершенно въ сторонѣ, а Гёхбергъ почти всегда въ отъѣздѣ, то Бернштейнъ долженъ предложить намъ двухъ лицъ, завѣдующихъ у него дѣломъ и періодически дающихъ намъ отчетъ. Упорядоченная и правильно организованная экспедиція абсолютно необходима, и мы очень хотѣли бы, чтобы именно Бернштейнъ взялъ на себя заботу объ этомъ, ибо онъ, будучи самъ купцомъ, имѣетъ рѣшительно всѣ данныя для того, чтобы наладить управленіе. Я писалъ также, что весьма желательно, принимая во вниманіе осторожность, которую должна проявлять экспедиція, а также и то, что она по возможности должна организовать и вести распространеніе брошюръ и листовокъ, чтобы Уле цѣликомъ и безраздѣльно посвятилъ себя экспедиціи; въ работѣ недостатка у него не будетъ. Приложеніе къ этому письму, относящееся къ экспедиціи, передайте Уле. Мы всѣ вполнѣ убѣждены, что газета въ недалекомъ будущемъ станетъ окупать себя Отношеніе къ ней всюду благопріятное. Затрудненія будутъ въ началѣ съ доставкой и полученіемъ ея. Люди еще не знаютъ, какъ устраиваться съ этимъ, и на эту тему приходится бесѣдовать тамъ и здѣсь, давать совѣты и принимать соотвѣтствующія организаціонныя мѣры, Было бы весьма желательно, чтобы вы на видномъ мѣстѣ объявили во всеобщее свѣдѣніе со всей

опредѣленностью, что подписка на газету и чтеніе ея— ненаказуемы, а преслѣдуется лишь ея передача третьему лицу, т.-е. распространеніе. Какъ только я отдѣлаюсь отъ наиболѣе срочной работы, я напишу нѣсколько статей на тему о поведеніи нашихъ товарищей въ случаѣ репрессій въ силу исключительнаго закона. Нерѣдко допускаютъ по отношенію къ себѣ гораздо больше, чѣмъ это совмѣстимо съ закономъ, и хотя отъ обжалованія мало пользы, все же необходимо доводить ихъ до послѣдней инстанціи для того, чтобы мы могли въ свое время тѣмъ безпощаднѣе нападать въ рейхстагѣ. Мы вполнѣ одобряемъ вашу тактику по отношенію къ Мосту и „Свободѣ", да на этотъ счетъ, впрочемъ, и съ самаго начала не было никакихъ разногласій. Пусть Мостъ продолжаетъ нападать еще въ почтовомъ ящикѣ, мы этого не замѣчаемъ. Онъ этимъ осуждаетъ себя самого въ глазахъ болѣе разумныхъ людей изъ среды своихъ собственныхъ сторонниковъ. Фактъ тотъ, что одно лишь появленіе газеты повсюду произвело самое благопріятное впечатлѣніе и даже тамъ, гдѣ до сихъ поръ цѣликомъ стояли на сторонѣ Моста, вызвало если не немедленный переломъ настроенія, то во всякомъ случаѣ значительныя колебанія. Поскольку я до сихъ поръ слышалъ, направленіе газеты встрѣчаетъ одобреніе...

Помѣстите на первой страницѣ, на видномъ мѣстѣ, энергичный призывъ къ сбору пожертвованій въ пользу высланныхъ. Я въ адскомъ отчаяніи, сегодня снова прибыло сюда семь изъ числа недавно высланныхъ изъ Берлина, все люди семейные, и я больше не знаю, откуда мнѣ достать денегъ. Обратите вниманіе на безчеловѣчную манеру Мадаи—съ утонченной жестокостью онъ высылаетъ преимущественно отцовъ семействъ. Негодяй, очевидно, разсчитываетъ вызвать сильное раздраженіе и радъ былъ бы бунту, новому покушенію со стороны одного изъ тѣхъ, кого онъ довелъ до отчаянія своей жестокостью. Обратите также вниманіе и на то, что эти высылки имѣютъ лишь цѣлью оправдать въ глазахъ глупцовъ продленіе осаднаго положенія.

Сообщу еще, что двѣ недѣли назадъ я оправданъ по дѣлу о сборахъ на высланныхъ. Приговоръ слѣдуетъ.

Вы можете сказать въ воззваніи, что собранныя деньги можно направлять на извѣстные адреса въ Гер-

маніи, но что и редакція, а также и экспедиція готовы взять на себя пересылку...

Сердечный привѣтъ отъ насъ всѣхъ. Вашъ

А. Бебель".

Упомянутыя въ приведенномъ письмѣ статьи, какія я собирался написать появились позднѣе; онѣ были озаглавлены: „Какъ держаться намъ по отношенію къ полиціи и судамъ"? Разъясненіе, которое давали эти статьи, было необходимо въ виду постоянныхъ грубыхъ нарушеній законовъ, какія позволяли себѣ противъ нашихъ товарищей, какъ многочисленные полицейскіе чиновники, такъ и прокуроры и слѣдователи. Такъ, напр., во время безчисленныхъ обысковъ обычно не соблюдалось ни одно изъ соотвѣтствующихъ предписаній закона. А такихъ обысковъ бывало за годъ много тысячъ. Дрезденская полиція, напримѣръ, дошла до такого безобразія, что въ теченіе цѣлаго мѣсяца ежедневно производила обыски у товарища Кегеля. Это было явнымъ злоупотребленіемъ власти. Мои статьи послѣ появленія ихъ въ газетѣ были переизданы въ видѣ брошюрки, распространенной въ тысячахъ экземпляровъ. Она оказала товарищамъ не мало услугъ.

14 ноября 1879 г. я получилъ отъ Энгельса отвѣтъ на мое письмо отъ 23 октября. Онъ писалъ:—

„Дорогой Бебель!

Большое спасибо за ваше сообщеніе, равно какъ за сообщенія Ф. (Фритче) и Л. (Либкнехта); они, наконецъ, даютъ намъ возможность ясно представить себѣ положеніе вещей. Предыдущія лейпцигскія письма, равно какъ недоразумѣнія съ Гиршемъ, доказываютъ, что дѣло сначала обстояло не такъ просто. Эти недоразумѣнія были бы невозможны, если бы лейпцигцы съ самаго начала круто отвергли притязанія цюрихцевъ на цензуру. Если бы это было сдѣлано и объ этомъ было сообщено Гиршу, все было бы въ порядкѣ. Но такъ какъ этого не случилось, то сравнивая снова происшедшее съ тѣмъ, о чемъ умалчивается въ послѣднихъ сообщеніяхъ и предыдущихъ письмахъ всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, я могу лишь притти къ тому выводу, что Гехбергъ не былъ неправъ, когда говорилъ мнѣ, что

цензура въ Цюрихѣ устанавливается только изъ-за Гирша, при Фольмарѣ же она будетъ излишня.

Что касается обезпеченія газеты спеціальнымъ фондомъ, то меня не очень удивляетъ, что вы такъ легко къ этому относитесь. Вы пробуете въ первый разъ. Но Гиршъ имѣетъ практическій опытъ съ „Фонаремъ“, и мы, которые подобныя вещи не разъ уже видѣли и сами испытали, можемъ лишь одобрить его, если онъ настаивалъ на серьезномъ взвѣшиваніи этого вопроса. „Свобода“, несмотря на всѣ пожертвованія, заканчиваетъ свою третью четверть года дефицитомъ въ 100 фунтовъ, т.-е. около 2000 марокъ. Я еще никогда не зналъ нѣмецкой газеты, запрещенной внутри страны, которая могла бы держаться безъ значительнаго притока средствъ со стороны. Не давайте первымъ успѣхамъ ослѣпить васъ. Главныя затрудненія съ контрабанднымъ ввозомъ обнаруживаются лишь впослѣдствіи и усиливаются они безпрерывно.

Ваши заявленія о позиціи депутатовъ и, вообще, руководителей партіи въ вопросѣ о пошлинахъ подтверждаютъ каждое слово моего письма. Достаточно плохо было уже то, что партія, которая похваляется своимъ превосходствомъ надъ буржуазіей, при этомъ первомъ испытаніи въ экономическихъ вопросахъ оказалась столь же разъединенной, такъ же не имѣла отвѣта, какъ и націоналъ-либералы, могущіе, по крайней мѣрѣ, привести въ оправданіе своего плачевнаго банкротства то обстоятельно, что въ данномъ случаѣ вступили въ конфликтъ дѣйствительные интересы буржуазіи. Еще хуже, что это разъединеніе было обнаружено, что наши выступали неувѣренно и противорѣчиво. Если уже нельзя было столковаться, оставался лишь одинъ выходъ: объявить данный вопросъ такимъ, который затрагиваетъ лишь интересы буржуазіи, каковымъ онъ, дѣйствительно, является, и не участвовать въ голосованіи. Хуже всего было то, что Кайзеру позволили произнести его плачевную рѣчь и при первомъ чтеніи голосовать за законъ. Только послѣ этого голосованія Гиршъ напалъ на него, и если Кайзеръ потомъ при третьемъ чтеніи голосуетъ противъ закона, то это дѣлаетъ его положеніе не лучшимъ, но скорѣе еще худшимъ.

Резолюція съѣзда отнюдь не можетъ служить оправданіемъ. Если партія захочетъ нынѣ связывать себя

всѣми старыми резолюціями съѣздовъ, принятыми въ спокойныя мирныя времена, то она этимъ сама опутаетъ себя цѣпями. Правовая почва, на которой проявляетъ себя всякая живая партія, не только должна быть результатомъ самостоятельнаго творчества, но и должна быть способной во всякое время видоизмѣняться. Поскольку исключительный законъ дѣлаетъ невозможными какіе бы то ни было съѣзды и вслѣдстіе этого—измѣненіе прежнихъ съѣздовскихъ постановленій, постольку онъ уничтожаетъ обязательность этихъ постановленій.

Партія, которую лишаютъ возможности принимать рѣшенія, должна искать себѣ законовъ лишь въ своихъ жизненныхъ, постоянно мѣняющихся потребностяхъ. Если же она захочетъ подчинять эти потребности прежнимъ постановленіямъ, отжившимъ и окостенѣлымъ, она сама выроетъ себѣ могилу.

Это формальная сторона дѣла. Что же касается содержанія этой резолюціи, то оно весьма слабо и плохо обосновано. Во-первыхъ, она противорѣчитъ программѣ, ибо допускаетъ голосованіе за косвенные налоги; во-вторыхъ, она стоитъ въ противорѣчіи съ неизмѣнной тактикой партіи, допуская предоставленіе современному государству взиманія налоговъ. Въ-третьихъ, наконецъ, яснымъ нѣмецкимъ языкомъ говоритъ она слѣдующее: Съѣздъ признаетъ, что у него нѣтъ достаточныхъ данныхъ для опредѣленнаго сужденія за или противъ покровительственныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, онъ объявляетъ себя некомпетентнымъ въ этомъ вопросѣ, ограничиваясь тѣмъ, что даетъ любезной публикѣ частью ничего не говорящія, частью противорѣчащія другъ другу или партійной программѣ общія мѣста, и радуется, что отдѣлался этимъ отъ труднаго вопроса. И вотъ оказывается, что это признаніе собственной некомпетентности, которымъ въ тѣ спокойныя времена сопровождали откладываніе въ дальній ящикъ чисто академическаго въ ту пору вопроса, должно быть обязательнымъ для всей партіи въ нынѣшнее военное время, когда вопросъ этотъ сталъ злободневнымъ, и притомъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ правомѣрно отмѣнено новымъ рѣшеніемъ, принятіе котораго нынѣ сдѣлано совершенно невозможнымъ.

Одно не подлежитъ сомнѣнію: каково бы ни было впечатлѣніе, произведенное на депутатовъ нападками

Гирша противъ Кайзера, эти нападки, въ свою очередь, отражаютъ то впечатлѣніе, какое произвело безотвѣтственное выступленіе Кайзера на нѣмецкихъ, равно какъ и не нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ за-границей. И надо же, наконецъ, помнить, что слѣдуетъ заботиться о репутаціи партіи не только внутри собственныхъ четырехъ стѣнъ, но и передъ лицомъ Европы и Америки.

И это приводитъ меня къ отчету фракціи. Какъ ни хорошо начало, какъ ни искусно—считаясь съ обстоятельствами—изложеніе преній по поводу покровительственныхъ пошлинъ, все же непріятны уступки нѣмецкимъ филистерамъ, содержащіяся въ третьей части. Ради чего совершенно излишнее мѣсто о „гражданской войнѣ“, ради чего расшаркиваніе передъ „общественнымъ мнѣніемъ“, которое въ Германіи всегда будетъ мнѣніемъ пивныхъ филистеровъ, ради чего затушевываніе здѣсь классоваго характера движенія? Ради чего доставлять анархистамъ это удовольствіе? Къ тому же всѣ эти уступки совершенно безполезны. Нѣмецкій филистеръ—это олицетворенная трусость, онъ уважаетъ лишь того, кто внушаетъ ему страхъ. Того же, кто старается любезничать съ нимъ, онъ считаетъ себѣ подобнымъ и уважаетъ его не болѣе, чѣмъ себѣ подобныхъ, т.-е. совершенно не уважаетъ. И зачѣмъ теперь, когда буря филистерскаго возмущенія улеглась, когда гнетъ налоговъ снова смиряетъ народъ, продолжается это сглаживаніе? Если бы вы знали, какъ звучитъ это за-границей! Безусловно правильно, что партійный органъ долженъ редактироваться людьми, тѣсно связанными съ партіей и стоящими въ центрѣ борьбы. Но стоило бы вамъ пробыть всего лишь шесть мѣсяцевъ за-границей, и вы были бы совсѣмъ иного мнѣнія объ этомъ совершенно ненужномъ самоуниженіи депутатовъ партіи передъ филистеромъ. Буря, разразившаяся послѣ коммуны надъ французскими соціалистами, была вѣдь чѣмъ то болѣе грознымъ, чѣмъ грызня послѣ покушенія Нобилинга въ Германіи. И насколько достойнѣе держались французы, какъ болѣе гордо! Гдѣ находите вы такія смягченія, такіе комплименты по отношенію къ врагамъ? Вамъ слѣдуетъ молчать, когда вы не можете свободно высказаться. Предоставляйте мѣщанамъ бѣсноваться, вы вѣдь знаете, что ваше время еще придетъ—оно уже пришло.

Охотно вѣрю тому, что вы говорите о Гёхбергѣ. Противъ его личныхъ качествъ я рѣшительно ничего не имѣю. Но я думаю также, что только благодаря травлѣ соціалистовъ, онъ уяснилъ себѣ, чего онъ самъ хочетъ въ глубинѣ своего сердца. Что желанія его буржуазныя а не пролетарскія,—въ этомъ я пытался его убѣдить, навѣрное, безрезультатно. Но разъ онъ уже составилъ себѣ программу, то я долженъ былъ бы считать его еще малодушнѣе нѣмецкаго филистера, если бы предполагалъ, что онъ не станетъ добиваться ея признанія. Гёхбергъ до появленія этой статьи и послѣ ея появленія—это два совершенно различныхъ человѣка.

Но вотъ въ № 5 „Соціалъ-демократа“ я нахожу корреспонденцію съ Нижней Эльбы, въ которой Ауэръ пользуется моимъ письмомъ, какъ предлогомъ для того, чтобы обвинить меня—правда, не называя по имени, но достаточно ясно—въ „сѣяніи недовѣрія къ испытаннѣйшимъ товарищамъ“, т.-е. въ оклеветаніи ихъ (въ противномъ случаѣ я былъ бы совершенно правъ). Не довольствуясь этимъ, онъ ложно приписываетъ мнѣ столь же нелѣпыя, сколько гнусныя заявленія, отнюдь не находящіяся въ моемъ письмѣ. Похоже, будто Ауэръ воображаетъ, что я чего то хочу отъ партіи. Но вы знаете, что не я отъ партіи, а, наоборотъ, партія отъ меня что-то хочетъ. Вы и Либкнехтъ знаете: единственное, чего я вообще требовалъ отъ партіи,—это то, чтобы она оставила меня въ покоѣ, чтобы я могъ закончить свои теоретическія работы. Вы знаете, что въ теченіе шестнадцати лѣтъ отъ меня тѣмъ не менѣе постоянно требовали, чтобы я писалъ въ партійныхъ органахъ; что я это и дѣлалъ, что я писалъ цѣлыя серіи статей, цѣлыя брошюры по опредѣленному заказу Либкнехта, какъ, напр., „Жилищный вопросъ“ и „Анти-Дюрингъ“. Не стану касаться того, какія любезности видѣлъ я въ обмѣнъ на это со стороны партіи—напримѣръ, пріятныя пренія съѣзда по вопросу о Дюрингѣ. Вы знаете, равнымъ образомъ, что Марксъ и я добровольно брали на себя съ самаго ея возникновенія защиту партіи противъ внѣшнихъ враговъ, и что взамѣнъ этого требовали отъ партіи лишь одного—а именно, чтобы она не измѣняла себѣ самой.

Но если партія требуетъ отъ меня, чтобы я сотрудничалъ въ ея новомъ органѣ, то она, самою собою ра-

зумѣется, должна, по меньшей мѣрѣ, позаботиться о томъ, чтобы во время еще идущихъ по этому поводу переговоровъ одинъ изъ номинальныхъ совладѣльцевъ этого самаго органа не изображалъ меня клеветникомъ. Я не знаю такого литературнаго или иного кодекса морали, который допускалъ бы это, думаю, что даже продажный писатель не допустилъ бы ничего подобнаго по отношенію къ себѣ. Въ виду сказаннаго я долженъ поставить вамъ вопросъ: во-первыхъ, какое удовлетвореніе можете вы мнѣ предложить за это ничѣмъ не вызванное и низкое оскорбленіе; во-вторыхъ, какую гарантію дадите вы мнѣ, что подобное не повторится.

Впрочемъ, по поводу подтасовокъ Ауэра я замѣчу еще одно, что мы здѣсь отнюдь не недооцѣниваемъ трудностей, съ которыми партіи приходится бороться въ Германіи, равно какъ и значеніе достигнутыхъ несмотря на это успѣховъ и вполнѣ образцоваго до сихъ поръ поведенія партійныхъ массъ. Само собою разумѣется, что каждая побѣда, взятая съ бою въ Германіи, радуетъ насъ не менѣе, чѣмъ побѣды, одержанныя въ другихъ мѣстахъ, и даже больше, потому что германская партія съ самаго начала развивалась, опираясь на наши теоретическія положенія. Но именно поэтому для насъ имѣетъ такое большое значеніе, чтобы линія практической политики германской партіи и въ особенности публичныя выступленія ея руководителей оставались согласованными съ общей теоріей. Наша критика, разумѣется, для нѣкоторыхъ непріятна, но для партіи все же гораздо полезнѣе всѣхъ некритическихъ комплиментовъ тотъ фактъ, что она располагаетъ заграницей парой человѣкъ, которые, будучи свободны отъ вліянія мѣстныхъ отношеній, часто вводящихъ въ заблужденіе, и отдѣльныхъ эпизодовъ борьбы, время отъ времени сопоставляютъ содѣянное и сказанное съ теоретическими положеніями, обязательными нынѣ для всякаго современнаго пролетарскаго движенія, и отражаютъ ей то впечатлѣніе, какое производитъ ея выступленіе за предѣлами Германіи.

Дружески вашъ Ф. Энгельсъ“.

Воинственный тонъ письма, равно какъ нападки на Ауэра, побудили меня отвѣтить уже 18 ноября:

„Дорогой Энгельсъ!

Я потому такъ скоро отвѣчаю на ваше письмо, хотя и заваленъ работой, что хотѣлъ бы возможно быстрѣе разъяснить одно вредное недоразумѣніе съ вашей стороны. Вы считаете корреспонденцію въ № 5 отъ 23 октября направленной противъ васъ. Это ошибка. Къ тому времени Ауэръ, какъ я это могу опредѣленно утверждать вамъ, еще не имѣлъ вашего посланія. Онъ получилъ его непосредственно вслѣдъ за этимъ. Ауэръ, повидимому, имѣлъ въ виду Ганса Моста и никого другого,—и я съ перваго взгляда именно такъ понялъ эту корреспонденцію. Я думалъ бы такъ даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ тогда уже читалъ ваше письмо, и думалъ бы такъ на томъ простомъ основаніи, что о „сѣяніи недовѣрія къ испытаннѣйшимъ товарищамъ“, вообще, не могло быть рѣчи, принимая во вниманіе узкій кругъ читателей вашего письма. Ауэръ долженъ былъ бы отличаться большой наивностью, если бы онъ сдѣлалъ темой корреспонденціи подобныя разсужденія и критику, которыя онъ самъ признавалъ вполнѣ лойяльными, ибо они были направлены въ сторону всѣхъ участниковъ.

Надѣюсь, что эти разъясненія убѣдятъ васъ, что ваше представленіе неправильно, а вмѣстѣ съ тѣмъ неправильны и всѣ тѣ выводы, какіе вы дѣлаете. Если Гёхбергъ, дѣйствительно, сдѣлалъ заявленіе, что цензура введена лишь изъ-за Гирша, но что по отношенію къ Фольмару она излишня, то я это просто не понимаю. Насколько я знаю людей, Гиршъ долженъ бы быть симпатичнѣе Гёхбергу, чѣмъ Фольмаръ, все существо котораго отличается чѣмъ-то жесткимъ и неподатливымъ. И притомъ въ жгучемъ злободневномъ вопросѣ, въ вопросѣ о пошлинахъ Гиршъ значительно ближе стоитъ къ Гёхбергу, чѣмъ къ Фольмару, ибо Гёхбергъ сторонникъ абсолютной свободы торговли.

Вы пишете, что мы должны были тотчасъ же вмѣшаться, какъ только изъ Цюриха сдѣлали попытку подчинить Гирша цензурѣ. На это я долженъ возразить, что объ этомъ я узналъ лишь тогда, когда Гиршъ окончательно отказался. Я могу далѣе увѣрить васъ, что Фольмаръ былъ взбѣшенъ тѣмъ, что его тянули съ окончательнымъ отвѣтомъ, хотя онъ находился тогда въ весьма затруднительномъ положеніи, и тянули

потому, что все еще продолжали переговоры съ Гиршемъ, несмотря на полученный отъ него отказъ, и Гёхбергъ съ этой цѣлью ѣздилъ даже въ Парижъ. Впрочемъ, теперь уже безцѣльно распространяться на эту тему.

Вашъ взглядъ на нашу позицію въ вопросѣ о пошлинахъ неправиленъ. Именно потому, что мы не могли говорить передъ нашими людьми, должны мы были больше, чѣмъ при иныхъ условіяхъ, считаться съ настроеніемъ, а послѣднее, дѣйствительно, не было единодушно. Кайзеру мы не могли воспретить его „плачевной рѣчи", ибо мы заранѣе не могли знать, что онъ ее произнесетъ. Онъ съ большимъ усердіемъ обработалъ тему, но въ подходящій моментъ не получилъ слова, а перерывы его смутили. Несчастіе, какое бывало и съ другими людьми. Потомъ намъ тоже было бы пріятнѣе, если бы онъ совсѣмъ не говорилъ, но третировать его изъ-за этого, какъ сдѣлалъ это въ „Фонарѣ" Гиршъ, мы не могли.

Кайзеръ не голосовалъ также въ первомъ чтеніи— правильнѣе, во второмъ, ибо въ первомъ чтеніи нѣтъ голосованія, оно проходитъ въ общихъ преніяхъ—за законъ, онъ голосовалъ лишь за болѣе высокую пошлину на желѣзо и нѣкоторыя другія ставки. За высокую пошлину на желѣзо онъ голосовалъ также и въ третьемъ чтеніи, но противъ закона въ цѣломъ.

Я убѣжденъ, что, если бы партія могла созвать съѣздъ и въ 1879 году, она вынесла бы то же самое рѣшеніе, что и за два года передъ тѣмъ, и по той простой причинѣ, что въ этомъ чисто практическомъ вопросѣ имѣются различныя теченія и простое отрицаніе врядъ ли могло бы встрѣтить сочувствіе въ кругахъ избирателей. На чистомъ отрицаніи мы не продержимся, разъ мы работаемъ въ парламентѣ, массы требуютъ, чтобы заботились также и о сегодняшнемъ днѣ, независимо отъ того, что случится завтра.

Соглашусь, что такъ легко зайти слишкомъ далеко и что необходимо постоянное тщательное обсужденіе отъ случая къ случаю, какъ далеко можно итти. Во всѣхъ этихъ случаяхъ весьма легко могутъ возникать разногласія, въ особенности если, какъ вы, стоять внѣ соприкосновенія съ массами, съ которыми приходится считаться прежде всего.

Во всякомъ случаѣ поучительно, что послѣдній съѣздъ въ Марселѣ по вопросу о таможенныхъ пошлинахъ принялъ почти буквально ту же самую резолюцію, что и мы два года тому назадъ.

Перехожу къ нашему отчету. Съ самаго начала соглашусь съ вами, что онъ могъ бы быть написанъ гораздо рѣзче, чѣмъ это случилось; но вы не должны забывать одного, – обстоятельствъ и условій, при которыхъ онъ написанъ. На основаніи нашего закона о печати насъ могли привлечь потомъ въ Германіи, и что мы этого въ настоящее время не очень-то хотимъ, само собою понятно.

Мы могли бы вообще опустить весь абзацъ относительно революціи, но въ виду постоянныхъ обвиненій и заподазриваній Моста, которому удалось затуманить не мало головъ, ибо онъ былъ монополистомъ печатнаго слова, такое заявленіе было необходимо. Но я не думаю къ тому же, чтобы изъ этого мѣста можно было вычитать уступку пивнымъ филистерамъ, мы совсѣмъ не такъ наивны. Мы вѣдь сказали достаточно ясно, что мы понимаемъ подъ „общественнымъ мнѣніемъ". Мы во всякомъ случаѣ имѣли при этомъ въ виду также мелкихъ буржуа и крестьянъ, которые въ послѣдніе годы въ все большемъ числѣ примыкаютъ къ намъ и во время послѣднихъ выборовъ спасли въ нѣкоторыхъ округахъ честь партіи, такъ какъ рабочіе подъ гнетомъ фабрикантовъ съ одной стороны, кризиса—съ другой, во многихъ случаяхъ не участовали въ голосованіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя и съ злобой въ сердцѣ, давали даже заставить себя голосовать противъ насъ.

Я не являюсь любителемъ реверансовъ, да и остальные рядомъ со мною тоже; если-бъ я думалъ, что хотя бы только одинъ изъ нашихъ враговъ можетъ усмотрѣть въ отчетѣ нѣчто вродѣ сентиментальности или уступчивости, я не подписалъ бы его. У себя въ Лондонѣ вы не въ состояніи составить себѣ правильное представленіе о положеніи здѣсь, и притомъ вы прилагаете совсѣмъ другой масштабъ и критикуете въ такомъ духѣ, въ какомъ никому внутри Германіи не придетъ и въ голову критиковать. Наши враги не обманываются на нашъ счетъ, а мы—на счетъ ихъ. Ихъ приводитъ въ отчаяніе, что мы живемъ и не даемъ умертвить себя, они совершенно не въ состояніи по-

стичь, какъ это можно оставаться въ живыхъ безъ разрѣшенія высокихъ властей. Но именно потому, что мы осуждены на держаніе языка за зубами и лишены возможности свободно выступать, тогда какъ наши враги обладаютъ неограниченной свободой слова, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы беремъ слово, намъ надлежитъ вести себя возможно осторожнѣе, чтобы по возможности не давать имъ оружія для нападеній.

Такой тактикой, по моему мнѣнію, мы абсолютно ничего не теряемъ, но выигрываемъ очень много. Повторяю, наши противники не обманываютъ себя на счетъ нашей тактики, это доказываетъ спокойное попустительство съ ихъ стороны въ отношеніи величайшаго произвола противъ насъ, но мы лишаемъ ихъ возможности продолжать травлю—и это, при данномъ положеніи вещей, необходимо и означаетъ собою успѣхъ.

Мы всегда съ удовольствіемъ встрѣтимъ вашу критику и даже хотѣли бы, чтобы вы безъ стѣсненій осуществляли эту критику въ самой газетѣ, только не въ оскорбительной формѣ. Мы сознаемъ, что именно теперь обмѣнъ мнѣніями тѣмъ болѣе необходимъ, что засыпаны сотни каналовъ, черезъ которые раньше проникало чувство единства и единодушія. Въ общемъ, мнѣ думается, я имѣю право сказать, что мы понимаемъ вашу позицію лучше, чѣмъ вы нашу, а изъ этого ясно, какой изъ сторонъ тяжелѣе.

Надѣюсь, что предстоящіе 10-го декабря выборы въ Магдебургѣ опять нѣсколько подбодрятъ насъ. Вѣроятно, также намъ предстоятъ дополнительные выборы на мѣсто Браке, который, какъ онъ утверждаетъ, неспособенъ продолжать работу. Мы постараемся оттянуть ихъ до 1880 года.

Гансъ произвелъ въ моемъ письмѣ къ коммунистическому рабочему образовательному обществу много искаженій, нарушающихъ смыслъ—мнѣ думается, сдѣлалъ онъ это намѣренно.

Лучшія пожеланія вамъ и Марксу отъ вашего

А. Бебеля“.

Энгельсъ отвѣтилъ на это письмо слѣдующимъ письмомъ отъ 24 ноября:

„Дорогой Бебель!

У меня были основанія принять намекъ Ауэра на свой счетъ. Дата ничего не доказываетъ. Моста онъ опредѣленно исключаетъ. Спросите его поэтому сами, кого онъ имѣлъ въ виду, тогда мы посмотримъ, что онъ говоритъ. Я убѣжденъ, что въ недоразумѣніи повиненъ не я.

Упомянутое заявленіе Гёхбергъ все же сдѣлалъ.

Я знаю, что во время переговоровъ съ Гиршемъ вы, большею частью, были въ разъѣздахъ, и мнѣ отнюдь не приходитъ въ голову, взваливать на васъ отвѣтственность за происшедшее.

По отношенію къ вопросу о пошлинахъ ваше письмо подтверждаетъ именно то, что я сказалъ. Разъ не было единогласія, а таково было положеніе, слѣдовало воздержаться, считаясь съ этимъ отсутствіемъ единодушія. Поступать иначе,—значило считаться лишь съ одной частью. Но почему большаго вниманія заслуживаютъ сторонники покровительственныхъ пошлинъ, а не приверженцы свободной торговли, — этого нельзя усмотрѣть. Вы говорите, что въ парламентской дѣятельности вы не можете держаться голаго отрицанія. Но поскольку вы всѣ, въ концѣ концовъ, голосовали противъ закона, вы оказались повинны въ голомъ отрицаніи. Я говорю лишь, что съ самаго начала слѣдовало знать, какъ держаться, и тогда можно было бы выступать въ соотвѣтствіи съ окончательнымъ голосованіемъ.

Весьма узко ограничены тѣ вопросы, въ которыхъ соціалъ-демократическіе депутаты могутъ отказываться отъ голаго отрицанія. Это всѣ тѣ вопросы, при которыхъ непосредственно затрагиваются отношенія рабочихъ къ капиталистамъ: фабричное законодательство, нормальный рабочій день, уплата̂ заработка товарами и т. п. Далѣе еще различныя улучшенія въ чисто буржуазномъ смыслѣ, означающія положительный прогрессъ: единство монетной системы и вѣсовъ, свобода передвиженія, расширеніе личной свободы и т. п. Этимъ васъ пока что не очень-то обременятъ. Во всѣхъ остальныхъ экономическихъ вопросахъ, каковы вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ, о выкупѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, страхованіе и пр., соціалъ-демократическіе депутаты всегда должны оставаться на основной позиціи—не одобрять ничего такого, что уси-

ливаетъ власть правительства по отношенію къ народу. И это тѣмъ легче, что здѣсь, обыкновенно, въ самой партіи нѣтъ единодушнаго настроенія и потому само собою подсказывается воздержаніе, отрицаніе.

Ваши объясненія по поводу Кайзера дѣлаютъ исторію еще худшей. Если онъ, вообще, высказывается за покровительственныя пошлины, то зачѣмъ же онъ голосуетъ противъ нихъ? Если онъ хочетъ голосоватъ противъ нихъ, почему же онъ высказывается въ ихъ пользу? И если онъ съ большимъ усердіемъ изучалъ вопросъ, то какъ могъ онъ голосовать за пошлину на желѣзо? Если его работа стоитъ хотя грошъ, онъ долженъ былъ бы знать, что въ Германіи имѣются два желѣзодѣлательныхъ завода—„Дортмундскій Союзъ" и „Королевскій и Лауровскій заводы", изъ которыхъ каждый въ отдѣльности удовлетворитъ весь спросъ внутренняго рынка; что кромѣ нихъ существуетъ еще много менѣе значительныхъ заводовъ и что въ данной области покровительственная пошлина является чистой нелѣпостью, что тутъ можетъ помочь лишь завоеваніе внѣшняго рынка, т.-е., абсолютная свободная торговля или же банкротство; что сами желѣзозаводчики только въ томъ случаѣ могутъ желать покровительственной пошлины, если они создали синдикатъ, заговоръ, навязывающій внутреннему рынку монопольныя цѣны, чтобы, напротивъ, излишній продуктъ сбывать за безцѣнокъ заграницу, какъ они это на самомъ дѣлѣ уже дѣлаютъ нынѣ. На пользу этого синдиката, этого заговора монополистовъ говорилъ Кайзеръ и, голосуя за пошлину на желѣзо онъ голосовалъ за этихъ господъ, и Ганземанъ изъ „Дортмундскаго Союза" вмѣстѣ съ Блейхредеромъ изъ заводовъ Королевскаго и Лаура посмѣиваются въ кулакъ надъ глупымъ соціалъ-демократомъ, который вдобавокъ съ усердіемъ изучалъ вопросъ.

Вы обязательно должны раздобыть книгу Рудольфа Мейера „Политическіе грюндеры въ Германіи". Безъ знакомства съ собраннымъ въ ней матеріаломъ о спекуляціи, крахѣ и политической коррупціи послѣднихъ лѣтъ невозможно правильное сужденіе о современномъ положеніи вещей въ Германіи. Какъ могло случиться, что этотъ неисчерпаемый источникъ не былъ своевременно использованъ для нашей прессы? Книга, разумѣется, запрещена.

Мѣста въ отчетѣ, которыя я преимущественно имѣю въ виду, слѣдующія: во первыхъ, то, гдѣ такъ много приписывается значенія привлеченію на свою сторону общественнаго мнѣнія — тотъ, противъ кого настроенъ этотъ факторъ, теряетъ въ силѣ,—вопросомъ жизни было „эту ненависть обратить въ симпатію“ (симпатію! со стороны людей, которые только что въ дни террора сыграли роль ищеекъ!) и т. п. Такъ далеко нѣтъ надобности заходить, въ особенности послѣ того, какъ паника прошла. Во вторыхъ, то мѣсто, гдѣ говорится, что партія, осуждающая войну во всѣхъ ея проявленіяхъ (слѣдовательно и ту, какую она принуждена вести, какую она ведетъ) и стремящаяся къ братству всѣхъ людей (къ этому на словахъ стремятся всѣ партіи, а фактически ни одна, ибо и мы отнюдь не хотимъ побрататься съ буржуазіей, пока она стается буржуазіей), не можетъ стремиться къ гражданской войнѣ (т.-е. и въ томъ случаѣ, если гражданская война будетъ единственнымъ средствомъ, ведущимъ къ нашей цѣли)—это положеніе можно формулировать также слѣдующимъ образомъ: партія, клеймящая пролитіе крови, въ какихъ бы формахъ это ни происходило, никоимъ образомъ не можетъ стремиться къ кровопусканію, ампутаціи пораженныхъ зараженіемъ крови членовъ и къ научнымъ вивисекціямъ. Для чего употреблять подобныя ничего не говорящія фразы? Я не требую, чтобы вы говорили „рѣзко“, я не упрекаю отчетъ за то, что онъ говоритъ слишкомъ мало—напротивъ, по-моему, онъ говоритъ слишкомъ много такого, о чемъ гораздо лучше было бы умолчать. Послѣдующее опять значительно лучше, и такимъ образомъ Гансъ Мостъ къ счастью проглядѣлъ пару мѣстъ, которыми могъ бы отлично воспользоваться.

Промахомъ было однако торжественное сообщеніе въ „Соціалъ-демократѣ“ о принесеніи Либкнехтомъ присяги въ Саксоніи. Этого не пропустилъ Гансъ, а его друзья-анархисты уже обработаютъ эту тему дальше. Марксъ и я находимъ дѣло совсѣмъ не столь опаснымъ, какимъ оно подъ первымъ впечатлѣніемъ представилось, напр., Гиршу. Вы должны знать, стоитъ ли Парижъ обѣдни („*Paris vaut bien une messe*“), какъ выразился Генрихъ IV, принимая католичество и спасая этимъ Францію отъ тридцатилѣтней войны; таковы ли

выгоды, чтобы совершить эту непослѣдовательность и принесть присягу, которая къ тому же является единственной въ своемъ родѣ, ибо не можетъ никому навлечь процесса въ нарушеніи присяги. Но если присяга принесена, объ этомъ слѣдовало молчать, пока другіе не станутъ кричать объ этомъ, тогда будетъ достаточно времени, чтобы защищаться. Безъ помощи „Соціалъ-демократа“ Гансъ никогда не узналъ бы о присягѣ.

Весьма обрадовало насъ, какъ вы отдѣлали извѣстнаго пьяницу и распутника. Мы позаботимся, чтобы это получило распространеніе въ Парижѣ, и затрудняемся лишь при подысканіи соотвѣтствующихъ французскихъ словъ, могущихъ передать ваши сильныя выраженія.

Впрочемъ, мы отнюдь не забываемъ, что мы здѣсь легко можемъ говорить, какъ это намъ и указываютъ, и что ваше положеніе гораздо тяжелѣе нашего.

Хотя притокъ мелкихъ буржуа и крестьянъ служитъ признакомъ заманчиваго прогресса движенія, однако, онъ чреватъ опасностью для него, поскольку упускается изъ виду, что эти элементы должны приходить, но что они приходятъ лишь потому, что должны. Ихъ пріобщеніе къ движенію является доказательствомъ того, что пролетаріатъ фактически сталъ руководящимъ классомъ. Но такъ какъ они приходятъ съ своими мелкобуржуазными и крестьянскими представленіями и стремленіями, то нельзя забывать, что пролетаріатъ утратитъ свою руководящую историческую роль, если станетъ дѣлать уступки этимъ представленіямъ и стремленіямъ.

Дружески вашъ Ф. Энгельсъ“.

На это письмо мой отвѣтъ былъ таковъ:

Лейпцигъ, 11 декабря 1879 г.

„Дорогой Энгельсъ!

Ауэръ написалъ мнѣ вчера, что въ той корреспонденціи онъ имѣлъ въ виду Моста и Эрхардта. Вы видите, такимъ образомъ, что я былъ правъ.

Гёхбергъ недавно прислалъ мнѣ прилагаемыя строчки. Ознакомьтесь съ ихъ содержаніемъ. По вопросу о покровительственныхъ пошлинахъ и обо всемъ томъ,

что съ нимъ связано, не стану больше говорить, вижу, что мы не сможемъ столковаться путемъ переписки.

Перехожу къ принесенію присяги. Гиршъ недавно написалъ объ этомъ очень рѣзкое письмо и заклиналъ Либкнехта не поддаваться „гнилой Лейпцигской обстановкѣ“. Не знаю, что подъ этимъ подразумѣваетъ Гиршъ, но могу удостовѣрить, что Лейпцигцамъ не приходилось оказывать никакого давленія на Либкнехта, чтобы заставить его дѣлать то, что онъ до сихъ поръ дѣлалъ. Спеціально въ вопросѣ о присягѣ я стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Я то же думалъ, что присягу надо принести, ибо, если не хотѣть присягать, то незачѣмъ, вообще, выбирать; но я хотѣлъ, чтобы передъ присягой было заявлено, что на присягу мы смотримъ, какъ на пустую формальность, которую приходится выполнить, ибо безъ нея невозможно вступленіе въ палату и пользованіе своимъ мандатомъ. Присяга не можетъ возмущать наши соціалистическіе республиканскіе взгляды. Либкнехтъ былъ противъ этой точки зрѣнія, и я по вполнѣ понятнымъ причинамъ воздержался отъ дальнѣйшихъ споровъ. Я, равнымъ образомъ, полагаю, что было бы лучше, если бы наши люди въ ландтагѣ воздерживались, какъ это мы послѣдовательно дѣлаемъ въ рейхстагѣ, отъ всякой интимной близости и общенія съ большинствомъ (празднества, обѣды у предсѣдателя, парламентскія пирушки и т. п). Всякій разъ, когда происходитъ что-нибудь въ этомъ родѣ, это даетъ извѣстнымъ газетамъ матеріалъ для непріятныхъ замѣтокъ, и такъ какъ мы принуждены молчать, замѣтки эти порождаютъ непріятные споры въ рядахъ нашихъ собственныхъ товарищей. Гдѣ дѣло по существу такъ просто, какъ въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ избѣгать всего, что даетъ поводъ къ разногласіямъ. Либкнехтъ слишкомъ поддается своимъ настроеніямъ; тотъ, кто умѣетъ подойти къ нему по-дружески и любезно, можетъ требовать отъ него рѣшительно все, а въ саксонскомъ ландтагѣ общая атмосфера совсѣмъ домашняя. Мнѣ, впрочемъ, хотѣлось бы, чтобы вы ничего не писали ему объ этихъ вещахъ, опасности въ этомъ для него нѣтъ, онъ лишь готовитъ себѣ мелкія непріятности, отъ которыхъ легко могъ бы себя уберечь.

Магдебургскіе выборы опять доставили намъ маленькую радость и очень разгнѣваютъ нашихъ враговъ. На

перебаллотировкѣ мы получимъ на 2000—3000 голосовъ больше, ибо съ одной стороны, мы бросимъ въ борьбу новые элементы, а съ другой—съ нами пойдетъ теперь значительная часть рабочихъ и мелкихъ буржуа, голосовавшихъ за прогрессивнаго кандидата.

Къ несчастью, въ первыхъ мѣсяцахъ новаго года у насъ опять будутъ выборы. Браке изъ-за своей болѣзни не можетъ дальше выполнять свои депутатскія обязанности и къ концу года сложитъ свой мандатъ. На его мѣсто будетъ кандидировать Ауэръ, въ пользу котораго высказались довѣренные округа.

Привѣтъ и рукопожатіе отъ вашего
А. Бебеля".

Энгельсъ, однако, не призналъ себя побѣжденнымъ и отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

Лондонъ, 16 декабря 1879 г.

„Дорогой Бебель!

„Мнѣ непонятно, какъ можетъ Ауэръ теперь утверждать, что онъ въ числѣ другихъ имѣлъ въ виду Моста, такъ какъ онъ въ статьѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ исключалъ его. Но оставимъ это.

Въ № 10 „Соціалъ-демократа" напечатаны „Историческія замѣтки", исходящія безусловно отъ одной изъ трехъ звѣздъ. Въ нихъ говорится: Лишь *къ чести* для соціалъ-демократіи сравненіе съ беллетристами, вродѣ Гуцкова и Лаубе, т.-е. съ людьми, которые уже задолго до 1848 г. похоронили послѣдніе остатки политическаго характера, если они, вообще, когда-либо имъ обладали. Далѣе: „Событія 1848 г. должны были наступить,—или въ сопровожденіи *всѣхъ благихъ проявленій мира*, если бы правительства соотвѣтствовали требованіямъ времени, или, поскольку этого не было, не оставалось, *къ сожалѣнію*, другого пути, кромѣ пути насильственной революціи".

Въ газетѣ, въ которой возможно недвусмысленно *сожалѣть* о революціи 1848 г., впервые открывшей дорогу для соціалъ-демократіи, въ такой газетѣ не мѣсто для насъ. Изъ этой статьи и изъ письма Гёхберга съ очевидностью явствуетъ, что созвѣздіе предъявляетъ притязаніе на то, чтобы ихъ впервые ясно выраженныя въ Ежегодникѣ мелкобуржуазно-соціалистическія воззрѣнія

пользовались на столбцахъ „Соціалъ-демократа“ равноправіемъ съ воззрѣніями пролетарскими. И я не вижу, какъ вы въ Лейпцигѣ сможете помѣшать этому. безъ формальнаго разрыва послѣ того, какъ дѣло зашло такъ далеко. Вы, попрежнему, считаете этихъ людей партійными товарищами, мы этого не можемъ дѣлать. Статья въ Ежегодникѣ рѣзко и абсолютно отдѣляетъ насъ отъ нихъ. Мы не можемъ общаться съ этими людьми, пока они утверждаютъ, что принадлежатъ къ одной партіи съ нами. Вопросы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, принадлежатъ къ числу тѣхъ, относительно которыхъ въ любой пролетарской партіи уже совсѣмъ не можетъ быть споровъ. Поставить ихъ въ партіи на обсужденіе — значитъ подвергнуть сомнѣнію весь пролетарскій соціализмъ.

При такихъ условіяхъ, право, гораздо лучше, чтобы мы не сотрудничали. Мы принуждены были бы рѣзко протестовать и черезъ нѣсколько недѣль публично заявить о своемъ отказѣ отъ сотрудничества, что отнюдь не было бы въ интересахъ дѣла.

Насъ очень огорчаетъ, что въ это время гоненій мы не можемъ безъ оговорокъ стоять рядомъ съ вами и васъ поддерживать. Пока германская партія оставалась вѣрной своему пролетарскому характеру, мы оставляли въ сторонѣ всѣ прочія соображенія. Но теперь, когда мелкобуржуазные элементы, которые допустили, открыто заявили о себѣ, дѣло обстоитъ иначе. Поскольку имъ позволено контрабандой протаскивать въ органъ германской партіи ихъ мелкобуржуазные взгляды, этотъ органъ для насъ попросту закрытъ.

Исторія съ присягой насъ мало трогаетъ. Слѣдовало бы, пожалуй, какъ и вы этого хотѣли бы, найти другой путь, нѣсколько устраняющій непріятную внѣшность, но это не имѣетъ серьезнаго значенія. Желательную вамъ осторожность мы проявимъ.

Журналъ Малона можетъ оказать полезное дѣйствіе, ибо, во-первыхъ, Малонъ не принадлежитъ къ числу людей, способныхъ причинять серьезный вредъ, и, во-вторыхъ, его сотрудники изъ числа французовъ позаботятся о томъ, чтобы дѣло оставалось въ должномъ фарватерѣ. Если Гёхбергъ мечтаетъ найти тутъ убѣжище для своихъ мелкобуржуазностей, онъ убѣдится, что даромъ выбросилъ свои деньги.

Магдебургскіе выборы очень насъ порадовали. Достойна удивленія непоколебимость рабочихъ массъ Германіи. Корреспонденціи рабочихъ въ „Соціалъ-демократѣ“—единственно хорошее, что въ немъ есть.

Возвращаю присемъ письмо Гёхберга. Ничего съ этимъ человѣкомъ не сдѣлаешь. Наше нежеланіе раствориться въ компаніи господъ изъ „Будущаго“ объясняется имъ личнымъ тщеславіемъ. Но треть этихъ людей были и остаются по сихъ поръ *совершенно неизвѣстными* намъ даже по имени, а другая треть состоитъ изъ людей, бывшихъ несомнѣнными мелкобуржуазными соціалистами. И это назвали „научнымъ“ журналомъ! И Гёхбергъ полагаетъ еще теперь, что этотъ журналъ имѣлъ „просвѣщающее“ значеніе; свидѣтельствомъ тому служитъ его собственная, столь замѣчательная ясная голова, которая и посегодня, несмотря на всѣ мои усилія, не можетъ постичь различія между соціализмомъ мелкобуржуазнымъ и пролетарскимъ. Всѣ разногласія — просто „недоразумѣнія“. Совсѣмъ, какъ это было съ демократическими крикунами 1848 г. Или еще „поспѣшные выводы“... Разумѣется, ибо всякій выводъ поспѣшенъ, поскольку онъ хочетъ вложить опредѣленный смыслъ въ болтовню этихъ господъ. Они хотятъ, вѣдь, сказать не только *это*, но и, по возможности, прямо противоположное этому.

Вообще же, міровая исторія идетъ своимъ чередомъ, не заботясь объ этихъ филистерахъ умѣренности и аккуратности. Въ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣло должно дойти до развязки. Или рухнетъ самодержавіе и тогда сразу послѣ паденія этого оплота реакціи подуетъ въ Европѣ другой вѣтеръ, или же разразится европейская война, которая похоронитъ также и нынѣшнюю нѣмецкую партію въ неизбѣжной борьбѣ всякаго народа за свое національное существованіе. Такая война была бы величайшимъ несчастіемъ для насъ, она отбросила бы движеніе на цѣлыхъ двадцать лѣтъ назадъ. Но зато новая партія, которая, въ концѣ концовъ, должна будетъ послѣ этого возникнуть, будетъ во всѣхъ европейскихъ странахъ свободна отъ массы соображеній и мелочей, которыя нынѣ повсюду стѣсняютъ движеніе.

Дружески вашъ Ф. Э.“

Одновременно съ этимъ шла моя корреспонденція съ Фольмаромъ, относившаяся, главнымъ образомъ, къ „Соціалъ-демократу“. Ему я писалъ:

Лейпцигъ, 30 ноября 1879 г.

„Дорогой другъ!

Пора уже наладить экспедицію; мы до сихъ поръ получили до седьмого номера, но все съ удивительнымъ запозданіемъ. Въ чемъ тутъ дѣло, не знаю. Неужели невозможна болѣе быстрая пересылка? Въ Берлинѣ до сихъ поръ не получились еще №№ 4, 6 и 7. Если такъ дѣло будетъ итти дальше, мы потеряемъ этотъ важный заказъ. Чья вина—мѣста отправки или пріемочнаго пункта, я не знаю, вамъ слѣдуетъ принять мѣры для выясненія этого. Я жду лишь возобновленія занятій рейхстага, чтобы была возможной агитація...

По поводу позиціи газеты я совѣтую говорить болѣе рѣшительнымъ тономъ; настроеніе нашей публики все больше склоняется влѣво. Не прекращающіяся репрессіи и возобновленіе осаднаго положенія раздражаютъ до нельзя и это раздраженіе должно найти себѣ выраженіе. Рекомендую я, равнымъ образомъ, отдѣлаться отъ французскихъ буржуазныхъ республиканцевъ. Я держусь того мнѣнія, что для французскихъ соціалистовъ не можетъ быть ничего лучшаго, какъ разрывъ съ радикалами. Мы должны внушать и французскимъ рабочимъ о необходимости самостоятельности рабочей партіи, которую всегда со всей рѣшительностью отстаивали сами въ Германіи. Къ тому же французы должны прекрасно знать, чего они могутъ ждать отъ радикаловъ. Я не слишкомъ-то довѣряю имъ, они почти всѣ безъ исключенія подло вели себя по отношенію къ коммунѣ.

Карлъ Гиршъ только-что использовалъ вашу колеблющуюся позицію въ этомъ вопросѣ, чтобы обрушиться на васъ въ письмѣ къ Л. *) Противъ этого мы съ вами ничего не подѣлаемъ, ибо Гиршъ нынѣ меньше всего можетъ быть признанъ компетентнымъ и безпристрастнымъ судьей. Но я убѣжденъ, что въ данномъ пунктѣ онъ имѣетъ на своей сторонѣ значительное большин-

---

*) Либкнехтъ.

ство нашихъ товарищей, и съ этимъ мы должны считаться.

Наша задача должна состоять въ томъ, чтобы по мѣрѣ нашего вліянія все болѣе толкать французовъ влѣво, чтобы они, наконецъ, создали, дѣйствительно, самостоятельную организацію...

Еще разъ прошу васъ принять мѣры, чтобы экспедиція употребила всѣ усилія къ быстрой доставкѣ съ нѣмецкой почвы.

Сердечный привѣтъ вамъ и всѣмъ товарищамъ.

Вашъ А. Б.“

Лейпцигъ, 5 января 1880 г.

„Дорогой другъ!

Сегодня между Газенклеверомъ и Ф. *) съ одной стороны и мною, съ другой, возникъ оживленный споръ по поводу послѣдняго номера. Его нашли черезчуръ рѣзкимъ, перещеголявшимъ даже „Свободу“ и компрометирующимъ насъ, поскольку онъ ведетъ къ процессамъ вродѣ ганноверскаго.

Не могу отрицать, что нѣкоторыя мѣста въ стихотвореніи и въ статьѣ способны навязать на шею уличенному распространителю обвиненіе въ государственномъ преступленіи. Затѣмъ, предпослѣдній абзацъ статьи „Наши праздники“ будетъ должнымъ образомъ использованъ противъ насъ, въ особенности въ рейхстагѣ. Какъ бы ни было, вы показали, что при желаніи можете писать въ духѣ Ганса, и это успокоитъ ворчуновъ.

Въ Берлинѣ царитъ бѣлый терроръ; всѣ наши болѣе извѣстные товарищи находятся подъ надзоромъ, и притомъ въ такой степени, что не могутъ встрѣчаться другъ съ другомъ. Временно Берлинъ совершено закрытъ. Толкуютъ объ усиленіи строгостей исключительнаго закона, хотятъ добавить новый параграфъ, допускающій высылку опасныхъ лицъ изъ любой мѣстности, гдѣ не объявлено осадное положеніе.

---

*) Буква эта можетъ обозначать Фирека, но также и Вальтейха Бебель сперва дописалъ до конца фамилію Фирека, но потомъ зачеркнулъ ее, очевидно, не довѣряя въ данномъ случаѣ своей памяти.

Если это подтвердится и проектъ будетъ осуществленъ, то произойдетъ крупная перетасовка, прежде всего у насъ здѣсь. Пока ничего объ этомъ не печатайте, иначе проектъ отдѣльныхъ лицъ весьма скоро облечется въ плоть и кровь. Вообще, совѣтую по возможности избѣгать опубликованія всѣхъ извѣстій, могущихъ обратить на себя вниманіе нашихъ враговъ; въ данное время не годится изображать насъ болѣе опасными, чѣмъ мы являемся на самомъ дѣлѣ.

Вашъ А. Б.“

23 января 1880 г. я писалъ еще Энгельсу по поводу разногласій между нимъ и Фольмаромъ:

„Дорогой Энгельсъ!

Прилагаю присемъ рукопись, присланную мнѣ недавно Фольмаромъ въ отвѣтъ на ваше послѣднее письмо и оттискъ, и которую онъ настоятельно требуетъ переслать вамъ, что я и дѣлаю.

Я больше не стану пускаться въ полемику съ вами по поводу ранѣе происшедшаго; я такъ перегруженъ работой, что отнюдь не желаю портить свое не весьма пріятное настроеніе безполезными спорами. Моя голова занята другими вещами; чрезвычайная продолжительность кризиса создаетъ для насъ жесточайшія матеріальныя затрудненія, а тутъ предъявляемыя къ намъ требованія растутъ все больше — увеличивается число высланныхъ и лицъ, выброшенныхъ исключительнымъ закономъ на улицу и не знающихъ, гдѣ достать заработокъ, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Я сдѣлался центромъ, куда стекаются всѣ жалобы и претензіи, и вы можете себѣ представить, въ какое настроеніе это, мало-по-малу, должно привести...

Все, что сказано и написано о расколахъ въ германской соціалъ-демократіи, пустая болтовня, если не считать случая съ Гассельманомъ, который насъ совсѣмъ не огорчилъ. Разногласія и столкновенія, вспыхивающія то тамъ, то здѣсь между отдѣльными товарищами и случайно становящіяся достояніемъ гласности, раздуваются вражеской прессой въ признаки раскола и распада; и по каждому такому поводу ликуютъ тѣмъ громче, чѣмъ сильнѣе должны стараться скрыть свое

безпокойство въ виду непрекращающейся активности партіи. Относитесь поэтому съ величайшимъ скептицизмомъ ко всему тому, что попадется вамъ на глаза въ германской печати на эту тему.

Лучшія пожеланія вамъ и Марксу.

Вашъ А. Бебель".

Упомянутая въ началѣ письма рукопись представляла собою записку Фольмара, въ которой онъ защищался противъ нападокъ Маркса и Энгельса на его редакцію. Письмо имѣло тотъ практическій результатъ, что Энгельсъ прислалъ мнѣ для партійной кассы чекъ въ 10 фунтовъ стерлинговъ.

Распространеніе „Соціалъ-демократа“ и красный почтмейстеръ.

Дѣльный завѣдующій экспедиціей „Соціалъ-демократа“ былъ, по меньшей мѣрѣ, столь же необходимъ, какъ и надежный редакторъ. Какую пользу имѣли бы мы отъ наилучшей газеты, если бы на лицо не было человѣка, способнаго наладить чрезвычайно трудный провозъ газеты въ Германію и организацію ея распространенія внутри Германіи? Если бы не нашелся человѣкъ, который, не взирая на всѣ неизбѣжныя неудачи и промахи, никогда не терялъ мужества и головы, но всегда въ отличномъ настроеніи отыскивалъ новые пути и средства провести за носъ многочисленныхъ пограничныхъ стражей? Ибо едва только появилась газета, какъ нѣмецкая полиція стала прилагать всѣ усилія—при помощи посланныхъ въ Цюрихъ шпіоновъ или пріобрѣтенныхъ въ самомъ Цюрихѣ за хорошія деньги—напасть на слѣдъ потаенныхъ путей, какими совершался массовый транспортъ газеты. Полицейская слѣжка въ Швейцаріи дополнялась мобилизаціей таможенной стражи вдоль всей германо-швейцарской границы, при чемъ для ея чиновъ стало дѣломъ величайшаго честолюбія перехватить посылки „Соціалъ демократа“.

Борьба, которая въ теченіе десяти лѣтъ велась между руководителями распространительскаго аппарата газеты и нѣмецкой полиціей и пограничной стражей, должна быть интереснѣе всего, что когда-либо происходило въ этомъ родѣ. Она предъявляла величайшія требованія къ выдержкѣ, осмотрительности, ловкости и хитрости нападающей стороны и могла быть побѣдоносно проведена только благодаря тому, что понемногу по эту и по ту сторону швейцарской границы подобралось значительное количество смѣлыхъ и умѣлыхъ товарищей,

которые рука объ руку съ руководящимъ центромъ въ Цюрихѣ отдали себя на служеніе общему дѣлу. Но совсѣмъ не легкимъ дѣломъ было также подыскать такихъ товарищей и, соотвѣтствующимъ образомъ, руководить ими. И все же это удалось. И притомъ нашлись не только товарищи, состоявшіе на правительственной службѣ, но также и служившіе на желѣзныхъ дорогахъ и даже въ полиціи, оказывавшіе содѣйствіе при перевозкѣ запрещенной литературы. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ нѣкій полицейскій надзиратель *Б.* въ Констанцѣ, который оказалъ намъ не мало серьезныхъ услугъ. Такъ, напримѣръ, онъ однажды получилъ приказаніе арестовать по требованію прокурора Физера изъ Карлсруэ одного преслѣдуемаго товарища, котораго онъ наканунѣ пріютилъ на ночлегъ у себя въ квартирѣ, и которому помогъ затѣмъ бѣжать. Впослѣдствіи Б. подалъ въ отставку и живетъ теперь въ достаткѣ въ Швейцаріи. Состояніе онъ пріобрѣлъ торговлей обувью, которую открылъ въ Винтертурѣ. Среди нѣмецкихъ товарищей занимались контрабанднымъ провозомъ или содѣйствіемъ ему, главнымъ образомъ, слѣдующіе: Адольфъ Геккъ и братъ его Карлъ, затѣмъ товарищи Аутенритъ и Гауейзенъ въ Оффенбургѣ, купецъ Арнольдъ въ Констанцѣ, г-жа Гаугъ въ баденскомъ Фрейбургѣ и ея братъ Яковъ Гаугъ въ Мюльгаузенѣ въ Эльзасѣ, братья Лутцъ въ Филлингенѣ и Безиггеймѣ, Гутманъ въ Базелѣ и многіе другіе. Позднѣе, а именно съ тѣхъ поръ, какъ съ лѣта 1880 г. „Соціалъ-демократъ“ сталъ выходить въ Лондонѣ, Гамбургъ сдѣлался пунктомъ главнаго ввоза газеты, дальнѣйшимъ распространеніемъ которой руководили, главнымъ образомъ, Вильгельмъ Шрöдеръ и Штейнфаттъ.

Многіе изъ распространителей приговаривались за свою дѣятельность къ тюремному заключенію, нѣкоторые—не одинъ разъ; Адольфъ Геккъ былъ осужденъ на 11 мѣсяцевъ, его братъ Карлъ—на 7, Аутенритъ—на 4, Гауейзенъ—на 3 мѣсяца и т. д.

Нерѣдко весьма своеобразны были способы доставки и мѣста храненія „Соціалъ-демократа“. Такъ, долгое время складъ газеты находился подъ лѣстницей каѳедры въ церкви въ Филлингенѣ. Распространитель „Соціалъ-демократа“ въ Лейпцигскомъ округѣ товарищъ Клееманъ до самой своей высылки изъ Лейпцига хра-

нилъ его въ шкапу, находящемся въ его распоряженіи въ качествѣ капельдинера въ городскомъ театрѣ. И когда однажды императоръ Вильгельмъ II возвращался изъ своей поѣздки въ Англію, онъ и не подозрѣвалъ, что въ трюмѣ его парохода запрятана большая партія „Соціалъ демократа". Стоитъ только привлечь на сторону враждебной правительству партіи низшіе слои чиновниковъ и рабочихъ государственныхъ предпріятій, чтобы оно не могло уже справиться съ этой партіей; оно не можетъ обойтись безъ работы этихъ слоевъ. И у него тогда колеблется почва подъ ногами.

При возникновеніи „Соціалъ демократа" экспедиторомъ его былъ товарищъ Уле, проявившій себя умѣлымъ и надежнымъ агитаторомъ. Но скоро обнаружилось, что онъ не подходитъ для этого поста, ему не хватало дѣлового умѣнія и ловкости. Тѣмъ не менѣе за тотъ короткій промежутокъ времени, въ теченіе котораго онъ занималъ этотъ постъ, Уле сдѣлалъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе. Въ лицѣ сапожника товарища I. Белли, сына баденскаго крестьянина, жившаго въ пограничной мѣстности Крейцлингенъ, близъ Констанца, онъ пріобрѣлъ великолѣпнаго организатора контрабанднаго провоза черезъ границу. Белли написалъ книжку о своихъ приключеніяхъ въ этой роли подъ заглавіемъ „Красная полевая почта и прочее", въ которой онъ занимательно разсказываетъ объ исторіяхъ, связанныхъ съ его дѣятельностью. Непригодность Уле къ порученному ему дѣлу заставила меня написать Моттелеру и спросить его, не хочетъ ли онъ взять на себя это дѣло, но Моттелеръ отвѣтилъ, что онъ безъ нужды не хочетъ покидать Германію. Спустя нѣкоторое время Фольмаръ и я снова обратились къ нему, жившему тогда въ Нимфенбургѣ подъ Мюнхеномъ, и на этотъ разъ онъ принялъ наше предложеніе. Въ его лицѣ мы сразу нашли настоящаго человѣка для нужнаго дѣла.

Моттелеръ былъ торговцемъ шерстяными издѣліями, но для того, чтобы основательнѣе знать дѣло, онъ долгое время работалъ простымъ рабочимъ на ткацкой фабрикѣ. Такимъ образомъ, онъ, можно сказать, началъ съ самыхъ азовъ. Но Моттелеръ былъ не только дѣловымъ человѣкомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ прирожденнымъ поэтическимъ характеромъ. Это былъ че-

ловѣкъ отзывчивый, жизнерадостный и пріятный собесѣдникъ, всегда остроумный и веселый. Наши жены всегда радовались наступленію срока лейпцигской ярмарки, когда онъ являлся въ Лейпцигъ по дѣламъ основаннаго имъ прядильно-ткацкаго товарищества въ Криммичау. Фантазія, впрочемъ, играла значительную роль въ его разсказахъ. Онъ всегда смотрѣлъ на окружающій міръ другими глазами, чѣмъ мы всѣ, но все же пріятно было слушать его. Онъ былъ хорошимъ ораторомъ, умѣющимъ увлекать слушателей блестящими образами. Особенно пригоднымъ для его новаго мѣста дѣлали Моттелера его энергія и изобрѣтательность. Онъ былъ неутомимымъ работникомъ, безъ всякихъ оговорокъ готовымъ на жертвы, добросовѣстенъ и надеженъ. Особую ловкость проявилъ онъ въ дѣлѣ упаковки газеты—въ письмахъ и пакетахъ. Всякій, кто попадалъ на „Олимпъ", какъ прозвали цюрихскіе товарищи жилище Моттеллера, соединенное съ экспедиціей и недоступное для простыхъ смертныхъ, долженъ былъ въ дни отправокъ принять участіе въ общей работѣ. Постоянныя перемѣны адресовъ, вызываемыя перемѣной квартиръ и мѣстожительства, перехватываніемъ писемъ, предательствомъ или слѣжкой за адресатомъ, порождали очень много добавочной работы и требовали большой осторожности. Стоило же попасть на „Олимпъ" товарищу, направляющемуся въ Германію,—ему приходилось соглашаться на своеобразную процедуру надъ нимъ. „Красный почтмейстеръ", какъ довольно скоро стали называть въ кругу партійныхъ товарищей Моттеллера, дѣлалъ распоряженіе, чтобы уѣзжающій снималъ съ себя верхнее платье, оставаясь въ одномъ бѣльѣ. Вслѣдъ затѣмъ туловище и члены товарища искусно обертывались конвертами самыхъ различныхъ размѣровъ и формъ. По окончаніи этой церемоніи, всегда вызывавшей шумное веселіе среди ея участниковъ, посланецъ отправлялся на вокзалъ, чтобы по ту сторону границы, въ надежномъ убѣжищѣ, освободиться отъ своего груза. Мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ случай, когда бы такъ нагруженные товарищи попали въ лапы церберовъ по ту сторону границы.

Напротивъ того, не разъ схватывались цѣлые транспорты у самой границы или внутри Германіи, почти всегда благодаря неловкости или чрезмѣрной довѣрчи-

вости нашихъ же людей. Когда приходило извѣстіе о чемъ-нибудь подобномъ, даже красный почтмейстеръ поддавался гнѣву; приходилось отправляться въ путь его помощнику Белли, чтобы найти другой путь или завербовать новыхъ контрабандистовъ, для которыхъ провозъ газеты и брошюръ былъ выгоднымъ дѣломъ.

Я допустилъ бы большой пробѣлъ въ своемъ разсказѣ, если бы не упомянулъ также и жены Моттелера. Оба они были родомъ изъ одного и того же города—Эсслингена въ Вюртембергѣ. Они сблизились съ юныхъ лѣтъ. Госпожа Моттелеръ вѣрно помогала мужу въ его работѣ. Горе тому, кто неблагопріятно отзывался объ ея Юліи. Жилище Моттелера на верхнемъ Вольфбахѣ въ Цюрихѣ было выбрано съ такимъ расчетомъ, чтобы изъ него было удобно обозрѣвать всю окрестность, тогда еще незастроенную. Шпіоны, которыхъ особенно берлинское полицейское управленіе держало постоянно въ Цюрихѣ въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, не могли поэтому незамѣченными сторожить у дома или бродить около него. И если приходилъ на „Олимпъ" какой-нибудь незнакомецъ и хотѣлъ войти, навстрѣчу ему выходила на порогъ сама „тетушка", какъ въ шутку мы прозвали госпожу Моттелеръ за ея гостепріимство, и подвергала его допросу, что именно ему нужно, при чемъ оглядывала незнакомца съ головы до пятокъ самымъ суровымъ взглядомъ. Если онъ удовлетворительно выдерживалъ этотъ экзаменъ, его впускали въ святилище—въ экспедицію. Если же это было лицо, пользующееся довѣріемъ супруговъ, его впускали въ святое святыхъ—въ ихъ уютную квартиру.

Но несмотря на всѣ мѣры предосторожности и все недовѣріе, вполнѣ оправдываемое условіями, случилось все же, что въ жилище Моттелера проникъ человѣкъ, впослѣдствіи разоблаченный, какъ опасный шпіонъ и провокаторъ,—а именно бывшій баденскій артиллерійскій капитанъ въ отставкѣ, фонъ-Эренбергъ съ женою. Но какъ только у насъ зародились подозрѣнія противъ этого господина, ему пришлось немедленно ретироваться вмѣстѣ съ его, безусловно ни въ чемъ неповинной, женой.

Мнѣ еще придется говорить объ этомъ Эренбергѣ.

Не лишнимъ будетъ обрисовать здѣсь вкратцѣ жизнь нашихъ цюрихскихъ друзей. Понемногу въ Цюрихѣ образовался цѣлый генеральный штабъ умѣлыхъ и на-

дежныхъ работниковъ. Кромѣ Бернштейна, Моттелера, Фольмара, здѣсь были еще оба наборщика „Соціалъ-демократа“ — Рихардъ Фишеръ и Таушеръ, Деросси, помощникъ Моттелера, Карлъ Каутскій и позднѣе Генрихъ Шлютеръ, затѣмъ цюрихскій товарищъ портной Беккъ и переплетчикъ Карлъ Манцъ, бывшій въ Берлинѣ послѣднимъ отвѣтственнымъ редакторомъ берлинской „Свободной Прессы“, пока ее не прихлопнулъ исключительный законъ, и другіе. Шлютера пригласили мы въ концѣ 1883 г. по моему предложенію въ Цюрихъ для организаціи книжнаго склада и торговли, послѣ того, какъ онъ былъ высланъ изъ Дрездена и не могъ найти подходящаго для себя заработка въ Штуттгартѣ. Ему принадлежитъ заслуга созданія партійнаго архива, о необходимости котораго я писалъ еще въ лейпцигскомъ „Впередъ“ и затѣмъ снова въ „Соціалъ-демократѣ“. Портной Беккъ, веселый товарищъ и собесѣдникъ, былъ „придворнымъ портнымъ“ тогдашняго студента Петра Карагеоріевича, впослѣдствіи сербскаго короля Петра. Петръ Карагеоргіевичъ, часто встрѣчавшійся съ нашими товарищами и иногда участвовавшій въ веселыхъ засѣданіяхъ въ клубѣ Мавровъ, былъ тогда бѣднякомъ, часто нуждавшимся въ деньгахъ. Чтобы хотя нѣсколько отдѣлаться отъ затрудненій, онъ уговорилъ портного Бекка въ его счетахъ увеличивать на 50% цѣны; послѣ того, какъ родственники Петра оплачивали эти счета, Петръ получалъ отъ Бекка излишнюю сумму. Король Петръ во время Балканской войны повѣдалъ сотруднику „Новой Цюрихской Газеты“, какъ онъ еще въ своей юности былъ въ Цюрихѣ и какіе возвышенные планы строилъ онъ въ ту пору на счетъ блага и счастья народа. Но мечты—мечтами, онѣ быстро разсѣиваются, какъ дымъ. Не мало еще существуетъ государственныхъ дѣятелей и высокопоставленныхъ чиновниковъ на Балканахъ, которые въ свои юные годы были въ Цюрихѣ рѣшительными марксистами и примыкали къ Интернаціоналу. Ихъ не приходится упрекать по этому поводу. Я уважаю ихъ больше, чѣмъ тѣхъ прусскихъ юнкерскихъ сынковъ - въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ изъ среды стариннаго дворянства,— которые въ то время тоже учились въ Цюрихѣ, но вернулись домой столь же ограниченными, какими явились въ Цюрихъ.

Въ Цюрихѣ временами бывало очень весело, ибо не въ нашемъ духѣ было поддаваться меланхоліи даже при дѣйствіи исключительнаго закона. Хотя постоянно стекавшіяся со всѣхъ сторонъ въ Цюрихъ вѣсти о новыхъ постыдныхъ дѣйствіяхъ и насиліяхъ въ Германіи, дополнявшіяся устными разсказами прибывавшихъ въ Цюрихъ высланныхъ и бѣглецовъ, усиливали возмущеніе нашихъ товарищей, что можно было прослѣдить въ тонѣ „Социалъ-демократа“, тѣмъ не менѣе, бывали все же часы, когда они чувствовали себя просто людьми, а не партійными дѣятелями, и давали волю хорошему настроенію. Обычно отправлялись въ клубъ Мавровъ, какъ назывался кружокъ товарищей въ память о такомъ же кружкѣ, существовавшемъ до изданія исключительнаго закона въ Берлинѣ; особенно весело бывало въ наши наѣзды въ Цюрихъ, что случалось по нѣсколько разъ за годъ. Съ особеннымъ усердіемъ принимались пѣть знаменитую „Пѣснь о бюргермейстерѣ Чехѣ“, который въ сороковыхъ годахъ предпринялъ покушеніе на Фридриха Вильгельма IV съ нѣсколько комичнымъ исходомъ. Эдуардъ Бернштейнъ бывалъ запѣвалой, припѣвъ подхватывали хоромъ. За этой пѣсней слѣдовала не менѣе знаменитая „Пѣснь керосинщиковъ“ и подобныя сатирическія пѣсни, осмѣивавшія господствующіе въ Германіи порядки. А то еще Эдуардъ Бернштейнъ и Карлъ Каутскій—тогда они были неразлучны—запѣвали дуэтъ, способный смягчить камень и растворить сердца. Выкидывали также разныя шутки, все время вызывавшія взрывы смѣха. Одно время въ домѣ, въ первомъ этажѣ котораго помѣщался клубъ Мавровъ, жилъ знаменитый цюрихскій поэтъ Готфридъ Келлеръ. Однажды вечеромъ былъ у него въ гостяхъ Поль Гейзе и въ это время въ первомъ этажѣ особенно бушевали. Гейзе спросилъ Келлера, кто такіе эти буяны, на что тотъ отвѣтилъ, что это социалъ-демократы. Тогда Поль Гейзе продекламировалъ съ комическимъ пафосомъ: „Тамъ подъ поломъ клокочетъ адъ“. Но эти безобидные буяны могли становиться очень непріятными, когда дѣло доходило до того, чтобы посчитать какъ слѣдуетъ ребра разоблаченному шпіону или, вообще, показать ему, гдѣ раки зимуютъ. Такая участь постигла, напримѣръ, саксонскаго шпіона Шмидта, котораго содержало на государственный счетъ дрезденское

полицейское управленіе, отлично зная, что онъ простой уголовный преступникъ. Когда Шмидтъ послѣ разоблаченія вернулся въ Дрезденъ, пришлось подвергнуть его суду, который закончился осужденіемъ къ пяти годамъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ.

Какъ только Моттелеръ вступилъ въ Цюрихѣ въ исполненіе своихъ обязанностей, между нами завязалась оживленная переписка. Несмотря на интересъ, который она можетъ имѣть, я въ состояніи передать здѣсь лишь ничтожную ея часть, иначе моя работа слишкомъ разрастется въ своемъ объемѣ. Такую же сдержанность принужденъ я проявить и въ передачѣ переписки съ Марксомъ, Энгельсомъ, Фольмаромъ и другими. Съ вступленіемъ Моттелера въ завѣдываніе „Соціалъ-демократомъ", дѣло сразу обернулось по новому. Все пошло, какъ по маслу, число читателей стало быстро возрастать. Въ концѣ 1879 г., т.-е. уже черезъ три мѣсяца послѣ своего возникновенія, „Соціалъ демократъ" расходился въ 3600 экземплярахъ, что представляло собою неожиданно большой успѣхъ, принимая во вниманіе значительныя затрудненія, стоящія на пути его контрабандному ввозу въ Германію. И распространеніе его росло все больше, но вмѣстѣ съ этимъ возростали и затрудненія при доставкѣ, такъ какъ пограничныя власти удваивали свои усилія. Въ результатѣ этого черезъ нѣсколько лѣтъ возникъ вопросъ, не лучше ли большую часть изданія печатать нелегально въ самой Германіи. Тотъ же самый вопросъ еще настойчивѣе возникалъ въ связи съ изданіемъ запрещенныхъ брошюръ, спросъ на которыя тоже неизмѣнно увеличивался. Въ этомъ дѣлѣ много помогли цюрихцамъ совѣты и содѣйствіе товарищей Дитца и Гриллепбергера, которые, такимъ образомъ, оказали партіи крупныя услуги. Провозъ матрицъ въ Германію совершался весьма искусно. Газета печаталась съ этихъ матрицъ то тамъ, то здѣсь, иногда даже довольно продолжительное время въ одномъ мѣстѣ, если это позволяли обстоятельства. Полиція скоро замѣтила, будучи, конечно, освѣдомлена пограничными чиновниками, въ руки которыхъ попадало теперь все меньше посылокъ и пакетовъ съ газетой, что она печатается въ главной своей массѣ въ самой Германіи. Отныны полиція всѣ свои способности и усилія направила на то, чтобы выслѣдить мѣста тайнаго пе-

чатанія. Напрасно. Если не бывало неосторожности съ нашей стороны, полиціи никогда не удавалось что-нибудь обнаружить. Предателей тутъ не было, ибо товарищи, участвовавшіе въ печатаніи этой литературы, принадлежали къ числу отборныхъ людей, на ловкость и скромность которыхъ можно было смѣло положиться. За все время дѣйствія исключительнаго закона полиціи ни единаго раза не удалось обнаружить мѣсто печатанія запрещенной литературы. Съ прямо таки неслыханной смѣлостью печаталъ напр., Грилленбергеръ „Соціалъ-демократъ“ и притомъ довольно продолжительное время. Нюрнбергская полиція подозрѣвала, что онъ печатается у Верлейнъ и К°, въ предпріятіи Грилленбергера. Она производила одинъ за другимъ обыски, днемъ и ночью, но всегда безуспѣшно.

Товарищъ Дитцъ тоже пошелъ на большой рискъ, тайно напечатавъ нѣсколько изданій моей книги „Женщина и Соціализмъ“. Въ данномъ случаѣ дѣло шло объ объемистой книгѣ, печатаніе которой требовало болѣе продолжительнаго времени, при чемъ съ каждымъ днемъ все увеличивалась опасность быть застигнутымъ. Я понималъ его состояніе, когда онъ однажды писалъ мнѣ: въ чертовски опасную исторію онъ впутался. Штуттгартскій прокуроръ ведетъ уже противъ него предварительное дознаніе по поводу печатанія запрещенныхъ книгъ, основываясь, очевидно, на слухахъ. Но всѣ старанія оказались тщетны *).

---

*) По этому поводу товарищъ Дитцъ пишетъ:

„Бебель предполагалъ напечатать въ Германіи совершенно переработанное новое изданіе своей книги „Женщина и Соціализмъ“. Въ качествѣ издателя должно было быть указано одно швейцарское издательство. Важно было то, что напечатанное въ Германіи изданіе могло цѣликомъ остаться внутри страны и потому легче быть распространеннымъ, чѣмъ изданіе, напечатанное за-границей, которое приходилось еще контрабандой провезти черезъ границу. Мы съ Бебелемъ условились печатать книгу въ Штуттгартской типографіи. Издательство И. Шабелица въ Цюрихѣ изъявило согласіе на то, чтобы оно было указано въ качествѣ издателя, и взяло на себя продажу книги за-границей. Прежнее заглавіе книги было измѣнено на „Женщина въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ“. Спустя съ полгода послѣ окончанія печатанія кто-то донесъ властямъ, что напечаталъ книгу я. Былъ произведенъ обыскъ, въ типографіи не было найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ книги, зато было доказано, что истекла уже давность, установленная закономъ о печати (6 мѣсяцевъ) и потому не можетъ быть возбуждено су-

Такъ надъ большинствомъ изъ насъ висѣлъ дамокловъ мечъ, угрожая за то или другое дѣло. И это еще тѣснѣе сплачивало насъ, хотя среди насъ возникали разногласія, что было вполнѣ понятно при различіи темпераментовъ и взглядовъ, и въ особенности въ виду трудности объясниться въ дружескомъ кругу. Такъ было, такъ есть и будетъ, пока существуетъ партія. Но передъ общимъ врагомъ мы во всякое время выступали сплоченной фалангой, съ каждымъ днемъ становившейся все болѣе сильной.

дебное преслѣдованіе. Но безъ послѣдствій это дѣло не осталось: въ ближайшую сессію рейхстага, г. фонъ Путткамеръ защищалъ внесенный правительствомъ законопроектъ, согласно которому срокъ давности по преступленіямъ въ печати удлинялся съ 6 мѣс. до 3 лѣтъ. Рейхстагъ безъ лишнихъ разговоровъ отклонилъ законопроектъ. Среди своихъ матеріаловъ Путткамеръ выставилъ и книгу Бебеля, которая тогда *въ желтой обложкѣ „Отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1883 г.“* получила широкое распространеніе.

Запрещеніе, послѣдовавшее въ силу закона противъ соціалистовъ, гласило слѣдующее: „Женщина въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, Августа Бебеля“. Изданіе Издательскаго Магазина (И. Шабелицъ) въ Цюрихѣ, 1883 г. Королевскій полицей-президентъ въ Берлинѣ. 2. 11. 83. Запрещеніе распространяется также и на тѣ экземпляры этого произведенія, которые распространяются въ обложкѣ съ заглавіемъ „Отчеты фабричныхъ инспекторовъ за 1883 г.“. Корол. Полиц.—Президентъ въ Берлинѣ. 19. 12. 83.

Первое изданіе 1879 г. распространялось уже въ обложкахъ, на которыхъ было напечатано: „Энгель. Статистика. Выпускъ 5“.

Сессія рейхстага 1879 года.

Сессія эта была исключительно продолжительна; началась она 12 февраля и закончилась 12 іюля. Главнымъ предметомъ занятій явился новый таможеный тарифъ, обозначавшій поворотъ въ германской торговой политикѣ отъ умѣренной свободы торговли въ сторону покровительственныхъ пошлинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта сессія осуществила до извѣстной степени налоговой идеалъ Бисмарка, обрисованный имъ въ его рѣчи о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ 22 ноября 1876 г., въ которой онъ съ особеннымъ удареніемъ высказался противъ прямыхъ налоговъ и въ пользу возможно болѣе высокихъ косвенныхъ налоговъ на „предметы роскоши, потребляемые массами“, въ числѣ каковыхъ онъ называлъ пиво, водку, сахаръ, кофе, табакъ и керосинъ. Умѣренный прямой налогъ долженъ быть допущенъ лишь ради приличія и то только съ очень богатыхъ людей,

Поворотъ въ таможенной политикѣ былъ обусловленъ двумя обстоятельствами. Сильный промышленный кризисъ, тянувшійся уже шестой годъ и носившій международный характеръ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ сильную иностранную конкуренцію для германской промышленности. Особенно вопили по поводу отмѣны пошлинъ на желѣзо, принятой въ январѣ 1877 г., желѣзозаводчики. Они требовали не только возстановленія, но и увеличенія этой пошлины. Равнымъ образомъ, видѣли для себя угрозу въ англійской конкуренціи хлопчатобумажные фабриканты и потому выступали вмѣстѣ съ металло-заводчиками. Къ нимъ примкнули промышленники другихъ отраслей, равнымъ образомъ, испытывавшіе давленіе иностранной конкуренціи. Но промышленникамъ не удалось бы собственными силами осуществить свои планы, еслибы къ нимъ на помощь

не пришли аграріи. Эти послѣдніе были до недавняго времени главными столпами свободы торговли, они вывозили свою пшеницу и скотъ, главнымъ образомъ, въ Англію, при чемъ добивались высокихъ цѣнъ какъ внутри страны, такъ и за границей. Но во второй половинѣ 70-хъ годовъ неожиданно стала давать себя чувствовать конкуренція американскаго хлѣба. При содѣйствіи современныхъ средствъ транспорта на англійскомъ рынкѣ появились громадныя количества хлѣба и стали вытѣснять своей болѣе дешевой цѣной хлѣбъ нѣмецкій. Мало того. Американскій хлѣбъ появился также и на нѣмецкомъ рынкѣ и помогъ сбить стоявшія тогда очень высоко хлѣбныя цѣны. Это вызвало быстрый переворотъ во взглядахъ аграріевъ, сразу они превратились въ столь же ревностныхъ сторонниковъ покровительственныхъ пошлинъ, какими были до сихъ поръ защитниками свободы торговли. Это создало точки соприкосновенія для совмѣстнаго выступленія аграріевъ и промышленниковъ. Между тѣми и другими былъ образованъ картель, созданіемъ новаго таможеннаго тарифа закрѣпившій заключенный союзъ. Комнаты и корридоры рейхстага уподобились тогда маклерской лавочкѣ; представители всевозможныхъ отраслей промышленности и аграріи сотнями заполняли коридоры, фойе и фракціонныя комнаты рейхстага. Здѣсь вырабатывали компромиссы, которые потомъ утверждалъ пленумъ рейхстага. Облегчена была эта торгашеская сдѣлка за счетъ широкихъ массъ тѣмъ, что исключительный законъ стѣснялъ агитацію соціалъ-демократіи противъ новой таможенной политики. И большинство рейхстага имѣло безстыдство примѣнить въ рейхстагѣ противъ соціалъ-демократическихъ ораторовъ тактику, употреблявшуюся полиціей, вообще, противъ собраній, а именно систематически закрывало пренія, лишая насъ этимъ слова. Такъ, напр., я дважды былъ лишенъ, такимъ образомъ, слова при обсужденіи пошлинъ на хлѣбъ; подобная же участь постигла и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, когда на повѣсткѣ стояли остальные пункты тарифа; такъ было съ Кайзеромъ и Вальтейхомъ. Этого мало. Когда въ первый разъ поставленъ былъ на обсужденіе отчетъ о дѣйствіи объявленнаго въ Берлинѣ малаго осаднаго положенія, пренія были закрыты сразу послѣ рѣчей Либкнехта и министра графа Эйленбурга

и, такимъ образомъ, Гассельманъ, одинъ изъ высланныхъ изъ Берлина, былъ лишенъ слова. Весьма характерно и, очевидно, по заранѣе происшедшему соглашенію, ни одинъ буржуазный депутатъ не взялъ слова.

26 февраля на обсужденіе былъ поставленъ вопросъ фонъ Гертлинга о расширеніи закона объ отвѣтственности предпринимателей. Я былъ назначенъ фракціей говорить по этому вопросу. Мои предложенія сводились къ слѣдующему: 1) созвать совѣщаніе фабричныхъ инспекторовъ, которое съ своей стороны должно представить проектъ рсформы; 2) обратиться съ запросомъ къ Имперскому Высшему коммерческому суду—впослѣдствіи Имперскій судъ—объ его опытѣ съ примѣненіемъ на практикѣ закона объ отвѣтственности предпринимателей; 3) расширить опредѣленіе несчастныхъ случаевъ, подлежащихъ вознагражденію, въ смыслѣ § 1 закона; 4) распространить страхованіе на всѣхъ рабочихъ въ промышленности, торговлѣ, транспортѣ и сельскомъ хозяйствѣ; 5) обязать предпринимателей представлять доказательства, что причиной несчастнаго случая были непреодолимыя силы природы; 6) учредить имперское учрежденіе по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, управляемое государствомъ, взамѣнъ частныхъ страховыхъ организацій. Взносы предпринимателей должны взиматься одновременно съ взысканіемъ налоговъ, что удешевляетъ веденіе дѣла.

Особое вниманіе къ себѣ и возбужденіе вызвалъ внесенный въ эту сессію законопроектъ объ отвѣтственности членовъ рейхстага. Бисмарку въ его преслѣдовательскомъ усердіи было недостаточно получить законъ противъ соціалистовъ; онъ хотѣлъ отнынѣ имѣть возможность задушить также въ рейхстагѣ всякую неудобную оппозицію. Законопроектъ былъ, несомнѣнно, направленъ въ первую очередь противъ соціалъ-демократическихъ ораторовъ, но его положенія могли быть въ любой моментъ примѣнены также и противъ неудобныхъ буржуазныхъ оппозиціонныхъ ораторовъ. Для рѣшенія вопросовъ о наложеніи каръ на членовъ рейхстага проектировалось учрежденіе особой комиссіи, состоящей изъ трехъ предсѣдателей и десяти членовъ рейхстага, избираемыхъ послѣднимъ. Эта комиссія должна была, въ зависимости отъ серьезности проступка оратора, принимать одну изъ слѣдующихъ мѣръ: 1) выговоръ

въ общемъ собраніи рейхстага; 2) обязательство извиниться или взять назадъ произнесенныя слова въ общемъ собраніи палаты въ предписанной комиссіей формѣ; 3) исключеніе изъ рейхстага на опредѣленный срокъ, даже до самаго конца полномочій даннаго состава рейхстага. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель рейхстага получалъ право на предварительное вычеркиваніе изъ стенографическаго отчета неподобающихъ выраженій членовъ; подвергнутые этой карѣ депутаты могли аппелировать въ комиссію.

Этотъ законопроектъ былъ чудовищенъ, его могла породить только насильническая натура Бисмарка. Въ рейхстагѣ проектъ получилъ насмѣшливое названіе „закона о намордникѣ". Одна большая англійская газета писала, что подобный законопроектъ возможенъ только въ Германіи. И его предлагалъ тотъ самый человѣкъ, который особенно выдавался среди всѣхъ ораторовъ палаты своими оскорбительными выпадами противъ оппозиціонныхъ ораторовъ и партій, не зная имъ границъ, который сейчасъ же бѣжалъ къ судьѣ, какъ только какой-либо ораторъ въ народномъ собраніи или писатель въ статьѣ оскорблялъ его, и тысячами предъявлялъ печатныя требованія о привлеченіи къ суду.

Я снова былъ назначенъ фракціей ораторомъ. Въ своей рѣчи, произнесенной 5 марта, я ничего не подарилъ имперскому канцлеру. Рейхстагъ отклонилъ дружеское приглашеніе къ моральному самоубійству—ибо проектъ являлся именно такимъ самоубійствомъ—даже не передавъ его на обсужденіе комиссіи.

Въ засѣданіи 7 іюля я сдѣлалъ попытку путемъ внесенія особой резолюціи провести воспрещеніе, начиная съ 31 декабря текущаго года, изготовленія табачныхъ издѣлій въ исправительныхъ заведеніяхъ, подслѣдственныхъ тюрьмахъ и общественныхъ рабочихъ домахъ. Резолюція была отклонена.

Большое недовольство уже давно вызывала среди насъ манера предсѣдательствовать фонъ Форкенбека, бывшаго самымъ партійнымъ предсѣдателемъ, какого когда-либо имѣлъ рейхстагъ. И вотъ, когда однажды во время длившихся нѣсколько дней преній, большинство ораторовъ обрушивались на меня, а предсѣдатель ни разу не далъ мнѣ слова для возраженія, у меня лопнуло терпѣніе. Въ засѣданіи 11 іюля я взялъ слово

къ порядку и энергично протестовалъ противъ практиковавшагося по отношенію къ намъ произвола. Когда, спустя нѣкоторое время, мы предложили возстановить запись ораторовъ по порядку, за нѣсколько лѣтъ до того отмѣненную по тѣмъ соображеніямъ, что отъ случая зависитъ порядокъ ораторовъ и что надо предоставить предсѣдателю право давать слово тому изъ желающихъ говорить, кого онъ раньше замѣтитъ, на нашу сторону всталъ также и Виндгорстъ. И онъ долженъ былъ констатировать, что установленіе очереди ораторовъ пріобрѣло совершенно произвольный характеръ.

Въ сессію 1879 г. рейхстагу пришлось также имѣть дѣло съ предложеніемъ прокурора Тессендорфа, требовавшаго разрѣшенія рейхстага на судебное преслѣдованіе депутатовъ Фритче и Гассельмана за то, что они, несмотря на высылку изъ Берлина на основаніи малаго осаднаго положенія, явились въ рейхстагъ послѣ его созыва и, такимъ образомъ, нарушили приказъ о высылкѣ. Но ученнѣйшій изъ учениковъ Бисмарка, больше всего соотвѣтствующій его видамъ, провалился съ своимъ ловкимъ требованіемъ. Рейхстагъ единогласно отвергъ предложеніе Тессендорфа и въ особой деклараціи истолковалъ § 28 закона противъ соціалистовъ въ томъ смыслѣ, что онъ непримѣнимъ къ высланнымъ изъ Берлина депутатамъ, пріѣхавшимъ въ столицу для участія въ сессіи. И въ берлинскомъ городскомъ судѣ потерпѣлъ Тессендорфъ неудачу съ своимъ обвиненіемъ обоихъ депутатовъ, возбужденнымъ имъ въ виду того, что ихъ видѣли въ ночь на 9 іюля въ Лихтерфельдѣ и, такимъ образомъ, ими былъ нарушенъ приказъ о высылкѣ. Судъ оправдалъ обоихъ, такъ какъ они не были высланы изъ округа Тельтовъ, въ которомъ тоже было объявлено малое осадное положеніе.

Въ ту ночь мы, соціалъ-демократическая фракція вмѣстѣ съ группой берлинскихъ довѣренныхъ лицъ, имѣли тайное собраніе въ тогда же еще почти незаселенномъ восточномъ Лихтерфельдѣ, чтобы судить Гассельмана за его непрекращающіяся интриги противъ партіи и фракціи. Дождь лилъ ручьями. Мы стояли въ очень густомъ кустарникѣ, гдѣ дождь барабанилъ по нашимъ зонтикамъ, такъ что мы едва слышали другъ друга. Гессельманъ, увидѣвшій, что онъ совершенно одинокъ

и не имѣетъ сторонниковъ, смалодушничалъ и далъ всяческія обѣщанія, чтобы ихъ потомъ не выполнять. Когда около двухъ часовъ ночи, промокнувъ до костей, мы двинулись въ обратный путь въ Берлинъ и зашли по дорогѣ, чтобы отдохнуть, въ ресторанъ, мы натолкнулись на нашихъ берлинскихъ шпіоновъ, которые, очевидно, слѣдили за нами. Они-то и донесли на Фритче и Гассельмана, и на основаніи этого доноса возбудилъ свое обвиненіе Тессендорфъ.

Утраченное наслѣдство.

Весною 1879 г. явился къ намъ въ Лейпцигѣ одинъ американскій нѣмецъ, старый участникъ 48 года, по имени Лютгенау и сообщилъ, что онъ по соглашенію съ Іоганномъ Филиппомъ Беккеромъ въ Женевѣ оставилъ тамъ на храненіе свое завѣщаніе, въ которомъ назначаетъ своимъ наслѣдникомъ соціалистическую партію Германіи. Душеприказчиками онъ назначилъ Либкнехта, Гейба, Браке и меня. Такъ какъ Лютгенау, крѣпкій человѣкъ лѣтъ 50, на видъ казался обладающимъ вполнѣ хорошимъ здоровьемъ, то никто изъ насъ не думалъ о томъ, что мы въ скоромъ времени можемъ оказаться наслѣдниками его имущества. Но едва онъ успѣлъ, возвращаясь осенью въ Америку, высадиться на берегъ, какъ его постигъ ударъ, и онъ скончался. Съ помощью Фрейтага я добылъ тогда необходимыя удостовѣренія о смерти и пр., и вступилъ въ сношенія съ жившимъ близъ Нью-Іорка въ Гобокенѣ товарищемъ Зорге, чтобы возможно скорѣе получить доставшіяся намъ деньги. Дѣло шло о приблизительно 12 тыс. долларовъ, которые мы при нашей бѣдности могли отлично употребить. Я написалъ сейчасъ же слѣдующее письмо товарищу Зорге, которое вмѣстѣ съ тѣмъ рисовало картину нашего положенія:

Лейпцигъ, 15 ноября 1879 г.

„Дорогой другъ!

„Довѣренность, которую недавно просили у Іоганна-Филиппа (Беккера), надо надѣяться, уже въ вашихъ рукахъ; мы очень хотѣли бы, чтобы все пошло гладко и какъ желательно и мы, дѣйствительно, до новаго года

покончили бы съ дѣломъ. Особая осторожность необходима при переправкѣ денегъ, чтобы они не попали въ руки нашихъ добрыхъ друзей - враговъ. Поэтому желательно послать ихъ не прямо кому-нибудь изъ насъ, а на чей-нибудь безупречный адресъ; мы предлагаемъ для этого адресъ адвоката Фрейтага. Лучше всего будетъ, если вы возьмете на всю сумму чекъ на одинъ изъ нѣмецкихъ банковъ, удобнѣе всего на Лейпцигскій банкъ, благодаря чему всю операцію можно будетъ произвести, не обращая на себя вниманія широкихъ круговъ. Какъ только деньги будутъ выплачены, мы созовемъ собраніе душеприказчиковъ, чтобы распорядиться деньгами въ согласіи съ волей завѣщателя. Для насъ въ Германіи деньги эти такъ кстати, какъ никогда Ужасный кризисъ, который этой зимой достигъ высшей точки и порождаетъ нужду, какую мы еще не знавали, весьма неблагопріятно, какъ это само собою разумѣется, отразился на матеріальной отзывчивости нашихъ людей; къ тому же кризисъ вредно дѣйствуетъ и въ моральномъ отношеніи, ибо опасность потерять работу и потомъ неопредѣленное время оставаться на улицѣ заставляетъ даже самыхъ смѣлыхъ быть возможно болѣе осторожными, а многіе совсѣмъ и не могутъ подвергать себя такой опасности. А опасность быть расчитаннымъ нынѣ тѣмъ больше, что всюду въ наличности массовое предложеніе рабочихъ рукъ и немалая часть нѣмецкой буржуазіи, именно потому, что она больше не видитъ открытой дѣятельности соціалъ-демократіи, еще больше боится ее и еще больше ненавидитъ. Каждый признакъ жизни, какой мы даемъ о себѣ, возбуждаетъ въ извѣстныхъ кругахъ настоящій ужасъ, чрезвычайно забавляющій насъ. Не могутъ постичь, что мы еще живемъ и откуда мы черпаемъ смѣлость подымать еще голову наперекоръ священной полиціи. Сама же полиція живетъ въ постоянномъ страхѣ и заботѣ, что мы несмотря на всю слѣжку и надзоръ устраиваемъ запрещенныя собранія, читаемъ запрещенныя брошюры и газеты; и во многихъ мѣстахъ употребляетъ всѣ усилія помѣшать этому, притомъ такими способами, о какихъ вы у себя не имѣете ни малѣйшаго представленія. Напротивъ того, съ своей стороны мы нерѣдко ловко одурачиваемъ святую Германдаду и толкаемъ ее въ ея полицейскомъ

усердіи на самыя смѣхотворныя мѣропріятія. Такъ что и въ наши мрачные дни нѣтъ недостатка въ юморѣ и веселіи.

Безумнѣе всего дѣйствуетъ берлинская полиція, которая такъ обращается съ полицейскими управленіями крупнѣйшихъ городовъ, какъ-будто бы полицейское управленіе въ Берлинѣ являлось германскимъ имперскимъ министерствомъ полиціи. Въ Лейпцигѣ, Гамбургѣ и во всѣхъ крупнѣйшихъ не прусскихъ городахъ кишатъ полицейскіе шпіоны, на которыхъ возложена двойная задача: слѣдить, съ одной стороны, за соціалистами, а съ другой—за мѣстной полиціей, чтобы удостовѣриться, проявляетъ ли она должное усердіе.

Не прекращающіяся высылки заставили насъ недавно снова обратиться къ нашимъ людямъ съ соотвѣтствующимъ воззваніемъ о помощи, нѣсколько экземпляровъ котораго прилагаю здѣсь—можетъ быть, и у васъ можно кое-что сдѣлать. До сихъ поръ мы ничего не видѣли изъ Нью-Іорка, тогда какъ Филадельфія въ общемъ держалась хорошо и посылала солидныя суммы. Дуэй писалъ, что агитація Моста вредно повліяла тамъ для насъ. Гансу нужно слишкомъ много денегъ для его собственнаго предпріятія, которое онъ съ трудомъ поддерживаетъ, и для другихъ цѣлей ничего не остается.

Если вы будете отвѣчать по поводу упомянутыхъ въ началѣ письма дѣла, то, пожалуйста, пишите на адресъ адвоката Отто Фрейтага, Амтмансгофъ, здѣсь, а не прямо мнѣ.

Привѣтъ и рукопожатіе отъ вашего А. Бебеля".

Мои хорошіе совѣты, къ сожалѣнію, не достигли цѣли. Наши радужныя надежды разлетѣлись, какъ дымъ. Свѣдѣнія о наслѣдствѣ стали благодаря швейцарской прессѣ достояніемъ гласности, и князь Бисмаркъ приложилъ тогда всѣ усилія къ тому, чтобы вырвать у насъ добычу. Германскій посланникъ въ Бернѣ выяснилъ швейцарскимъ властямъ, что въ Германіи больше не существуетъ соціалистической рабочей партіи, что она распущена и въ Германіи уже не будетъ допущена и въ дальнѣйшемъ. Такимъ образомъ, нѣтъ на лицо обозначеннаго въ завѣщаніи наслѣдника,

и душеприказчики не могутъ удовлетворить притязанія на наслѣдство больше не существующей партіи. Съ этимъ толкованіемъ швейцарскія власти согласились. Мы оказались ограбленными. Я писалъ Фольмару, что хотя и непріятно, что деньги намъ улыбнулись, но къ счастію сила партіи не стоитъ въ зависимости отъ толщины ея кошеля.

Борьба съ нѣмецкой полиціей.

За всѣ двѣнадцать лѣтъ дѣйствія исключительнаго закона противъ соціалистовъ я былъ—могу сказать это безъ преувеличенія—самымъ преслѣдуемымъ полиціей человѣкомъ во всей Германіи. У полиціи было заранѣе составленное мнѣніе, что я опасный человѣкъ, котораго нельзя упускать ни на минуту изъ виду. И фонъ-Путткамеръ, бывшій съ весны 1881 г. до послѣднихъ дней царствованія императора Фридриха въ 1888 г. прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, подтвердилъ это мнѣніе, назвавъ меня во время преній о соціалистахъ въ рейхстагѣ въ 1886 г. „самымъ опаснымъ изъ всѣхъ“. Разумѣется, никому не придетъ въ голову, что я хорошо чувствовалъ себя подъ этимъ полицейскимъ надзоромъ. Напротивъ того, моя ненависть къ спасителямъ отечества возрастала изъ года въ годъ, и такъ какъ доходили до геркулесовыхъ столбовъ безчисленныя гнусности и нелѣпости, практиковавшіяся полиціей противъ многихъ товарищей и также противъ меня, съ каждымъ днемъ возростало и мое презрѣніе къ ней. Мало-по-малу меня охватило такое настроеніе, что моимъ самымъ задушевнымъ желаніемъ стало, чтобы разразилась какая-нибудь внутренняя катастрофа, дающая намъ возможность получить возмездіе за всѣ тѣ оскорбленія и преступленія, какія совершены были той стороной по отношенію къ намъ. Еще и понынѣ кровь бросается мнѣ въ голову при поспоминаніи о томъ времени. То, что за мной слѣдили по пятамъ, когда я бывалъ въ Берлинѣ для участія въ засѣданіяхъ рейхстага,—было не только моимъ удѣломъ—это происходило и съ моими коллегами по соціалъ-демократической фракціи. Но уже только со мною бывало такъ, что за моей спиной приводился въ движеніе телеграфъ и изъ одного города въ другой теле-

графировали, что я ѣду и когда именно пріѣду. Это обыкновенно дѣлалось такимъ образомъ, что полицейскій, слѣдившій за мной, подходилъ на вокзалѣ къ кассѣ сейчасъ же послѣ того, какъ я бралъ билетъ, и освѣдомлялся, куда именно взятъ билетъ. И меня преслѣдовали не только во время моихъ такъ-называемыхъ агитаціонныхъ поѣздокъ, но и тогда, когда я направлялся въ дѣловой объѣздъ. Въ концѣ-концовъ, я такъ напрактиковался въ обнаруженіи этихъ „тайныхъ агентовъ" въ толпѣ другихъ людей, что, когда поѣздъ подходилъ къ станціи и я высовывалъ въ окно голову, я быстро различалъ шпіонскую физіономію, которая должна была продолжать слѣжку за мною. При такихъ условіяхъ между мною и моими преслѣдователями завязалась молчаливая война. Такъ какъ я, само собою разумѣется, испытывалъ потребность бывать по вечерамъ въ кругу моихъ товарищей и обмѣниваться съ ними взглядами, при чемъ бесѣды эти отнюдь не предназначались для полицейскихъ ушей, то я употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы идущаго за мною „спасителя отечества" „*уволить*", какъ мы выражались на своемъ жаргонѣ, т.-е. я употреблялъ всѣ усилія, чтобы въ уличной толкотнѣ какъ-нибудь улизнуть отъ своего преслѣдователя, что съ помощью моихъ быстрыхъ ногъ и при содѣйствіи товарищей почти всегда удавалось. Не одинъ мирный обыватель въ удивленіи посматривалъ на меня, когда мой быстрый шагъ постепенно переходилъ въ легкую рысь, а на кварталъ позади меня показывался запыхавшійся и обливающійся потомъ субъектъ, соціальное положеніе котораго было для него не ясно. Когда же были введены круговые билеты, измѣнился и способъ желѣзнодорожнаго преслѣдованія. Впервые я воспользовался такимъ круговымъ билетомъ весною 1885 года. Я направился изъ Дрездена по Саксоніи, Баваріи, Вюртембергу и Швейцаріи. Въ Германіи преслѣдовали меня, какъ и раньше. Когда я прибылъ изъ Базеля въ Баденъ, въ Фрейбургъ, я увидалъ, что мой полицейскій пудель стоитъ уже передъ отелемъ, въ которомъ я обычно останавливался, и поджидаетъ меня. Въ Карльсруэ повторилась та-же исторія. Я спросилъ тогда лакея, откуда полиція знаетъ, что я пріѣду. Онъ пожалъ плечами и замѣтилъ, что полицейскій стоитъ передъ гостиницей

уже три дня и ждетъ меня. Исторія показалась мнѣ еще загадочнѣе. При примѣненіи такой же самой системы слѣжки я пріѣхалъ наконецъ въ Майнцъ. Тамъ, когда я подошелъ къ своему отелю, передъ дверью стоялъ старшій кельнеръ и, замѣтивъ меня, встрѣтилъ слѣдующимъ восклицаніемъ: „Наконецъ то, господинъ Бебель, вы пріѣхали, мы ждемъ васъ уже цѣлую недѣлю“. И когда я въ удивленіи спросилъ его: „Почему это?“, онъ отвѣтилъ: „Стражъ вашей добродѣтели уже цѣлую недѣлю добивается отъ насъ, когда же вы пріѣдете. Онъ поспѣшилъ ретироваться, какъ только васъ увидѣлъ“.

Это показалось мнѣ слишкомъ нелѣпымъ. На другой день утромъ я посѣтилъ одного товарища, бывшаго городскимъ гласнымъ, расчитывая узнать отъ него, въ чемъ состоитъ эта система надзора—полиція въ Майнцѣ находилась въ завѣдываніи городского управленія. Не долго оставался я въ неизвѣстности. Выяснилось, что управленіе Дрезденскаго вокзала сообщило дрезденской полиціи о томъ, что я заказалъ билетъ для круговой поѣздки, и передало ей копію маршрута, отмѣченнаго въ билетѣ. Дрезденское полицейское управленіе, во всей имперіи проявлявшее въ ту пору наибольшее рвеніе въ преслѣдованіи насъ, сейчасъ же оповѣстило о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ полицейскія управленія соотвѣтствующихъ городовъ. Но такъ какъ полиція не могла знать, сколько времени пробуду я въ каждомъ отдѣльномъ городѣ, въ ея расчетахъ для Майнца вышла разница въ цѣлую недѣлю.

Въ тѣ годы, впрочемъ, не только желѣзно-дорожное управленіе стояло въ близкихъ отношеніяхъ къ полиціи, но и почта. Имѣли мѣсто тысячи случаевъ, когда письма и посылки, приходившія на имя извѣстныхъ соціалъ-демократовъ, до ихъ доставки адресату показывались полиціи, такъ что послѣдняя немедленно вслѣдъ за врученіемъ ихъ получателю являлась къ нему на квартиру и конфисковывала содержимое. Министръ имперской почты д—ръ Стефанъ какъ-то въ 70-хъ годахъ въ отвѣтъ на протестъ Либкнехта въ рейхстагѣ, что письма приходятъ къ нему вскрытыми, заявилъ: „Тайна корреспонденціи въ Германской Имперіи также неприкосновенна, какъ Библія въ алтарѣ“,— претензія, которая уже тогда встрѣтила среди насъ лишь невѣрующихъ, а при исключительномъ законѣ

давала поводъ къ неисчерпаемымъ комментаріямъ. Въ моей личной практикѣ связь почты съ полиціей проявлялась еще и въ другой формѣ.

У фабрикантовъ и купцовъ существуетъ дѣловой обычай передъ посылкой въ объѣздъ своего представителя для принятія заказовъ отъ своихъ заказчиковъ предупреждать ихъ незадолго до пріѣзда этого представителя въ данную мѣстность спеціальнымъ печатнымъ извѣщеніемъ. Это практиковалось и въ нашемъ предпріятіи *). Однажды узналъ я въ Майнцѣ, что уже въ теченіе нѣсколькихъ дней два полицейскихъ агента дежурятъ на вокзалѣ въ Висбаденѣ, чтобы вслѣдъ за моимъ прибытіемъ туда приняться за слѣжку. И полиція о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ узнала изъ получившагося на почтѣ извѣщенія нашей фирмы. Я сейчасъ же рѣшилъ хорошенько проучить ихъ. На слѣдующее утро я отправился вмѣстѣ съ двумя знакомыми товарищами до послѣдней станціи *передъ* Висбаденомъ; тамъ мы слѣзли съ поѣзда и путемъ, о какомъ и не подозрѣвала полиція, пришли въ городъ, гдѣ я сдѣлалъ необходимые дѣловые визиты и имѣлъ также совѣщаніе съ мѣстными партійными товарищами. Когда я вечеромъ появился въ сопровожденіи большого числа товарищей на Висбаденскомъ вокзалѣ, чтобы вернуться въ Майнцъ, оба полицейскихъ стояли еще тамъ и къ нашему величайшему удовольствію сдѣлали весьма удивленныя лица, увидѣвъ меня.

Вообще во время исключительнаго закона для партійныхъ товарищей стало своего рода спортомъ надувать и обходить полицію. И каждая удавшаяся выходка давала пищу веселому смѣху и подзадаривала на новыя попытки. Стоило намъ собраться, чтобы послѣ обсужденія партійныхъ дѣлъ вступалъ въ свои права юморъ и чуть ли не главной темой разговора являлись разсказы о продѣлкахъ надъ полиціей. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ полиція обязана была въ своихъ открытіяхъ и свѣдѣніяхъ о насъ собственному умѣнію, догадливости и ловкости; почти всегда они объяснялись легкомысліемъ или болтливостью того или другого товарища. Я не говорю тутъ о предательствѣ товарищей, которые не смогли противостоять предложеніямъ

*) Токарная мастерская.

денегъ со стороны полиціи или же были вынуждены полиціей къ предательству, ибо она узнала о нихъ такія вещи, что имъ предстояла тюрьма въ случаѣ передачи ею дѣла въ судъ. Подобные случаи принужденія происходили неоднократно. Полицейскія опоры христіанскаго государства охотно оставляли преступленіе безнаказаннымъ, если въ обмѣнъ за это могли получить политическое предательство.

Я имѣлъ обыкновеніе въ большинствѣ гостинницъ, гдѣ мнѣ приходилось останавливаться, записываться подъ вымышленной фамиліей, что, разумѣется, полиція скоро узнала, но чему она не препятствовала. Я дѣлалъ это прежде всего потому, что при враждебномъ отношеніи буржуазныхъ круговъ могли найтись хозяева, не желающіе пустить меня къ себѣ, зная, кто я такой. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось быть предметомъ любопытства и глазѣнія остальныхъ постояльцевъ. Такъ какъ я во время исключительнаго закона носилъ окладистую бороду, а не острую бородку, какъ прежде, то внѣшность моя была извѣстна немногимъ. Конечно, владѣльцы гостинницъ и ихъ персоналъ скоро узнавали, кто я на самомъ дѣлѣ, но они оставляли меня въ покоѣ, а персоналъ обыкновенно симпатизировалъ мнѣ. Долгое время я дѣлалъ ошибку, въ однихъ мѣстахъ записываясь подъ фамиліи моего компаньона, въ другихъ—подъ именемъ купца Августа Фридриха. Но вотъ какъ-то случилось, что я назвался Фридрихомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ предыдущій разъ записался подъ фамиліей компаньона. Это было скандально; и съ тѣхъ поръ я остался при фамиліи Фридрихъ

Это повело однажды къ забавному приключенію въ Фрейбургѣ, въ Баденѣ. Я вышелъ утромъ изъ гостинницы, чтобы отправиться по дѣламъ. У дверей я встрѣтилъ почтальона и спросилъ его, нѣтъ ли у него письма для купца Фридриха изъ Лейпцига. „Какъ-же, даже заказное!“ — послѣдовалъ отвѣтъ. Я расписался въ полученіи и пошелъ дальше. Спустя пять мѣсяцевъ я снова былъ въ Фрейбургѣ, и вновь у дверей случайно встрѣтился мнѣ тотъ же самый почтальонъ, у котораго я и на этотъ разъ спросилъ, нѣтъ ли письма для купца Фридриха. Едва только произнесъ я эту фамилію, какъ онъ поднялъ голову, внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Вы совсѣмъ не г. Фридрихъ, вы—г. Бе-

бель".—„Такъ, но откуда вы это знаете?"—„Ну, вы меня весною поставили въ очень непріятное положеніе. Помните, я вручилъ вамъ тогда заказное письмо, и когда я пришелъ домой и просмотрѣлъ расписки, то къ своему ужасу обнаружилъ, что на вашей распискѣ вмѣсто подписи Фридриха стояла фамилія Бебель. Я поспѣшилъ въ гостинницу къ старшему кельнеру и разсказалъ ему свою непріятность. Онъ засмѣялся и сказалъ, что Фридрихъ и Бебель—это одно и то же лицо". Къ счастью, его начальникъ, которому онъ долженъ былъ отдавать расписки, только пересчитывалъ ихъ, а не просматривалъ подписи, такъ что онъ избѣгъ выговора.

Исторія эта позабавила меня, но я все же рѣшилъ быть впредь осмотрительнѣе.

Полицейская слѣжка за мною въ эти годы принимала нерѣдко возмутительный и раздражающій характеръ, особенно въ рядѣ городовъ средней и южной Германіи. Въ сѣверной Германіи были въ дѣлѣ надзора, я сказалъ бы, скромнѣе. Полиція старалась не бросаться въ глаза и больше слѣдила за мной издали, но въ цѣломъ рядѣ средне—и южно-германскихъ городовъ была она груба, нахальна и даже—съ полицейской точки зрѣнія—глупа. Здѣсь обычно за мною въ небольшомъ отдаленіи ходилъ полицейскій въ штатскомъ платьѣ, когда я проходилъ по улицамъ съ своимъ чемоданомъ съ образцами, и ждалъ почти у самаго дома, въ который я заходилъ, чтобы снова, точно вѣрный пудель, шагать за мною, какъ только я покидалъ его. Когда въ первый разъ меня почтили такой слѣжкой въ Нюрнбергѣ весною 1879 года, вѣсть объ этомъ, какъ огонь, раздуваемый вѣтромъ, сейчасъ же распространилась среди партійныхъ товарищей. Вечеромъ передъ полиціей скопилось большое сборище и по адресу полиціи стали выкрикивать разныя презрительныя и бранныя словечки, какія только могутъ вылетать изъ устъ баварцевъ. Болѣе благоразумные товарищи лишь съ трудомъ сумѣли разсѣять сборище и предотвратить столкновеніе.

Здѣсь въ Нюрнбергѣ за мною въ теченіе ряда лѣтъ слѣдилъ тайный полицейскій агентъ нѣкій Маршингъ, который съ ранняго утра до поздняго вечера ходилъ за мною по пятамъ. Однажды вечеромъ я, какъ обыкно-

венно, ускользнулъ отъ него. Около полуночи возвращался я домой съ однимъ пріятелемъ, у котораго я жилъ,—я предпочиталъ тогда, понятно, частныя квартиры гостинницамъ. Мой пріятель жилъ въ Глаизгаммеръ, предмѣстьи Нюрнберга по ту сторону желѣзной дороги. Была чудесная лунная ночь. Мы переходили лугъ, какъ вдругъ я неожиданно увидалъ г. Маршинга на улицѣ, въ которую мы вступали, стоящимъ у дерева. Онъ очевидно хотѣлъ по крайней мѣрѣ знать, когда мы вернулись домой. Я указалъ пріятелю на Маршинга. Какъ только онъ увидѣлъ Маршинга, онъ быстро направился прямо къ нему. Кругомъ царила мертвая тишина, нигдѣ не было видно ни души. Теперь Маршингъ долженъ былъ сказать себѣ, что двое противъ одного—положеніе не изъ пріятныхъ. Онъ быстро повернулся и торопливо зашагалъ по улицѣ. Мой пріятель пустился за нимъ въ галопъ; оба они исчезли въ переулкѣ, извивавшемся между садами. Вдругъ прогремѣлъ выстрѣлъ. Меня охватилъ ужасъ, я рѣшилъ, что полицейскій выстрѣлилъ въ моего пріятеля. Я поспѣшилъ вслѣдъ за убѣжавшими. Когда я сворачивалъ въ переулокъ, навстрѣчу мнѣ, громко смѣясь, вышелъ мой другъ. „Кто это стрѣлялъ?"—спрашиваю я.—„Я стрѣлялъ, но бездѣльникъ ускользнулъ",—отвѣчаетъ онъ.—Ну, ты развѣ съ ума сошелъ, если Маршингъ донесетъ объ этомъ, мнѣ придется свидѣтельствовать противъ тебя".—„Я вѣдь стрѣлялъ на воздухъ";—отвѣчаетъ онъ успокаивающе. Къ удивленію, происшествіе не имѣло никакихъ послѣдствій. Маршингъ счелъ, очевидно, болѣе благоразумнымъ умолчать о случившемся. Впослѣдствіи онъ бросилъ полицію и занялся молочной торговлей. Меня увѣряли даже, что онъ вступилъ въ партію.

Въ 1882 году я невольно явился виновникомъ того, что правительство отняло у самоуправленія города Фюрта важное право. Магистратъ, состоявшій въ громадномъ большинствѣ изъ буржуазныхъ демократовъ и пары соціалъ-демократовъ, допустилъ, чтобы я говорилъ въ вызвавшемъ стеченіе массы слушателей народномъ собраніи. Это разсердило баварское правительство, и оно отняло у магистрата право надзора за осуществленіемъ закона объ обществахъ и собраніяхъ, передавъ его средне франконскому окружному управленію

Когда, наконецъ, въ 1902 г.—т. е. черезъ 20 лѣтъ—товарищъ Зегицъ запросилъ въ ландтагѣ баварское правительство, какъ долго еще намѣрено оно оставлять въ силѣ это лишеніе правъ фюртскаго магистрата, тогдашній министръ фонъ-Фейлитцшъ отвѣтилъ: „до тѣхъ поръ, пока въ фюртскомъ общинномъ самоуправленіи будутъ сидѣть соціалъ-демократы". Скоро, однако, власти образумились и вернули магистрату его права. И подобнаго министра, управляющаго при помощи столь смѣшныхъ и мелочныхъ средствъ, у насъ въ Германіи, какъ извѣстно, называютъ государственнымъ дѣятелемъ.

Изъ Нюрнберга-Фюрта я обыкновенно ѣздилъ въ Мюнхенъ, гдѣ тоже оставался большею частью въ теченіе трехъ-четырехъ дней. О моемъ пріѣздѣ сразу становилось извѣстно товарищамъ и тогда въ воскресенье, которое я тамъ проводилъ, обычно, происходила большая демонстрація въ одной изъ пивныхъ. Партійные товарищи выходили вслѣдъ затѣмъ изъ пивной большими группами и демонстрировали криками „да здравствуетъ" и пѣніемъ. За товарищами слѣдовала пѣшкомъ въ количествѣ дюжины человѣкъ прославленная жандармерія подъ предводительствомъ полицейскаго комиссара Михаила Геретъ или его помощника Ауэра. Воскресная забава постоянно заканчивалась тѣмъ, что я снова дѣлалъ попытку удрать отъ полиціи. Я еще теперь вижу передъ собою, какъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ длинный Максимъ Эрнстъ подобралъ полы сюртука и своими длинными ногами устремился черезъ уличную толпу вблизи придворной пивоварни, тогда какъ я едва могъ слѣдовать за нимъ изъ-за смѣха, душившаго меня при видѣ его комичной фигуры.

Въ Вюртембергѣ дѣло обходилось безобиднѣе, хотя и тамъ полиція часто портила кровь нашимъ товарищамъ. Когда штутгартскіе товарищи собрались однажды для чествованія мартовской годовщины, появился полицейскій чиновникъ и заявилъ: рѣчь произносить нельзя. Никакіе переговоры не помогли, онъ остался при запрещеніи. Тогда распорядитель спросилъ его, можно ли декламировать, на что чиновникъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства далъ классическій отвѣтъ: „декламировать вы можете, но не болтать". И вотъ, вмѣсто торжественной рѣчи, которая, навѣрно, была бы очень умѣренной, стали декламировать революціонныя

стихи Фрейлиграта и другихъ. Государство было еще разъ спасено...

Другой случай былъ таковъ. Однажды вечеромъ ко мнѣ въ Штутгартѣ явились три товарища изъ Эсслингена съ просьбой сейчасъ же отправиться съ ними въ Эсслингенъ, чтобы тамъ выступить на одномъ собраніи противъ Зоннемана. Я колебался. Во-первыхъ, я былъ утомленъ, а во-вторыхъ, я не любилъ во время своихъ дѣловыхъ поѣздокъ говорить въ публичныхъ собраніяхъ, такъ какъ не хотѣлъ пробирать, такъ сказать, въ ихъ собственномъ домѣ своихъ заказчиковъ, которые, почти безъ исключенія, были моими политическими противниками. Въ концѣ-концовъ, я, противъ воли, уступилъ настояніямъ товарищей. Когда мы входили въ залу, гдѣ происходило собраніе, она была переполнена. Намъ пришлось остаться у дверей. Зоннеманъ говорилъ на рѣдкость плохо, онъ былъ, очевидно, не въ ударѣ. Предсѣдательствовалъ Карлъ Майеръ, о которомъ въ Берлинѣ говорили въ шутку, что онъ каждое утро проглатываетъ къ завтраку, по крайней мѣрѣ, одного пруссака. Когда Зоннеманъ кончилъ, Майеръ предложилъ записываться желающимъ возражать. Я попросилъ слова. Стоило Майеру и всему собранію услышать мое имя какъ все пришло въ движеніе, точно въ залѣ разорвалась бомба. Вслѣдъ затѣмъ Майеръ заявилъ, привѣтствуя меня цѣлымъ потокомъ словъ, какъ „мужественнаго сына народа“, что онъ, къ своему сожалѣнію, долженъ сложить съ себя предсѣдательство, потому что я принадлежу къ партіи, преслѣдуемой исключительнымъ закономъ. Этого еще со мною не случалось, да еще притомъ со стороны демократа. Сразу рѣшившись, я схватилъ колокольчикъ и заявилъ собранію: къ счастью мы находимся въ Вюртембергѣ, гдѣ согласно мѣстному закону не требуется предварительное заявленіе полиціи о собраніи. Я готовъ взять на себя предсѣдательствованіе, если никто не возражаетъ противъ этого. Собраніе не возражало. Я долженъ былъ рѣшиться на такой своеобразный шагъ потому, что не зналъ, кого изъ эсслингенскихъ товарищей могу предложить въ предсѣдатели. Послѣ этого я далъ слово себѣ самому. Но очень скоро я замѣтилъ, почему Зоннеманъ говорилъ такъ плохо. Черезъ десять минутъ меня постигла та же участь. Громадное стеченіе народа и лѣт-

няя температура обусловили чрезвычайную духоту и жару. И такъ какъ по всей видимости залъ совсѣмъ недавно былъ заново оштукатуренъ, потолокъ и стѣны начали потѣть и въ воздухѣ держалась мелкая известковая пыль, ложившаяся на слизистую оболочку и чрезвычайно затруднявшая рѣчь. Я почувствовалъ себя очень непріятно. Тутъ меня прервалъ голосъ, идущій отъ двери. Я не разслышалъ говорившаго и спросилъ, чего онъ хочетъ; на это я получилъ отвѣтъ: „Именемъ закона собраніе распущено“. Не было никого счастливѣе меня. Голосъ принадлежалъ полицейскому, пришедшему послушать; его такъ долго обрабатывали стоявшіе рядомъ мѣстные столпы націоналъ-либерализма, что онъ, въ концѣ-концовъ, объявилъ собраніе распущеннымъ. Но это обезпечило успѣхъ собранія, ибо большинство присутствовавшихъ было возмущено тѣмъ, что ихъ ни съ чѣмъ отправили по домамъ. Вообще, въ тѣ годы при господствѣ исключительнаго закона никого изъ насъ не смущало, когда среди рѣчи надзирающій за собраніемъ полицейскій чиновникъ внезапно распускалъ его. Это всегда вызывало демонстративный взрывъ сочувствія по адресу оратора и обезпечивало намъ наилучшій успѣхъ; сверхъ того ораторъ щадилъ свои легкія.

На другой день послѣ этого собранія въ Эсслингенѣ я направился въ Тюбингенъ, гдѣ одинъ мой хорошій знакомый—принадлежавшій къ лѣвому крылу народной партіи—встрѣтилъ меня на вокзалѣ. Я разсказалъ ему эсслингенское происшествіе, на что онъ покачалъ головой. Днемъ отправились мы съ нимъ въ ресторанъ и сѣли за столикъ, у котораго занялъ уже мѣсто одинъ господинъ, котораго мой знакомый представилъ мнѣ, какъ полицейскаго комиссара города Тюбингена. Онъ тутъ же разсказалъ комиссару эсслингенское происшествіе. Тотъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: „Знаете что, г. Бебель, устройте здѣсь сегодня вечеромъ собраніе, даю вамъ слово, что не распущу его“. Смѣясь, я отвѣтилъ, что сожалѣю о невозможности воспользоваться его дружескимъ приглашеніемъ, какого мнѣ до сихъ поръ никогда еще не приходилось получать со стороны полиціи, но я долженъ отправиться дневнымъ поѣздомъ въ Цюрихъ, гдѣ меня ждутъ.

Иначе бывало въ Баденѣ. Тамъ полиція уже въ то время усвоила прусскіе нравы. Въ Фрейбургѣ слѣжка

за мною была особенно усердна. Я обыкновенно останавливался въ „Римскомъ Императорѣ“. Хозяинъ гостинницы, нѣкій г. Шпрингеръ, былъ, само собою разумѣется, моимъ политическимъ противникомъ, но вполнѣ приличный человѣкъ. Его раздражало, что съ ранняго утра полиція караулила какъ у параднаго, такъ и чернаго хода гостинницы, поджидая, когда я выйду. И когда господа полицейскія совсѣмъ обнаглѣли и однажды вошли во дворъ и въ домъ, онъ рѣшительно выгналъ ихъ. Я какъ-то обратился къ начальнику полиціи Винеру съ жалобой на эту безцеремонную слѣжку, но этотъ господинъ отнесся къ ней весьма немилостиво. Столь опасный человѣкъ, какъ я, не долженъ жаловаться, если полиція слѣдитъ за нимъ. Я заявилъ тогда, что въ ближайшемъ времени подниму въ рейхстагѣ вопросъ объ этой манерѣ надзора. Отвѣтъ: ему это безразлично, онъ дѣйствуетъ такъ, какъ считаетъ нужнымъ. Мнѣ думается, этотъ господинъ былъ бы очень радъ, если бы я напалъ на него въ рейхстагѣ. Тогдашній великій герцогъ былъ ожесточенный нашъ врагъ и чиновникъ, котораго я обвинялъ бы въ слишкомъ придирчивомъ отношеніи къ намъ, былъ бы хорошо ему аттестованъ и имѣлъ бы шансы на быстрое повышеніе. Вѣдь полемизировалъ же великій герцогъ еще въ девяностые годы на празднествахъ военныхъ союзовъ со мною,—не называя моего имени,—по поводу рѣчей, произнесенныхъ мною одна въ Гогентвилѣ, другая - въ слѣдующемъ году въ Филингенѣ, въ Шварцвальдѣ.

Въ Карлъсруэ надзоръ тоже не оставлялъ желать большаго. Я неоднократно ускользалъ отъ своихъ соглядатаевъ тѣмъ, что вскакивалъ въ одинокомъ мѣстѣ на извозчика и уѣзжалъ полнымъ галопомъ. Однажды въ воскресенье въ компаніи со мной оказался также и Пауль Зингеръ.

Особенно непріятнаго спутника имѣлъ я въ теченіе многихъ лѣтъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Человѣкъ этотъ шагалъ за моей спиной на разстояніи не болѣе метра. Стоило мнѣ остановиться, чтобы посмотрѣть на интересное зданіе или на дерево,—немедленно останавливался и онъ. Но однажды я все же „уволилъ“ его среди бѣлаго дня. Я ѣхалъ днемъ по пригородной желѣзной дорогѣ въ Оффенбахъ. Онъ за мною, сѣлъ

въ то же купэ вагона, въ которомъ сидѣлъ я. Въ Оффенбахѣ я скоро покончилъ со своими дѣлами. Я направился тогда въ нашему партійному товарищу Ульриху, владѣвшему маленькой типографіей во дворѣ одного дома у самой окраины города. Я его спросилъ, нельзя ли какъ-нибудь ускользнуть отъ преслѣдователя, стоящаго передъ домомъ, если я вмѣсто пригородной желѣзной дороги воспользуюсь поѣздомъ Майнъ-Везерской дороги, какъ тогда называлась линія Кассель - Франкфуртъ. Ульрихъ далъ утвердительный отвѣтъ, скоро идетъ подходящій поѣздъ, мнѣ стоитъ лишь перелѣзть черезъ заборъ во дворѣ и черезъ поле выйти прямо къ вокзалу. Съ помощью Ульриха перелѣзъ я черезъ заборъ, онъ перебросилъ мнѣ мой чемоданъ съ образцами и за нѣсколько минутъ до прихода поѣзда я былъ уже на вокзалѣ. Пріѣхавъ во Франкфуртъ, я поспѣшилъ въ свое жилище въ „Городъ Дармштадтъ", въ небольшую гостинницу въ сосѣдствѣ съ соборомъ, въ которой въ 1848 г. радикальная лѣвая парламента собиралась за кружкой пива. Я оставилъ тутъ свой чемоданъ съ образцами и ушелъ. Когда я вечеромъ около 11 часовъ вошелъ въ гостиную, меня встрѣтилъ взрывъ смѣха хозяина и постояльцевъ. Мнѣ разсказали, что вскорѣ послѣ того, какъ я покинулъ вечеромъ гостинницу, прискакалъ на извозчикѣ полицейскій, чтобы узнать, что меня уже нѣтъ. Подъ смѣхъ постояльцевъ онъ съ проклятіемъ на устахъ удалился.

Позднѣе я поднялъ объ этихъ штукахъ вопросъ въ рейхстагѣ. Это положило конецъ, по крайней мѣрѣ, въ Франкфуртѣ и Висбаденѣ подобной отвратительной манерѣ надзора.

Но и за-границей я не былъ гарантированъ отъ полицейскаго преслѣдованія. Обыкновенно я предпринималъ изъ Циттау небольшую дѣловую поѣзку въ Рейхенбергъ въ Богеміи. Какъ только я туда уѣзжалъ, саксонскій полицейскій стражъ съ вокзала въ Циттау сообщалъ телеграфомъ рейхенбергской полиціи о часѣ моего прибытія. Пріѣхавъ туда, я встрѣчалъ на вокзалѣ здоровеннаго жандарма въ полномъ вооруженіи, готоваго сопровождать меня въ обходѣ моихъ заказчиковъ. Это вызывало большое любопытство и интересъ. Когда я однажды по окончаніи дневной работы встрѣтился въ саду одного ресторана съ группой партійныхъ то-

варищей, и мы спокойно бесѣдовали, я былъ приглашенъ къ мѣстному градоправителю, который, освѣдомившись о томъ, что привело меня въ Рейхенбергъ, далъ мнѣ совѣтъ уѣхать ближайшимъ поѣздомъ, ибо въ противномъ случаѣ, онъ будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ моей высылкѣ. Въ Австріи въ это время господствовало, какъ и у насъ, гоненіе на красныхъ; на очереди дня стояли мѣры репрессіи и подавленія худшаго свойства. Пользы онѣ не принесли, какъ и у насъ, въ Германіи.

Изъ Рейхенберга я большею частью направлялся дальше черезъ Богемію. Одна изъ этихъ поѣздокъ привела меня въ концѣ-концовъ въ Хемницъ. И здѣсь я удостоился обычнаго пріема. Полиція простерла свое безстыдство даже до того, что забрала въ мое отсутствіе изъ гостинницы мой чемоданъ и вскрыла его, чтобы поискать, нѣтъ ли въ немъ запрещеннаго. Полицейскій на улицѣ потребовалъ даже отъ меня, чтобы я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ полицію и далъ тамъ осмотрѣть мой чемоданъ съ образцами. Отъ этого я отказался, заявивъ, что если онъ самъ понесетъ чемоданъ, я послѣдую за нимъ. Онъ ограничился тогда тѣмъ, что зашелъ со мною въ одинъ домъ, чтобы удостовѣриться въ безвредности содержимаго чемодана. Моя жалоба на это беззаконное безобразіе, восходившая до министерства, осталась безрезультатной.

Зато въ тотъ же самый день у меня было веселенькое происшествіе съ полиціей въ Митвейдѣ. Я направился туда, чтобы повидаться съ тамошними партійными товарищами. Когда я прибылъ на вокзалъ въ Митвейдѣ, я удостоился двойной встрѣчи. Меня поджидала группа товарищей, а за ними стоялъ нарядъ полиціи во главѣ съ главой города—бюргермейстеромъ Кейблеромъ. Такая встрѣча сразу настроила меня на очень веселый ладъ. Я, поэтому, предложилъ товарищамъ не заходить въ ресторанъ, а пойти прогуливаться взадъ и впередъ по главной улицѣ города, при чемъ я имъ разскажу все, что имѣю для нихъ. Сказано, сдѣлано. Началась прогулка. За нами слѣдуютъ на небольшомъ разстояніи бюргермейстеръ съ полицейскими. Черезъ нѣсколько минутъ на улицѣ собралась большая толпа, изъ среды которой по адресу бюргермейстера и полиціи стали раздаваться всяческіе насмѣшливые воз-

гласы и замѣчанія. Всѣ смѣялись. Совершенно смущенный, спрятался бюргермейстеръ въ одинъ домъ и послалъ своимъ подчиненнымъ распоряженіе удалиться.

Когда я вернулся изъ Митвейды въ Хемницъ, полиція поставила передъ гостинницей, гдѣ я жилъ, двойной постъ. Я давно уже спалъ сномъ праведника, когда бѣдные полицейскіе смогли уйти съ своего поста. Утромъ я съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ. Явившись снова на караулъ, полицейскіе—навѣрное, съ удовольствіемъ—узнали, что дальнѣйшее стояніе на часахъ излишне. Всѣ эти мѣры могли приниматься лишь властями, совершенно терявшими голову, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ нами, и не замѣчавшими, что они подобными дѣйствіями позорятъ сами себя въ глазахъ всѣхъ разумныхъ людей. Ненависть къ соціалистамъ дѣлала ихъ безразсудными.

То же самое происходило и послѣ моей высылки въ 1881 г. въ Лейпцигѣ. Поскольку мнѣ всемилостивѣйше разрѣшили два, самое большее—три раза въ годъ являться въ городъ на одинъ—два дня, чтобы въ связи съ поѣздкой по дѣламъ фирмы ознакомиться съ ходомъ дѣлъ на мѣстѣ,—всегда у дверей съ утра до вечера стоялъ полицейскій стражъ. Дѣловые друзья, посѣщавшіе насъ въ конторѣ, шутили: мы уже замѣтили, что его величество изволило прибыть, его почетный караулъ стоитъ у дверей. Одинъ изъ нашихъ рабочихъ, въ гнѣвѣ на эту слѣжку бросившій полицейскому оскорбительное замѣчаніе, заплатилъ за это семидневнымъ арестомъ. Если мнѣ случалось во время моего объѣзда проѣзжать черезъ Лейпцигъ, я долженъ былъ предварительно сообщить властямъ, на какой вокзалъ и въ какомъ часу я прибуду, съ какого вокзала и когда я выѣду изъ города. Сейчасъ же вступалъ въ силу полицейскій надзоръ, предписаніе гласило, что я долженъ, не останавливаясь, съ одного вокзала переѣхать на другой и съ ближайшимъ же поѣздомъ покинуть городъ. Это обязательство распространялось на всѣхъ высылаемыхъ изъ Лейпцига и его района, поскольку имъ приходилось при проѣздѣ вступать въ запрещенную область. По отношенію ко мнѣ лейпцигская полиція была особенно строга, тогда какъ Либкнехту не одинъ разъ разрѣшалось болѣе продолжительное пребываніе, въ чемъ мнѣ систематически отказывали. При-

чину такой двойной мѣрки я случайно узналъ уже послѣ паденія исключительнаго закона. Полицейскій столпъ, вахтмейстеръ Деблеръ подозрѣвалъ, что отъ меня исходятъ корреспонденціи въ „Соціалъ-демократъ“ изъ Лейпцига, которыя зло о немъ отзывались и въ которыхъ онъ изображался въ видѣ неопытнаго младенца. На самомъ же дѣлѣ ни одна изъ этихъ многочисленныхъ корреспонденцій не исходила отъ меня; не будь Деблеръ въ высшей степени ограниченнымъ человѣкомъ, онъ долженъ бы былъ сразу узнать по стилю—который онъ въ Лейпцигѣ долгіе годы могъ изучать,—кто преступникъ. Но слова Оксенстьерны справедливы и тутъ: „Ты и не подозрѣваешь, сынъ мой, съ какимъ малымъ количествомъ разума управляютъ міромъ“.

Въ заключеніе этой главы, которую я могъ бы значительно удлинить, упомяну еще одинъ эпизодъ, который при нѣкоторыхъ условіяхъ могъ принять весьма печальный для меня оборотъ. Въ мартѣ 1881 г. поѣхалъ я по дѣламъ на востокъ. Я очутился по пути въ Позенѣ и рѣшилъ свернуть отсюда въ сторону, чтобы заѣхать на родину моего отца—въ Острово. По свѣдѣніямъ моего товарища Лука, родители котораго тамъ жили, въ Острово были еще въ живыхъ три сестры моего отца, а также и нѣсколько болѣе молодыхъ родственниковъ. Въ числѣ послѣднихъ познакомился я съ однимъ кузеномъ, который часто отправлялся по дѣламъ въ Калишъ. Онъ предложилъ мнѣ сопровождать его на слѣдующій день, въ воскресенье, въ его поѣздкѣ туда. Калишъ представляетъ собою крѣпость, въ немъ расположенъ многочисленный русскій гарнизонъ, и мнѣ еще никогда не приходилось видѣть русскій городъ. Ему нетрудно достать для меня фальшивый паспортъ. Мнѣ подумалось, что дѣло можетъ кончиться плохо, такъ какъ я замѣтилъ, что и въ Острово за мной есть наблюденіе. Я поэтому отклонилъ приглашеніе кузена. Когда на другой день я вошелъ къ завтраку въ общій залъ гостинницы, хозяинъ спросилъ меня, слышалъ ли я ночью шумъ въ гостинницѣ? Въ удивленіи спросилъ я: Въ чемъ дѣло? Онъ отвѣтилъ, что послѣ 12 часовъ изъ Берлина получилась телеграмма, сообщавшая о томъ, что въ воскресенье днемъ въ Петербургѣ убитъ взрывомъ бомбы царь Александръ II. Это сообщеніе очень взволновало постояльцевъ и нѣкоторые изъ нихъ,

нѣсколько выпившіе, утверждали, что въ этомъ покушеніи соучаствовала и германская соціалъ-демократія; въ результатѣ, двинулись на лѣстницу, чтобы выбросить меня изъ гостинницы. Онъ лишь съ трудомъ могъ этому помѣшать.

Это было хорошенькое сообщеніе. Вскорѣ затѣмъ пришелъ и мой кузенъ и указалъ мнѣ, что въ концѣ концовъ очень хорошо, что мы не были въ Калишѣ. Онъ только-что узналъ, что тамъ по полученіи телеграммы объ убійствѣ императора въ четыре часа дня были закрыты всѣ ворота и никого уже не впускали въ городъ и не выпускали изъ него. Представляю себѣ, что произошло бы, если бы я былъ узнанъ въ Калишѣ, о чемъ во всякомъ случаѣ позаботилась бы германская полиція. Князь Бисмаркъ, навѣрно, не пошевельнулъ бы и пальцемъ для моего освобожденія, его полицейскіе, какъ показалъ это нашъ опытъ, даже показали бы подъ присягой, что моя поѣздка на востокъ носила подозрительный характеръ, хотя я нигдѣ не посѣщалъ партійныхъ товарищей, исключая Кенигсбергъ и Данцигъ. Недаромъ черезъ нѣсколько дней послѣ событія берлинская „Почта“ напечатала статейку: „Господинъ Бебель на русской границѣ“, въ которой моя поѣздка ставилась въ связь съ покушеніемъ. У меня, такимъ образомъ, были всѣ основанія радоваться, что моя осторожность удержала меня отъ поѣздки въ Калишъ.

Нѣсколько словъ о собраніяхъ при исключительномъ законѣ.

Если бы кому-нибудь вздумалось во время господства этого закона установить точныя основанія, въ силу которыхъ полиція запрещала или закрывала собранія, онъ долженъ былъ бы, хотя бы за рѣшеніе этого вопроса была назначена большая награда, заявить, что никакихъ опредѣленныхъ оснований не существуетъ. Все рѣшаютъ единственно лишь чиновничій произволъ и усмотрѣніе. Поводы, приводившие въ одномъ мѣстѣ къ запрещенію или закрытію собранія, не имѣли никакого значенія въ другомъ. Мѣры репрессии вызывали то тема, то личность говорящаго, то помѣщеніе. Что одинъ чиновникъ допускалъ, то запрещалъ другой, часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Случалось, что давалось распоряженіе разъ навсегда не допускать того или иного оратора. Такъ было, напримѣръ, съ Паулемъ Зингеромъ въ Саксоніи. Въ 1886 г., когда Баттенбергскій скандалъ въ Болгаріи привлекъ вниманіе всей Европы, я созвалъ въ Дрезденѣ народное собраніе, на которомъ сдѣлалъ докладъ объ этомъ событии. Во время дебатовъ слово взялъ Пауль Зингеръ, допустившій въ своей рѣчи оскорбленіе Союзнаго Совѣта. Присутствовавшій чиновникъ тотчасъ же лишилъ его слова. Я былъ увѣренъ, что противъ него возбудятъ обвиненіе, и заранѣе поздравлялъ своего друга, что теперь онъ, конечно, будетъ имѣть возможность ознакомиться съ тюремными стѣнами извнутри. Я ошибся. Обвиненіе не было возбуждено, но министерство внутреннихъ дѣлъ отдало распоряженіе, согласно которому Паулю Зингеру разъ навсегда запрещалось выступать въ Саксоніи на публичныхъ собраніяхъ.

Нерѣдко запрещеніе собранія приводило къ забавнымъ инцидентамъ, какъ, напримѣръ, въ Гроссенгайнѣ въ Саксоніи. Въ заявленіи объ одномъ народномъ собраніи я былъ выставленъ, какъ докладчикъ по поводу закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, тема, какъ видите, не соціалистическая. Собраніе, однако, было запрещено, такъ какъ говорить долженъ былъ я. По моему совѣту мѣстные товарищи обращались съ жалобой по всѣмъ инстанціямъ, но повсюду жалоба была отклонена. Тогда направили жалобу въ ландтагъ. Она была поставлена на повѣстку и обсужденіе ея отняло цѣлое длинное засѣданіе. Въ результатѣ все же ее отклонили всѣми голосами противъ нашихъ и нѣсколькихъ голосовъ либераловъ.

Тогда я предложилъ гроссенгайнскимъ товарищамъ созвать новое собраніе на ту же тему, но докладчикомъ выставить мѣстнаго рабочаго. Въ преніяхъ же, которые откроются послѣ доклада, я собирался принять участіе. Такъ и сдѣлали. О томъ, что я буду присутствовать на собраніи, стало, между тѣмъ, извѣстно. На собраніе явилось чрезвычайно много народа, среди присутствовавшихъ было почти все офицерство квартировавшаго въ Гроссенгайнѣ гусарскаго полка, явившееся въ штатскомъ платьѣ. Докладчикъ говорилъ не болѣе двадцати минутъ, въ открытыхъ затѣмъ преніяхъ я получилъ слово. Полицейскій чиновникъ не осмѣлился даже этому помѣшать. Я говорилъ болѣе часа, заслуживъ бурныя одобренія. Но вѣнцомъ всего было то, что въ концѣ собранія ко мнѣ подошелъ полицейскій чиновникъ и поблагодарилъ за интересный докладъ. Большаго моральнаго пораженія не могли получить ни правительство ни ландтагъ.

Когда позже, во время обычныхъ преній въ рейхстагѣ по поводу закона противъ соціалистовъ, я привелъ гроссенгайнскій случай, какъ иллюстрацію примѣненія закона и разсказалъ тутъ же о выраженной мнѣ полицейскимъ чиновникомъ благодарности, вся палата разразилась бурнымъ смѣхомъ, включая и присутствовавшаго Бисмарка. Столь добродушный полицейскій чинъ ему, впрочемъ, навѣрно еще не встрѣчался.

Но наряду съ публичными собраніями созывалось безчисленное множество тайныхъ. Эти послѣдніе было даже важнѣе. Всѣ партійные вожди принимали

въ нихъ участіе, и рѣдко такія собранія удавалось привлечь къ отвѣтственности. Излюбленными мѣстами собраній служили уединенные, стоявшіе въ мало посѣщаемой мѣстности рестораны, лѣсъ, поле, каменоломни. Я, напримѣръ, во время исключительнаго закона не имѣлъ возможности иначе дать отчетъ своимъ гамбургскимъ товарищамъ, какъ на собраніяхъ въ подобныхъ мѣстахъ.

Но одинъ разъ я былъ захваченъ, когда участвовалъ на тайномъ собраніи мангеймскихъ товарищей на такъ-называемомъ Некарскомъ утесѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Некаръ вливается въ Рейнъ. Насъ открыли и Августъ Дреесбахъ, я и нѣсколько мангеймскихъ товарищей были оштрафованы. Напротивъ, безъ возмездія осталось очень многочисленное тайное собраніе, которое мы созвали въ одно изъ воскресеній днемъ на пустынномъ островѣ на Рейнѣ ниже Майнца. Прокуратура, правда, пыталась возбудить дѣло, но не нашлось свидѣтелей и обвиненіе должно было пасть.

Но одними лишь мѣстными тайными собраніями нельзя было обойтись. Были необходимы также собранія окружныя и областныя. Такъ было и въ Саксоніи. Полиція часто нападала на слѣдъ такихъ конференцій, но мы ее постоянно оставляли въ дуракахъ. Особенно ловко мы ее провели однажды при созывѣ общесаксонской конференціи, которую мы по всѣмъ видимостямъ собирались устроить въ самой пасти льва, въ Дрезденѣ, Въ пасмурное ноябрьское воскресенье пріѣхали делегаты въ Дрезденъ, за ними слѣдила полиція. Въ числѣ сорока или пятидесяти человѣкъ мы собрались послѣ обѣда на пароходной пристани, чтобы отправиться вверхъ по Эльбѣ. Разумѣется, полиція слѣдила за нами и также, само собою разумѣется, что съ нами отправилось четверо агентовъ для наблюденія. Несмотря на скверную погоду, мы остались на палубѣ. Билеты наши указывали, что мы ѣдемъ въ Пильнитцъ. Полицейскіе агенты въ нашемъ обществѣ чувствовали себя непріятно. Мы этого ожидали. Они удалились въ каюту. Туда за ними пошло четыре нашихъ товарища, и сѣли играть въ карты. Ихъ примѣру послѣдовали полицейскіе. Мы же условились, что поѣдемъ не до Пильнитца, но быстро сойдемъ съ парохода остановкой раньше. Наши же четыре товарища должны были для успокое-

нія агентовъ сойти лишь въ Пильнитцѣ. Мѣстомъ собранія была назначена „Майкская мельница“, расположенная среди лѣса, излюбленное мѣсто прогулокъ дрезденцевъ въ хорошее время года. Когда мы, незамѣтно для агентовъ, оставили пароходъ, было уже довольно темно. Скорымъ шагомъ направились мы къ „Мельницѣ“, гдѣ хозяинъ и хозяйка были немало удивлены при появленіи такой массы гостей въ подобное время года, и въ такой часъ. Мы вошли въ залъ и заявили хозяевамъ, что мы — пѣвческое общество и желаемъ сами себѣ прислуживать. Чтобы ихъ обмануть окончательно, нѣсколько разъ была пропѣта одна и та же пѣснь. При такихъ обстоятельствахъ обсужденіе дѣлъ всегда шло быстро. Въ разгарѣ засѣданія появились наши четыре товарища, доѣхавшіе до Пильнитца, и вызвали бурный смѣхъ своимъ разсказомъ о томъ, какія растерянныя лица были у полицейскихъ агентовъ, когда они очутились на пристани лишь съ ними одними. Наши четверо тотчасъ же отправились въ густой сосновый лѣсъ, предоставивъ полицейскихъ самимъ себѣ. Вѣроятно, тѣ съ первымъ же пароходомъ вернулись въ Дрезденъ. Они, конечно, получили нагоняй отъ своего начальства.

Окончивъ наше засѣданіе, мы, получивъ отъ хозяевъ фонарь, который одинъ изъ нашихъ товарищей долженъ былъ нести впереди на палкѣ, чтобы мы не сбились съ пути, потянулись съ пѣніемъ по дорогѣ. Послѣ полуночи мы пѣшкомъ вернулись въ Дрезденъ. Полиціи не надо было обладать большой сообразительностью, чтобы догадаться, гдѣ мы провели день. На слѣдующій день она послала цѣлую комиссію на „Майкскую мельницу“, чтобы допросить хозяевъ. Тѣ, въ свою очередь, были немало изумлены, когда услыхали, какіе опасные праздничные гости были у нихъ, но не могли дать никакихъ уличающихъ насъ показаній, такъ какъ ничего не знали.

Подобныя исторіи въ то время пережилъ каждый, кто во время закона противъ соціалистовъ принималъ активное участіе въ партійной дѣятельности. Разсказанное здѣсь рисуетъ лишь маленькій уголокъ одной большой картины.

Подпольная работа.

Одна изъ важныхъ задачъ нашей подпольной работы состояла въ организаціи распространенія „Соціалъ-демократа“ и прочей запрещенной литературы. Я приведу здѣсь рядъ моихъ писемъ къ цюрихцамъ, въ которыхъ обрисовывается эта сторона партійной жизни во время исключительнаго закона.

Лейпцигъ, 28 декабря 1879 года.

„Дорогой Моттеллеръ!

Прежде всего, сообщаю. что берлинцы берутъ 500 экземпляровъ отчета фракціи, но только — въ видѣ исключенія — по 10 пфениговъ, съ тѣмъ, чтобы вся прибыль пошла на семьи высланныхъ. № 4 „Соціалъ-демократа“ съ окончаніемъ отчета фракціи въ Берлинѣ еще не полученъ и поэтому возникло предположеніе, что мы его задержали, чтобы скрыть отсутствіе подъ отчетомъ подписи Г. *) Курьезная логика, однако многіе этому повѣрили и поэтому необходимо широкое распространеніе отчета.

Сюда надо посылать 300 экземпляровъ, для этого вы можете воспользоваться адресомъ г-жи Кл. у Ф.

Номера 8, 9, 10 и 11 въ Берлинѣ не получены, такъ какъ благодаря аресту Группига адреса были узнаны и попали въ руки полиціи. Поразительно, какъ неосторожно поступаютъ наши лучшіе люди. Временно ничего не посылайте въ Берлинъ, пока не получите адреса, которые вышлемъ въ ближайшіе дни. Посылайте счетъ для Берлина сюда, если вамъ не будутъ даны адреса прямо туда.

Если будутъ приняты мѣры, о которыхъ ты пишешь, и все пойдетъ какъ по маслу, то по отношенію экспе-

---

*) Газенклевера см. выше.

диціи не останется ничего больше желать. Я того мнѣнія, что вы должны сохранить тайную организацію, даже въ томъ случаѣ, если вамъ изъ Гамбурга сдѣлаютъ другія предложенія. Не слѣдуетъ торопиться съ отказомъ отъ сдѣланныхъ шаговъ и налаженной организаціи. Итакъ, пишите, если вы увѣрены, что условленное достигаетъ цѣли, что временно надо отказаться отъ другихъ мѣропріятій и только тогда обратиться къ нимъ, когда мой путь будетъ отрѣзанъ.

Можетъ быть, вы могли бы оттуда направлять въ Г. то, что получаетъ сѣверъ; но мы отнюдь не хотимъ дѣлать никакихъ предписаній, такъ какъ вы лучше знаете и вамъ виднѣе, что нужно, и что нѣтъ.

О распространеніи книгъ и брошюръ я уже писалъ дня два назадъ и вы получите письмо.

Я могу здѣсь лишь повторить, что, если отсюда будутъ дѣлаться распоряженія, которыя по положенію вещей не могутъ быть выполнены, вы должны сообразоваться съ обстоятельствами. Отсюда мы можемъ лишь подать мысль, насколько же она правильна и осуществима, мы не можемъ судить. Слѣдите за тѣмъ, чтобы въ будушемъ газета выходила въ совершенно опредѣленное время, такъ чтобы посредники, какъ и получатели, могли точно знать, когда прибудутъ посылки. До сихъ поръ это было совершенно невозможно.

Изъ Парижа я получилъ письмо, въ которомъ тоже жалуются на нерегулярное полученіе „Соціалъ-демократа“.

Вальтейхъ надѣется получить въ ближайшіе дни разрѣшеніе на выѣздъ. Ему мѣшаетъ его хемнитцскій процессъ...

Какъ обстоять дѣла съ моей книжкой („Женщина и соціализмъ“)? Прошу васъ регулярно печатать объявленія о ней. Изданіе почти разошлось, осталось всего лишь десятка два экземпляровъ. Если я возьмусь за второе, я долженъ буду разбить его на главы. Въ теперешнемъ видѣ книга трудно читается.

Прилагаемое прошу передать Фольмару.

Сердечный привѣтъ.

Твой А. Б.“

Лейпцигъ, 29 декабря 1879 г.

„Дорогой Моттелеръ!

Едва вы выпутались, а уже снова рискуете. Неужели

уже забыли тѣ случаи, когда приходилось расплачиваться другимъ.

Не нужно быть геніемъ, чтобы установить, кто получаетъ деньги, такъ какъ пять шестыхъ посылокъ идутъ сюда съ наложеннымъ платежомъ.

„Военная Касса“ помогла бы обнаружить кассира и накачала бы намъ на шею столь желанное и въ извѣстныхъ кругахъ столь долго проектируемое и лелѣемое осадное положеніе. Исходя изъ этого, я не одобряю обозначеніе „оффиціально“ на извѣстномъ вамъ листкѣ, разосланномъ при № 13 и нахожу это совершенно безцѣльнымъ. Тамъ, гдѣ выходитъ „оффиціальный“ листокъ, есть также и „оффиціальное“ правленіе. По крайней мѣрѣ, существуетъ очень много и очень вліятельныхъ людей, которые такъ думаютъ и даже полагаютъ, что это правленіе находится въ Лейпцигѣ и что это гнѣздо должно быть разрушено. Я, по крайней мѣрѣ, опредѣленно знаю, что нѣкоторымъ людямъ въ Берлинѣ не терпится, что мы тутъ еще спокойно сидимъ. Каждый нашъ успѣхъ вызываетъ все большее желаніе смести насъ; такъ, еще сегодня снова самымъ беззастѣнчивымъ образомъ указывалось на Лейпцигъ, какъ на фактическій центръ магдебургской избирательной кампаніи. Итакъ, бросьте мѣропріятія, которыя выдаютъ насъ, не принося вамъ никакой пользы.

На прошлой недѣлѣ въ Ганноверѣ присужденъ къ четыремъ годамъ тюрьмы Кауфманъ за неразрѣшенное возвращеніе въ Берлинъ и распространеніе „Свободы“, а также еще за четырнадцать другихъ преступленій, связанныхъ съ содержаніемъ „Свободы“ (шесть оскорбленій величества, еще больше оскорбленій Бисмарка и т. п.). Это значитъ, что онъ долженъ еще предстать по обвиненію въ государственной измѣнѣ, передъ имперскимъ судомъ, который впредь будетъ судить всѣ дѣла по обвиненію въ государственной измѣнѣ противъ Имперіи и отдѣльныхъ странъ. Въ Берлинѣ произведены анархистскія мальчишескія выходки. Хорошо еще, что эта шумиха инсценирована уже послѣ возобновленія осаднаго положенія.

Замѣтка о Кауфманѣ можетъ быть напечатана.

Твой Августъ Бебель.“

Лейпцигъ, 15 января 1880 г.

„Милѣйшій Брандтеръ! *)

Письма получены. Послѣ того, какъ отчетъ отъ 2 января напечатанъ, мнѣ незачѣмъ дѣлать представленія объ упущенномъ.

Получилъ ли ты письмо отъ Гёхберга, которое я ему написалъ два дня тому назадъ?

Повторяю, въ Лейпцигъ нужно 130, изъ которыхъ 117 обезпечены; навѣрное, спросъ будетъ больше. Въ первой посылкѣ было лишь 97, недостающее слѣдуетъ дослать въ соотвѣтствующемъ количествѣ. Адреса Брауншвейга и т. д.—хороши.

Когда отправлюсь въ весенній объѣздъ, то всюду, гдѣ смогу, я буду собирать нашихъ и основательно съ ними толковать. Что Эндресъ (въ Аугсбургѣ) умеръ, вамъ извѣстно. Мнѣ очень жаль его, это былъ славный юноша.

Что ты хотѣлъ сказать словами: о Лейпцигскихъ дѣлахъ я еще не имѣю отвѣта? Относительно брошюръ мы въ свое время написали Уле, чтобы онъ взялъ все, что принадлежитъ намъ отъ Народной Книжной Торговли, и сообщилъ намъ объ этомъ, но чтобы онъ продавалъ Народной Книжной Торговлѣ лишь за наличныя, такъ какъ она и „Стража“ намъ задолжали значительную сумму. Такъ какъ у васъ съ Народной Книжной Торговлей есть счеты по печатанію, то всѣ счета ея по брошюрамъ могутъ быть списаны.

Что касается № 8, то въ Берлинѣ онъ былъ весь захваченъ, такъ какъ Грг. **) былъ столь остроуменъ, что всѣ адреса до 12 и 13 номера занесъ въ свою записную книжку, и, такимъ образомъ, облегчилъ полиціи ея работу, Доказательствомъ того, что въ данномъ случаѣ было предательство, служитъ тотъ фактъ, что его захватили въ конторѣ, и что полиція прямо направилась къ шкафу, гдѣ онъ хранилъ вещи. Вѣроятно, она нашла тамъ и многое другое. Слѣдствіе ведется пока въ строгой тайнѣ и никто не знаетъ, какъ обстоитъ дѣло.

Уже много разъ происходили обыски, при которыхъ обнаруживалось такое же абсолютное знакомство съ

*) Псевдонимъ Моттелера.
**) Грунцигъ.

внутренней обстановкой. Можете себѣ представить, что поэтому кругомъ господствуетъ недовѣріе и что никто не хочетъ чѣмъ-либо рисковать, пока не убѣдится, что дѣло вѣрное.

Относительно отчета фракціи берлинцы постановили его не распространять, такъ какъ считаютъ его недостаточно рѣзкимъ. Вотумъ недовѣрія во всей формѣ. Мы хорошенько намылили голову этимъ господамъ. Я предполагаю, что тутъ замѣшано чье-то постороннее вліяніе.

Такъ какъ Вальтеръ (псевдонимъ Фольмара) въ письмѣ тоже говоритъ объ отчетѣ, въ которомъ я будто бы вычеркнулъ нѣкоторыя рѣзкія мѣста, то мнѣ хотѣлось бы тутъ же указать, что, во-первыхъ, онъ очень заблуждается и смѣшиваетъ мой почеркъ съ почеркомъ Гзл. *), а во-вторыхъ, подписанный нами документъ долженъ быть надписанъ такимъ образомъ, чтобы мы не заслужили за него процесса.

Если Южная Германія будетъ насъ обслуживать, какъ до сихъ поръ, то Гамбургъ намъ пока не нуженъ. До сихъ поръ все шло хорошо, по крайней мѣрѣ до № 1, № 2 пока еще нѣтъ.

Слѣдовало бы при разсылкѣ пробныхъ номеровъ для привлеченія подписчиковъ всегда вкладывать записочки съ указаніемъ, что деньги надо пересылать почтовыми марками или кредитками въ заказномъ письмѣ. Публика не знаетъ, какъ нужно посылать деньги, такъ какъ писать почтовые переводы на международныхъ бланкахъ и обозначать сумму во франкахъ для нея затруднительно, а, во-вторыхъ, нужно давать имя отправителя. Направлять же подписчиковъ къ намъ — неудобно; во-первыхъ, и безъ того здѣсь достаточно много работы, во-вторыхъ, порою поступаютъ удивительно неловко, такъ что мы здѣсь избѣгли непріятностей только благодаря сохранившейся еще до сихъ поръ безупречности здѣшней почты.

Въ дальнѣйшемъ письма для меня посылайте заказными или денежными пакетами, прямо на мою жену.

Передѣлкой „Нашихъ цѣлей“ я не хотѣлъ бы заняться, такъ какъ нужна основательная переработка, а это потребуетъ много работы. Печатайте въ нынѣшнемъ видѣ. Но развѣ годится десять тысячъ? Куда вы ихъ дѣнете?

---

*) Газенклеверъ.

Теперь и въ Берлинѣ у насъ дополнительные выборы въ рейхстагъ, можно испытать дѣйствіе закона противъ соціалистовъ.

Въ семнадцатомъ округѣ противъ нашего кандидата Пенцига выступитъ и консерваторъ.

Сердечный привѣтъ отъ твоего Августа Бебеля".

Лейпцигъ, 15 января 1880 г.

„Дорогой другъ (Фольмаръ)!.

Буду отвѣчать на ваше письмо по пунктамъ. Прежде всего, долженъ сдѣлать для тебя очень непріятное сообщеніе, что обѣщанную статью я не могу дать Малону и даже не могу обѣщать представить ее къ опредѣленному сроку. Съ каждымъ днемъ у меня все прибавляется и прибавляется работы, такъ что всякая работа, для которой надо сосредоточиться становится для меня почти невозможной. Съ восьми часовъ утра до двѣнадцати мастерская, до часу или половины второго—засѣданіе правленія кооператива, отъ двухъ до семи снова мастерская. Если бы я не использовалъ добрую часть времени въ мастерской на партійныя дѣла, я не могъ бы осилить ихъ въ одни лишь вечера. И если бы все шло гладко, то было бы еще ничего, но на мою долю выпадаетъ масса всякихъ заботъ и непріятностей, такъ что я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день со мною случится то же, что и съ бѣднымъ Гейбомъ.

Перейду къ дальнѣйшему.

Вашъ отвѣтъ Энгельсу хорошъ; показавъ его сперва Либкнехту, я перешлю его Энгельсу, который будетъ зло ругаться. Ничего, мнѣ уже надоѣло его брюзжаніе и объ этомъ я написалъ ему.

Итакъ, еще разъ, и, надѣюсь, въ послѣдній: возвращаясь къ обозначеніямъ „офиціально" и т. п., я долженъ сказать, что мы считаемъ ихъ, отъ кого бы они не исходили, неудобными. Какъ мало вы можете помѣшать неудобному распространенію того или иного, вы видите изъ приведеннаго мною случая. А какъ мало можете вы положиться на нашихъ людей, вы видѣли на примѣрѣ Грунцига. Опроверженіями же ничего не сдѣлаешь. Во-первыхъ, подобнымъ опроверженіямъ не вѣрятъ, во-вторыхъ, непріятно быть вынужденными опровергать, въ-третьихъ, если бы дѣло дошло до про-

цесса, нашимъ судьямъ предоставлено такъ широко пользоваться личнымъ усмотрѣніемъ, что „доказательства“ въ строго юридическомъ смыслѣ имъ совершенно не нужны.

Затѣмъ, въ циркулярѣ по поводу постыднаго письма Моста вы опять говорите о „партійномъ Центральномъ Комитетѣ“. Если бы вашъ первый циркуляръ вмѣстѣ съ теперешнимъ попалъ въ ненадлежащія руки, то, хотѣлъ бы я знать, что тогда можно было бы опровергать. Во всякомъ случаѣ, добрая доля такого взрыва досталась бы вамъ, и, я полагаю, что это не можетъ быть вамъ пріятно.

Съ вами тутъ происходитъ совершенно то же, что съ многими изъ нашихъ партійныхъ товарищей: они думаютъ, что живутъ все еще въ прежней обстановкѣ и потому говорятъ на старомъ жаргонѣ. Но этого можно легко избѣгнуть, и это должно быть сдѣлано.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы ограничились главнымъ образомъ, изложеніемъ постыднаго письма Моста, хотя бы уже по одному тому, что насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ въ Германіи, да, пожалуй, и заграницей, ни одного человѣка, который бы вѣрилъ, что „Соціалъ демократъ“ является предпріятіемъ Гёхберга. Нашъ отчетъ, я имѣю въ виду депутатовъ, и послѣдующія статьи, достаточно предательски выдававшія ихъ сотрудничество, должны были совершенно разрушить эту вѣру, если, вообще, она существуетъ, и, надо думать, вполнѣ основательно.

Мнѣ кажется, вы слишкомъ нервничаете и очень легко начинаете волноваться.

Гёхбергъ, какъ онъ писалъ мнѣ, непріятно задѣтъ циркуляромъ, потому что въ немъ упоминается его имя. Онъ, понятно, имѣетъ всѣ причины держаться въ тѣни.

Что вы откопали постыдное письмо Моста,—это очень хорошо, но мы не собираемся пока его распространять, именно, изъ-за Гёхберга. При случаѣ не мѣшаетъ, какъ слѣдуетъ отдѣлать Ганса.

Ваши объясненія по поводу того, какъ случилось, что № 1 вышелъ такимъ, мы признаемъ совершенно правильными. Мимоходомъ замѣчу, что я еще не говорилъ съ Либкнехтомъ, который постоянно находится въ Дрезденѣ и только по воскресеньямъ или субботамъ бываетъ здѣсь, а Фритче слишкомъ толстъ и флегматиченъ, чтобы съ нимъ часто встрѣчаться. Я имѣю въ

виду здѣсь Гзк. и Ф. В. *), которымъ я прочелъ письмо. Я слишкомъ хорошо знаю, какъ у насъ легко бросаютъ обвиненія, что касается меня, я неособенно сожалѣлъ о томъ, какъ отнеслась враждебная пресса къ „ложному шагу“. Какъ я уже писалъ, опасеніе было направлено совершенно въ другую сторону. О главномъ вредѣ, о томъ, какъ это будетъ принято офиціальными кругами Швейцаріи, я впервые подумалъ уже послѣ того, какъ отослалъ письмо.

Именно, это предуказываетъ намъ нашу тактику, и въ соотвѣтствіи съ этимъ мы должны вести газету. Мы постараемся повсюду, гдѣ представляется удобный случай, проводить эту точку зрѣнія, а вы, если понадобится, должны писать въ томъ же духѣ.

Съ Берлиномъ, очевидно, ничего нельзя будетъ сдѣлать, пока насъ тамъ не будетъ. Слѣжка идетъ интенсивно и въ небывалыхъ размѣрахъ, производятся обыски у каждаго, кто хотя въ малѣйшей степени заподозрѣнъ въ прикосновенности къ запрещеннымъ листкамъ или въ сношеніяхъ съ лицами, симпатизирующими этимъ листкамъ.

Вашъ Августъ Бебель“.

Въ поясненіе этого письма замѣчу: „Листокъ“—это циркулярное письмо, составленное Фольмаромъ. Фольмаръ подъ псевдонимомъ Вальтера устроилъ въ Цюрихѣ такъ называемое „Заграничное Бюро сношеній“, которое должно было независимо отъ насъ поддерживать связь съ находящимися за-границей ферейнами. Мы ничего не имѣли противъ. Но часто въ письмахъ заграничнаго бюро проскальзывали выраженія, способныя насъ скомпрометировать въ Германіи, въ случаѣ, если бы документъ попалъ въ ненадлежащія руки. А эта опасность существовала, такъ какъ повсюду въ болѣе крупныхъ ферейнахъ за границей—въ Брюсселѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Женевѣ и т. п.—работали нѣмецкіе полицейскіе сыщики. Однако, удивительное дѣло, въ Берлинѣ въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ не знали, кто собственно былъ Вальтеръ; объ этомъ говоритъ манера, съ какою неоднократно упоминалъ въ рейхстагѣ имя Вальтера фонъ Путткамеръ.

---

*) Газенклеверъ и Вальтейхъ.

Личный составъ Берлинскаго комитета очень часто мѣнялся вслѣдствіе преслѣдованій и судебныхъ процессовъ. Часто въ немъ засѣдали несомнѣнные полицейскіе агенты, которые не знали границъ своему радикализму и старались вызывать конфликтъ съ нами.

Упомянутое здѣсь постыдное письмо Моста было направлено противъ Гёхберга, которому Мостъ собственно долженъ бы былъ питать благодарность за оказанную раньше помощь. Мостъ не постыдился недостойнымъ образомъ напасть на человѣка, съ которымъ прежде былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и котораго не могъ упрекнуть въ перемѣнѣ взглядовъ; не постыдился доносить на него, что онъ стоитъ за „Социалъ-демократомъ“. Въ отвѣтъ на это Гехбергъ помѣстилъ въ № 11 „Соціалъ-демократа“ заявленіе слѣдующаго содержанія: онъ не пользуется въ партіи замѣтнымъ вліяніемъ и „Соціалъ-демократъ“ основанъ не имъ и не является его органомъ. Кромѣ того, онъ не всегда былъ согласенъ съ партіей и съ „Соціалъ-демократомъ“, и потому долженъ отклонить всякую солидарность съ газетой. Это заявленіе успокаивающе подѣйствовало на Маркса и Энгельса, которые теперь увидѣли, что совершенно невѣрно оцѣнивали положеніе, занимаемое Гёхбергомъ.

Для Гёхберга доносъ Моста имѣлъ тотъ результатъ, что его постигла та же участь, что и меня, когда вскорѣ послѣ этого онъ предпринялъ поѣздку въ Германію. За нимъ неотступно слѣдила полиція. Онъ провелъ тогда одну ночь у меня на диванѣ. Полицейскій агентъ точно на сторожѣ простоялъ до глубокой ночи передъ входной дверью, однако, на слѣдующее утро Гёхбергъ всталъ такъ рано, что птичка успѣла вылетѣть раньше, чѣмъ полицейскій снова появился передъ домомъ. Лицо сыщика очень омрачилось, когда онъ увидѣлъ меня возвращающимся съ вокзала къ себѣ домой.

Вторичная размолвка между редакціей „Соціалъ-демократа“ и нами произошла въ февралѣ 1880 г. Я имѣлъ обыкновеніе на видномъ мѣстѣ на первой страницѣ печатать сообщенія и указанія партійнымъ товарищамъ, снабжая ихъ заголовкомъ: „Германія, такого-то числа“. Въ № 9 отъ 29 февраля 1880 г. было напечатано воззваніе редакціи, появившееся безъ нашего вѣдома, призывавщее къ созданію въ Германіи общей

тайной организаціи и подписанное: Германія, конецъ 1880 г. Воззваніе заканчивалось словами: „Здѣсь, конечно, не мѣсто говорить объ этой организаціи; товарищи должны обращаться только по надежнымъ адресамъ, ожидая дальнѣйшихъ указаній".

Это шло вразрѣзъ съ нашими намѣреніями. Въ продолженіе всего времени существованія закона противъ соціалистовъ мы строго слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить одну общую для всей Германіи тайную организацію. Мы были убѣждены, что она очень скоро была бы обнаружена, а это повлекло бы за собой самыя худшія преслѣдованія. Если же товарищи организуются по отдѣльнымъ мѣстностямъ, то въ случаѣ обнаруженія организаціи, преслѣдованія ограничатся лишь данной мѣстностью. Если соберутся на общее собраніе для опредѣленной цѣли, то можетъ идти рѣчь о преслѣдованіи лишь незаконно созваннаго собранія. Несмотря на это, въ полицейскихъ кругахъ было распространено мнѣніе, что существуетъ единая тайная организація, охватывающая всю Германію, и я въ первую очередь являюсь членомъ ея центральнаго комитета. Газетныя статьи полицейскаго происхожденія и подобныя же брошюры, а также и полицейскіе чиновники въ показаніяхъ передъ судомъ утверждали, что существуетъ тайная организація, охватывающая всю Германію. Мнѣ пришлось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ цѣломъ рядѣ процессовъ въ различныхъ городахъ доказывать, что подобной организаціи не существуетъ и не можетъ существовать; и каждый разъ процессъ оканчивался оправданіемъ, поскольку обвиненіе предъявлялось въ принадлежности къ единой, охватывающей всю Германію. тайной организаціи.

Я торжествовалъ величайшую побѣду въ 1888 г., когда центральный комитетъ берлинской тайной организаціи былъ привлеченъ за принадлежность къ общегерманской тайной организаціи. Свидѣтелями со стороны обвиненія были тридцать высшихъ и низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ знаменитый среди насъ берлинскій полицейскій совѣтникъ Крюгеръ, глава политической полиціи, и я. Мои показанія совершенно опрокинули показанія тридцати полицейскихъ чиновниковъ, судъ оправдалъ обвиняемыхъ въ принадлежности къ общегерманскому тайному сообществу, но

обвинилъ за участіе въ мѣстной тайной организаціи.

Полицейскій совѣтникъ Крюгеръ былъ до нельзя возмущенъ этимъ приговоромъ: вернувшись въ свое бюро, онъ бранилъ судъ за то, что тотъ больше довѣряетъ такому бездѣльнику, какъ я, чѣмъ тридцати королевскимъ, прусскимъ полицейскимъ чиновникамъ.

Откуда я узналъ объ этомъ возмущеніи Крюгера? Въ его бюро работалъ чиновникъ, сообщавшій намъ обо всемъ, происходящемъ тамъ.

Объ этомъ я разскажу подробнѣе ниже. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что предполагавшаяся въ Цюрихѣ тайная организація была искоренена нами въ самомъ зародышѣ.

Сессія Рейхстага 1880 года.

Въ эту сессію произошла очень бурная и рѣзкая схватка между нами, правительствомъ и буржуазными партіями. Полицейскіе акты насилія достигли такихъ размѣровъ и такой жестокости, что мы были доведены до крайняго раздраженія. Это и проявилось во время преній по вопросу о продленіи малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ. Я закончилъ тогдашнюю свою рѣчь словами: „Господа, что должно естественно возбуждать такое положеніе въ сердцахъ и настроеніяхъ массъ, что должно оно порождать? Ничего, кромѣ ненависти и озлобленія, которыя, въ концѣ концовъ, должны привести къ вѣрѣ и убѣжденію, что ничего больше не остается, какъ насильственное ниспроверженіе всего существующаго. Вотъ къ чему приводятъ ваши мѣры. И не только къ этому одному, но еще и къ стремленію—вы, вѣдь, имѣете дѣло съ живыми людьми—неизбѣжно порождаемому стремленію къ мести и отплатѣ, которое проснется въ сотняхъ тысячъ человѣческихъ сердецъ. Таковы плоды, взрощенные вами, если вы довольны этими плодами—то, что жъ, мы тоже довольны!"

„Франкфуртская газета" писала по поводу этой рѣчи: „Какую массу ненависти и чувства мести взращиваетъ исключительный законъ, намъ до ужаса ясно дала почувствовать рѣчь Бебеля. Передъ нами предстала страшная картина тѣхъ скрытыхъ опасностей, которыя грозятъ спокойствію націи болѣе, чѣмъ это могла бы сдѣлать какая бы то ни было открытая агитація".

А „Германія" заканчивала статью по поводу требуемаго правительствомъ продленія срока закона противъ соціалистовъ словами: „Соціалисты лелѣятъ одну надежду. Надежду не на паденіе исключительнаго закона, но на близкіе дни расплаты, которую они ждутъ приблизительно къ 1889 году".

Въ эту же сессію было внесено предложеніе о дальнѣйшемъ продленіи закона противъ соціалистовъ до 31 марта 1886 года. Центръ въ качествѣ перваго оратора выставилъ фонъ-Гертлинга, который своею рѣчью подготовилъ почву для грѣхопаденія части своей партіи въ исключительномъ законѣ. Я предложилъ перенести обсужденіе вопроса въ комиссію. Напротивъ, депутатъ Ласкеръ находилъ, что законъ примѣняется слишкомъ сурово. Онъ высказался противъ продленія дѣйствія закона и въ результатѣ голосовалъ противъ него.

Мы внесли рядъ поправокъ, чтобы этимъ путемъ имѣть возможность вызвать основательное обсужденіе примѣненія закона. Въ преніяхъ мы участвовали почти всѣ безъ исключенія. Продленіе дѣйствія закона было принято, въ концѣ концовъ, до 30 сентября 1884 г., т.-е. еще на два съ половиной года. Рейхстагъ принялъ резолюцію, согласно которой собираніе взносовъ не подпадаетъ подъ § 16 закона, если эти сборы дѣлаются для помощи лицамъ, лишившимся кормильцевъ въ силу примѣненія § 22 и 28 закона противъ соціалистовъ.

Особеннымъ эпизодомъ во время третьяго чтенія закона явилась произнесенная 4 мая рѣчь Гассельмана, которой онъ передъ лицомъ всего рейхстага отрекся отъ насъ: Отгораживаются отъ нигилистовъ, но онъ причисляетъ себя къ нимъ. Время парламентской болтовни миновало, пора приняться за дѣло.

Въ своей бюджетной рѣчи, произнесенной въ отвѣтъ фонъ-Кардорфу, утверждавшему, что я горжусь своими связями, я заявилъ: „Депутатъ фонъ-Кардорфъ, я могу лишь отвѣтить, что никакихъ связей въ Россіи у меня нѣтъ, и что нигилисты вербуются въ Россіи совершенно изъ иныхъ круговъ, чѣмъ соціалъ-демократы въ Германіи. Тамъ ими являются общественные круги г. фонъ-Кардорфа“. (Бурный смѣхъ). На это заявленіе, какъ указано, и намекнулъ Гассельманъ. Послѣ того, какъ онъ, такимъ образомъ, высказался противъ насъ, мы публично объявили, что не считаемъ его больше въ нашей партіи. Это заявленіе возмутило многихъ изъ его сторонниковъ. Устремленіе Гассельмана къ „дѣламъ“ кончилось тѣмъ, что онъ, надѣлавъ довольно много долговъ, уѣхалъ въ

Соединенные Штаты, гдѣ вскорѣ совсѣмъ отошелъ отъ движенія.

Въ той же бюджетной рѣчи я, впервые, упомянулъ книгу фонъ деръ-Гольтца „Леонъ Гамбета и его армія“, которую съ тѣхъ поръ я много разъ упоминалъ съ похвалою въ своихъ рѣчахъ и которою пользовался во многихъ случаяхъ въ защиту нашей точки зрѣнія. Фонъ деръ-Гольцъ за свою рѣчь былъ пониженъ въ чинѣ, хотя по справедливости онъ долженъ былъ бы быть назначенъ въ Генеральный штабъ. Тогдашній лейтенантъ, какъ извѣстно, впослѣдствіи сталъ генералъ-фельдмаршаломъ, хотя основныя положенія его книги и не были осуществлены.

Въ ту же сессію еще одно выступленіе дало поводъ къ нападкамъ на меня. Во время преній о новомъ военномъ законѣ (семилѣтняя смѣта на 1881—1888 г.г.), на нападки на насъ я отвѣтилъ: „Если случится, что какая-нибудь держава захочетъ завладѣть нѣмецкой областью, соціалъ-демократія, какъ и всякая другая партія, выступитъ на борьбу противъ этого врага“. За это на меня напалъ въ „Соціалъ-демократѣ“ одинъ товарищъ съ юга въ анонимной статьѣ. Я отвѣтилъ (въ № 16 „Соціалъ-демократа“), что не отказываюсь ни отъ одного сказаннаго мною слова, и добавилъ: „Для соціалъ-демократіи можетъ создаться очень тяжелое положеніе, когда ей придется рядомъ со своимъ смертельнымъ врагомъ защищать цѣлость германской территоріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пресловутую отечественную систему управленія. Но отъ этого смертельнаго врага она можетъ освободиться не съ помощью иноземныхъ завоевателей, а лишь собственными усиліями, путемъ уничтоженія господствующей системы, которая, въ концѣ концовъ, сама поднимаетъ массы противъ себя. Когда мы защищаемъ нашу страну и насъ самихъ,—а не нашихъ враговъ и ихъ преходящія учрежденія—отъ расчлененія и порабощенія, то мы ополчаемся не „на защиту отъ врага нашихъ бравыхъ полицейскихъ и судей“, какъ иронически выражается почтенный товарищъ изъ южной Германіи, но для того, чтобы сохранить свободу дѣйствій для борьбы съ нашими врагами у себя дома. Можетъ притти время, когда врагамъ соціалъ-демократіи будетъ весьма пріятно видѣть русскаго императора съ

его арміей въ Берлинѣ, но для самой соціалъ-демократіи это будетъ крайне неудобно.

„Въ моей рѣчи отъ 2 марта нѣтъ ни слова, говорящаго объ отказѣ отъ нашей точки зрѣнія, такъ какъ въ оборонительной войнѣ мы защищаемъ не нашихъ враговъ и ихъ установленія, мы защищаемъ самихъ себя и свою страну, которую желаемъ перестроить по своему, которая одна является почвой для нашей дѣятельности“.

До, во время и послѣ съѣзда въ Виденѣ.

Весною 1880 г. въ нашей средѣ стала ощущаться общая всѣмъ потребность организовать болѣе многолюдное совѣщаніе представителей партійныхъ товарищей, которое могло состояться лишь за границей. Прежде всего, надо было создать полную ясность въ вопросѣ объ отношеніи партіи къ интригамъ и агитаціи людей, вродѣ Гассельмана и Моста. Затѣмъ, было необходимо выяснить партіи внутреннее положеніе и основательно побесѣдовать на эту тему. Въ-третьихъ, партія должна была быть освѣдомлена о „Соціалъ-демократѣ" и его распространеніи. Наконецъ, рѣчь шла о томъ, чтобы столковаться объ организаціи агитаціи на предстоящихъ въ слѣдующемъ году общихъ выборахъ въ рейхстагъ. Цюрихскіе товарищи и мы сходились на томъ, что такое совѣщаніе необходимо. И вотъ, уже 29 марта я оповѣстилъ ихъ, что мы рѣшили, чтобы совѣщаніе собралось черезъ два дня послѣ официальнаго роспуска рейхстага въ Романсгорнѣ или Роршахѣ. Закрытія рейхстага слѣдуетъ ждать незадолго до Тройцы. Приглашеніе на съѣздъ должно исходить отъ редакціи и экспедиціи „Соціалъ-демократа" въ видѣ особаго циркулярнаго письма, набросокъ котораго я прилагалъ. Разсылку приглашенія внутри Германіи мы брали на себя. Необходимо соблюдать во всѣхъ предварительныхъ шагахъ величайшую осторожность.

Но проповѣдь эта была тщетной. Еще до того, какъ могъ состояться нашъ съѣздъ, о немъ дошли свѣдѣнія до правительства цюрихскаго кантона, которое стало наводить справки, насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Это побудило „Соціалъ-демократъ" въ номерѣ отъ 16 мая объявить, что проектированное на время около Тройцы совѣщаніе не состоится въ виду возникшихъ различныхъ препятствій и должно быть

отложено на нѣсколько мѣсяцевъ. Сообщеніе это не могло появиться раньше, и потому многіе делегаты и въ числѣ ихъ Мостъ узнали объ отсрочкѣ только тогда, когда уже очутились въ Швейцаріи.

Мостъ при этомъ случаѣ побывалъ и въ Цюрихѣ. Здѣсь товарищи устроили собраніе, въ которомъ онъ могъ брать слово послѣ каждаго оратора, чтобы обосновать свои обвиненія противъ партіи. Собраніе кончилось выраженіемъ требованія, чтобы отнынѣ была прекращена полемика между „Свободой“ и „Соціалъ-демократомъ“. Если же „Свобода“ будетъ продолжать свои безмѣрныя нападки на партію, то придется исключить изъ партіи ея сторонниковъ.

Мостъ повинился и обѣщалъ послушаться резолюціи. Но едва успѣлъ онъ вернуться въ Лондонъ, какъ возобновилъ прежнюю войну и даже отрицалъ, что обѣщалъ прекратить нападки на партію.

Послѣ того, какъ оказалось невозможнымъ совѣщаніе, намѣчавшееся на Троицу, намъ приходилось заняться созывомъ новаго. Въ связи съ этимъ я писалъ въ Цюрихъ:

„Лейпцигъ, 24 мая 1880.

„Дорогіе друзья,

Вопросъ о срокѣ будетъ рѣшенъ сегодня вечеромъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ итти рѣчь о заявленіи по поводу Гассельмана. Если будетъ назначено время до середины августа, я не смогу пріѣхать... Въ Магдебургѣ произведенъ рядъ арестовъ, и во время одного изъ нихъ найдено ваше письмо, въ которомъ вы основательно на насъ обрушиваетесь.

Этимъ вы сыграли противъ насъ плохую шутку. Хорошо, правда, то, что вы основательно насъ проругали, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что этимъ письмомъ вы дали давно отыскиваемое оружіе противъ Лейпцига, и имъ безусловно воспользуются.

Я полагаю, что во времена, подобныя нынѣшнимъ, когда могутъ происходить и, дѣйствительно, происходятъ всякія случайности, не должно такъ легко поддаваться настроенію и раздраженію, необходимо оставаться хладнокровнымъ и осмотрительнымъ. Вполнѣ былъ бы достаточенъ запросъ сюда, какъ это случилось, что мы вос-

препятствовали распространенію одного листка. Кромѣ того, вы должны бы вдвойнѣ избѣгать нападокъ на здѣшнихъ, ибо объ этомъ достаточно уже стараются Гансъ и другіе. Посмотримъ, каковы будутъ послѣдствія Магдебурскаго дѣла. Захвачены ли листки, мы не знаемъ, писавшій намъ не сообщаетъ, объ этомъ и мы должны еще сдѣлать запросъ по этому поводу.

Такъ какъ отсюда не исходило никакого запрещенія распространенія, то намъ, понятно, не приходится отмѣнять его. Вы опять сдѣлались въ данномъ случаѣ жертвой недоразумѣнія и могли бы уберечь себя отъ напраснаго раздраженія. Итакъ, скажу еще разъ: хладнокровіе, даже тогда, когда, кажется, что вы абсолютно правы...

Я очень недоволенъ, что дѣло съ совѣщаніемъ сорвалось, такъ что многимъ пришлось даромъ проѣхаться. Если бы меня немедленно извѣстили о принятой отсрочкѣ, все еще удалось бы своевременно уладить. Впрочемъ, я убѣжденъ, что отсрочка ничему не повредила, что, напротивъ, пріѣдетъ рядъ лицъ, которыя теперь въ виду краткости срока не могли это сдѣлать.

27/5. Въ понедѣльникъ вечеромъ рѣшено назначить съѣздъ на 21, 22 и 23 августа. За болѣе ранній срокъ не высказался *никто*, многіе—за еще болѣе поздній срокъ. Главное соображеніе то, что мы должны добыть денегъ, исторія эта нынѣ обходится такъ дорого... Занятія начнутся, какъ обычно, съ предварительнаго собранія въ субботу.

Мѣсто опредѣляете вы. Если вы не хотите остановиться на Роршахѣ, а предпочитаете Ст.-Галленъ, то не лучше ли тогда Цюрихъ?

Я держусь того мнѣнія, что пока надо—имѣя въ виду шпіоновъ—соблюдать строгое молчаніе относительно точнаго срока, указывая въ общемъ лишь августъ, какъ приблизительное время съѣзда; въ виду этого вамъ слѣдуетъ сообщить объ этомъ официально въ „Соціалъ-демократѣ" и нѣсколько разъ объявить, чтобы тѣ, кто намѣренъ явиться на съѣздъ, заявлялись вамъ. Но публично не употребляйте слово съѣздъ, говорите лишь о совѣщаніи, это облегчитъ намъ въ будущемъ защиту передъ судами..

Заявленіе противъ Гассельмана и Моста, противъ каждаго на свой образецъ, принято въ понедѣльникъ,

Гассельманъ былъ избранъ берлинцами, но будучи слишкомъ трусливъ, чтобы принять избраніе, этотъ негодяй теперь распространяется на ту тему, что вполнѣ спокойно можно было бы устроить собраніе въ самой Германіи, мы просто даромъ растрачиваемъ деньги. Вы лучше всего сдѣлаете, если помѣстите въ редакціонномъ почтовомъ ящикѣ замѣтку, въ которой укажете неизвѣстному, что „только политическіе младенцы могутъ думать, будто возможно многолюдное совѣщаніе въ Германіи для обсужденія общихъ партійныхъ дѣлъ, которое несомнѣнно потребуетъ нѣсколько дней“.

Я уѣзжаю въ ближайшій понедѣльникъ до приблизительно конца іюня, и прошу васъ писать письма такъ, чтобы ихъ можно было показывать болѣе широкому кругу товарищей. Если у васъ будетъ что-нибудь спеціально для меня, то пишите объ этомъ въ особомъ письмѣ.

Вашъ Августъ Бебель“.

Въ Цюрихѣ между тѣмъ пришли къ удачной мысли устроить съѣздъ не въ городѣ, а въ старинномъ замкѣ Виденъ, расположенномъ очень романтически на холмѣ близъ села Оссингенъ на Турѣ. Старинное зданіе принадлежало одному господину въ Базелѣ, который сдалъ намъ на нѣсколько дней замокъ и его службы. Въ одной изъ этихъ построекъ было устроено общежитіе, гдѣ были лишь солома и шерстяныя одѣяла. Красный почтмейстеръ утверждалъ, что оссингенскіе хозяева врядъ ли встрѣтятъ насъ дружески, но, какъ оказалось въ дальнѣйшемъ, онъ въ этомъ ошибся. Но сохраненіе съѣзда въ тайнѣ было бы невозможно, еслибы мы посѣщали село. Поэтому владѣлецъ ресторана нѣмецкаго ферейна въ Романсгорнѣ и его жена были приглашены организовать столованіе участниковъ съѣзда въ самомъ замкѣ.

Когда мы, выйдя со станціи Оссингенъ, подымались черезъ село въ гору, крестьяне стояли на поляхъ и въ виноградникахъ, опираясь на свои орудія, и смотрѣли на насъ въ изумленіи и качая головой. Еще болѣе были они изумлены, когда вечеромъ въ старомъ замкѣ зажглись огни и изъ открытыхъ оконъ стали раздаваться въ тиши яснаго августовскаго вечера голоса ораторовъ. Но чѣмъ ближе надвигалась ночь, тѣмъ менѣе привле-

кательной представлялась мнѣ перспектива этой ночевки на кучѣ соломы. Всплыли воспоминанія о моихъ годахъ ремесленнаго подмастерья, ужасая меня. Кромѣ того, я не вѣрилъ утвержденію краснаго почтмейстера, будто оссингенскіе рестораторы откажутъ намъ въ ѣдѣ и питьѣ, несмотря на нашу звонкую монету. Я тайкомъ объяснилъ Либкнехту, что мы тамъ внизу безусловно найдемъ гораздо лучшій пріютъ, чѣмъ здѣсь наверху, и пригласилъ его отправиться вмѣстѣ со мною. Онъ согласился. Мы скрылись изъ круга бражниковъ. Какъ я и ожидалъ, мы были очень дружелюбно приняты въ селѣ хозяиномъ ресторана „У оленя“, угостившимъ насъ хорошимъ мѣстнымъ виномъ, чернымъ хлѣбомъ съ свѣжимъ масломъ и превосходнымъ швейцарскимъ сыромъ. Хозяинъ неоднократно выражалъ свое удивленіе по поводу того, что „господа“ расположились въ замкѣ вмѣсто того, чтобы притти къ нимъ въ село.

Когда мы на утро вновь появились въ замкѣ, со всѣхъ сторонъ насъ закидали шуточками и насмѣшками. Но скверный примѣръ заразилъ и добродѣтельныхъ. Ночевка въ пристройкѣ замка отнюдь не являлась идеальной. Кромѣ того, группа слишкомъ жизнерадостныхъ молодцовъ подымала такой шумъ и возню, что нечего было и думать о снѣ. На второй вечеръ число дезертировъ оказалось уже гораздо болѣе значительнымъ, а къ концу съѣзда лишь немногіе непоколебимые оставались на ночь въ замкѣ.

Оссингенцы неожиданнымъ образомъ проявили свою признательность намъ. Въ слѣдующемъ году въ Цюрихѣ долженъ былъ состояться международный конгрессъ. Либералы привели въ движеніе небо и землю для того, чтобы правительство запретило его. Они собрали въ кантонѣ свыше 30.000 подписей въ пользу запрещенія, но ни одинъ оссингенскій крестьянинъ не далъ своей подписи. Они, напротивъ, заявили, что имъ довелось познакомиться съ заграничными соціалъ-демократами, которые оказались всѣ вполнѣ приличными людьми. Они не видятъ, почему эти люди не должны устраивать свое собраніе въ Цюрихѣ.

Число собравшихся въ Виденѣ делегатовъ доходило до 56, среди нихъ были всѣ извѣстные товарищи изъ Германіи. Въ числѣ другихъ присутствовали: Ауэръ, Бернштейнъ, Биркертъ (Дармштадтъ), Гарве,

Грейлихъ, Фритче, Фроме, Гриллленбергеръ, Газенклеверъ, Гильманъ (Эльберфельдъ) *Каутскій, М. Кегель, Лейендекеръ (Майнцъ), Либкнехтъ, Левенштейнъ (Фюртъ), Моттелеръ, Ольденбургъ (Альтона), Шлютеръ (Дрезденъ), Таушеръ, Ульрихъ (Оффенбахъ), Вальтейхъ, Фатеръ (Гамбургъ), Фельмаръ и т. д.

Предсѣдательствовали Газенклеверъ и Вальтейхъ. Докладъ о положеніи въ Германіи и о состояніи кассы былъ порученъ мнѣ. Кромѣ того, я былъ докладчикомъ по вопросу объ интригахъ Моста. Ауэръ сдѣлалъ сообщеніе о доходахъ кассы въ области Гамбурга-Альтоны и о расходахъ, Фритче далъ отчетъ о спеціальномъ сборѣ въ пользу берлинскихъ высланныхъ и ихъ семействъ. Сверхъ того, Ауэру было поручено сообщеніе о раскольническихъ попыткахъ Гассельмана. Всего было получено до 1 августа 1880 г. около 36,044 марокъ, изъ которыхъ 24,254 марки прошли черезъ мои руки. Высланнымъ изъ Берлина и ихъ семьямъ я выплатилъ 10,710 мар., на подвергшихся другимъ репрессіямъ и сидящихъ въ тюрьмахъ товарищей и ихъ семьи было израсходовано 5200 марокъ, на оплату діэтъ за три сессіи рейхстага истрачено 2032 м., внесено въ видѣ штрафовъ и въ возмѣщеніе за сидѣнье въ тюрьмѣ—2416 мар. и т. п. На жалованье никакихъ расходовъ не производилось. „Соціалъ-демократъ“ велъ свою особую отчетность. На ряду съ этими деньгами, поступавшими въ центръ, стекались значительныя суммы на мѣстахъ, которыя тамъ самостоятельно расходовались.

Отъ группы высланныхъ изъ Берлина въ Гамбургъ поступилъ написанный на 21 страницѣ протестъ, направленный главнымъ образомъ противъ фракціи и нападавшій спеціально на то, какъ распредѣлялись деньги. Тидтъ, одинъ изъ берлинскихъ делегатовъ съѣзда, передавшій этотъ протестъ, заявилъ, что взялъ на себя его передачу по желанію авторовъ, но не можетъ подписаться подъ его содержаніемъ. Для того, чтобы дать возможность берлинскимъ товарищамъ ближе ознакомиться съ состояніемъ кассовыхъ счетовъ, Тидтъ былъ избранъ въ числѣ другихъ въ ревизіонную комиссію. Комиссія пришла къ единогласному рѣшенію предложить съѣзду утвердить кассовый отчетъ, который вполнѣ правиленъ. Съѣздъ единогласно принялъ это предложеніе. Впослѣдствіи выяснилось, что авторомъ протеста

былъ одинъ высланный изъ Берлина, одноглазый Вольфъ, который былъ разоблаченъ, какъ шпіонъ на службѣ у берлинской полиціи. Затѣмъ съѣздъ единогласно постановилъ одобрить поведеніе депутатовъ и тактику, которой они держались, и выразилъ свое довѣріе передовымъ борцамъ партіи, работающимъ въ столь тяжелой обстановкѣ.

Въ ходѣ общихъ преній Шлютеръ внесъ предложеніе вычеркнуть изъ программы слово „законными" (средствами); партія лишена правъ, законная дѣятельность сдѣлана для нея невозможной, что же при такихъ условіяхъ должно означать утвержденіе о желаніи достичь своей цѣли законными средствами? Послѣ краткаго обмѣна мнѣніями предложеніе это было единогласно принято. Это рѣшеніе вызвало потомъ много шума въ парламентѣ и внѣ его, а также и въ судебныхъ процессахъ. Совершенно напрасно. Его понимали не какъ простой выводъ изъ того положенія, въ какомъ находилась партія, а какъ революціонный актъ, опрокидывающій до того усвоенную тактику.

Обсужденіе вопроса объ исключеніи изъ партіи Гассельмана потребовало много времени. 27 іюня фракція напечатала въ „Соціалъ-демократѣ" воззваніе, въ которомъ требовала исключенія Гассельмана въ виду уже упомянутой его рѣчи въ рейхстагѣ, въ которой онъ заявилъ о своей солидарности съ русскимъ анархизмомъ. Фракція отвѣчала на это: „Эти слова означаютъ разрывъ съ партіей и спеціально съ нами. Мы принимаемъ этотъ разрывъ съ полнымъ удовлетвореніемъ. Онъ содѣйствуетъ созданію ясности въ нашихъ рядахъ, что нынѣ необходимо прежде всего, и удаляетъ изъ партіи человѣка, который съ перваго же дня объединенія германской соціалъ-демократіи на съѣздѣ въ 1875 г. лишь противъ воли по внѣшности принадлежалъ къ нимъ, но тайно интриговалъ и конспирировалъ противъ нея безустанно и планомѣрно. Взрывъ соціалъ-демократической партіи Германіи и созданіе партіи Гассельмана—такова была цѣль, которую стремился достичь г. Гассельманъ, дѣйствуя присущими ему интригантствомъ, хитростью и клеветой".

Фракція немедленно вслѣдъ затѣмъ подкрѣпила эти обвиненія опубликованіемъ ряда писемъ Гассельмана, изъ которыхъ явствовало, какъ систематически рабо-

талъ онъ противъ партіи и какъ онъ хотѣлъ, послѣ прекращенія „Новаго Соціалъ-демократа" (конецъ сентября 1876 г.) использовать основанное имъ „Красное Знамя" для того, чтобы взорвать только что созданное единство.

Въ дальнѣйшемъ воззваніе обвиняло Гассельмана въ томъ, что онъ ни разу не имѣлъ мужества печатать свои рѣчи въ своемъ собственномъ журналѣ въ неизмѣненномъ видѣ, смягчая ихъ. Фракція требовала, чтобы тотъ, кто противъ соціалистической рабочей партіи, ушелъ изъ нея. „Мы требуемъ искренности. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ".

Въ заключеніе воззваніе обращалось также и противъ Моста, безумства и непослѣдовательности котораго столь же далеки отъ фракціи, сколько и демагогическія интриги и нападки господина Гассельмана. Заявленіе это было подписано всѣми депутатами, исключая Гартманна (Гамбургъ), который считалъ его „несвоевременнымъ".

Ауэру не представляло никакого труда доказать на основаніи представленнаго матеріала, что утвержденіе съѣздомъ исключенія Гассельмана изъ партіи должно быть само собою разумѣющимся дѣломъ. Съѣздъ, дѣйствительно, одобрилъ исключеніе всѣми голосами противъ трехъ. Двое изъ этихъ трехъ заявили, что они считаютъ это постановленіе уже ненужнымъ, поскольку Гассельманъ своими дѣйствіями самъ поставилъ себя внѣ партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ іюнѣ Гассельманъ не постыдился открыто донести на Ауэра, Деросси и Гарве, будто они устроили запрещенный сборъ денегъ. Гамбургской прокуратурой начато было послѣ этого предварительное дознаніе, окончившееся, однако, безрезультатно. Мостъ въ своей „Свободѣ" дошелъ до такихъ же безчестныхъ поступковъ. Обсужденіе вопроса о послѣднемъ протекло то же, какъ и ожидалось. Мнѣ также было не трудно обрисовать на основаніи въ избыткѣ накопившагося матеріала печальную роль, какую онъ сыгралъ. Предложеніе признать его выбывшимъ изъ партіи было принято всѣми голосами противъ двухъ.

Попытки группы берлинскихъ товарищей, бывшихъ сторонниками Моста и Гассельмана, путемъ внесенія спеціальныхъ предложеній привлечь къ отвѣтствен

ности передъ съѣздомъ Газенклевера, Либкнехта, Кайзера и меня—потерпѣли плачевную неудачу. Обнаружилось, что съѣздъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ настроенъ поразительно единодушно. Это сказалось также и при объявленіи „Соціалъ-демократа“ центральнымъ органомъ партіи, и при голосованіи въ пользу участія въ выборахъ въ рейхстагъ, ландтаги и мѣстныя самоуправленія, главнымъ образомъ, въ интерасахъ агитаціи и пропаганды.

Затѣмъ было постановлено со всей энергіей выступить за участіе въ предстоящихъ осенью выборахъ въ рейхстагъ. При перебаллотировкахъ товарищи должны по общему правилу воздерживаться отъ голосованія. Другія постановленія съѣзда сводились къ утвержденію основаннаго въ Цюрихѣ освѣдомительнаго бюро и одобренію созыва международнаго конгресса, предложеннаго бельгійскими товарищами.

Извѣстіе о томъ, что въ замкѣ Виденъ состоялся нашъ съѣздъ, явилось для полиціи и общественнаго мнѣнія Германіи настоящей сенсаціей. Полиція оказалась въ отчаянномъ положеніи—ей приходилось признать, что, несмотря на свой большой шпіонскій аппаратъ, она не смогла разузнать, когда и гдѣ состоится съѣздъ. Буржуазныя партіи были возмущены тѣмъ, что, вообще, могъ состояться съѣздъ, и они впали въ еще большее раздраженіе, когда вскорѣ послѣ съѣзда въ берлинской „Трибунѣ“ и „Магдебургской Газетѣ“ появились въ высшей степени романтическія описанія, исходившія отъ нашихъ цюрихскихъ товарищей и представлявшія все событіе въ самомъ необычномъ свѣтѣ. Мы вдоволь забавлялись всѣмъ этимъ. На настроеніе партійныхъ круговъ Виденскій съѣздъ подѣйствовалъ наилучшимъ образомъ. Одинъ лишь тотъ фактъ, что состоялся съѣздъ, дѣйствовалъ уже въ высшей степени ободряюще. Снова удалось побыть вмѣстѣ, старые борцы повидались другъ съ другомъ и основательно переговорили, недовѣріе, гдѣ оно существовало, было разсѣяно; мужество отдѣльныхъ товарищей значительно укрѣпилось. Всѣ съ добрымъ настроеніемъ возвращались на родину, рѣшивъ содѣйствовать созрѣванію сѣмени, посѣяннаго въ Виденѣ.

Лишь только прошла первоначальная растерянность нашихъ противниковъ, въ враждебной намъ прессѣ, во

главѣ съ „Крестовой Газетой“ и „Имперскимъ Вѣстникомъ“, началась настоящая травля противъ Швейцаріи. Эти газеты требовали высылки заговорщиковъ изъ Швейцаріи и давали совѣтъ попытаться возбудить процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Но требованіе „Крестовой Газеты“ и подобныхъ ей органовъ, чтобы Швейцарія нарушила право убѣжища и выслала политически неугодныхъ лицъ, привело лишь къ тому, что состоявшійся въ сентябрѣ съѣздъ швейцарскихъ юристовъ весьма рѣшительно высказался за право убѣжища. Принципъ невыдачи политическихъ преступниковъ долженъ быть сохраненъ безъ ограниченій. Швейцарія должна соблюдать въ предоставленіи убѣжища гуманные принципы, удаляя, однако, шпіоновъ, агентовъ-провокаторовъ и подобную публику. Высылка ни въ коемъ случаѣ не должна примѣняться въ угоду чужому государству.

Полиція и суды вновь развили послѣ Видена свое усердіе въ преслѣдованіи насъ. Такъ, напр., бреславльскій судъ попытался затѣять процессъ по поводу будто бы существующаго тайнаго сообщества и съ этой цѣлью распорядился о задержаніи корреспонденціи свыше 3000 лицъ. Вся почта Бреславля оказалась дезорганизованной и причинены большіе убытки дѣловымъ кругамъ. И все это совершенно напрасно.

Въ Лейпцигѣ полиція тоже становилась все назойливѣе въ надзорѣ за нами. Медленно сгущались тучи надъ нашими головами. Когда мы въ серединѣ сентября собрались въ числѣ около сорока человѣкъ для празднованія „дня рожденія“, внезапно ворвалась въ ресторанъ полиція и арестовала насъ всѣхъ. Подъ сильнымъ полицейскимъ конвоемъ мы были отведены въ полицейское управленіе на допросъ. Большая толпа сопровождала насъ. Процедура эта, не давшая никакихъ результатовъ, длилась свыше двухъ часовъ, послѣ чего насъ отпустили. Единственной жертвой этого происшествія оказался русскій товарищъ Цеткинъ, работавшій въ Лейпцигѣ наборщикомъ и въ качествѣ гостя участвовавшій въ празднованіи „дня рожденія“. Онъ былъ высланъ.

Новый, но безрезультатный обыскъ былъ произведенъ у меня. Я сдѣлалъ также открытіе, что прокуратура потребовала задерживать письма одной дамы,

которая выказала готовность получать на свой адресъ письма для меня. Но такимъ путемъ попавшія въ руки прокуратуры письма не дали ей ни малѣйшаго матеріала для обвиненія. Къ тому же я сейчасъ же принялъ мѣры, чтобы по этому адресу больше не писали.

Борьба шла дальше. Номеръ 39-й „Соціалъ демократа“ отъ 26 сентября опубликовалъ составленное мною и одобренное моими коллегами воззваніе, подписанное: „Германія, 18 сентября, Партійное представительство“, въ которомъ въ связи съ Виденскимъ съѣздомъ говорилось между прочимъ:

„...Въ условіяхъ, при которыхъ партія нынѣ живетъ и борется въ Германіи, наша задача весьма отвѣтственна и трудна. Окруженные врагами, желающими насъ уничтожить, которымъ реакціонное законодательство даетъ въ изобиліи средства подавлять насъ „во имя закона“, мы можемъ, повторяемъ это снова, обезпечить себѣ успѣхъ только мужествомъ вмѣстѣ съ благоразуміемъ.

„При такихъ условіяхъ умѣстно *всякое* средство, обезпечивающее успѣхъ, и задача партійныхъ товарищей каждой мѣстности состоитъ въ подысканіи и усвоеніи подходящихъ средствъ и путей, представляющихся имъ наиболѣе вѣрно обезпечивающими достиженіе успѣховъ.

„Поэтому организуйтесь, безразлично какъ... Организація повсюду, вплоть до самыхъ отдаленныхъ мѣстечекъ, гдѣ мы имѣемъ сторонниковъ, и во всѣхъ возможныхъ видахъ. Это—наша первая заповѣдь.

„Вторая заповѣдь—неустанная агитація въ пользу распространенія нашего центральнаго органа „Соціалъ-демократа“, путемъ вербовки новыхъ читателей и подписчиковъ...

„Заповѣдь третья—постоянное собираніе денегъ для цѣлей агитаціи и помощи нуждающимся товарищамъ,—всюду и въ любой формѣ... Для войны необходимы деньги, деньги и снова деньги, а такъ какъ партія непрерывно ведетъ войну,—она постоянно нуждается въ деньгахъ“.

Въ дальнѣйшемъ мы рекомендовали осторожность.

„Вы должны быть осторожными и въ особенности вамъ слѣдуетъ быть осмотрительными въ разговорахъ—

шпіоны имѣются повсюду, но вы не должны быть трусливыми".

Затѣмъ слѣдовали указанія, какъ поступать въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ заключеніе вновь настоятельно рекомендовалась организаціонная работа въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ въ виду предстоящихъ вскорѣ выборовъ въ рейхстагъ. Необходимо также собирать деньги для избирательной кампаніи и столковываться по вопросу о кандидатахъ.

Помимо приведеннаго здѣсь въ извлеченіяхъ обращенія правленія партіи, сочло нужнымъ опубликовать своего рода манифестъ и цюрихское заграничное бюро; въ этомъ манифестѣ, распространенномъ въ видѣ летучаго листка, давалось изложеніе виденскихъ резолюцій, которое мы не могли и не должны были одобрить, такъ какъ оно доставляло прокурору въ будущихъ процессахъ опасный матеріалъ. Мнѣніе, какое имѣли мы въ Лейпцигѣ по поводу этого шага заграничнаго бюро, отразилось въ письмѣ отъ 18-го сентября, написанномъ мною цюрихскимъ товарищамъ. Въ немъ говорилось слѣдующее:

„...А теперь въ заключеніе о томъ, что здѣсь въ послѣдніе дни вызвало много шума. Дѣло идетъ о манифестѣ, который привела „Магдебургская Газета", повидимому цѣликомъ.

„Объ этомъ документѣ мы не имѣли никакого представленія, мы даже не знаемъ, какую цѣль онъ преслѣдуетъ, и не является ли онъ тѣмъ отвѣтомъ, о которомъ В. *) говоритъ въ своемъ письмѣ на привѣтствія съѣзду изъ-за границы. Одинъ этотъ фактъ показываетъ, въ какомъ непріятномъ положеніи мы оказались.

„Мнѣ поручено заявить, что мы всѣ протестуемъ противъ подобнаго образа дѣйствій и что повтореніе чего-нибудь подобнаго неизбѣжно поведетъ къ печальному конфликту между нами и бюро.

„Не стану говорить здѣсь о формѣ и тонѣ документа, хотя по этому поводу здѣсь отзывались очень отрицательно и рѣзко и хотя мнѣ тоже кажется, что среди васъ хотятъ во что бы то ни стало перещеголять господина Моста.

*) Должно быть, Вальтеръ, т. е. Фольмаръ.

„Но по поводу чего господствовало единодушіе, такъ это о самостоятельномъ выступленіи бюро въ такомъ случаѣ, когда безусловно необходимо было сперва представить вопросъ на наше разсмотрѣніе и заключеніе. Бюро не представляетъ собою какого-то особаго органа управленія, оно не можетъ и не должно на свой страхъ и рискъ выпускать въ свѣтъ офиціальные документы, за которые мы при всѣхъ условіяхъ будемъ сдѣланы отвѣтственными. Такую отвѣтственность мы на себя не беремъ и обращенія съ нами, подобнаго данному случаю, мы не намѣрены терпѣть.

„Здѣсь не предпринимается рѣшительно ничего, что не было бы предварительно коллегіально обсуждено, и мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый документъ, расчитанный на широкіе круги и предназначенный для опубликованія, носящій или долженствующій носить офиціальный характеръ, былъ предварительно представленъ на наше разсмотрѣніе и былъ опубликованъ не раньше того и не въ иномъ видѣ, какъ мы рѣшимъ послѣ соотвѣтствующаго обсужденія.

„Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что съѣздъ и все послѣдовавшее за нимъ до крайности подзадорилъ бѣшенство нашихъ враговъ, почему слѣдуетъ съ увѣренностью ожидать систематической травли противъ насъ и соотвѣтствующихъ преслѣдованій. Необходимо поэтому не обострять безъ нужды положенія.

„Мы предоставляемъ бюро право вести письменныя сношенія съ заграничными товарищами, давать свѣдѣнія и указанія, поскольку оно считаетъ это цѣлесообразнымъ, и собирать деньги. Но поскольку дѣло касается такихъ шаговъ, которые какимъ либо образомъ затрагиваютъ широкіе партійные круги, мы должны настаивать на томъ, чтобы мы были освѣдомлены о нихъ и чтобы своевременно было получено наше согласіе на нихъ... Я полагаю, что это — лишь разумно и правильно. Такъ какъ центръ здѣсь, а не въ Цюрихѣ, то тамъ не должно происходить ничего важнаго и имѣющаго рѣшающее значеніе, о чемъ мы здѣсь не были бы предварительно поставлены въ извѣстность".

Какое впечатлѣніе произвелъ этотъ манифестъ на нашихъ противниковъ,—показала рѣчь, произнесенная противъ насъ въ рейхстагѣ 30-го марта 1881 г. фонъ-Путткамеромъ; онъ прочелъ вслухъ манифестъ, чтобы

демонстрировать на немъ опасный революціонный характеръ соціалъ-демократіи. И когда спустя 18 лѣтъ (1899 г.) дѣло зашло объ удаленіи должности приватъ-доцента въ берлинскомъ университетѣ нашего товарища д-ра Аронса, его обвинители вновь опирались на этотъ манифестъ, который они выставляли, какъ официальный документъ тогдашняго центральнаго комитета партіи.

Мой взглядъ на современное положеніе отражало слѣдующее письмо къ Энгельсу:

„Лейпцигъ, 22-го сентября 1880 года.

Дорогой Энгельсъ!

До сегодняшняго дня я заставилъ васъ ждать съ своимъ отвѣтомъ на ваше письмо отъ 27-го марта. Эту проволочку я могу извинить тѣмъ, что съ того времени до начала сентября я почти безпрерывно находился въ разъѣздахъ. Краткіе перерывы были такъ заняты другими дѣлами, что я не могъ урвать времени для отвѣта вамъ.

Послѣ такого продолжительнаго перерыва не стану уже возвращаться къ различнымъ личнымъ вопросамъ, затронутымъ въ вашемъ письмѣ.

Мнѣ было бы пріятно, если бы вы дали Либкнехту просимыя мною фотографіи, вашу и Маркса... Какъ устроилось съ новымъ изданіемъ вашего произведенія, сообщитъ вамъ Либкнехтъ; я просилъ его уладить это дѣло, ибо по указанной выше причинѣ не имѣлъ для этого времени. Если я не совсѣмъ ошибаюсь, то захваченный недавно въ Бреславлѣ наборъ былъ именно наборомъ вашей работы. Что тутъ дѣло не обошлось безъ предательства—это очевидно, какъ вообще предательство наряду съ неосторожностью повсюду играетъ большую или меньшую роль. Такъ, напримѣръ, всего только часъ тому назадъ мнѣ сообщили, что здѣсь произведенъ обыскъ у одного товарища, котораго подозрѣваютъ въ распространеніи „Соціалъдемократа". Это могло произойти только благодаря предательству. Какимъ успѣхомъ окончился обыскъ я въ данную минуту,—9 час. вечера,—еще не знаю. Этотъ товарищъ еще только сегодня днемъ былъ случайно у меня и полиція явилась къ нему въ домъ въ его отсутствіе. Сооб-

щите объ этомъ случаѣ Либкнехту, ему это будетъ интересно.

Различные признаки указываютъ на то, что въ ближайшее время здѣсь предстоять нѣкіе серьезные удары,—разумѣется, если найдутъ для этого матеріалъ. Съѣздъ вызвалъ громадное раздраженіе и руководство всѣмъ зломъ приписывается Лейпцигу. До сихъ поръ мы здѣсь вели сравнительно съ другими мѣстами идиллическую жизнь; теперь это измѣнилось и намъ приходится держать ухо востро.

О ходѣ работъ съѣзда вы до извѣстной степени освѣдомлены изъ „Соціалъ-демократа", но разумѣется, о наиболѣе важномъ пришлось въ отчетѣ умолчать; исходомъ съѣзда я въ общемъ весьма доволенъ, и онъ вездѣ хорошо отозвался на нѣмецкихъ товарищахъ. Если Мостъ думаетъ, что можетъ принести намъ большой вредъ лживыми разсказами и злобной критикой, онъ очень ошибается. Число его сторонниковъ въ цѣломъ очень незначительно и ему еще больше повредитъ нескрываемый переходъ въ анархическій лагерь, что сказалось въ передовой статьѣ послѣдняго номера и въ перепечаткѣ вслѣдъ за ней бакунинскихъ революціонныхъ правилъ.

Я думалъ бы, что въ виду этого настало теперь для васъ и Маркса время ясно и категорически заявить, что вы не имѣете никакихъ отношеній съ Мостомъ. Вы, пожалуй, отвѣтите, что въ этомъ нѣтъ нужды, ибо вы никогда не высказывались за Моста. Этотъ взглядъ неправиленъ. Въ многочисленныхъ письмахъ Мостъ хвасталъ вашимъ и Маркса одобреніемъ; то обстоятельство, что Марксъ нѣсколько разъ вносилъ подписную плату, произвело вовнѣ, гдѣ не знаютъ дѣйствительное положеніе вещей, впечатлѣніе, будто Мостъ пользуется даже вашей матеріальной поддержкой. Фактъ тотъ, что Мостъ при помощи всего этого, особенно въ Австріи, велъ усиленную пропаганду въ свою пользу— и съ успѣхомъ. Я отнюдь не требую, чтобы вы объявили себя солидарными съ „Соціалъ-демократомъ", не требую и того, чтобы вы послали въ него свое заявленіе. Дѣло можетъ быть улажено вполнѣ безупречнымъ для васъ образомъ, просто тѣмъ, что вы напишите кому-нибудь изъ насъ письмо въ видѣ отвѣта на соотвѣтствующій запросъ, а получатель письма опублику-

етъ его, при чемъ нѣтъ необходимости называть его имя. Результатъ будетъ хорошій для васъ и для насъ. Ваша и Маркса пассивность часто даетъ поводъ къ неблагопріятнымъ сужденіямъ и всюду желаютъ, чтобы вы приняли активное участіе и сказали, что вы думаете о текущихъ дѣлахъ.

Вы безусловно совершенно правы, когда указываете въ своемъ послѣднемъ письмѣ, какъ вся дѣятельность нашихъ враговъ, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ полезнымъ для насъ результатамъ и какъ въ частности намъ на пользу работаетъ вся безпокойная, разбрасывающаяся и разрушительная дѣятельность Бисмарка. Но одной ей все же никто изъ насъ не можетъ удовлетворяться, мы должны дальше расширять ямы, которыя онъ роетъ, и посильно раздувать недовольство, которое порождаетъ его дѣятельность и непрекращающіяся всеобщія лишенія. И въ этомъ дѣлѣ вы должны участвовать, какъ и мы.

Весьма интересныя неожиданности принесетъ намъ Бисмаркъ на посту министра торговли. Тутъ онъ вступилъ въ такую область, гдѣ, навѣрняка, обломаетъ зубы и гдѣ онъ, кромѣ еще большаго усиленія общаго недовольства, ничего сдѣлать не сможетъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ создастъ законы въ пользу рабочихъ, онъ, во-первыхъ, возстановитъ противъ себя буржуазію, а, во-вторыхъ, не привлечетъ на свою сторону и рабочихъ, потому что онъ можетъ предложить только половинчатыя мѣры. Изъ всѣхъ постовъ, какіе онъ до сихъ поръ занималъ, принятый имъ нынѣ является именно тѣмъ, который его больше всего погубитъ.

Дальнѣйшая выгода для насъ будетъ состоять въ томъ, что благодаря ожесточенной полемикѣ, которую съ необходимостью вызовутъ его мѣропріятія, будутъ расшевелены безучастныя массы и будутъ принуждены принять участіе въ общественной жизни, занявъ опредѣленную партійную позицію. Это опять-таки больше всего принесетъ пользы, именно, намъ. Какъ ни хорошо все это, мы должны все же использовать положеніе въ своихъ интересахъ. Если бы вы могли рѣшиться наконецъ, выступить публично, теоретически, если можно такъ выразиться, освѣтивъ положеніе, то это оказало бы могущественное вліяніе и ваше мнѣніе

цитировалось бы не одинъ разъ врагами нашими и Бисмарка.

Мы здѣсь такъ завалены текущей повседневной работой и сотней мелкихъ и мельчайшихъ дѣлъ и дѣлишекъ, что не хватаетъ времени и нѣтъ настроенія для подобной работы, да къ тому же вы понимаете въ этихъ вещахъ много основательнѣе, чѣмъ мы. А потому перестаньте дуться.

Я сильно хотѣлъ въ этотъ разъ побывать у васъ, чтобы лично познакомиться съ вами, но опять это не удалось,—надо было бы ѣхать въ концѣ слѣдующаго мѣсяца. Остальное время года, считая и сессію рейхстага, я такъ занятъ своимъ предпріятіемъ и дѣловыми поѣздками, что мнѣ было бы очень трудно уѣхать. Тѣмъ не менѣе когда-нибудь это должно свершиться.

Сердечный привѣтъ вамъ и Марксу отъ вашего

Августа Бебеля".

Малое осадное положеніе въ Гамбургѣ-Альтона и округѣ.

Въ началѣ октября распространился слухъ, что Пруссія вступила въ переговоры съ Гамбургомъ, чтобы побудить его,—въ виду исхода выборовъ въ рейхстагъ во второмъ гамбургскомъ избирательномъ округѣ,—объявить Гамбургъ въ маломъ осадномъ положеніи, причемъ Пруссія одновременно сдѣлаетъ это по отношенію къ Альтонѣ, Оттензену, Вандсбеку и ихъ округу. Гамбургскій сенатъ однако отклонилъ это предложеніе, онъ считалъ себя въ состояніи охранять общественное спокойствіе и безопасность безъ подобныхъ мѣръ насилія. Какъ сравнительно объективно относились тогда въ Гамбургѣ даже къ постановленію съѣзда въ Виденѣ вычеркнуть изъ программы слово „законными", показываетъ отзывъ офиціознаго „Гамбургскаго Корреспондента": „Соціалъ-демократія этимъ постановленіемъ лишь акцептировала вексель, данный на нее исключительнымъ закономъ".

Но если, такимъ образомъ, въ Гамбургѣ сначала не были склонны уступить настояніямъ Пруссіи, то это отнюдь не значитъ, что тамъ съ соціалъ-демократіей обращались деликатно. Напротивъ того, съ перваго же дня послѣ опубликованія исключительнаго закона полиція и судьи, работая рука объ руку, проявили величайшую суровость и беззастѣнчивость. Одинъ процессъ слѣдовалъ за другимъ, и штрафы назначались въ высшемъ размѣрѣ, допускаемомъ закономъ. И когда, въ концѣ концовъ, гамбургскій сенатъ сдался передъ натискомъ Пруссіи и 24 октября провозгласилъ малое осадное положеніе, массовыя высылки показали, что гамбургская республика можетъ смѣло конкурировать съ полицейскимъ государствомъ Пруссіей. Изъ Гамбурга сразу,

однимъ ударомъ, было выслано 75 человѣкъ, въ томъ числѣ 67 семейныхъ. За нѣсколько лѣтъ число высланныхъ изъ Гамбурга превысило 350 человѣкъ. Одновременно съ Гамбургомъ „малое“ было объявлено также въ Альтонѣ, Оттензенѣ, Бланкенезѣ и Веделѣ и т. п., не исключая и имѣній князя Бисмарка, и въ г. Лауенбургѣ. Всего оно было распространено на область площадью свыше тысячи квадратныхъ километровъ.

Высланы были въ числѣ другихъ Ауэръ, котораго эта участь постигла во второй разъ въ теченіе года, Блосъ, Дитцъ, Гарве, Праастъ, оба Капелля и др. Черезъ нѣсколько дней была запрещена и „Судебная газета“ за ничего не говорящую статью о русскихъ дѣлахъ, благодаря чему опять лишились заработка нѣсколько товарищей и причиненъ значительный матеріальный убытокъ. На долю Дитца, который послѣ изданія исключительнаго закона фиктивно пріобрѣлъ основанную въ 1876 г. кооперативную типографію, выпала теперь весьма трудная задача; онъ долженъ былъ добывать работу и средства для содержанія многихъ безработныхъ и принужденъ былъ всѣ распоряженія дѣлать изъ Гамбурга, куда онъ перебрался вмѣстѣ съ другими высланными. Но и здѣсь имъ не пришлось долго остаться. Пруссія спустя немного объявила и въ Гамбургѣ малое осадное положеніе и принудила гамбургскихъ изгнанниковъ разсѣяться въ разныя стороны. Дитцъ направился въ Штуттгартъ, гдѣ онъ взялъ на себя веденіе типографіи, которая не могла продержаться въ Лейпцигѣ и которая впослѣдствіи перебралась съ журналомъ „Новый Міръ“ въ Гамбургъ. Ауэръ, который безрезультатно искалъ повсюду работы, сталъ работать въ предпріятіи своей тещи въ Шверинѣ, которому онъ могъ быть очень полезнымъ, какъ бывшій сѣдельникъ и обойщикъ. Блосъ перебрался въ Бременъ; большинство высланныхъ изъ сѣверной области, объявленной на осадномъ положеніи, переселилось за океанъ, въ Сѣверную Америку, въ ихъ числѣ и Молькенбургъ.

Для партійной кассы, только что начавшей поправляться, ударъ въ Гамбургѣ-Альтонѣ былъ очень некстати, но къ чести гамбургскихъ и альтонскихъ товарищей слѣдуетъ сказать, что они собственными силами справились съ полученными ударами. Только тысячу марокъ получили они изъ партійной кассы — ее выпро-

силъ у меня однажды Дитцъ для гамбургскихъ высланныхъ, но эту сумму гамбургскіе товарищи за время дѣйствія исключительнаго закона выплатили обратно буквально въ сто кратъ. Съ 1884 г., когда я поселился въ Плауенѣ подъ Дрезденомъ, гамбургская делегація, каждые два мѣсяца являвшаяся ко мнѣ поздно вечеромъ, была всегда желаннымъ гостемъ; она всегда приходила съ туго набитой мошной, и никогда она не вносила въ кассу менѣе 5000 марокъ за одинъ разъ.

Вообще, нанесенный Гамбургъ-Альтонѣ ударъ имѣлъ вліяніе, обратное тому, какое ожидали свыше. Массы охватило страстное стремленіе оказать сопротивленіе, чего бы это ни стоило—это стало общимъ лозунгомъ. И съ той поры понемногу прекратились денежныя затрудненія, повсюду открылись каналы.

Въ Берлинѣ надѣялись, наряду съ продленіемъ малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ и его округѣ объявить его также черезъ посредство саксонскаго правительства въ Лейпцигѣ съ округомъ. Но нашъ часъ еще не пробилъ.

Въ серединѣ ноября Либкнехтъ долженъ былъ начать отбывать шестимѣсячное тюремное заключеніе, которое онъ навлекъ на себя рѣчью въ одномъ собраніи въ Хемнитцѣ. Это заключеніе было очень непріятно въ связи съ тѣмъ, что Фольмаръ заявилъ о своемъ отказѣ отъ редактированія „Соціалъ-демократа“ съ 1 января. Онъ не хотѣлъ, оставаясь продолжительное время редакторомъ, лишить себя возможности жить въ Германіи, какъ это было неизбѣжнымъ результатомъ дѣятельности Моттелера и Бернштейна. Онъ не желалъ отказаться отъ активной роли въ нѣмецкой политической жизни.

По этому поводу я писалъ Энгельсу 4 декабря 1880 г. слѣдующее:

„Дорогой Энгельсъ!

Опять я заставилъ достаточно долго ждать моего отвѣта, зато положеніе за это время значительно выяснилось. Фольмаръ заявилъ о своемъ уходѣ съ занимаемаго имъ въ газетѣ поста и хочетъ прекратить работу съ 1 января. Намъ пришлось поэтому приступить къ избранію его преемника, что и сдѣлано въ среду.

Гиршъ избранъ редакторомъ, однако, пока временно и лишь послѣ преодолѣнія довольно сильнаго сопро-

тивленія. Это сопротивленіе — долженъ сказать это вполнѣ опредѣленно—было направлено противъ него не изъ-за опасеній возможной перемѣны курса, а въ виду нѣкоторыхъ безтактностей, которыя въ свое время Гиршъ совершилъ въ „Фонарѣ", и въ виду его характера, который считали возможнымъ упрекать въ склонности къ личнымъ счетамъ и неуживчивости. Далѣе указывалось, что Гиршъ—человѣкъ, не знающій дисциплины и охотно дѣйствующій по собственному усмотрѣнію, такъ что приходится опасаться, что очень скоро неизбѣжно будетъ столкновеніе съ нимъ. То обстоятельство, что Гиршъ еще совсѣмъ на дняхъ въ корреспонденціи въ „Цюрихской Почтѣ" самымъ грубымъ образомъ напалъ на нѣкоторыхъ товарищей, не облегчило положенія тѣхъ, кто выступалъ въ пользу Гирша, а ихъ было собственно всего двое (Либкнехтъ и я).

Поэтому первымъ условіемъ было поставлено, что Гиршъ долженъ воздерживаться отъ всякихъ нападокъ на лицъ, входящихъ въ составъ партіи, а, слѣдовательно, и спеціально на Гехберга, и я присоединяюсь къ этому мнѣнію. Вы ошибаетесь, если полагаете, что внутри партіи мнѣнія такъ единодушны, это показали вамъ уже статьи А. и Д. Большинство вождей склоняется болѣе или менѣе въ ту сторону; однако, они не чувствуютъ себя непогрѣшимыми, и если поэтому редактированіе будетъ происходить въ рѣзкомъ, но объективномъ тонѣ, и если удастся именно Гиршу попасть въ тонъ, импонирующій массамъ и массы воодушевляющій, тогда Гиршъ побѣдилъ.

Здѣсь я не стану распространяться дальше. Гиршъ самъ такъ рѣзко нападалъ на редакцію, что теперь ему надлежитъ показать, что онъ умѣетъ лучше вести дѣло. Если онъ поведетъ редакцію „Социалъ-демократа" такъ, какъ въ свое время, когда мы сидѣли подъ слѣдствіемъ за государственную измѣну, онъ велъ „Народное Государство", тогда ему обезпечено мое одобреніе и мое удовлетвореніе.

Что касается нашего отношенія къ Гехбергу и т. п., то, помнится, я уже раньше писалъ, что Гехбергъ принесъ значительныя жертвы для газеты и теперь еще приноситъ, но что онъ до сихъ поръ никоимъ образомъ не претендовалъ на вмѣшательство въ редакціонныя дѣла. Принимая поэтому во вниманіе проявленную до

сихъ поръ Гехбергомъ готовность итти на жертвы и его въ высшей степени корректное личное поведеніе, мы ожидаемъ, что Гиршъ будетъ воздерживаться отъ какихъ бы то ни было враждебныхъ актовъ противъ Гехберга. Пусть Гехбергъ даже не соціалистъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, онъ все же вполнѣ порядочный человѣкъ и съ нимъ можно имѣть дѣло.

Нельзя ожидать, что Гехбергу будетъ пріятно избраніе Гирша, и мнѣ думается, что главная доля вины въ данномъ случаѣ ложится на Гирша, но онъ не будетъ возражать, а если даже и станетъ, это ему не поможетъ...

Могу, пожалуй, утверждать, что избраніемъ Гирша вамъ въ достаточной мѣрѣ доказано, что въ газетѣ нѣтъ на лицо постороннихъ вліяній.

При хорошей редакціи мы можемъ надѣяться, что въ непродолжительномъ времени кругъ читателей расширится настолько, что газета сможетъ существовать безъ помощи третьихъ лицъ, и этому весьма существенно содѣйствовало бы ваше и Маркса участіе въ ней. Смѣю надѣяться, что ваше ближайшее письмо принесетъ ваше согласіе.

Пока мы еще убереглись отъ осаднаго положенія, насколько долго—объ этомъ знаютъ боги. Пока что господа изъ высшихъ сферъ опять грызутся между собою, и это не можетъ намъ повредить. Очень интересуютъ меня мотивы Гамбурга въ пользу осаднаго положенія. Бѣдному сенату будетъ стоить большого труда не дать замѣтить дѣйствительную причину.

Прилагаемое прошу передать Гиршу и еще разъ основательно съ нимъ поговорить.

Сердечный привѣтъ вамъ и Марксу отъ вашего
Августа Бебеля".

Лондонская Каносса.

Обстоятельства, при которыхъ состоялось избраніе Гирша редакторомъ „Соціалъ-демократа", и сомнѣнія, возбужденныя этимъ выборомъ среди большинства членовъ центральнаго комитета, заставили меня признать цѣлесообразной давно проектировавшуюся и всегда откладывавшуюся поѣздку въ Лондонъ. Гиршъ жилъ тогда въ Лондонѣ, и я могъ, такимъ образомъ, объясниться также и съ нимъ. Но мнѣ хотѣлось также, чтобы Бернштейнъ, противъ котораго Марксъ и Энгельсъ, равно какъ и Гиршъ, были очень враждебно настроены, отправился вмѣстѣ со мною въ львиную берлогу показавъ такимъ путемъ, что онъ является отнюдь не плохимъ парнемъ, какимъ его считали оба старика. У самого Бернштейна жизнь въ Цюрихѣ и ежидневно приходящія туда свѣдѣнія о положеніи въ Германіи создали совсѣмъ другое настроеніе, чѣмъ то, какое сказалось въ злополучной статьѣ созвѣздія въ Рихтеровскомъ Ежегодникѣ. Я даже втайнѣ надѣялся, что въ случаѣ отклоненія Гиршемъ редакторскаго поста въ „Соціалъ-демократѣ" удастся вмѣсто него выдвинуть Бернштейна. Но если этому суждено было удасться, то было необходимо установить сносныя личныя отношенія между новымъ редакторомъ и Марксомъ и Энгельсомъ. Я сталъ поэтому уговаривать Бернштейна отправиться со мною въ Каноссу, совершить поѣздку въ Лондонъ, на что онъ тотчасъ же согласился. Мы встрѣтились въ Калэ, такъ какъ Бернштейнъ имѣлъ всѣ основанія избѣгать нѣмецкой почвы.

Прибывъ въ Лондонъ, мы посѣтили прежде всего Энгельса, который какъ разъ сидѣлъ за завтракомъ— это было между 10 и 11 ч утра. Энгельсъ имѣлъ обыкновеніе никогда не ложиться ранѣе 2 часовъ ночи. Энгельсъ принялъ насъ очень дружелюбно; онъ сразу сталъ

говорить мнѣ ты, какъ и Марксъ, къ которому мы пошли днемъ; кромѣ того, Энгельсъ, въ этомъ году овдовѣвшій, пригласилъ меня поселиться у него, и дни нашего пребыванія были, само собою разумѣется, посвящены основательному и всестороннему обмѣну мнѣніями, въ теченіе котораго Бернштейнъ замѣтно выигралъ въ довѣріи обоихъ. Черезъ нѣсколько дней нашего пребыванія въ Лондонѣ, при чемъ Энгельсъ, какъ болѣе подвижный и болѣе свободный, часто являлся нашимъ проводникомъ и показывалъ достопримѣчательности Лондона, пріѣхалъ также Пауль Зингеръ, который, совершая свою обычную ежегодную дѣловую поѣздку въ Манчестеръ, вернулся изъ Манчестера въ Лондонъ. Въ единственное воскресенье, какое мы тогда провели въ Лондонѣ, мы были приглашены на обѣдъ къ Марксу. Съ госпожей Дженни Марксъ я познакомился уже раньше, она была благороднымъ существомъ, сразу завоевавъ мою симпатію; она умѣла занимать своихъ гостей самымъ очаровательнымъ и милѣйшимъ образомъ. Въ это же воскресенье я познакомился съ старшей дочерью Маркса-Дженни, женой Лонге, которая была тутъ съ дѣтьми. При этомъ я былъ весьма пріятно пораженъ, увидавъ, съ какой сердечностью и нѣжностью Марксъ, котораго въ то время повсюду ославили, какъ злѣйшаго человѣконенавистника, умѣлъ играть съ обоими внуками и съ какою любовью они возились съ своимъ дѣдушкой. Кромѣ Дженни, старшей дочери, тутъ были также обѣ младшія дочери—Тусси, впослѣдствіи г-жа Эвелингъ, и Лаура, жена Лафарга. Тусси, съ черными волосами и черными глазами, вылитый портретъ отца, Лаура, свѣтлая блондинка съ темными глазами, болѣе походившая на мать, обѣ красивыя и жизнерадостныя.

Постороннему человѣку казалось страннымъ, что жена и дѣти всегда называли Маркса Мавромъ, какъ будто у него не было другого имени. Это прозвище объяснялось его черными волосами и бородой, которые тогда уже были замѣтно задѣты сѣдиной, кромѣ усовъ. И у Энгельса было семейное прозвище. Семья Маркса и его близкіе знакомые звали его генераломъ, при чемъ слово это всегда произносилось по англійски: *дженерель*. Этотъ титулъ принесли ему его занятія военными вопросами, которымъ онъ съ любовью отдавался. Ему приписывали весьма авторитетныя сужденія въ военныхъ

и военно-научныхъ вопросахъ. Когда наканунѣ нашего отъѣзда я еще разъ посѣтилъ семью Маркса, г-жа Марксъ лежала въ постели. На мою просьбу разрѣшить мнѣ проститься Марксъ повелъ меня къ ней, строго наказавъ бесѣдовать съ ней не болѣе четверти часа. Но у насъ сразу завязалась такая оживленная бесѣда, что я совершенно забылъ о ея состояніи и четверть часа затянулись болѣе, чѣмъ на полчаса. Тутъ вошелъ не утерпѣвшій Марксъ и отчиталъ меня за то, что я, кажется, хочу заморить его жену. Съ печалью простился я съ нею, ибо болѣзнь, которою она страдала, была неизлѣчима. Я больше никогда ее не видѣлъ. Уже въ слѣдующемъ году она умерла.

Что касается редакціи „Соціалъ-демократа", то послѣ многихъ *если* и *но* Гиршъ изъявилъ готовность взять на себя редактированіе на формулированныхъ мною отъ имени центральнаго комитета условіяхъ и переселиться въ Цюрихъ.

Послѣ продлившагося цѣлую недѣлю пребыванія мы покинули Лондонъ, удовлетворенные результатами. Бернштейнъ черезъ Парижъ вернулся въ Цюрихъ, Зингеръ и я поѣхали вмѣстѣ до Кельна, гдѣ я его покинулъ. Но моя увѣренность, что съ Гиршемъ дѣло слажено на чистоту, оказалась скоро ошибкой, какъ показываетъ слѣдующее письмо къ Энгельсу отъ 26 декабря 1880 г.:

„Дорогой Энгельсъ!

Итакъ, дѣло съ Гиршемъ рѣшено такимъ образомъ, что онъ остается въ прежнемъ положеніи и не беретъ на себя редактированіе.

Совершенно вразрѣзъ съ нашими переговорами получается 24 декабря вечеромъ письмо отъ него, въ которомъ онъ, повторивъ извѣстныя обвиненія противъ цюрихцевъ, заявляетъ, что не хочетъ переѣзжать въ Цюрихъ, но готовъ руководить редакціей изъ Лондона. Это письмо, которое я вчера прочелъ на собраніи, гдѣ присутствовалъ Либкнехтъ, переполнило чашу. Мы всѣ сошлись на томъ, что Гиршъ просто не хочетъ уѣзжать изъ Лондона, и такъ какъ мы, съ другой стороны, ради Гирша и безъ внѣшней необходимости никоимъ образомъ не можемъ и не желаемъ производить проектируемый имъ переворотъ, то его письмо было принято,

какъ отказъ, и сегодня я ему соотвѣтствующимъ образомъ отвѣтилъ.

Не желая повторяться, прошу васъ предложить Гиршу показать вамъ мое письмо къ нему.

Дѣло должно быть налажено такъ, что Либкнехтъ является главнымъ редакторомъ газеты, пишетъ или доставляетъ передовыя статьи и политическій обзоръ, Каутскій завѣдуетъ корреспонденціей и технической стороной редакціи. Оправдаетъ ли себя на практикѣ это распредѣленіе, покажетъ опытъ, большихъ надеждъ я не питаю. Прошу васъ (тебя и Маркса) посильно поддерживать Либкнехта, въ особенности во время его пребыванія въ тюрьмѣ.

Посылка съ чаемъ, виски и т. п. благополучно прибыла и ожидаетъ своего употребленія. Моя жена шлетъ сердечную благодарность, и я особо присоединяюсь къ этой благодарности за все то, что вы сдѣлали для меня въ Лондонѣ.

Меня ожидала здѣсь цѣлая гора дѣлъ, для выполненія которыхъ мнѣ очень кстати пришлись праздники. Остальное все постарому. Либкнехтъ получилъ отпускъ на 24 часа, но вчера днемъ снова долженъ былъ отправиться подъ замокъ. Подъ новый годъ онъ опять получитъ 24 часа свободы. Люди здѣсь еще приличны.

Сердечный привѣтъ всѣмъ вамъ, особо семейству Марксъ.

Твой А. Бебель."

Каутскій отказался войти въ редакцію „Соціалъ-демократа", ибо не намѣревался оставаться въ Цюрихѣ продолжительное время *). Въ результатѣ этого временно на мѣсто Фольмара вступилъ Бернштейнъ,—и что же, оказалось, что въ лицѣ его мы нашли подхо-

*) *Примѣчаніе К. Каутскаго*: Я не могу теперь точно припомнить, какъ происходило дѣло, но мнѣ кажется, что Бебель тутъ ошибается. Тогда у меня не было намѣренія покинуть Цюрихъ. Если я отклонилъ предложеніе, то прежде всего потому, что я. какъ австріецъ, еще никогда не жившій въ Германіи, не полагался на себя, боясь, что при тогдашнихъ тяжелыхъ условіяхъ не всегда смогу намѣтить правильную линію въ вопросахъ германской политики. Я считалъ поэтому болѣе правильнымъ, чтобы редакцію «Соціалъ-демократа» взялъ на себя Бернштейнъ; въ ней я, однако, тоже работалъ до тѣхъ поръ, пока не занялся основаніемъ «Новаго Времени»

дящаго человѣка. Даже лондонцы заявили, что они довольны редакціей въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляетъ себя съ новаго года. И потому я сообщалъ 2 февраля 1881 г. Энгельсу, что въ тотъ же день я писалъ Бернштейну, не согласенъ ли онъ остаться постояннымъ редакторомъ. Если онъ согласится, онъ избавитъ насъ отъ серьезной заботы. И, въ концѣ концовъ, Бернштейнъ, хотя и неохотно и послѣ продолжительныхъ колебаній, взялъ на себя редактированіе. Это дало намъ редактора, какой былъ нуженъ газетѣ.

Въ упомянутомъ письмѣ я далѣе писалъ Энгельсу:

„Я недостаточно слѣдилъ за тѣмъ, о чемъ ты пишешь по поводу рѣчи Либкнехта въ саксонскомъ ландтагѣ. Въ послѣднее время я совсѣмъ выбитъ изъ колеи. Либкнехтъ подъ вліяніемъ Фр. и П. *) настроился, особенно, въ саксонскомъ ландтагѣ, на слишкомъ мирный ладъ. Къ тому же его вниманіе издавна слишкомъ поглощено чисто политическими вопросами, благодаря чему онъ слишкомъ мало считается съ экономическими отношеніями и ихъ развитіемъ, въ результатѣ этого необходимо приходя къ ложнымъ выводамъ.

Было бы хорошо, если бы ты при случаѣ сообщилъ Либкнехту свое мнѣніе о его рѣчи въ ландтагѣ. Такое воздѣйствіе тѣмъ необходимѣе, что большинство „вождей“ еще одностороннѣе, чѣмъ Либкнехтъ, и притомъ заражено опаснымъ пессимизмомъ.

Къ счастью, массы, какъ всегда, лучше своихъ вождей и въ одинъ прекрасный день оставятъ ихъ позади себя. Объ этомъ я уже неоднократно и откровенно говорилъ, когда мнѣ приходилось при обмѣнѣ мнѣніями обрушиваться на односторонность и неправильную оцѣнку нашего положенія и на почти абсолютное отсутствіе довѣрія къ массамъ.

Мнѣ непонятно, какъ это при нашихъ условіяхъ можно смотрѣть на будущее иначе, чѣмъ съ надеждой. Что эти условія для насъ лично непріятны и намъ враждебны—несомнѣнно, но они таковы же, хотя и по другимъ причинамъ, и для большинства нашихъ противниковъ, вплоть до господствующаго класса".

*) Фрейтагъ и Путтрихъ.

Интересно то, что приходится слышать, когда въ видѣ волка, въ овечьей шкурѣ, попадаешь въ среду купцовъ и фабрикантовъ и подслушиваешь ихъ сердечныя изліянія Никогда еще такъ не ругали Бисмарка и его систему, какъ теперь. Ближайшіе выборы будутъ, навѣрное, окрашены въ рѣзко опозиціонный цвѣтъ...

Не можете ли вы устроить для Либкнехта сносно оплачиваемое корреспондированіе въ какую-нибудь англійскую газету, въ которой онъ могъ бы писать, ничѣмъ не поступаясь? Либкнехту придется, когда онъ выйдетъ изъ тюрьмы, усиленнѣе искать заработка въ этомъ направленіи, ибо то, что онъ получаетъ отъ нашихъ газетъ, не даетъ достаточно средствъ для существованія...

Прошу васъ при случаѣ сообщить нѣсколько надежныхъ передаточныхъ адресовъ. Сообщенное въ свое время я уничтожилъ въ прошлое воскресенье въ Бреславлѣ, когда былъ почтенъ тамъ въ квартирѣ Гепнера четырьмя полицейскими. Насъ собралось шесть или семь человѣкъ, чтобы потолковать о разныхъ дѣлахъ, когда вдругъ появились служители святой Германдады въ надеждѣ на серьезную добычу и занялись личнымъ обшариваніемъ насъ и обыскомъ квартиры. Весь уловъ заключался въ отобранномъ у меня письмѣ къ Газенклеверу, которое я не смогъ закончить въ виду визита. Изъ этого письма они ничего не могли высосать. Черезъ два часа господа должны были убраться посрамленные.

Дружескій привѣтъ всѣмъ вамъ,

Твой А. Бебель“.

Я не могу закончить этой главы, не сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній объ Энгельсѣ. Въ личномъ отношеніи Энгельсъ былъ привлекательный, сердечный человѣкъ, который придерживался мнѣнія Мартина Лютера, что вино, женщины и пѣніе — основа жизни, но при этомъ не забывалъ и о серьезной работѣ. До самой своей смерти онъ оставался однимъ изъ самыхъ усердныхъ работниковъ, который уже въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ изучилъ еще румынскій языкъ и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за всѣми событіями. Всегда веселый и жизнерадостный, онъ обладалъ удивительной памятью о всяческихъ мелкихъ проис-

шествіяхъ и комическихъ положеніяхъ въ своей бурной жизни, о которыхъ онъ ярко повѣствовалъ въ веселомъ обществѣ и этимъ оживлялъ бесѣду. Вечерь, проведенный у него, запечатлѣвался у бывавшихъ у него друзей и товарищей, какъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній. Шла очень оживленная бесѣда, независимо отъ того, говорили ли на серьезную тему или преобладало веселое настроеніе. Энгельсъ былъ также хорошимъ собутыльникомъ, располагавшимъ почтеннымъ погребомъ и радовавшимся, когда его гости отдавали честь его вину.

Въ пуританскія воскресенья, — въ день, въ который невыносимо пребываніе въ Лондодѣ для всякаго жизнерадостнаго человѣка — двери дома Энгельса были широко открыты. Кто ни приходилъ, былъ желаннымъ гостемъ, и раньше двухъ-трехъ часовъ ночи никто изъ гостей не покидалъ его дома До самой его смерти въ 1895 году я неоднократно бывалъ его гостемъ, онъ — тоже однажды былъ моимъ, когда, уступая моимъ настояніямъ, рѣшился въ 1893 г. предпринять поѣздку на континентъ, при чемъ посѣтилъ международный конгрессъ въ Цюрихѣ и затѣмъ Вѣну. Когда въ 1895 г. онъ умеръ на семьдесятъ пятомъ году, я почувствовалъ, точно умерла часть меня самого. И такое чувство, кромѣ меня, переживали многіе другіе.

Свое пребываніе въ Лондонѣ я использовалъ также для того, чтобы прочесть въ коммунистическомъ рабочемъ образовательномъ обществѣ докладъ о соціально-политическомъ положеніи въ Германіи. Хотя въ большомъ числѣ присутствовали на докладѣ сторонники Моста, никто не отважился выступить противъ меня. Напротивъ, они пригласили меня говорить по намѣченному ими порядку дня въ созываемомъ ими собраніи. Это я отклонилъ.

Первая сессія рейхстага 1881 года.

Сессія была открыта въ серединѣ февраля. Со времени проведенія въ жизнь новаго курса таможенной политики, его результаты являлись предметомъ оживленнаго обсужденія, при чемъ не было недостатка въ рѣчахъ за и противъ него. Обсужденіе бюджета давало для этого весьма благопріятный поводъ. Такъ и на этотъ разъ. Мнѣ надо было выступать отъ имени фракціи по бюджету. Начавшійся въ 1874 г. промышленный кризисъ все еще длился и проявлялись лишь первые признаки улучшенія. Рабочіе, какъ всегда, страдали особенно сильно, такъ какъ предприниматели безъ оглядки примѣняли рецептъ министра финансовъ фонъ Кампгаузена, предложенный имъ въ 1875 г., согласно которому улучшеніе хозяйственнаго положенія мыслимо лишь при болѣе бережливомъ хозяйничаніи, при предъявленіи болѣе высокихъ требованій къ работоспособности рабочихъ и уменьшеніи заработной платы. Предложеніе, вызвавшее 22 ноября 1875 г. слѣдующее замѣчаніе депутата Евгенія Рихтера: Весь почетъ министру, который отваживается высказывать столь непопулярные взгляды.

Обо всемъ этомъ я напомнилъ въ своей рѣчи, при чемъ подвергъ основательной критикѣ господствующую систему хозяйства; эта система требуетъ коренной ломки, если хотѣть, чтобы массы чувствовали себя хорошо. Но нынѣшніе власть имущіе не въ состояніи произвести эту ломку, какъ бы ни назывался канцлеръ— Бисмаркомъ, Рихтеромъ или Риккертомъ.

Въ концѣ мая впервые на обсужденіе, затянувшееся на два дня, былъ поставленъ отчетъ гамбургскаго сената и прусскаго правительства по поводу объявленія малаго осаднаго положенія въ Гамбургѣ и Альтонѣ съ округомъ. Отчетъ изобиловалъ обычными ничего не

говорящими фразами, какими, вообще, отличались всѣ подобные отчеты, Ауэръ и я были назначены фракціей ораторами по этому вопросу. Мы оба говорили въ 25-мъ и 26-мъ засѣданіяхъ, при чемъ, какъ мнѣ кажется я могу сказать, говорили очень хорошо. Послѣ Ауэра слово взялъ фонъ-Путкамеръ. Онъ, впервые, явился въ рейхстагъ въ качествѣ представителя прусскаго правительства для защиты принятыхъ имъ мѣръ. Онъ сразу показалъ, кто онъ таковъ, и обнаружилъ, что въ его лицѣ Бисмаркъ нашелъ пособника, готоваго столь же безцеремевно, но ловчѣе его, защищать и оправдывать рѣшительно всякій актъ насилія. Онъ былъ настоящимъ юнкеромъ съ ногъ до головы, какіе только водятся восточнѣе Эльбы, имѣвшимъ, какъ обнаружилось въ дальнѣйшемъ, вмѣсто сердца—камень, и испытывавшимъ удовольствіе отъ самыхъ жестокихъ мѣръ насилія. Но когда на восьмомъ году своего владычества онъ принужденъ былъ въ силу повелѣнія умирающаго императора Фридриха уйти въ отставку, онъ долженъ былъ признать, что его борьба противъ насъ не привела ни къ какимъ результатамъ. Правда, онъ разбилъ жизнь многихъ сотенъ людей, еще большее количество партійныхъ товарищей засадилъ въ тюрьму и разрушилъ много семейныхъ связей и узъ, онъ, спаситель и охранитель брака, семьи и собственности, но партія сохранилась гордая и не сломленная, болѣе сильная, чѣмъ когда бы то ни было. За время трехъ общихъ избирательныхъ кампаній въ рейхстагъ, состоявшихся при Путкамерѣ съ 1881 по 1887 г., число поданныхъ за нее голосовъ возрасло съ 312.000 до 763.000, и она почти уже сдѣлалась сильнѣйшей изъ всѣхъ партій.

Въ своемъ отвѣтѣ Ауэру Путкамеръ заявилъ: королевское прусское правительство на основаніи здѣшнихъ событій, естественно неизвѣстныхъ королевскому саксонскому правительству, пришло къ убѣжденію, что со дня на день все больше растетъ опасность для Лейпцига и, если дѣла будутъ итти дальше въ такомъ же духѣ, то оно не преминетъ представить на благовоззрѣніе саксонскаго правительства, не слѣдуетъ ли примѣнить къ Лейпцигу такія же мѣры, какія примѣнены къ Берлину и Гамбургу—Альтонѣ.

Ни одинъ министръ любого правительства не могъ съ большимъ безстыдствомъ намекнуть другому, чего

отъ него ожидаютъ. И въ Дрезденѣ этотъ намекъ поняли, но поняли его и мы. Я отвѣчалъ министру, что если онъ думаетъ покончить съ нашимъ движеніемъ, онъ ошибается. Его оружіе разобьется о движеніе, какъ стекло о гранитъ.

Въ ту же сессію союзныя правительства внесли проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, который имѣлъ въ виду создать имперское страховое учрежденіе, такимъ образомъ, передавая все дѣло страхованія въ руки имперіи. Въ этомъ важномъ, основномъ пунктѣ проектъ удовлетворялъ требованіе, которое я выставилъ въ февралѣ во время преній по поводу запроса фонъ-Гертлинга объ отвѣтственности предпринимателей. Но въ своихъ подробностяхъ законопроектъ очень далеко расходился съ нашей точкой зрѣнія. Тѣмъ не менѣе этого проекта оказалось достаточно, чтобы вызвать величайшее безпокойство среди буржуазныхъ партій, усмотрѣвшихъ въ немъ первый шагъ къ соціализму. Это опасеніе высказалъ уже г. фонъ-Кардорфъ въ своей рѣчи по бюджету, произнесенной 25 февраля; съ своей излюбленной манерой преувеличивать, онъ утверждалъ, что имперскій канцлеръ этимъ проектомъ перещеголялъ даже соціализмъ. На это я возразилъ ему слѣдующее: „Не знаю, какое представленіе имѣетъ г. фонъ-Кардорфъ о взглядахъ соціалъ-демократовъ и ихъ стремленіяхъ. Могу лишь сказать, что если мы, въ общемъ, одобряемъ принципъ, лежащій въ основѣ законопроекта о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, то всѣ подробности его, касающіяся проведенія страхованія въ жизнь, находимъ весьма неудовлетворительными, и если бы мы даже готовы были надѣяться — хотя такой надежды мы не питаемъ,— что проектъ здѣсь въ рейхстагѣ будетъ улучшенъ въ полномъ соотвѣтствіи съ нашими желаніями, т.-е. желаніями рабочаго класса, то и тогда, долженъ заявить это, еще очень мало будетъ этимъ достигнуто. Это былъ бы шагъ впередъ, заслуживающій признанія, но не менѣе позаботиться не только о томъ, и это ваша задача, ибо мы въ этой залѣ лишь терпимы, насъ предпочли бы видѣть внѣ его стѣнъ,—чтобы имѣли пріютъ и кусокъ хлѣба потерпѣвшіе отъ несчастныхъ случаевъ въ промышленности, но чтобы наши рабочіе, вообще, имѣли достаточно хлѣба и достаточный

заработокъ и могли находить работу“. Депутатъ Бамбергеръ даже приписалъ мнѣ авторство законопроекта, заявивъ въ первомъ чтеніи:

„По существу, равно какъ и по формѣ, нынѣшній законопроектъ стоитъ на почвѣ соціализма: въ своихъ мотивахъ онъ опредѣленно высказывается за него... Какъ близко современная теорія законодательства подошла уже къ соціализму, вамъ, по-моему, вѣроятно, весьма ясно обрисуетъ другой ораторъ, а именно, господинъ Бебель. Господинъ Бебель въ 1879 г. произнесъ рѣчь какъ разъ по поводу проекта, имѣвшаго цѣлью улучшеніе законодательства о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и въ этой своей рѣчи онъ сформулировалъ основныя положенія, именно, того закона, какой нынѣ представленъ вамъ. Я не хочу лишить г. Бебеля удовольствія самому прочесть вслухъ тѣ ея мѣста, въ которыхъ содержится все экономическое содержаніе закона; одно я могу сказать: когда сегодня утромъ я перечиталъ эту рѣчь, мнѣ подумалось, почему же г. Бебель не назначенъ совѣтникомъ—докладчикомъ въ экономическомъ отдѣлѣ имперскаго правительства“.

Въ своей рѣчи, произнесенной 2 апрѣля, князь Бисмаркъ рѣшительно оспаривалъ такой характеръ законопроекта, при чемъ ожесточенно нападалъ на насъ: но онъ такъ неумѣло защищалъ его, что я въ своей рѣчи (4 апрѣля) замѣтилъ:

„Имперскій канцлеръ отнесся къ намъ въ субботу съ нѣкоторой пренебрежительностью, сегодня онъ убѣдится, что съ нашей стороны онъ встрѣтитъ до извѣстной степени поддержку своему законопроекту, которая будетъ для него тѣмъ пріятнѣе, что защита, имъ самимъ данная своему проекту, отнюдь не убѣдительна (смѣхъ). Ему нужна поэтому поддержка съ другой стороны, и мы готовы, поскольку возможно, эту поддержку ему оказать. Мы готовы всѣми силами помогать ему въ осуществленіи положительныхъ мѣропріятій, какія должны вести при помощи этого проекта къ одолѣнію соціалъ-демократіи, чтобы для него наступили спокойныя времена... (смѣхъ).

„Въ мотивахъ къ законопроекту говорится, что своимъ происхожденіемъ онъ обязанъ тому обстоятельству, что при обсужденіи закона противъ соціалистовъ

было обѣщано бороться съ социалъ-демократіей также и положительными мѣропріятіями на благо рабочихъ Отсюда мы съ радостью узнаемъ, что, собственно, мы являемся виновниками законопроекта („совершенно правильно“ слѣва, смѣхъ)... И вслѣдствіе этого приложимъ усилія придать законопроекту такой видъ, чтобы онъ, дѣйствительно, содѣйствовалъ борьбѣ съ соціалъ-демократіей“ (смѣхъ).

Далѣе я подвергъ законопроектъ обстоятельной рѣзкой критикѣ.

Въ противовѣсъ высказаннымъ опасеніямъ, что бремя, возлагаемое съ проведеніемъ законопраекта въ жизнь на предпринимателей, дѣлаетъ ихъ неспособными конкурировать съ заграничной промышленностью, я рекомендовалъ имперскому канцлеру явиться инициаторомъ—ко благу „обездоленныхъ“, какъ онъ столь удачно выразился,—международной конференціи соотвѣтствующихъ государствъ и старался бы побудить ихъ къ созданію однороднаго законодательства. Онъ можетъ быть увѣренъ, что если правительства этихъ государствъ откажутся принять его предложеніе, то рабочіе этихъ странъ поддержатъ его, имперскаго канцлера, и заставятъ свои правительства итти тѣмъ же путемъ. Онъ, имперскій канцлеръ, велъ три великія войны, при этомъ принесено въ жертву много человѣческихъ жизней, пролиты потоки крови, порождены громадныя бѣдствія и нищета. Эти войны создали ему его славу, но онъ пріобрѣтетъ еще большую славу, если, благодаря ему во всѣхъ культурныхъ странахъ, будутъ созданы мирныя учрежденія, направленныя ко благу угнетеныхъ.

Моя рѣчь очень понравилась Марксу и Энгельсу, Энгельсъ призналъ ее лучщей изъ всѣхъ, когда-либо мною, вообще, произнесенныхъ, онъ писалъ объ этомъ и отъ имени Маркса.

Законопроектъ былъ переданъ въ комиссію, въ которой подвергся такой переработкѣ, что правительства объявили его непріемлемымъ.

Незадолго до окончанія сессіи партію постигла непріятная потеря. Вальтейхъ и Фритче заявили, что переселяются въ Соединенные Штаты, и они осуществили свое намѣреніе, несмотря на наши возраженія.

Фритче вмѣстѣ съ Фирекомъ были за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ посланы нами въ Соединенные

Штаты, чтобы совершить тамъ поѣздку съ лекціями и докладами, собирая деньги для предстоявшихъ осенью выборовъ. Эта поѣздка была успѣшна, давъ чистаго дохода 15 тысячъ марокъ. При этой оказіи Фритче, въ силу различныхъ обстоятельствъ не хорошо чувствовавшій себя на родинѣ, задумалъ переселиться. Это понимали мы всѣ, но что Вальтейхъ принялъ такое же рѣшеніе, этого мы не хотѣли понять. Въ немъ мы очень нуждались. Во время объясненія, которое было у насъ съ нимъ по этому поводу, онъ заявилъ: уже три раза онъ терялъ заработокъ и долженъ былъ начинать сначала, онъ хочетъ, наконецъ, спокойствія и жить въ довольствѣ. Это была правда. Подъ конецъ онъ былъ управляющимъ Лейпцигской типографіи, которую окозалось невозможнымъ дальше содержать. Но снова нашлись друзья, готовые достать ему средства для созданія ему опредѣленнаго положенія. Онъ, однако, отклонилъ эти предложенія.

Когда объ этомъ стало извѣстно широкимъ кругамъ, это произвело неблагопріятное впечатлѣніе. По роковой случайности одновременно покидали Германію оба первые основатели Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Мы получили цѣлую кучу запросовъ изъ рядовъ партій, требующихъ объясненія происшедшаго. Положеніе ухудшено было тѣмъ, что враждебная пресса во всю использовала случившееся и утверждала, что Либкнехтъ и я тоже намѣрены эмигрировать; это заставило насъ выступить въ печати съ заявленіемъ, что, что-бы ни случилось, мы не покинемъ нашихъ позицій. Вальтейхъ впослѣдствіи продолжалъ въ Соединенныхъ Штатахъ партійную дѣятельность. Покоя, на который онъ расчитывалъ, онъ такъ и не дождался.

Малое осадное положеніе въ Лейпцигѣ съ округомъ.

По закрытіи рейхстага пошла во всю травля противъ насъ въ право-либеральной и консервативной прессѣ. Я поэтому въ началѣ мая писалъ съ дороги своей женѣ, что малое осадное положеніе будетъ скоро объявлено, но не вслѣдъ за окончаніемъ весенней ярмарки, какъ ожидали въ Лейпцигѣ, а передъ выборами, вѣроятнѣе всего — въ началѣ іюля. Я вѣрно расчиталъ. Для того, чтобы получить матеріалъ, оправдывающій осадное положеніе, въ началѣ марта сдѣлали вторичную попытку возбудить противъ меня обвиненіе за устройство воспрещенныхъ денежныхъ сборовъ — § 16 закона противъ соціалистовъ, и съ этой цѣлью произвели даже безрезультатный обыскъ въ моей квартирѣ. Обвиненіе повисло въ воздухѣ, меня пришлось оправдать. Зато прусское правительство позаботилось о томъ, чтобы можно было добыть хотя бы кажущійся матеріалъ въ пользу малаго осаднаго. Съ конца осени 1880 г. у насъ въ Лейпцигѣ появился высланный изъ Берлина кузнецъ Гейнрихъ, обладавшій весьма симпатичной наружностью, но, какъ оказалось впослѣдствіи, бывшій агентомъ берлинской полиціи; на него выпала задача добыть матеріалъ для объявленія осаднаго положенія.

Во время тайныхъ собраній, бывавшихъ у насъ, Гейнрихъ постоянно бывалъ радикальнѣе всѣхъ. Въ особенности старался онъ провести, чтобы мы организовались на основѣ устава. Противъ этого энергично возставалъ я, и онъ провалился съ своимъ планомъ. Но въ началѣ апрѣля мнѣ надо было уѣзжать въ дѣловую поѣздку. Когда черезъ шесть недѣль я вернулся, первая вѣсть, какую я получилъ, состояла въ томъ, что Гейнрихъ тѣмъ временемъ провелъ свой организаціонный планъ. Я разсвирѣпѣлъ. Если Либкнехтъ и Газенклеверъ, никогда не участвовавшіе въ этихъ со-

браніяхъ—они полагали, что достаточно моего присутствія,—были бы при этомъ, планъ Гейнриха встрѣтилъ бы противодѣйствіе. Я очень рѣзко обрушился въ ближайшемъ собраніи на принятое рѣшеніе, назвавъ его безразсуднымъ, и потребовалъ уничтоженія имѣющихся экземпляровъ организаціоннаго устава. Со всѣхъ сторонъ пообѣщали исполнить это требованіе. Но когда вскорѣ послѣ этого состоялся генеральный набѣгъ полиціи на насъ и были произведены массовые обыски, единственный найденный экземпляръ организаціоннаго плана оказался въ рукахъ... Гейнриха. Съ этой минуты во мнѣ зародилось недовѣріе къ нему, и я соотвѣтствующимъ образомъ сталъ къ нему относиться. Впослѣдствіе онъ былъ вполнѣ разоблаченъ и долженъ былъ, такъ какъ совершилъ въ Магдебургѣ преступленіе противъ нравственности, бѣжать, для чего получилъ отъ берлинской тайной полиціи 500 марокъ. Онъ направился въ Цюрихъ, гдѣ опускался со ступеньки на ступеньку и въ концѣ концовъ погибъ въ нищетѣ.

28 іюня меня ждало другое ошеломляющее происшествіе. Въ нашу контору явился нѣкій Вельфель, игравшій нѣкоторую роль въ берлинской тайной организаціи и въ силу разныхъ причинъ уже возбудившій мое недовѣріе. Онъ потребовалъ отъ имени берлинской организаціи выписки изъ моей кассовой книги приходовъ и расходовъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Мнѣ сразу стало ясно, что этотъ господинъ имѣлъ въ виду. Я указалъ ему на дверь. Черезъ часъ запыхавшись прибѣжалъ одинъ товарищъ въ мою квартиру и сообщилъ мнѣ, что онъ только-что узналъ отъ одного наборщика типографіи Тейбнера, что въ выходящей вечеромъ „Лейпцигской Газетѣ“ будетъ напечатано извѣщеніе министерства, что съ завтрашняго дня въ городѣ и округѣ вводится малое осадное положеніе.

Я сейчасъ же извѣстилъ Либкнехта и Газенклевера о томъ, что насъ ждетъ, и распорядился затѣмъ о созывѣ собранія довѣренныхъ Лейпцига и пригородовъ, которое должно было состояться на другой день, 29 іюня, въ 9 ч. вечера у Наполеонова камня на холмѣ у Пробстгейда. Наполеоновъ камень лежитъ на мѣстѣ, съ котораго Наполеонъ направлялъ въ бой свои войска 18 октября 1813 г. Въ то время оттуда растилался широкій видъ на окрестность, не застилаемый ни однимъ

деревомъ или кустикомъ, всюду кругомъ было поле, такъ что уже издали можно было увидѣть и узнать незванныхъ. Нынѣ мѣстность эта имѣетъ совсѣмъ иной видъ, а Наполеоновъ камень закрытъ воздвигнутымъ рядомъ съ нимъ за это время памятникомъ въ честь битвы народовъ.

Насъ собралось около ста человѣкъ. Былъ обсужденъ вопросъ, какъ организовать сборы для семей высланныхъ и кто долженъ распредѣлять деньги. Затѣмъ было урегулировано распространеніе „Соціалъ-демократа" и приняты мѣры для организаціи избирательной кампаніи. Я закончилъ свою рѣчь къ не подвергшимся высылкѣ совѣтомъ не терять голову и крѣпко держаться. Преній почти не было. Затѣмъ мы попрощались другъ съ другомъ, и отдѣльными группами направились по домамъ.

Лейпцигской полиціи угодно было придать высылкѣ самый гнусный характеръ. Тридцать три человѣка, первоначально включенные въ списокъ, были вызваны въ полицейское управленіе, и тамъ были подробно записаны примѣты каждаго, точно мы были преступниками. Но въ виду того, что не было на лицо мѣрки для роста, каждый изъ насъ долженъ былъ становиться у дверного косяка, гдѣ чиновникъ отмѣчалъ карандашомъ ростъ. Такимъ образомъ нигдѣ не обращались съ высылаемыми. Я рѣшительно протестовалъ противъ этого въ жалобѣ министру внутреннихъ дѣлъ фонъ-Ностицъ-Валльвитцу, но онъ призналъ такое обращеніе вполнѣ законнымъ. Онъ согласился лишь съ моей жалобой на способъ измѣренія и далъ указаніе, чтобы была пріобрѣтена мѣрка.

Господинъ министръ проявилъ въ данномъ случаѣ юморъ,—свойство, какимъ онъ вообще не отличался.

Такъ какъ среди высылаемыхъ находилось нѣсколько человѣкъ, уже высланныхъ изъ Берлина, которые, въ увѣренности на возможность спокойно жить въ Лейпцигѣ, перевезли сюда свои семьи, — то они были особенно взволнованы и возбуждены. Въ день отъѣзда мужей жены съ своими дѣтьми направились къ зданію думы и совали гласнымъ этихъ послѣднихъ. Высокорожденные господа были этимъ очень смущены и обѣщали всевозможную поддержку.

Либкнехтъ, ксилографъ Буркхардъ и я покинули 2 іюля Лейпцигъ и отправились пѣшкомъ въ Борсдорфъ, — на станцію Лейпцигъ-Дрезденской желѣзной дорогѣ, гдѣ мы сперва сняли двѣ комнаты у одного портного. Но когда онъ на утро узналъ, какія птицы свили у него гнѣздо, онъ сейчасъ же предложилъ намъ очистить квартиру. А хозяинъ станціоннаго буфета, у котораго хотѣлъ обѣдать Либкнехтъ, снявшій комнату въ Борсдорфѣ, сомнѣвался, долженъ ли онъ давать злому соціалъ-демократу пищу за наличныя, и специально запросилъ объ этомъ окружное управленіе въ Лейпцигѣ. Въ дальнѣйшемъ онъ велъ себя по отношенію къ Либкнехту и его семейству вполнѣ прилично и обнаруживалъ готовность оказывать услуги.

Газенклеверъ направился съ своей семьей послѣ высылки въ Вурценъ, тоже на станцію Лейпцигъ-Дрезденской желѣзной дороги. Это событіе до чрезвычайности взволновало высокомудрый городской совѣтъ. Эти господа ломали себѣ голову надъ тѣмъ, какъ имъ уберечься отъ опасностей, грозящихъ доброму городу Вурцену отъ присутствія Газенклевера. Какъ истые хранители города, они пришли къ заключенію, что отнынѣ *заранѣе* должны быть запрещены всѣ собранія, относительно которыхъ въ силу имѣющихся фактовъ можно предположить, что они имѣютъ цѣлью содѣйствовать запрещеннымъ исключительнымъ закономъ стремленіямъ.

Но въ результатѣ жалобы нашихъ партійныхъ товарищей окружное управленіе въ Лейпцигѣ отмѣнило это постановленіе и пояснило вурценскому городскому совѣту, что подобныя постановленія онъ можетъ принимать лишь отъ случая къ случаю. Голова города долженъ былъ сгорѣть отъ стыда, читая отповѣдь окружного управленія. Онъ проявилъ достаточно ума, лишь съ большой умѣренностью пользуясь впослѣдствіи своимъ правомъ запрещать собранія.

Передъ уходомъ изъ Лейпцига Либкнехтъ, Газенклеверъ и я опубликовали 30 іюня воззваніе „Къ нашимъ друзьямъ и единомышленникамъ и всѣмъ честно мыслящимъ людямъ", въ которомъ говорилось:

Саксонское правительство сочло нужнымъ объявить городъ и округъ Лейпцига въ маломъ осадномъ положеніи, „потому что на лицо угроза общественной без-

опасности“... Въ необезпеченность общественной безопасности не вѣритъ во всемъ округѣ ни одинъ человѣкъ. Но дѣло не въ этомъ. Одного только *предположенія*, что угрожаема общественная безопасность, достаточно, чтобы безъ судебнаго приговора оторвать отъ женъ и дѣтей, прогнать изъ дома и отъ родного очага и бросить на жертву лишеніямъ многихъ людей. За исключеніемъ одного единственнаго случая, коснувшагося одного лица, уже высланнаго изъ Берлина, у лейпцигскихъ судей не было еще повода хотя бы одного изъ высланныхъ покарать хотя бы часомъ тюремнаго заключенія или штрафомъ въ одну марку. „Такіе факты... немыслимы... ни въ одной цивилизованной странѣ... Съ возмущеніемъ и ненавистью въ сердцѣ покинутъ высылаемые родину, жену и дѣтей; они вынуждены, хотя и скрежеща зубами отъ злобы, подчиниться грубой силѣ. Ваша обязанность позаботиться объ ихъ женахъ и дѣтяхъ, чтобы они, помимо тяжелаго нравственнаго страданія, которое несетъ имъ отнятіе у нихъ мужа, отца, кормилица, не испытали еще болѣе тяжелыхъ страданій отъ матеріальныхъ лишеній... Для высланныхъ легче будетъ уходить на чужбину, если они будутъ знать, что за ними стоятъ тысячи, которыя прилагаютъ старанія посильно помочь имъ преодолѣть тяжелый ударъ, постигшій ихъ за ихъ убѣжденія и который они сумѣютъ перенести, какъ подобаетъ мужчинамъ... Будьте увѣрены, что мы, какая бы участь ни ждала насъ, будемъ непоколебимо и вѣрно держать въ рукахъ знамя, во имя котораго мы идемъ въ изгнаніе“.

Сборъ пожертвованій взяли на себя наши жены, кромѣ того, мы дали для иногороднихъ адреса Гриленбергера въ Нюрнбергѣ, Ауэра въ Шверинѣ и фабриканта Эмиля Бакофена въ Миттвейда.

Воззваніе о сборахъ имѣло тотъ результатъ, что изъ буржуазныхъ круговъ неоднократно исходило предложеніе моей женѣ, чтобы она опубликовала воззваніе о сборѣ пожертвованій для семействъ высланныхъ, которое будетъ сопровождаться большимъ успѣхомъ. Жена моя намѣревалась осуществить эту мысль. Она обратилась за разрѣшеніемъ соотвѣтствующаго воззванія къ лейпцигскому полицейскому управленію и лейпцигскому окружному управленію. Послѣднее отклонило просьбу безъ всякихъ объясненій. Начальникъ упра-

вленія слылъ—и это характеризуетъ его поведеніе—за особенно благочестиваго человѣка. Онъ намѣтилъ къ высылкѣ изъ своего участка не меньше, чѣмъ 70 человѣкъ. Полицейское управленіе поставило моей женѣ рядъ всякихъ условій, которыя она не рѣшилась принять и о которыхъ написала мнѣ въ Дрезденъ.

Я въ тотъ моментъ находился въ такомъ скверномъ настроеніи, какое трудно себѣ представить. Тотъ фактъ, что насъ выслали какъ бродягъ и преступниковъ и безъ всякаго судебнаго разбирательства оторвали отъ жены и дѣтей, я ощущалъ, какъ смертельное оскорбленіе, за которое я отплатилъ бы, будь у меня власть для этого. Ни одинъ процессъ, ни одинъ обвинительный приговоръ никогда до сихъ поръ не вызывали во мнѣ подобныхъ чувствъ ненависти, озлобленія и возмущенія, какъ эти изъ года въ годъ повторяющіяся высылки, пока паденіе этого ставшаго невозможнымъ закона не положило конца этой жестокой игрѣ съ человѣческими жизнями.

Это настроеніе породило заявленіе, посланное мною 11 іюля лейпцигскому полицейскому управленію, оно гласило такъ:

„Какъ сообщаетъ мнѣ моя жена, полицейское управленіе отвѣтило ей на просьбу разрѣшить сборъ на семьи высланныхъ, чтобы она точнѣе обозначила способъ этого сбора и, во-вторыхъ, заявила о своемъ согласіи вести точную запись приходовъ и расходовъ и предоставлятъ полицейскому управленію возможность обозрѣвать счета.

„Я считаю это послѣднее требованіе неоснованнымъ на законѣ и для моей жены глубоко оскорбительнымъ, и далъ ей совѣтъ, взять назадъ свою просьбу.

„Положеніе о бѣдныхъ 22 октября 1840 г. не содержитъ въ себѣ пункта, дающаго полицейскимъ властямъ право безпокоиться объ употребленіи результатовъ сбора для какой-нибудь благотворительной цѣли. Полицейское управленіе своимъ требованіемъ совершаетъ дѣйствіе, идущее вразрѣзъ съ закономъ и противорѣчащее практиковавшемуся до сихъ поръ примѣненію положенія о бѣдныхъ.

„Подобный образъ дѣйствій долженъ тѣмъ больше возмущать всѣхъ безпартійно-настроенныхъ людей, что какъ разъ въ настоящее время лейпцигскія газеты

печатаютъ воззваніе въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ натравленной на нихъ русской черни, подписанное окружнымъ начальникомъ и бюргермейстеромъ Лейпцига рядомъ съ многими другими высокопоставленными особами, въ которомъ дѣлается призывъ къ общественному состраданію по адресу разгромленныхъ евреевъ Россіи и въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ говорится о необходимости вносить пожертвованія, при чемъ лейпцигское полицейское управленіе не осмѣлилось поставить этимъ господамъ такое же условіе, какъ и моей женѣ.

„Изъ такого образа дѣйствій полицейскаго управленія въ связи съ поведеніемъ окружного управленія вытекаетъ, что въ Германіи дѣло зашло такъ далеко, что публичные сборы пожертвованій и призывъ къ состраданію и помощи затравленнымъ и разореннымъ людямъ дозволяются тогда, когда это *не нѣмцы*, но что воспрещено или всѣми возможными способами затрудняется устройство сборовъ для вверженныхъ въ нищету членовъ семействъ тѣхъ соотечественниковъ, которыхъ мнимо просвѣщенное и благодѣтельное правительство и его чиновники хладнокровно и сознательно отрываютъ отъ жены и дѣтей и домашняго очага и лишаютъ средствъ существованія.

„Это даетъ мнѣ понять, что значитъ жить въ нѣмецко-христіанскомъ государствѣ и имѣть въ качествѣ правителей безсердечныхъ чиновниковъ; я позабочусь о томъ, чтобы это „гуманное“, столь своеобразно иллюстрирующее христіанскій духъ, равно какъ нелицепріятное примѣненіе закона, поведеніе лейпцигскаго полицейскаго и окружного управленія стало достояніемъ гласности и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ свое время подверглось обсужденію.

„Одновременно я настоящимъ заявляю, что если полицейское управленіе сборы въ пользу семействъ высланныхъ — согласно объявленію въ „Лейпцигской Ежедневной Газетѣ“—ставитъ въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія, то это, согласно тексту §§ 103 и 104 Положенія о бѣдныхъ, можетъ относиться только къ публичному призыву къ пожертвованіямъ и сборамъ изъ дома въ домъ. Но никакое учрежденіе не можетъ воспрещать сборы, производимые для названной цѣли среди единомышленниковъ, среди друзей и знакомыхъ,

равно какъ не можетъ оно воспретить моей женѣ принимать подобнаго рода пожертвованія. Я въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ указанія своей женѣ и спокойно жду дальнѣйшихъ шаговъ".

Черезъ нѣсколько дней послѣ отсылки этого письма моей женѣ намекнули, что ей слѣдуетъ быть осторожной, ибо на утро у нея будетъ произведенъ обыскъ. Она дала напугать себя и запрятала кассовую книгу въ кухонной трубѣ. Но когда черезъ день она варила себѣ утромъ кофе, она сразу не вспомнила о спрятанной книгѣ, которая загорѣлась и была вытащена на половину сгорѣвшей. Съ помощію нѣкоторыхъ лейпцигскихъ товарищей, еще сохранившихся писемъ и переводовъ удалось возстановить нашу кассовую книгу.

Мое избраніе въ саксонскій ландтагъ.

До сихъ поръ я отклонялъ всѣ просьбы принять кандидатуру въ ландтагъ. Я не могъ, считаясь съ интересами нашей мастерской, взять на себя отвѣтственность за еще большія жертвы своимъ временемъ, чѣмъ это до сихъ поръ требовала отъ меня моя политическая дѣятельность и, въ особенности, депутатство въ рейхстагѣ. Эти соображенія благодаря моей высылкѣ теперь отпали. Нынѣ я не только имѣлъ невольно въ полномъ своемъ распоряженіи всю осень и зиму, у меня была также потребность противостоять лицомъ къ лицу съ господами изъ Дрездена и возбуждать свои обвиненія. Въ началѣ іюля предстояли дополнительные выборы въ ландтагъ, изъ состава котораго черезъ каждые два года выбываетъ поочереди треть членовъ. Дополнительные выборы должны были, между прочимъ, произойти на этотъ разъ и въ 23-мъ сельскомъ округѣ, а именно, въ районѣ промышленныхъ селъ южнѣе Лейпцига. Я принялъ теперь предложенную кандидатуру, что вызвало большое волненіе въ правительственныхъ кругахъ и среди враждебныхъ намъ партій, ибо мое избраніе представлялось обезпеченнымъ. Приложены были всѣ усилія, чтобы помѣшать ему. Желая запугать избирателей, за два дня до выборовъ выслали снова 22 товарищей. Если среди первой партіи находился шпіонъ Гейнрихъ, котораго выслали за компанію, чтобы не возбуждать подозрѣній противъ него, то теперь вылетѣлъ вонъ второй полицейскій шпіонъ, купецъ Фридеманъ изъ Берлина, котораго засадила въ наше гнѣздо тамошняя полиція. Фридеманъ отправился въ Цюрихъ, гдѣ онъ тоже скоро былъ разоблаченъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе на собраніяхъ цюрихскихъ товарищей разыгрывать радикала, какъ это дѣлаютъ всѣ эти негодяи, и постоянно декламировалъ стихотвореніе Генриха Гейне

„Два Гренадера“, при чемъ послѣднія строки послѣдней строфы передавалъ въ измѣненномъ видѣ; вмѣсто словъ: „а мой императоръ *въ плѣну!*“ — онъ говорилъ: „мой императоръ *долженъ быть повѣшенъ*“.

Однако, всѣ полицейскія ухищренія помѣшать моему избранію оказались тщетны. Днемъ 12 іюля я отправился съ товарищемъ Карломъ Мюнхе въ Циттау къ живописно расположеннымъ развалинамъ замка Ойбинъ. Къ вечеру прибылъ туда запыхавшись гонецъ съ телеграммой, извѣщающей о моей побѣдѣ при значительномъ большинствѣ голосовъ. Мюнхе былъ этимъ сообщеніемъ о побѣдѣ такъ обрадованъ, что онъ сдѣлалъ по направленію въ лѣсъ и въ горы двадцать выстрѣловъ изъ обоихъ револьверовъ, какими обладалъ хозяинъ ресторана.

Будучи въ пути въ дѣловой поѣздкѣ, я написалъ на слѣдующее же утро комиссару по выборамъ и заявилъ о согласіи принять избраніе. Затѣмъ я продолжалъ путь въ Сѣверную Богемію. Между тѣмъ, въ Лейпцигѣ происходили совершенно невѣроятныя вещи. Черезъ день послѣ моего избранія „Лейпцигская Ежедневная Газета“ напечатала официальную статью, въ которой заявлялось, что мои выборы недѣйствительны, такъ какъ я не плачу предписанныхъ закономъ по меньшей мѣрѣ 30 марокъ прямыхъ налоговъ. Соціалъ-демократія напрасно торжествуетъ по поводу моего избранія. И далѣе авторъ продолжалъ распространяться на счетъ моихъ доходовъ и отношенія къ налогамъ, что онъ могъ сдѣлать лишь благодаря нескромности официальныхъ учрежденій. Но затѣмъ городской совѣтъ совершилъ невѣроятную глупость, пославъ моей женѣ обратно внесенные уже за текущій годъ налоги. Виновникомъ этихъ глупостей, которыя трудно было счесть возможными, былъ городской совѣтникъ Мессершмидъ, объявившій въ качествѣ комиссара по выборамъ недѣйствительными 346 поданныхъ за меня голосовъ.

Официальное изложеніе было лживо. Уже въ 1871 г., когда Либкнехту и мнѣ грозилъ большой процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, я перевелъ свое небольшое имущество на имя жены, чтобы не дать разорить себя въ случаѣ осужденія. Въ такомъ положеніи дѣла оставались и въ дальнѣйшемъ, я вносилъ налоги только за часть нашего дохода, другая же часть

налога, выпадающая на долю моей жены, должна быть— въ силу совершенно яснаго предписанія § 5 саксонскаго избирательнаго закона—причислена мнѣ при исчисленіи ценза. Въ виду этого я безъ сомнѣнія обладалъ избирательнымъ правомъ и былъ избранъ самымъ законнымъ образомъ. Для успокоенія своихъ избирателей я выяснилъ дѣйствительное положеніе въ особомъ заявленіи въ „Лейпцигской Ежедневной Газетѣ". Тѣмъ временемъ и въ Лейпцигской Городской Думѣ сознали свою ошибку и вновь приняли въ кассу налоги, вначалѣ возвращенные моей женѣ.

Но еще сногсшибательнѣе было то, что послѣ того министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ Ностицъ-Валльвитцъ совершилъ безтактность, заявивъ въ ландтагѣ, что онъ совсѣмъ былъ готовъ, не противорѣча закону, объявить мое избраніе недѣйствительнымъ и назначить новые выборы. Его удержали отъ этого только соображенія о рѣшеніи палаты. Вполнѣ заслуженный отвѣтъ на это нахальство я не могъ ему дать. Палата уберегла его отъ этого, принявъ предложеніе о закрытіи преній. Но, въ концѣ концовъ, онъ получилъ даже отъ вполнѣ послушной ему палаты первоклассную моральную пощечину. Отдѣлъ, разсматривавшій выборное производство по моему округу, единогласно призналъ мое избраніе правильнымъ, и такое же рѣшеніе приняло пленарное засѣданіе палаты. Равнымъ образомъ были объявлены дѣйствительными 846 голосовъ, которые забраковалъ въ своемъ безсмысленномъ усердіи городской совѣтникъ Мессершмидъ.

Вторая избирательная драма съ нѣсколько инымъ исходомъ разыгралась вскорѣ послѣ этого.

Общіе выборы въ рейхстагъ осенью 1881 года.

Въ эту избирательную кампанію мы вступили при невѣроятно неблагопріятной обстановкѣ. Мы больше не обладали партійной прессой, выходившей внутри страны. Безцвѣтныя газетки, появлявшіяся то тутъ, то тамъ, не осмѣливались высказываться за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ. За парой еще существовавшихъ типографій денно и нощно слѣдила полиція, чтобы помѣшать выходу соціалъ-демократическихъ воззваній. Въ Дрезденѣ даже была закрыта полиціей крохотная типографія Цумбуша и К°, а владѣлецъ ея и служащіе привлечены къ отвѣтственности и часть изъ нихъ была осуждена лишь за то, что они рѣшились напечатать воззваніе въ мою пользу. Буржуазныя типографіи не имѣли достаточно мужества печатать наши воззванія и не часто осмѣливались печатать даже избирательныя записки для соціалъ-демократическаго кандидата. Поэтому, когда наступилъ день выборовъ, оказалось, что въ цѣломъ рядѣ избирательныхъ округовъ не было распространено ни единаго воззванія, а во многихъ— даже бюллетеней. Во многихъ городахъ буржуазныя газеты отказались помѣстить даже платныя объявленія, въ которыхъ рекомендовалось выбирать соціалъ-демократическихъ кандидатовъ. Несмотря на все это, полиція считала необходимымъ принять мѣры, чтобы еще болѣе затруднить избирательную борьбу. Съ приближеніемъ выборовъ увеличились всякаго рода полицейскія преслѣдованія и придирки, принимавшія все болѣе злостный характеръ. Во всѣхъ округахъ, объявленныхъ на осадномъ положеніи, осенью увеличилось число высылокъ. Полиція нервничала все больше. Ко всему этому обнаружился недостатокъ кандидатовъ. Браке, Гейбъ, Рейндерсъ—умерли, Фритче, Гассельманъ, Мостъ, Реймеръ, Вальтейхъ — эмигрировали. Другіе, какъ Мотте-

леръ, Бернштейнъ, Таушеръ, Рихардъ Фишеръ, благодаря занимаемому ими положенію въ партіи за границей, не могли быть выставлены кандидатами. Многіе прежніе кандидаты также эмигрировали или не рѣшались выставлять свою кандидатуру, чтобъ не быть раззоренными или же, какъ Гартманъ и братья Капелль, сдѣлали невозможной свою кандидатуру. Въ результатѣ, вездѣ, гдѣ не хватало мѣстныхъ кандидатовъ, выставлялись товарищи съ извѣстными именами, уже кандидирующіе въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Это даже облегчало агитацію. Такъ, меня удостоили выставленіемъ моей кандидатуры въ тридцати пяти мѣстахъ, Либкнехта и Гассельмана въ семнадцати, Грилленбергера—въ пятнадцати и т. д.

Агитація затруднялась кромѣ того тѣмъ, что многія предвыборныя собранія запрещались, еще большее число распускались среди рѣчей или же, вообще, не могли состояться, такъ какъ хозяева ресторановъ отказывались давать намъ помѣщеніе. И когда все же, несмотря на вся и все, мы получили на выборахъ 311.961 голосъ, только на 125.197 голосовъ меньше, чѣмъ на выборахъ послѣ покушенія въ августѣ 1878 года, то это было большой побѣдой, сковавшей страхомъ нашихъ противниковъ. Именно, когда стали извѣстны результаты выборовъ, Берлинскій дворецъ охватило подавленное настроеніе.

Фактически соціалисты уже 27 октября 1881 года побѣдили исключительный законъ. Моральное вліяніе выборовъ на партію было огромно. Произведенный вновь подсчетъ показалъ, что три четверти старой арміи остались вѣрными старому знамени. Съ этого времени она безостановочно увеличивалась, когда, наконецъ, 19 февраля 1890 г. законъ противъ соціалистовъ былъ отвергнутъ въ рѣшительной схваткѣ 1.427.298 голосами.

Ни одинъ изъ нашихъ кандидатовъ не прошелъ на первыхъ выборахъ. У Вильгельма Штолле, фактически получившаго въ 18-омъ саксонскомъ избирательномъ округѣ Цвиккау-Криммтчау большинство, комиссаромъ оно было отсчитано. Онъ побѣдилъ лишь на перебаллотировкѣ. Въ общемъ, мы участвовали въ 22 перебаллотировкахъ, одинъ я въ трехъ: въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ IV.

Дрезденскіе выборы представляли для меня особый

интересъ, потому что они сопровождались двумя характерными инцидентами. Было невозможно въ самомъ Дрезденѣ напечатать воззванія. Съ помощью друзей удалось найти маленькую типографію въ Циттау, которой я и поручилъ напечатать листокъ. Было заказано 45 тысячъ экземпляровъ и соотвѣтствующее количество избирательныхъ бюллетеней съ условіемъ запаковать въ пакеты по тысячѣ экземпляровъ въ каждомъ, заложить въ два ящика и, обозначивъ ихъ мануфактурой, отправить на имя одного дрездинскаго товарища-владѣльца мануфактурнаго магазина. На воззваніяхъ было указано, что они напечатаны въ типографіи „Соціалъ-демократа“ въ Цюрихѣ-Готтингенѣ. Оба ящика благополучно дошли по адресу, но когда получатель увидѣлъ ихъ на своемъ дворѣ, онъ струсилъ. Потерявъ голову, онъ отослалъ ихъ къ одному знакомому парню, жившему на дворѣ транспортной конторы. Когда этотъ послѣдній увидѣлъ ящики, онъ сталъ разсматривать, что въ нихъ находится. Побуждаемый страхомъ, онъ отправилъ ящики обратно, что возбудило подозрѣніе хозяина, который поспѣшилъ послать за полиціей. Полиція арестовала артельщиковъ на улицѣ вмѣстѣ съ ящиками и отправило ихъ въ полицейское управленіе. Когда содержамое ящиковъ стало извѣстно, полицейскій комиссаръ Пауль, нашъ злѣйшій врагъ, потиралъ себѣ руки отъ удовольствія. У соціалъ-демократовъ теперь не будетъ никакихъ воззваній къ выборамъ, радовался онъ. Это было всего за 12 дней до выборовъ и потому наше положеніе быле чрезвычайно непріятно. Но я не растерялся. Я вспомнилъ объ одномъ товарищѣ, наборщикѣ, очень бываломъ парнѣ. Ему я предложилъ сейчасъ же объѣхать окрестности Дрездена и поискать, не найдется ли типографіи, которая бы согласилась за хорошее вознагражденіе напечатать воззваніе, я же въ это время напишу его снова. Сказано, сдѣлано. Когда вечеромъ товарищъ вошелъ въ мою комнату, я по лицу его сразу увидѣлъ, что поѣздка увѣнчалась успѣхомъ. Въ Пирнѣ онъ уговорилъ типографа, печатавшаго правительственную газету. Въ ближайшую субботу типографъ, какъ было условлено, отправилъ воззванія на вокзалъ съ артельщикомъ въ чемоданахъ, которые для этого были ему доставлены. На вокзалѣ чемоданы принимали наши люди и доставляли по опредѣленнымъ адресамъ

Все шло какъ нельзя лучше. Но тутъ одинъ изъ служащихъ рѣшилъ донести въ полицію на то, что его коллега слишкомъ часто ѣздитъ на вокзалъ. Полиція распорядилась задержать на мѣстѣ посылку (въ ней было 6 тысячъ экземпляровъ) и сообщить о происшедшемъ въ Дрезденъ. Но такъ какъ, между тѣмъ, наступилъ уже вечеръ, четыреста нашихъ людей находились уже на своемъ посту. Не успѣла полиція притти въ себя отъ неожиданности, какъ воззванія и бюллетени были розданы по рукамъ. Только двое изъ нашихъ людей съ нѣсколькими сотнями листковъ были арестованы, но и къ нимъ не могли предъявить никакого обвиненія, въ дальнѣйшемъ намъ удалось распространить еще одно воззваніе.

На главныхъ выборахъ изъ четырехъ кандидатовъ я получилъ большинство въ 9079 голосовъ. Я попалъ въ перебаллотировку съ дрезденскимъ бюргермейстромъ.

Дрезденскіе ремесленники, располагавшіе больше, чѣмъ 2076 голосовъ, хотѣли подать голосъ за меня, если я подпишу предложенныя ими требованія. Я отказался. Это означало мое пораженіе. Перебаллотировка, происходившая въ совершенно необычайной обстановкѣ,—опубликованіе закона о возстаніи, вызовъ войскъ, занятіе избирательныхъ бюро жандармами,—кончилась не въ мою пользу: я получилъ 10827 голосовъ, противникъ—14439.

Въ Лейпцигѣ на главныхъ выборахъ я получилъ 6482 голоса и попалъ въ перебаллотировку съ націоналъ-либеральнымъ кандидатомъ, на долю котораго выпало 8894 голоса. На перебаллотировкѣ за меня было подано 9821 голосъ, за моего противника—11863. На побѣду мы здѣсь не разсчитывали. Интереснѣе протекали выборы въ IV Берлинскомъ округѣ. Здѣсь на главныхъ выборахъ я получилъ 13524 голоса, Альбертъ Трегеръ—19527, консерваторъ—8270. Въ этомъ округѣ, какъ и въ VI Берлинскомъ, въ которомъ кандидировалъ Гавенклеверъ, при перебаллотировкѣ рѣшающее значеніе имѣли консерваторы. Какъ разъ положеніе въ это время въ Берлинѣ было таково, что консерваторы (антисемиты, христіанскіе соціалисты и т. п.) прилагали отчаянныя усилія, чтобы выбить изъ сѣдла прогрессивную партію. Въ этомъ отношеніи они дѣйствовали въ духѣ Бисмарка и Путткамера, который уже нѣсколь-

ко мѣсяцевъ смѣнилъ Эйленбурга на посту министра внутреннихъ дѣлъ. Ненависть Бисмарка къ прогрессистамъ и, вообще, либераламъ непрерывно усиливалась и поэтому въ консервативномъ лагерѣ снова, какъ и во времена Швейцера, были готовы вступить въ союзъ съ самимъ чертомъ, т. е. съ нами, только мы не проявляли ни малѣйшей склонности къ этому.

Нижеслѣдующее заявленіе, напечатанное нами въ „Берлинской Народной Газетѣ", даетъ представленіе о ведшихся тогда переговорахъ:

Сообщеніе „Имперскаго Вѣстника" о переговорахъ, имѣвшихъ мѣсто между вождями консерваторовъ и соціалъ-реформаторовъ (профессоромъ Вагнеромъ, придворнымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ, Дистелькампомъ и др.), съ одной стороны, и представителями соціалъ-демократической партіи—съ другой, въ связи съ перебаллотировками въ четвертомъ и шестомъ Берлинскихъ избирательныхъ округахъ вынуждаетъ насъ къ слѣдующему заявленію:

„Въ четвергъ, 10-го ноября, сюда въ Дрезденъ явились двое нашихъ берлинскихъ партійныхъ товарища и сообщили намъ, что между ними и вождями консерваторовъ и соціалъ-реформаторовъ состоялись переговоры о предстоящихъ перебаллотировкахъ въ Берлинѣ, приведшіе къ слѣдующему результату:

Мы, нижеподписавшіеся, а равно и Газенклеверъ, должны подписать слѣдующее заявленіе:

Мы заявляемъ: 1) что признаемъ благожелательныя намѣренія германскаго имперскаго правительства по отношенію къ рабочимъ въ его реформаторской политикѣ;

2) что мы серьезно намѣрены вмѣстѣ съ реформаторскими партіями работать надъ улучшеніемъ мирнымъ путемъ экономическихъ отношеній;

3) что мы надѣемся, согласно заявленію одного изъ нашихъ депутатовъ рейхстага, энергичнымъ проведеніемъ соціальныхъ реформъ уничтожить революціонныя стремленія.

За подписаніе этихъ трехъ пунктовъ намъ было обѣщано:

1) вышеупомянутые вожди консерваторовъ и соціалъ-реформаторовъ приложатъ усилія, чтобы ихъ партійные товарищи четвертаго и шестого берлинскихъ изби-

рательныхъ округовъ голосовали 12-го ноября на перебаллотировкѣ за насъ;

2) выразили затѣмъ готовность подписать съ своей стороны слѣдующую декларацію.

Мы въ свою очередь заявляемъ, что, если нѣмецкіе соціалисты будутъ законнымъ путемъ добиваться реформъ на почвѣ существующаго государственнаго строя, мы будемъ голосовать за отмѣну закона противъ соціалистовъ.

Затѣмъ устно намъ было сообщено: Въ случаѣ, если мы откажемся отъ этого соглашенія, вышеупомянутые вожди дадутъ пароль: воздержаніе отъ участія въ голосованіи и наше пораженіе въ Берлинѣ будетъ неминуемо.

На это мы, нижеподписавшіеся, рѣшительно и опредѣленно отвѣтили:

1) что мы отвергаемъ всякія сдѣлки и покупку голосовъ; что мы предпочитаемъ три тысячи голосовъ, полученныхъ честнымъ путемъ, тридцати тысячамъ купленнымъ; что мы не можемъ считать благожелательной по отношенію къ рабочимъ экономическую политику правительства, начатую закономъ противъ соціалистовъ и выразившуюся въ увеличеніи и повышеніи косвенныхъ налоговъ и пошлинъ на предметы первой необходимости, въ усиленіи военныхъ тяготъ, законѣ о цехахъ и т. п.;

2) что мы никогда не отказывались,—какъ совсѣмъ недавно показали это наши позиція и заявленія по поводу закона о несчастныхъ случаяхъ,—отъ серьезнаго разсмотрѣнія правительственныхъ проектовъ реформъ, попытокъ улучшенія ихъ въ соотвѣтствіи съ нашими желаніями и принятія ихъ, если они отвѣчаютъ нашей точкѣ зрѣнія, но что мы должны отказаться выступать вмѣстѣ съ партіями, въ своихъ стремленіяхъ реакціонными и враждебными рабочему классу;

3) что, если пунктъ 3-й долженъ означать, будто мы стремимся къ насильственной революціи, то это является совершенно произвольнымъ утвержденіемъ. Мы постоянно заявляли, что планомѣрныя, глубокія и цѣльныя реформы могли бы предотвратить насильственную соціальную революцію, которая въ противномъ случаѣ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нашего политическаго и экономическаго развитія, и мы

не ответственны за то, что лежитъ внѣ нашей воли и власти, а зависитъ отъ воли и власти нашихъ враговъ.

Съ этимъ отвѣтомъ наши товарищи отправились обратно въ Берлинъ. Результатъ выборовъ извѣстенъ.

Дрезденъ, 16 ноября 1881 г.

А. Бебель. В. Либкнехтъ.

Результатъ выборовъ принесъ намъ пораженіе. Газенклеверъ получилъ 17378 голосовъ противъ 17947 голосовъ, поданныхъ за прогрессиста Клотца, я—18979 противъ 19031 голоса, полученнаго Трегеромъ. Въ дѣйствительности же я побѣдилъ. Нехватка 52 голосовъ, изъ за которой я, повидимому, потерпѣлъ пораженіе, получилась оттого, что избирательная комиссія объявила недѣйствительными 450 записокъ съ моимъ именемъ за неразборчивое, будто бы, написаніе имени кандидата.

Товарищи четвертаго берлинскаго избирательнаго округа подали протестъ противъ избранія Трегера. Въ мандатной комиссіи оба докладчика также предложили считать избраніе Трегера неправильнымъ. Однако, когда дошло дѣло до рѣшающаго засѣданія, выборное дѣлопроизводство исчезло, его выкрали.

Такимъ образомъ, нельзя было принять никакого рѣшенія и Трегеръ остался депутатомъ; кто укралъ документы, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Съ тѣхъ поръ выборное производство того округа, противъ представителей котораго внесенъ протестъ, хранятся въ запертой комнатѣ, доступъ въ которую получаютъ лишь члены мандатной кимиссіи.

Борьба на перебаллотировкахъ въ Берлинѣ была ожесточенной. „Берлинская трибуна“ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ этой борьбы. Девятилѣтняя дѣвочка пишетъ мѣломъ на дверяхъ дома: „Выбирайте Бебеля“. Шуцманъ увидѣлъ это и спрашиваетъ ее: „Какъ тебя зовутъ?“ Она называетъ свое имя. „Гдѣ ты живешь?“ Она указываетъ адресъ. „Кто твой отецъ?“ Высланный.

Адольфъ Геккъ облекъ этотъ эпизодъ въ поэтическую форму, написавъ имѣвшее успѣхъ стихотвореніе.

Конечный итогъ выборовъ свелся къ тому, что мы неожиданно для насъ самихъ завоевали тринадцать

мандатовъ. Выбранными оказались Блоссъ въ Грейцѣ, Дитцъ въ Гамбургѣ II, Фроме въ Ганау, Гейзеръ въ Хемнитцѣ, Гилленбергеръ въ Нюренбергѣ, Кайзеръ въ Фрейбургѣ (Саксонія), Крекеръ въ западномъ Бреславлѣ, Либкнехтъ въ Майнцѣ и Оффенбахѣ, Штоле въ Цвиккау, Фольмаръ въ Митвейдѣ (Саксонія).

Единственный въ своемъ родѣ случай имѣлъ мѣсто во время этой избирательной кампаніи—онъ и до сихъ поръ остался единственнымъ: Фрейбергскій избирательный округъ былъ завоеванъ *женщиной*. Когда Кайзеръ во время предвыборной агитаціи снова былъ арестованъ, то въ Дрезденѣ его другъ купецъ О. Ш. агитировалъ за него. Это замѣтила дрезденская полиція, и позаботилась объ арестѣ О. Ш. по какому-то ничтожному поводу. Такимъ образомъ, бѣдный и плохо организованный Фрейбергскій избирательный округъ лишился своего руководителя въ избирательной кампаніи. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до меня, я сильно разстроился. Я совершенно на зналъ, кѣмъ я смогу замѣнить О. Ш. Вдругъ на слѣдующее утро является ко мнѣ жена Ш. со словами: „Объ арестѣ моего мужа вамъ извѣстно, г. Бебель. Ему придется нѣсколько дней поворчать, да это не бѣда. Но что станется съ избраніемъ Макса Кайзера? Что вы скажете, если я поѣду въ округъ и займусь руководствомъ предвыборной агитаціей?“ Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на женщину, а затѣмъ протянулъ ей руку со словами: г-жа Ш., вы чудесная женщина, я совершенно согласенъ съ вашимъ предложеніемъ. Вернувшись въ Фрейбургъ, г-жа Ш. явилась къ совершенно обезкураженнымъ товарищамъ и своимъ присутствіемъ наэлектризовала ихъ. Съ этого момента они работали подъ руководствомъ г-жи Ш. съ большою энергіей и Кайзеръ побѣдилъ.

Двойное избраніе Либкнехта требовало отъ него отказа отъ одного изъ полученныхъ мандатовъ. Онъ сложилъ мандатъ въ Майнцѣ, хотя тамъ прошелъ лишь большинствомъ въ 600 голосовъ, тогда какъ въ Оффенбахскомъ округѣ у него было большинство въ 3400 голосовъ. Но онъ былъ вынужденъ къ этому неправильному шагу мѣстнымъ избирательнымъ комитетомъ, который еще до выборовъ публично заявилъ, что въ случаѣ двойного избранія Либкнехтъ приметъ мандатъ Оффенбаха. И вотъ въ Майнцѣ кандидатомъ выставили

меня. Мы напрягли всѣ усилія, чтобы удержать за собою округъ. Тщетно. Дѣло дошло, наконецъ, до перебаллотировки между мною и демократомъ Филиппсомъ. Но я потерпѣлъ пораженіе, получивъ на перебаллотировкѣ 15 декабря 8385 голосовъ противъ 8638 голосовъ противника. Несмотря на неудовольствіе, вызванное у нашихъ избирателей повторными выборами, я получилъ все же на 248 голосовъ больше Либкнехта. Когда послѣдній узналъ результатъ и разговаривалъ со мною объ этомъ, на глазахъ у него были слезы. Онъ не предполагалъ возможности такого исхода.

Такъ временно прекратилась моя дѣятельность въ рейхстагѣ, но не въ парламентѣ вообще. Я оставался все еще въ саксонскомъ ландтагѣ. Такимъ образомъ, не нарушалась непрерывность моей парламентской дѣятельности.

Я написалъ женѣ, чтобы она не огорчалась моимъ пораженіемъ, у меня теперь будетъ больше времени заниматься своей мастерской, такъ какъ ландтагъ собирается лишь одинъ разъ въ два года.

Въ такомъ же духѣ написалъ я и Энгельсу: я доволенъ, что у меня будетъ хотя немножко отдыха, а онъ мнѣ необходимъ. Но Энгельсъ не раздѣлялъ моего мнѣнія, и разсматривалъ мое пораженіе, какъ тяжелый ударъ для партіи.

Мою участь раздѣлилъ также и Ауэръ, потерпѣвшій пораженіе въ 17-мъ саксонскомъ избирательномъ округѣ. Протестъ, поданный его избирательнымъ комитетомъ въ рейхстагъ, достигъ цѣли. Мандатная комиссія признала избраніе его противника недѣйствительнымъ. Но это произошло въ концѣ послѣдней сессіи законодательнаго періода. Новые выборы поэтому не были назначены.

Послѣсловіе къ выборамъ въ Дрезденѣ.

Въ началѣ марта 1882 г. я покинулъ Дрезденъ и саксонскій ландтагъ и отправился въ дѣловую поѣздку. Вскорѣ затѣмъ моя жена написала мнѣ, что къ ней приходилъ разсыльный изъ суда и освѣдомлялся о моемъ адресѣ. Въ дрезденскомъ судѣ возбуждено обвиненіе противъ меня, обвинительный актъ ей не вручили. Въ виду этого я написалъ въ Дрезденъ, что я занятъ дѣловой поѣздкой, не могу указать опредѣленнаго адреса и что обвинительный актъ можно доставить моей женѣ; къ Пасхѣ я буду все же въ Нюренбергѣ. Тамъ получилъ я обвинительный актъ. Союзный совѣтъ возбудилъ противъ меня обвиненіе въ оскорбленіи, такъ какъ я въ конфискованномъ, еще не распространенномъ избирательномъ воззваніи назвалъ законъ противъ соціалистовъ гнуснымъ. Разъ гнусенъ законъ, значитъ и союзный совѣтъ гнусенъ. Въ силу такого же умозаключенія возбуждено было противъ меня обвиненіе въ оскорбленіи величества. Но если оскорбленъ союзный совѣтъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и рейхстагъ. Послѣднему, впрочемъ, саксонскій министръ юстиціи не представилъ предложенія о моемъ привлеченіи къ отвѣтственности за оскорбленіе. Онъ зналъ, что рейхстагъ отвергнетъ подобное предложеніе, и это поставитъ союзный совѣтъ, предъявляющій обвиненіе, въ не совсѣмъ пріятное положеніе. Я написалъ въ дрезденскій судъ, что въ ближайшіе дни я возобновляю свой дѣловой объѣздъ, но что къ Троицѣ остановлюсь въ Дрезденѣ, гдѣ мнѣ смогутъ сообщить дальнѣйшія свѣдѣнія. 18 мая я предсталъ передъ лейпцигскимъ судомъ и тоже по дѣлу объ оскорбленіи союзнаго совѣта, который почувствовалъ себя снова оскорбленнымъ рѣзкимъ словомъ, допущеннымъ мною въ одномъ появившемся тамъ избирательномъ воззва-

ніи относительно исключительнаго закона. Дѣло кончилось приговоромъ къ мѣсячному тюремному заключенію.

Въ тотъ же вечеръ я отправился въ Дрезденъ, гдѣ въ результатѣ извѣщенія со стороны лейпцигской полиціи меня поджидалъ полицейскій тѣлохранитель, который на почтительномъ разстояніи сопровождалъ меня до самой моей квартиры. На другой день подъ такой же охраной я уѣхалъ въ Силезію. Когда я въ среду передъ Троицей вернулся оттуда въ Дрезденъ, снова тѣлохранитель стоялъ на своемъ посту, при чемъ его охраной пользовалась теперь и моя семья, прибывшая на другой день въ Дрезденъ. И вотъ, когда я въ первый день праздника прогуливался съ своей дочерью на Брюловской террасѣ, кто то ударяетъ меня сзади по плечу. Обернувшись, я вижу слишкомъ хорошо мнѣ извѣстную физіономію полицейскаго комиссара Пауля, который на самомъ вѣжливомъ саксонскомъ языкѣ сообщилъ мнѣ, что у него приказъ арестовать меня. Я вскипѣлъ—что это, скверная шутка или актъ насилія, направленный противъ меня. Указавъ на публику, обратившую на насъ вниманіе, полицейскій предложилъ мнѣ послѣдовать за нимъ въ полицейское управленіе, гдѣ онъ предъявитъ мнѣ судебное постановленіе о моемъ арестѣ. Онъ арестовалъ меня возможно ближе къ полицейскому управленію.

Я послалъ дочурку къ матери, которая находилась въ это время у знакомыхъ, чтобы сообщить ей о происшедшемъ; пусть она не безпокоится, мой арестъ не можетъ быть продолжительнымъ.

Постановленіе суда гласило:

„Постановлено обратиться къ королевскому полицейскому управленію съ предложеніемъ привести въ исполненіе настоящій приказъ объ арестѣ токарнаго мастера Фердинанда Августа Бебеля изъ Лейпцига, *какъ только этотъ послѣдній будетъ здѣсь замѣченъ*, указавъ при этомъ, что, какъ Бебель сообщилъ сюда, онъ на Троицѣ будетъ находиться въ Дрезденѣ.

Дрезденъ, 13 мая 1882 г.

Королевскій судъ, Уголовное отдѣленіе II,
фонъ-Монгольдтъ".

Предварительный арестъ былъ мотивированъ слѣдующимъ образомъ:

Необходимо примѣнить предварительный арестъ, потомучто обвиняемый возбуждаетъ подозрѣнія въ смыслѣ возможности съ его стороны *побѣга* въ виду высоты грозящей ему кары и того, что онъ, по собственному указанію, не имѣетъ въ странѣ опредѣленнаго мѣстожительства.

Дрезденъ, 13 мая 1882 г.

Королевскій Судъ, Уголов. отд. II
„фонъ-Мангольдтъ".

Итакъ, подозрѣваемый въ склонности къ побѣгу депутатъ ландтага самъ сообщаетъ суду, что онъ явится на Тройцу въ берлогу льва. Приказъ объ арестѣ, подписанный 13 мая и говорящій объ его арестѣ, какъ только онъ покажется въ Дрезденѣ, сперва не приводится въ исполненіе. Ибо я былъ тамъ, никѣмъ не тронутый, 18 мая. Лишь 27 мая, т.-е. въ первый день Тройцы, я былъ арестованъ на основаніи приказа отъ 13 мая. Тутъ проявилось, такимъ образомъ, утонченное озорство, придуманное для того, чтобы испортить моей семьѣ и мнѣ праздникъ. Если бъ меня арестовали 18 мая, когда я въ первый разъ появился въ Дрезденѣ, я къ Тройцѣ давно уже былъ бы на свободѣ.

Я потребовалъ отъ полицейскаго комиссара, такъ какъ судъ былъ закрытъ, чтобы меня повели на домъ къ г. фонъ-Мангольдту; я хотѣлъ попытаться добиться своего освобожденія. Пауль съ готовностью уступилъ моему требованію. Онъ зналъ, почему дѣлаетъ это. Въ квартирѣ предсѣдателя суда дверь открыла мнѣ горничная и заявила, что г. фонъ-Мангольдтъ отправился съ семьей на праздникъ за городъ и вернется только на другой день къ вечеру. Въ результатѣ я имѣлъ удовольствіе изучать при великолѣпной погодѣ съ верхняго этажа полицейскаго арестнаго дома архитектуру башни Фрауенкирхе. На другой день меня перевели въ тюрьму. Еще черезъ день я велѣлъ доложить о себѣ г. фонъ-Мангольдту. Я кипѣлъ отъ возмущенія и слова мои, въ которыхъ я протестовалъ противъ постановленія суда и требовалъ освобожденія, звучали

надо думать, не особенно вѣжливо. Фонъ-Мангольдтъ сухо заявилъ, что не намѣренъ пускаться со мною въ разговоры по поводу судебнаго постановленія, мотивы котораго мнѣ извѣстны. Я могу обжаловать его, но палата готова будетъ также освободить меня изъ подъ стражи подъ залогъ. Я поразмыслилъ, что послѣдній путь, пожалуй, кратчайшій изъ ведущихъ къ цѣли, и заявилъ о согласіи внести залогъ. Тутъ г. фонъ-Мангольдтъ сдѣлался весьма предупредительнымъ, объяснилъ, что совсѣмъ не заинтересованъ въ продленіи моего заключенія.—Дѣйствительно, своей цѣли онъ достигъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ сейчасъ же сдѣлать письменное заявленіе, которое онъ такъ рано представитъ судебной палатѣ, что уже на другой день я снова буду среди своей семьи. Я спросилъ, какова должна быть величина залога. Контръ-вопросъ: Сколько можете вы внести? Не подумавъ, я отвѣтилъ: тысячу марокъ. Онъ согласился. На утро я былъ извѣщенъ, что постановлено освободить меня подъ предложенный мною залогъ. Но у меня не оказалось тысячи марокъ. Я попросилъ поэтому, чтобы мнѣ позволили отправиться въ сопровожденіи надзирателя въ городъ добыть деньги. На это было дано согласіе и къ полудню я былъ свободенъ. Семья моя была счастлива, увидѣвъ меня снова въ своей средѣ. Передъ освобожденіемъ фонъ-Мангольдтъ сообщилъ мнѣ, что судебное разбирательство состоится 15 іюня.

Какъ только я очутился на свободѣ, я обратился къ уголовной палатѣ съ заявленіемъ о назначеніи предсѣдателемъ другого судьи, такъ какъ считаю г. фонъ-Мангольдта предубѣжденнымъ по отношенію къ себѣ. Во время избирательной агитаціи минувшей осенью онъ подписался подъ избирательнымъ воззваніемъ, въ которомъ я лично подвергался самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. По открытіи судебнаго засѣданія, происходившаго при закрытыхъ дверяхъ, что тогда являлось въ Дрезденѣ правиломъ, въ особенности въ Мангольдтовой палатѣ, какъ называли ее товарищи, мнѣ было сообщено, что мое заявленіе оставлено безъ послѣдствій. Господинъ фонъ-Мангольдтъ заявилъ, что онъ не предубѣжденъ; въ свое время онъ далъ согласіе поставить свою подпись подъ избирательнымъ воззваніемъ, не зная его содержанія. Я заявилъ, что при

такихъ условіяхъ отказываюсь отъ дальнѣйшихъ протестовъ. Прокуратура раздвинула еще рамки обвиненія тѣмъ, что я побудилъ невѣрно обозначить типографію, и вызвала новыхъ свидѣтелей, которые, однако, ничего существеннаго не смогли показать, такъ что прокуроръ отказался отъ обвиненія въ нарушеніи закона о печати. О ходѣ судебнаго разбирательства я писалъ женѣ:

„Прокуроръ былъ очень враждебно настроенъ по отношенію ко мнѣ и особенно старался задѣвать мою личность и набросить на меня тѣнь, такъ что я много разъ прерывалъ его рѣчь своими возгласами. Предсѣдатель сдѣлалъ за это замѣчаніе: мы здѣсь не въ рейхстагѣ. Но зато, когда я получилъ слово для возраженія, я какъ слѣдуетъ отчиталъ прокурора, такъ что онъ возбужденно вскочилъ и обратился къ предсѣдателю за защитой, въ которой тотъ ему не отказалъ. Господинъ фонъ Мангольдтъ прервалъ меня два или три раза и пригрозилъ даже, если я такъ буду продолжать, лишить меня слова и приказать увести меня. Я, однако, не далъ себя запугать; я говорилъ себѣ, что передъ судьями мнѣ можетъ помочь лишь самое рѣшительное отстаиваніе моей точки зрѣнія и моего права.

Мой адвокатъ былъ совсѣмъ огорченъ моимъ поведеніемъ, онъ увѣрялъ, что моя рѣчь стоила мнѣ лишняго мѣсяца тюрьмы. Это я оспаривалъ. Эти господа большей частью держатся того взгляда, что надо держаться смирненько, разъ находишься во власти судей. И что же, несмотря на его осторожное выступленіе, г. фонъ-Мангольдтъ нѣсколько разъ прерывалъ защитника въ такой формѣ, какую я бы никогда и ни за что не допустилъ по отношенію къ себѣ. Защитникъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ говорилъ хорошо, въ рядѣ другихъ—онъ такъ запутывался въ различныхъ хитросплетеніяхъ, что судьи едва слѣдили за рѣчью и потому пропускали незамѣченными удачныя мѣста. Счастье, что послѣ него имѣлъ слово еще я, ибо въ этотъ моментъ дѣла мои были плохи. Меня судьи съ перваго слова слушали съ большимъ вниманіемъ; они къ тому же дѣлали массу отмѣтокъ, такъ что я буквально могъ видѣть и чувствовать ихъ настроеніе. Прокурору досталось порядочно, онъ отказался отъ вторичнаго слова. Послѣ получасового совѣщанія былъ объявленъ приговоръ. Онъ свелся къ 2 мѣсяцамъ тюрьмы за оскор-

бленіе союзнаго совѣта, по обвиненію въ оскорбленіи величества я былъ оправданъ. Императоръ согласно конституціи лишь публикуетъ законы, принятые по соглашенію союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ. Соучастіе въ созданіи законовъ императору не предоставлено, и т. д.".

Дрезденскіе партійные товарищи, собравшіеся передъ зданіемъ суда, поздравляли меня съ „мягкимъ приговоромъ". Мангольдтова палата пользовалась у нихъ въ виду своихъ жестокихъ приговоровъ весьма плохой славой. Всего только за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ она приговорила въ силу § 131 къ 8-ми мѣсячному тюремному заключенію товарища Гейера за невинную фразу въ одномъ воззваніи. Я обжаловалъ приговоръ.

1882 годъ въ смыслѣ судебныхъ преслѣдованій противъ меня былъ „урожайнымъ" годомъ. 8 августа я вторично предсталъ передъ судомъ,—въ Лейпцигѣ,—на этотъ разъ въ обществѣ Либкнехта и Газенклевера. Дѣло шло о воззваніи, опубликованномъ нами за нашими подписями послѣ провозглашенія малаго осаднаго положенія въ Лейпцигѣ съ округомъ. Прокуроръ тоже усмотрѣлъ въ нашемъ утвержденіи, что при объявленіи осаднаго положенія имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду помѣшать нашей избирательной агитаціи, нарушеніе § 131. Этимъ утвержденіемъ мы будто бы завѣдомо изображали въ извращенномъ видѣ распоряженіе саксонскаго правительства. Отсюда видно, что § 131 являлся тогда настоящимъ каучуковымъ параграфомъ. Кромѣ того, министръ юстиціи фонъ-Абекенъ нашелъ въ воззваніи еще и оскорбленіе союзнаго совѣта, по поводу котораго прокуроръ тоже возбудилъ преслѣдованіе. Напрасно объясняли мы, что соображенія, приводимыя въ воззваніи, соотвѣтствуютъ нашему убѣжденію, что оскорбленіемъ для насъ является предположеніе, будто мы приводили завѣдомо ложныя свѣдѣнія. То, что утверждали мы, говорила также большая часть прессы; да и во время избирательной кампаніи въ Дрезденѣ неоднократно въ цѣляхъ запугиванія избирателей утверждали, что въ случаѣ моего избранія въ Дрезденѣ тоже будетъ объявлено малое осадное положеніе. И офиціозныя „Дрезденскія Извѣстія" заявили: разъ Бебель не избранъ, Дрезденъ будетъ из-

бавленъ отъ осаднаго положенія. Все напрасно. Приговоръ свелся къ 2 мѣс. тюрьмы для каждаго изъ насъ.

Третій процессъ состоялся 26 августа, обвинялись я и еще два товарища (Клееманъ и Гольдгаузенъ), при чемъ дѣло шло опять объ избирательномъ листкѣ: нарушеніе § 131 уголовнаго уложенія. Отъ моего обвиненія прокуроръ вынужденъ былъ отказаться, такъ какъ было доказано, что не я, а Либкнехтъ является авторомъ. Но послѣдняго нельзя уже было привлечь, потому что тѣмъ временемъ истекъ срокъ давности. Сверхъ того, судъ къ тому же оправдалъ обоихъ обвиняемыхъ, ибо не могъ открыть въ воззваніи нарушенія § 131. Эта независимость сужденія не пошла на пользу Цвиккаускому суду: министръ Абекенъ черезъ годъ назначилъ предсѣдателемъ суда фонъ-Мангольдта.

Заживо похороненъ.

Цыганскій образъ жизни, который я съ краткими перерывами велъ съ марта мѣсяца, на ряду со всѣми пережитыми волненіями подорвали мое здоровье. Непосредственно вслѣдъ за процессомъ въ Цвиккау я заболѣлъ сильнымъ катарромъ желудка, принудившимъ меня слечь и обратиться за врачебной помощью. Лишь только объ этомъ узнала моя жена, она поспѣшила къ окружному начальнику и попросила о разрѣшеніи перевести меня въ Лейпцигъ, гдѣ бы она могла ухаживать за мною. Просьба эта была удовлетворена. Полицейскій врачъ, котораго сейчасъ же прислали ко мнѣ на домъ, не только подтвердилъ мое болѣзненное состояніе, но и потребовалъ продленія разрѣшенія мнѣ жительства въ Лейпцигѣ еще на недѣлю. Послѣ этого я перебрался въ Борсдорфъ и открылъ тамъ домъ, который далъ и Либкнехту возможность бросить свою маленькую комнату и получить болѣе помѣстительное жилище. Отнынѣ мы стали жить въ одномъ и томъ же этажѣ, у него были 3 комнаты, у меня двѣ.

Извѣстіе о моей болѣзни проникло и въ заграничную прессу. Въ одинъ прекрасный день я былъ немало изумленъ, когда въ необычное время явилась въ Борсдорфъ моя жена и увидѣвъ меня, вскричала: „Ахъ, слава Богу, ты значитъ живъ!“ На мой удивленный вопросъ, что значатъ эти слова, она разсказала, что рано утромъ она получила двѣ телеграммы. Одну отъ нѣмецкаго ферейна въ Парижѣ, въ которой ей выражалось соболѣзнованіе по поводу моей смерти, другую изъ Лондона, въ которой благоразумно запрашивали, соотвѣтствуетъ ли дѣйствительности сообщеніе о моей смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, утромъ же являлась на домъ и полиція, и освѣдомлялась, не умеръ ли кто-нибудь въ домѣ Она, очевидно, полагала, что я тайкомъ живу

въ Лейпцигѣ. Сообщеніе о моей смерти было послано также въ Соединенные Штаты и дало поводъ нашимъ нью-іоркскимъ партійнымъ товарищамъ устроить въ память обо мнѣ собраніе, которое привлекло тысячи посѣтителей и на которомъ говорилъ поминальную рѣчь Вальтейхъ. Это послѣднее обстоятельство до нельзя меня позабавило, но Вальтейхъ, когда онъ узналъ о недоразумѣніи, былъ очень разсерженъ и упрекалъ меня, что я не освѣдомилъ ихъ о томъ, что нахожусь въ живыхъ. Я отвѣчалъ, что не могъ же я знать, что они получили извѣстіе о моей смерти и повѣрили ему.

За сообщеніемъ о смерти во французской прессѣ появился рядъ некрологовъ, изъ содержанія которыхъ я отчасти уразумѣлъ, какъ иной разъ придумываются исторіи. Такъ, напримѣръ, „Маякъ Луары" помѣстилъ некрологъ, въ которомъ авторъ разсказывалъ слѣдующее: Онъ познакомился со мною за обѣдомъ въ Ливорно. Отсюда мы съ нимъ отправились вмѣстѣ во Флоренцію и въ Римъ, а оттуда на Капреру, крошечный островъ, прославившійся благодаря пребыванію на немъ Гарибальди. Во всемъ этомъ разсказѣ не было ни одного слова правды. Къ тому времени я еще ни разу въ своей жизни не бывалъ на итальянской почвѣ. Не ввелъ ли въ заблужденіе разсказчика кто-нибудь, выдавшій себя за меня? Это возможно. Такъ, напримѣръ, я получилъ дважды въ 90-хъ годахъ списокъ пріѣзжихъ на островъ Боркумъ, въ которомъ стояло мое имя въ числѣ постояльцевъ одной гостиницы. А я никогда тамъ не былъ.

Энгельсъ писалъ мнѣ 23 сентября по поводу происшедшаго слѣдующее:

„Дорогой Бебель!

Изъ-за тебя мы пережили хорошенькія минуты. Недѣлю назадъ, въ четвергъ, пришли ко мнѣ изъ ферейна два человѣка съ вопросомъ, правда ли, что появилось въ „Гражданинѣ" уже въ двухъ номерахъ (съ некрологомъ), а именно, что ты умеръ. Я призналъ это въ высшей степени мало вѣроятнымъ, но ничего опредѣленнаго сказать не могъ. Такъ какъ въ это время у меня сидѣлъ одинъ скучный господинъ, который не хотѣлъ уходить, хотя я больше не проронилъ ни слова,

я смогъ побѣжать къ Тусси Марксъ только послѣ 11, но все-таки засталъ ее. У нея была „Борьба“ (Bataille), тоже съ некрологомъ, безъ всякаго указанія источника, откуда получено извѣстіе, но приводимое, какъ не возбуждающій сомнѣній фактъ. Въ результатѣ — всѣ ошеломлены. Величайшее несчастіе, какое только могло стрястись надъ германской партіей, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно. Было вполнѣ понятно, что среди ликованій по поводу Египта англійскія газеты ничего не сообщили. Тутъ какъ разъ въ субботу вечеромъ я не получаю своего „Соцалъ-демократа“, что, впрочемъ, нерѣдко случается. Къ счастью, въ воскресенье утромъ я узнаю, что Тусси свой экземпляръ получила и что его содержаніе дѣлаетъ печальное извѣстіе въ высшей степени неправдоподобнымъ. Просмотрѣть въ кафе послѣдніе номера нѣмецкихъ газетъ представлялось завѣдомо невыполнимымъ дѣломъ — онѣ ежедневно смѣняются свѣжими. Такъ оставались мы въ мучительной неизвѣстности, пока наконецъ не получилась въ понедѣльникъ „Справедливость“ (Jujtice) съ офиціальнымъ опроверженіемъ.

Съ Марксомъ произошло то же самое. Онъ былъ въ Bebel на Женевскомъ озерѣ и прочелъ извѣстіе въ реакціонной „Женевской Газетѣ“, которое она, естественно, передавала, какъ стоящее внѣ сомнѣнія. Онъ написалъ мнѣ въ тотъ же день, совершенно обезкураженный. Письмо его получилось какъ разъ въ понедѣльникъ вечеромъ и я могъ еще съ утренней почтой послать ему радостную вѣсть, что все выдумано *).

„Нѣтъ, старина, такимъ молодымъ ты не смѣешь удрать отъ насъ. Ты на двадцать лѣтъ моложе меня, и послѣ того, какъ мы еще вмѣстѣ продѣлаемъ не одну боевую кампанію, ты будешь обязанъ оставаться у руля даже, когда я застыну въ послѣдней гримасѣ. И такъ какъ тѣ, кого разъ сочли умершими, должны жить дольше другихъ, то значитъ отнынѣ ты осужденъ здравствовать многіе годы“.

---

*) Въ перепискѣ Маркса и Энгельса напечатано это письмо Маркса. Въ немъ говорится по поводу смерти Бебеля: „Это ужасно, это величайшее несчастіе для нашей партіи! Онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ въ нѣмецкомъ (можно сказать въ европейскомъ) рабочемъ классѣ“.

К. К.

Я отвѣчалъ:

Увидѣвъ, какъ дорогъ я друзьямъ и единомышленникамъ, я считаю себя теперь обязаннымъ зажить по настоящему и выполнить свой долгъ... „Пока я заключилъ договоръ съ косцомъ на дальнѣйшія сорокъ лѣтъ, я думаю, что этого времени хватитъ не только для того, чтобы пережить крушеніе стараго, но и для того, чтобы насладиться малой толикой новаго". Тридцать два года протекли съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ эти строки, но недостающія восемь лѣтъ являются самыми трудными — не похоже на то, что я ихъ проживу.

Въ Саксонскомъ ландтагѣ въ 1881—1882 г.г.

Въ этомъ году ландтагъ въ видѣ исключенія открылся уже 1 сентября, чтобы отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей конституціи. Послѣ избранія президіума, началось обсужденіе адреса королю, что дало Либкнехту и мнѣ желанный поводъ подвергнуть самой безпощадной критикѣ всю правительственную систему, вплоть до введенія малаго осаднаго положенія въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ. При этомъ я упрекнулъ саксонское правительство за то, что оно уступило давленію прусскаго правительства, толкнувшаго его на эту репрессивную мѣру. Это оспаривалъ фонъ-Ностицъ-Валльвитцъ. Правительство поступило такъ въ силу самостоятельнаго рѣшенія и впредь будетъ поступать также. Мы возражать не могли, такъ какъ было принято предложеніе о прекращеніи преній,—средство, отнынѣ охотно примѣнявшееся противъ насъ. Тогда мы рѣшили внести запросъ о томъ, какія основанія побудили имперское правительство ввести въ городѣ Лейпцигѣ и округѣ такъ называемое малое осадное положеніе? Правительство временно избѣгло необходимости дать отвѣтъ, поспѣшивъ 6 сентября отсрочить засѣданіе ландтага въ цѣляхъ, какъ проболтались „Дрезденскія Извѣстія", помѣшать соціалистическимъ депутатамъ произносить зажигательныя рѣчи передъ самыми выборами въ рейхстагъ.

Таковы были „высшія соображенія", которыми руководствовались въ то время въ Саксоніи, и въ этомъ пониманіи подавляющее большинство палаты сходилось съ правительствомъ.

По закону, существующему еще и до сихъ поръ, вторая палата состоитъ изъ представителей избирательныхъ округовъ городскихъ и сельскихъ, и нигдѣ такое разграниченіе между городомъ и деревней не является

болѣе неумѣстнымъ, какъ въ высокоразвитой въ промышленномъ отношеніи Саксоніи. Но это отдѣленіе города отъ деревни многія десятилѣтія было выгодно правительству, позволяя ему, опираясь на соотвѣтствующее дѣленіе избирательныхъ округовъ, обезпечить себѣ консервативное большинство. Конечно, по отношенію къ намъ палата являлась, за исключеніемъ двухъ—трехъ депутатовъ, сплошной реакціонной массой, готовой всегда, безъ малѣйшей критики, отвергнуть все, исходящее отъ насъ, и одобрить все, что направлено противъ насъ. Иначе и не могло быть при ея соціальномъ составѣ. Очень значительную часть палаты составляли сельскіе депутаты, политическій кругозоръ которыхъ едва-ли выходитъ за предѣлы ихъ избирательнаго округа, люди, имѣвшіе смѣхотворное представленіе о стремленіяхъ соціалъ-демократіи. Къ нимъ примыкало нѣсколько городскихъ головъ провинціальныхъ городовъ, жившихъ въ мелкобуржуазной средѣ и соотвѣтствующимъ образомъ думающихъ. Остальные депутаты состояли изъ правительственныхъ чиновниковъ, нѣсколькихъ фабрикантовъ и, большею частью, юристовъ. За немногими исключеніями вся палата была проникнута узкимъ саксонскимъ партикуляризмомъ, и въ этомъ отношеніи такъ называемые прогрессивные депутаты не отличались отъ консерваторовъ. Сидѣть въ такой палатѣ не доставляло мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, и только чувство партійнаго долга удерживало меня въ ней, а также необходимость отъ времени до времени клеймить систему, которую я ненавидѣлъ отъ всей души.

Я думаю, что министры не разъ раскаивались, что ввели въ Лейпцигѣ малое осадное положеніе и такимъ образомъ принудили меня принять мандатъ въ ландтагъ.

Для полноты картины я долженъ еще упомятуть: что въ Дрезденѣ мнѣ дважды отказывали отъ квартиры подъ давленіемъ полиціи, какъ въ этомъ признавались сами хозяева. Участь, которой подвергся также и Фольмаръ, когда, два года спустя, вошелъ въ ландтагъ. Ограниченность и вражда царили кругомъ.

При возобновленіи засѣданій ландтага въ началѣ ноября нашъ запросъ былъ поставленъ на обсужденіе. Обосновывать его пришлось мнѣ. Моя рѣчь вызвала бурю возмущенія въ палатѣ и на министерской скамьѣ, и меня многократно призывали къ порядку. Когда я

приводилъ многочисленные факты грубаго и противорѣчащаго законамъ отношенія полиціи къ высланнымъ, большинство смѣялось, и я крикнулъ въ отвѣтъ на это: „Если подобные факты не вызываютъ краску стыда у членовъ палаты, то я не знаю, что еще можетъ ее вызвать“.

Мнѣ отвѣчалъ фонъ Ностицъ-Валльвитцъ, который, какъ уже упомянуто, съ печальнымъ мужествомъ заявилъ, что, не впадая въ противорѣчіе съ закономъ, онъ могъ бы признать мое избраніе недѣйствительнымъ. Далѣе, онъ выдвинулъ совершенно безсмысленное утвержденіе, будто лейпцигскими соціалъ-демократами обсуждался вопросъ, какія личности должны при случаѣ быть устранены. Это было явно ложное утвержденіе берлинскихъ полицейскихъ агентовъ въ Лейпцигѣ, принятое министромъ, какъ заслуживающее довѣрія. Это утвержденіе было столь же лживо, какъ и другое, сообщенное въ офиціальномъ органѣ и послужившее основаніемъ для введенія осаднаго положенія въ Лейпцигѣ, а именно, будто бы при обсужденіи организаціоннаго плана (Гейнриха) предусматривалась возможность общаго возстанія въ томъ случаѣ, если въ Швейцаріи будутъ уничтожены право убѣжища и другія свободы. Мыслимо ли приписывать людямъ большія нелѣпости?

Мы снова были лишены возможности отвѣчать на объясненія министра, такъ какъ вновь было принято предложеніе о закрытіи преній. Что палата этимъ актомъ выказала какъ правительственную, такъ и свою собственную слабость—это было выше ея пониманія. Зато министръ внутреннихъ дѣлъ 17 ноября получилъ должную отповѣдь по поводу его заявленія о законности моего избранія, и въ этой отповѣди принялъ участіе Отто Фрейтагъ.

Либкнехтъ, въ избирательномъ округѣ котораго жили преимущественно горнорабочіе, поставилъ себѣ задачей провести настоятельно необходимую реформу принудительной организаціи горнорабочихъ. Его предложеніе въ этомъ смыслѣ вызвало 21 декабря продолжительныя пренія. Наше предложеніе было передано депутаціи—въ саксонскомъ ландтагѣ комиссіи называются депутаціями,—которая, въ концѣ-концовъ, предложила передать его правительству, какъ матеріалъ. Напротивъ, она отъ своего имени внесла предложеніе,

въ которомъ правительству предлагалось представить къ ближайшей сессіи ландтага соотвѣтствующій проектъ реформы организаціи горнорабочихъ. Оба предложенія были приняты, ландтагъ не могъ уже оставить неприкосновеннымъ открытое нами неблагополучіе въ бытѣ горнорабочихъ.

Въ одномъ изъ засѣданій въ концѣ января 1882 г. я рѣзко обрушился на практику судовъ. Прокуроры злоупотребляли предъявленіемъ обвиненій, а суды—арестами во время слѣдствія. Въ Дрезденѣ за восемнадцать мѣсяцевъ свыше девяноста товарищей подверглись предварительному аресту. Общая длительность предварительнаго заключенія достигала шести лѣтъ и пяти мѣсяцевъ. Изъ арестованныхъ лишь 23, то-есть четвертая часть—были осуждены, всего всѣ вмѣстѣ на 8 лѣтъ, 2 мѣсяца и 16 дней тюрьмы. Судья засчиталъ имъ всего лишь 9 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія. Изъ всѣхъ освобожденныхъ во время слѣдствія за отсутствіемъ состава преступленія или оправданныхъ по суду, каждый невинно просидѣлъ въ среднемъ 52 дня. Но были и такіе, которые просидѣли въ предварительномъ заключеніи 18, 14, 12 и 11 недѣль. Дѣло шло исключительно о несерьезныхъ обвиненіяхъ, грозившихъ лишь въ 10 случаяхъ болѣе, чѣмъ шестинедѣльнымъ арестомъ, и ни въ одномъ случаѣ арестомъ свыше 3 мѣсяцевъ. Очевидно, что въ этихъ процессахъ сказались предубѣжденность и партійное пристрастіе судей. Одинъ изъ обвиняемыхъ, дошедшій до отчаянія, повѣсился въ тюрьмѣ, другой, будучи оправданъ послѣ $4^1/_2$ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, заболѣлъ маніей преслѣдованія и утопился въ Эльбѣ. По поводу случая съ Ш., о которомъ упоминалось въ связи съ избирательной кампаніей въ Фрейбургѣ, прокуроръ заявилъ, что не станетъ скрывать, что если бы Ш. не былъ соціалъ-демократомъ, онъ его не арестовалъ бы. Всѣ эти процессы были затѣяны по инициативѣ полицейскаго комиссара Пауля.

9 февраля министръ юстиціи фонъ-Абекенъ пытался опровергнуть мои обвиненія, я отвѣчалъ обстоятельно. Послѣ этого вдругъ предсѣдатель объявилъ пренія закрытыми. Фонъ-Абекенъ въ противоположность своему коллегѣ, министру внутреннихъ дѣлъ, былъ маленькій, тощенькій человѣчекъ, съ холоднымъ лицомъ фанатика.

Я рисовалъ его своимъ товарищамъ въ образѣ великаго испанскаго инквизитора Торквемады. Онъ подходилъ бы къ вѣку послѣдняго. Чрезвычайно тонкій юристъ, въ монотонной рѣчи котораго, произносимой рѣзкимъ и сухимъ безъ модуляціи голосомъ бюрократа, лишь слабое дрожаніе выдавало его внутреннее возбужденіе, онъ защищалъ въ высшей степени послѣдовательно дѣйствія своихъ прокуроровъ и судей. Этимъ онъ, самымъ развращающимъ образомъ вліялъ на юстицію своей страны, такъ какъ являлся иниціаторомъ значительной части процессовъ противъ насъ.

Въ упомянутомъ засѣданіи Либкнехтъ тоже произнесъ длинную обвинительную рѣчь, пересыпанную многочисленными фактами и навлекшую на него многочисленные призывы къ порядку. Я поддержалъ Либкнехта, но принятіе прекращеній преній положило конецъ дальнѣйшимъ выступленіямъ.

Другимъ поводомъ для нашихъ нападокъ послужила смѣта расходовъ на полицію города Дрездена, оплачиваемая населеніемъ всей страны. Въ этой смѣтѣ въ знакъ признательности полицейскому комиссару Паулю за его дѣятельность, предлагалась для него личная ежегодная прибавка въ шестьсотъ марокъ, являющаяся при его образѣ жизни каплей въ морѣ. Этотъ защитникъ нравственности и общественнаго порядка, брака, семьи, религіи и собственности, былъ самымъ безнравственнымъ человѣкомъ, какого только можно вообразить. Онъ былъ пьяницей, постоянно дѣлалъ долги направо и налѣво, проводилъ всѣ ночи напролетъ въ дрезденскихъ домахъ разврата, былъ доступенъ всяческому подкупу. Соціалистовъ онъ преслѣдовалъ въ видѣ спорта, зная при этомъ, что этимъ онъ искупаетъ въ глазахъ начальства многіе свои грѣхи; однако, передъ паденіемъ закона противъ соціалистовъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самоубійству, такъ какъ прокуратурѣ пришлось привлечь его къ отвѣтственности за совершенныя имъ преступленія.

И во время недавно закончившихся выборовъ въ рейхстагъ Пауль велъ себя, какъ одержимый. Вечеромъ въ день выборовъ, 19 ноября, ворвался онъ, совершенно пьяный, въ табачную лавочку Макса Кайзера и ресторанъ Петерса и палкой избивалъ публику. На базарѣ подъ его руководствомъ полиція чинила насилія, а такъ какъ публика протестовала, то въ результатѣ былъ воз-

бужденъ процессъ по обвиненію въ возстаніи противъ властей, кончившійся суровыми приговорами.

Засѣданіе, въ которомъ мы огласили эти факты, было самое длинное и самое страстное изо всѣхъ засѣданій ландтага.

Другимъ вопросомъ, которымъ, въ концѣ-концовъ, пришлось заняться и рейхстагу, явился вопросъ о произволѣ, съ которымъ саксонское правительство пользовалось предоставленнымъ ему правомъ высылки лицъ, осужденныхъ по политическимъ дѣламъ. Оно зашло въ этомъ такъ далеко, что простого полицейскаго взысканія было достаточно, чтобы оправдать приказъ о высылкѣ. Въ то время не менѣе трехъ саксонскихъ депутатовъ подверглись высылкѣ на основаніи закона 1834 года—Кайзеръ, Либкнехтъ и Фольмаръ. Мы требовали, чтобы не позднѣе ближайшей сессіи ландтага былъ внесенъ законопроектъ, которымъ для полиціи устанавливались бы твердо опредѣленныя, возможно болѣе точныя нормы для примѣненія права высылокъ, исключающія простое усмотрѣніе и обезпечивающія свободу личности и право передвиженія. Въ своемъ предложеніи мы исходили изъ аналогичнаго предложенія, уже принятаго палатой въ семидесятыхъ годахъ. Защита его выпала на меня. Я указалъ на имѣвшія мѣсто за послѣднее время высылки нѣсколькихъ лицъ, осужденныхъ по политическимъ дѣламъ, изъ которыхъ четверо были саксонцы по рожденію, четверо же такъ называемые „чужеземцы", въ число которыхъ министръ въ засѣданіи 5 сентября включилъ и меня съ Либкнехтомъ.

Кто не родился на священной землѣ Саксоніи, тотъ въ ихъ глазахъ не являлся полноцѣннымъ человѣкомъ, что, впрочемъ, не мѣшало преслѣдовать и притѣснять также и своихъ полноцѣнныхъ соотечественниковъ, разъ только они были соціалъ-демократами. Далѣе я указалъ, что высылки противорѣчатъ закону о свободѣ передвиженія и что самъ министръ прежде призналъ, что для высылокъ требуется другое, законное основаніе. Въ отвѣтной рѣчи министръ снова заявилъ, что если намъ не нравится въ Саксоніи, то мы можемъ возможно шире воспользоваться правомъ свободнаго передвиженія. Это заявленіе палата приняла веселымъ смѣхомъ. Онъ получилъ отъ меня достойный отвѣтъ.

Мы требовали, чтобы наше предложеніе было поставлено на окончательное обсужденіе, что допускалось

наказомъ. Палата отклонила предложеніе и постановила передать его въ законодательную депутацію. Это значило похоронить предложеніе, такъ какъ ландтагъ былъ наканунѣ роспуска.

Это побудило меня 21 октября 1882 года послать въ рейхстагъ петицію, въ которой я подвергъ основательной критикѣ методы высылокъ, примѣнявшіеся саксонскимъ правительствомъ, и предлагалъ рейхстагу заявить путемъ разъясненія 1-го абзаца § 3 закона о свободѣ передвиженія и на основаніи опредѣленій, даваемыхъ Уголовнымъ Уложеніемъ понятіямъ о преступленіи, проступкѣ и правонарушеніи, что толкованіе, которому саксонское правительство подвергаетъ абзацъ 2 § 19 саксонскаго закона объ осѣдлости отъ 26 ноября 1834 г. противорѣчитъ вышеуказаннымъ постановленіямъ закона о свободѣ передвиженія и уголовнаго уложенія и, такимъ образомъ, идетъ въ разрѣзъ съ соотвѣтствующими общеимперскими законами. Во-вторыхъ, что абзацъ 4 параграфа 17 саксонскаго закона объ осѣдлости отмѣненъ, въ силу §§ 3 и 12 общегерманскаго закона о свободѣ передвиженія. Соотвѣтственно этому рейхстагъ долженъ произвести измѣненіе § 3 закона о свободѣ передвиженія, чтобы стали невозможными въ будущемъ высылки, какъ онѣ производятся въ Саксоніи.

Свою петицію я сопроводилъ стенографическимъ отчетомъ о засѣданіи 21 февраля и въ видѣ отдѣльнаго оттиска раздалъ оба документа членамъ рейхстага. Изъ обстоятельнаго печатнаго доклада, представленнаго петиціонной комиссіей пленарному засѣданію рейхстага, ясно видно, что саксонское правительство не нашло ни единаго голоса въ петиціонной комиссіи въ пользу своего толкованія закона, хотя въ нее входило много саксонскихъ депутатовъ, между прочимъ, также и мой наслѣдникъ по дрезденскому мандату обербюргермейстеръ Штюбель. Комиссія *единогласно* предложила пленуму передать петицію канцлеру съ просьбой принять соотвѣтствующія мѣры, а если понадобится, даже внести проектъ соотвѣтствующаго имперскаго закона въ цѣляхъ согласованія саксонскаго закона объ осѣдлости 26 ноября 1834 года и его примѣненія съ имперскимъ закономъ 1 ноября 1867 г. о свободѣ передвиженія.

Я могъ быть довольнымъ достигнутымъ результатомъ.

Первый процессъ о государственной измѣнѣ въ Имперскомъ судѣ.

(10—21 октября 1881 г.).

Законъ противъ соціалистовъ повиненъ въ развитіи анархизма, заявилъ 8 мая 1884 г. націоналъ-либералъ фонъ-Штауфенбергъ въ рейхстагѣ при обсужденіи вопроса о продленіи дѣйствія исключительнаго закона. Та же мысль, только съ большей обстоятельностью и подкрѣпленная многочисленными фактами, проводилась въ отчетѣ главнаго прокурора объ анархической пропагандѣ въ Швейцаріи (май 1885 г.). Это только подтверждало справедливость того, что мы неоднократно и настойчиво заявляли въ рейхстагѣ.

Передъ изданіемъ закона противъ соціалистовъ въ Германіи анархизмъ былъ почти неизвѣстенъ. Попадались, правда, отдѣльные сторонники его, но въ совершенно незначительномъ числѣ. Болѣе замѣтнаго, но все еще незначительнаго, распространенія достигъ онъ только тогда, когда вошелъ въ силу исключительный законъ и Мостъ началъ въ „Свободѣ“ (съ 1880 г.) пропагандировать анархизмъ въ его самой крайней формѣ. Озлобленіе, вызванное закономъ, являлось подходящей для этого почвой, а это озлобленіе росло благодаря многочисленнымъ грубымъ мѣрамъ полиціи, которая, казалось, старалась толкать свои жертвы къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Что безъ исключительнаго закона они никогда бы не пришли къ анархизму, признались также многіе изъ обвиняемыхъ въ процессѣ, о которомъ тутъ говорится.

Но власть, данная закономъ въ руки полиціи, соблазняла многихъ чиновниковъ выступать въ роли спасителей отечества. Громадные тайные фонды, особенно въ Пруссіи, бывшіе у нея въ распоряженіи уже

въ видѣ рептильнаго фонда, довольно скоро сдѣлали выгоднымъ занятіемъ устройство покушеній и подстрекательство фанатиковъ на покушенія, могущія утолить ихъ ненависть къ насильникамъ. Фактъ тотъ, что ко всѣмъ заговорамъ и покушеніямъ, имѣвшимъ мѣсто отъ 1881 г. до 1886 г. и даже позднѣе, была причастна полицейская рука и полицейскіе же агенты являлись подстрекателями. Если при этомъ удавалось въ нужный моментъ арестовать заговорщиковъ и привлечь ихъ къ судебной отвѣтственности, то полиція являлась въ ореолѣ спасительницы государства и общества и на нее лился дождь похвалъ, наградъ и отличій.

Процессъ, возбужденный противъ сапожника Брейдера изъ Франкфурта на Майнѣ, литератора Виктора Даве изъ Лондона, штамповщика Альберта Лихтенштейгера изъ Легаузена, близъ Аугсбурга, и другихъ 11 лицъ изъ Франкфурта на М., Дармштадта и Берлина, по обвиненію ихъ въ подготовкѣ государственной измѣны, что предусмотрѣно §§ 110, 112, 128, 129 и 130 имперскаго уголовнаго уложенія и § 19 закона противъ соціалистовъ, былъ типичнымъ для всѣхъ позднѣйшихъ процессовъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и противъ анархистовъ. Полицейскій совѣтникъ Румпфъ во Франкфуртѣ на М. нашелъ нужнымъ обзавестись состоящимъ на жалованіи провокаторомъ, на котораго возложилъ задачу завязать связи съ анархистами, живущими во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ, чтобы выдать ихъ прокуратурѣ, а также и для того, чтобы подготовить покушеніе па самаго Румпфа; послѣдній, такимъ образомъ, долженъ былъ предстать въ глазахъ начальства человѣкомъ, патріотическое усердіе котораго дѣлаетъ его особенно опаснымъ для анархистовъ. Тюремный инспекторъ Вейдеманъ, который, какъ онъ самъ показалъ на судѣ, чувствовалъ себя обязаннымъ Румпфу, рекомендовалъ ему въ качествѣ подходящей личности портного Горша, сидѣвшаго въ тюрьмѣ за растрату. Этотъ послѣдній, обремененный многочисленной семьей бѣднякъ, согласился поступить на службу къ Румпфу за вознагражденіе отъ 10 до 12 марокъ въ недѣлю.

Прежде всего, Горшъ долженъ былъ установить, кто является авторомъ и распространителемъ прокла-

маціи „Реакціонная соціалъ-демократія“, распространенной въ октябрѣ 1880 г. во Франкфуртѣ, а также въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ. Желая войти въ довѣріе къ анархистамъ, онъ подписался за счетъ полиціи на „Свободу“ и распространялъ ее среди анархистовъ. Въ согласіи съ Румпфомъ, онъ подстрекалъ своихъ друзей устроить покушеніе на полицейскаго совѣтника, совершить которое долженъ былъ башмачникъ Брейдеръ. Этотъ послѣдній долженъ былъ во время прогулки совѣтника плеснуть ему въ лицо сѣрной кислотой. Горшъ самъ позаботился объ этой кислотѣ и доставилъ ее изъ Дармштадта во Франкфуртъ вмѣстѣ съ запрещенными анархистскими листками и ручнымъ печатнымъ станкомъ для подобнаго рода листковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя указаніямъ Моста, онъ старался образовать группы по пяти человѣкъ, которыя, независимо одна отъ другой, должны были осуществлять намѣчавшіеся планы.

Разумѣется, заговорщики вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами были во время арестованы и отправлены въ Берлинъ, гдѣ уже много анархистовъ находилось подъ слѣдствіемъ, которое велъ городской судья Гольманнъ, извѣстный по процессу Геделя и Нобилинга и проявившій, повидимому, особыя способности къ этому дѣлу. Для полученія нужныхъ показаній и съ вѣдома Гольманна въ камеру арестованныхъ сажали другихъ заключенныхъ, чтобы тѣ подслушивали ихъ. Продолжая обманывать обвиняемыхъ, Румпфъ арестовалъ также и Горша, желая сохранить въ его товарищахъ вѣру въ него, какъ честнаго человѣка. Но прокуроръ, узнавъ, что Горшъ полицейскій агентъ, освободилъ его. Одинъ изъ шпіоновъ, посаженныхъ съ заключенными, показалъ на судѣ, что онъ шесть разъ былъ освобождаемъ изъ тюрьмы, чтобы вынести отъ заключенныхъ письма, которыя постоянно отбирались. Онъ разсказалъ также, что полицейскій комиссаръ, графъ Штилльфридъ, обѣщалъ ему тысячу марокъ, если ему удастся изобличить обвиняемыхъ. Затѣмъ слѣдователь Гольманнъ обѣщалъ просить объ его помилованіи въ случаѣ, если за свою дѣятельность онъ будетъ осужденъ въ этомъ процессѣ, какъ посредникъ. Во время судебнаго разбирательства стали извѣстны также два компрометирующихъ письма Румпфа къ

Гольманну. Въ одномъ изъ нихъ Румпфъ писалъ: „Полагаю, что было бы неудобно опрашивать Горша въ качествѣ свидѣтеля, такъ какъ въ этомъ случаѣ выяснится его предательство, а это было бы для него пагубно, *а для меня по меньшей мѣрѣ* нежелательно". „Предоставляю рѣшеніе вашему благородію, такъ какъ все, что сдѣлано, сдѣлано исключительно *въ государственныхъ интересахъ* и въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ соціализмомъ, и такъ какъ я считалъ своимъ долгомъ пользоваться для достиженія этой цѣли всѣми средствами, находящимися въ моемъ распоряженіи. Результатъ оправдалъ этотъ способъ дѣйствій".

Въ другомъ письмѣ къ Гольманну Румпфъ писалъ: „Считаю безусловно необходимымъ въ общественныхъ и государственныхъ интересахъ, чтобы примѣненныя для достиженія результата средства остались необнаруженными". Эти слова совершенно обнажаютъ и раскрываютъ ту подлую роль, которую онъ игралъ.

И одинъ изъ защитниковъ не обошелъ слѣдователя, когда въ своей рѣчи въ защиту обвиняемыхъ сказалъ: Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что г. Гольманнъ, который, повидимому, является очень хорошимъ слѣдователемъ съ точки зрѣнія старой инквизиторской школы, *прибѣгалъ ко всякимъ средствамъ, чтобы вынудить признаніе*".

Послѣ девятидневнаго судебнаго разбирательства большинство обвиняемыхъ были осуждены. Такъ, Брейдеръ получилъ $2^1/_2$ года, Гешманъ — 2 года, Даве — $2^1/_2$ г., Криступейтъ — 2 года, Лихтенштейгеръ — 1^1 года каторжной тюрьмы съ обычными послѣдствіями этого наказанія.

Рядомъ съ Брейдеромъ и его товарищами на скамьѣ подсудимыхъ по праву долженъ былъ сидѣть также и главный подстрекатель къ преступленію, портной Горшъ, а вмѣстѣ съ нимъ тоже по праву и полицейскій совѣтникъ Румпфъ и слѣдователь Гольманнъ, позволявшіе себѣ совершеніе поступковъ, идущихъ вразрѣзъ съ уголовнымъ уложеніемъ. Этотъ процессъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на общество. Анархисты же поклялись отомстить и сдержали свое слово.

13 января 1885 года въ 8 часовъ вечера полицейскаго совѣтника Румпфа подняли мертвымъ подлѣ палисадника одного дома. Ему былъ нанесенъ ударъ

ножемъ или кинжаломъ прямо въ сердце. Убійство произвело страшное впечатлѣніе. Испуганное прави тельство обѣщало 10.000 марокъ вознагражденія за открытіе убійцы. Нѣсколько дней спустя послѣ убійства въ Гокенгеймѣ, близь Мангейма, былъ арестованъ жандармомъ башмачникъ Юлій Лиске изъ Цоссена, заподозрѣнный имъ въ совершеніи преступленія. Когда жандармъ хотѣлъ его арестовать, Лиске выстрѣлилъ въ него, но промахнулся. Послѣ пятимѣсячнаго предварительнаго заключенія Лиске былъ приговоренъ франкфуртскимъ судомъ присяжныхъ за покушеніе на убійство жандарма и за убійство Румпфа къ 4 годамъ каторги, десяти годамъ лишенія правъ и смертной казни. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Смертный приговоръ основывался лишь на подозрѣніяхъ, такъ какъ Лиске упорно отрицалъ свою виновность въ убійствѣ.

Интересно отмѣтить для настроенія буржуазнаго общества послѣ убійства Румпфа, что оно демонстративно не приняло участія въ похоронахъ. Похоронная процессія состояла исключительно изъ чиновниковъ

Разногласія.

Въ каждой партіи, какъ ни была она сплочена и единодушна, въ процессѣ борьбы неизбѣжно возникаютъ различія мнѣній и разногласія. Нѣтъ ни одной партіи, въ которой этого не было бы или нѣтъ. Соціалъ-демократія въ данномъ отношеніи не представляетъ исключенія.

Партіи, стоящія у власти и защищающія свою власть отъ нападеній, болѣе сплочены, чѣмъ партіи, борющіяся за завоеваніе власти. Въ послѣднихъ легче возникаютъ разногласія по вопросу о необходимой тактикѣ, по вопросамъ вродѣ того, какимъ способомъ и какими средствами нужно бороться, насколько можно и слѣдуетъ уступать противнику, какое дѣйствіе окажетъ на противника тотъ или иной методъ борьбы и какихъ результатовъ можно отъ нихъ ждать.

Но выборъ методовъ борьбы не свободенъ: на него вліяетъ характеръ борьбы и силы, имѣющіяся въ распоряженіи противника, принуждающія нападающаго бороться не такъ, какъ хотѣлось бы, а такъ, какъ диктуется обстоятельствами. Въ силу этого возникаютъ разногласія, которыя благодаря различію характеровъ и темпераментовъ отдѣльныхъ членовъ, благодаря различной оцѣнкѣ общаго положенія и положенія собственной партіи приводятъ къ треніямъ и борьбѣ мнѣній. Такая борьба мнѣній ведется въ соціалъ-демократіи съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, и будетъ вестись, пока партія жива, хотя характеръ борьбы и будетъ мѣняться въ зависимости отъ обстоятельствъ. Но для того, чтобы подобная борьба мнѣній внутри партіи происходила съ пользой для нея, первымъ условіемъ должна быть возможность свободнаго выраженія всѣхъ мнѣній, способствующая согласованію противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Но этой возможности свободнаго обмѣна взглядами, какъ воздухъ, необходимаго для всякой демократической партіи, почти не существовало во время закона противъ соціалистовъ. Однихъ съѣздовъ, всегда созывавшихся черезъ очень долгіе промежутки и съ большими трудностями, было недостаточно; а совѣщанія, устраиваемыя время отъ времени руководящими товарищами, могли лишь въ малой мѣрѣ помочь дѣлу. Открытое обсужденіе рѣшеній этихъ совѣщаній въ партійномъ органѣ было очень трудно и неудобно, такъ какъ это раскрывало бы наши карты противнику. Этимъ объясняется, что разногласія въ партіи по временамъ принимали непріятный характеръ и у обѣихъ сторонъ иногда возникала мысль о неизбѣжности раскола.

Объ этихъ разногласіяхъ въ печать проникало лишь очень немногое, но было несомнѣнно, что если бы дѣло дошло до публичной полемики, то подавляющее большинство партійныхъ товарищей отвергло бы всѣ попытки вызвать расколъ. Я уже сообщалъ, что самое появленіе „Соціаль-демократа" было встрѣчено среди руководящихъ товарищей далеко не общей симпатіей. Направленіе газеты также, несомнѣнно, подверглось отрицательной критикѣ со стороны части ихъ; отдѣльные изъ нихъ отнеслись къ газетѣ даже совсѣмъ враждебно и не пошевелили пальцемъ для ея распространенія. Однако, это не помѣшало массамъ дѣлать все возможное для газеты. Недовольство позиціей „Соціалъ-демократа" возрасло среди упомянутой группы еще сильнѣе, когда редактированіе перешло къ Бернштейну и онъ придалъ газетѣ направленіе, которое встрѣтило полное одобреніе не только у Маркса и Энгельса, но и среди массы товарищей, что сказалось въ быстромъ расширеніи круга читателей. Въ іюлѣ контора „Соціалъ-демократа" могла уже сообщить, что несмотря на громадные расходы, которые вызываются, главнымъ образомъ, доставкой газеты въ Германію, она окупаетъ сама себя. Это сообщеніе побудило Энгельса написать мнѣ, что это представляетъ собою небывалый успѣхъ, какимъ до сихъ поръ не могла похвастать ни одна преслѣдуемая партія. Недовольство направленіемъ „Соціалъ-демократа" росло также и въ правительственныхъ кругахъ. Въ такъ называемой „объяснительной запи-

скѣ“ къ предложенію о продленіи малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ съ окрестностями, Гамбургѣ-Альтонѣ съ окрестностями, городѣ Лейпцигѣ и его округѣ цитаты изъ „Соціалъ - демократа“ играли важную роль, при чемъ дѣло не обошлось безъ тенденціознаго искаженія ихъ. Но вмѣсто того, чтобы самымъ рѣзкимъ образомъ указать на недопустимость такого метода, оба оратора фракціи, по мнѣнію редакціи „Соціалъ - демократа“, предали газету и постарались отмежевать партію отъ нея. Это вызвало рѣзкое выступленіе со стороны редакціи, повлекшее въ свою очередь отвѣтное заявленіе говорившихъ. Кромѣ того, въ одной изъ статей „Соціалъ - демократъ“ заявилъ, что пренія велись не такъ, какъ того требовало положеніе. Все происшествіе вызвало среди насъ сильное возмущеніе; въ особенности заслуживалъ, по моему мнѣнію, рѣзкаго порицанія отказъ отъ „Соціалъ - демократа“, какъ центральнаго органа партіи. Въ виду этого было созвано собраніе фракціи, къ которому были привлечены Ауэръ и я — мы оба не входили въ нее вслѣдствіе нашего пораженія на выборахъ — и которое единогласно вынесло резолюцію, подтверждавшую, что не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ официальномъ характерѣ „Соціалъ - демократа“ и что поэтому необходимо воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы заявить о полной солидарности фракціи съ общимъ направленіемъ газеты. Но дѣло не кончилось на этомъ благодаря тому, что высланный изъ Гамбурга и жившій въ Копенгагенѣ товарищъ Бреуель въ своей статьѣ въ „Соціалъ-демократѣ“ не одобрилъ его позицію и въ общемъ всталъ на точку зрѣнія порицаемыхъ депутатовъ. Это послужило сигналомъ къ тому, чтобы товарищи ряда городовъ и округовъ какъ Германіи, такъ и за границей въ особыхъ резолюціяхъ встали на сторону „Соціалъ-демократа“.

Среди несогласныхъ съ позиціей, какъ газеты, такъ и фракціи, находился и Карлъ Гехбергъ. Ему приходились по вкусу выраженія, встрѣчавшіяся въ мотивировкѣ законопроекта о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, вродѣ слѣдующихъ: необходимо убѣдить рабочихъ, что государство не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе; на государство слѣдуетъ смотрѣть, какъ на институтъ, созданный не только

для защиты имущихъ классовъ общества, но также и для обслуживанія рабочихъ интересовъ и нуждъ, и что если даже законодательство вступаетъ какъ будто на внушающій опасеніе путь соціалистическихъ экспериментовъ, какъ, напр., въ законопроектѣ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, то все же отказываться отъ этого пути не слѣдуетъ.

Въ письмахъ къ Ауэру и ко мнѣ Гехбергъ пытался излѣчить насъ отъ нашихъ неправильныхъ взглядовъ. По этому поводу я писалъ Ауэру изъ Дрездена 4 января 1882 г.:

„Дорогой Ауэръ!

На твое поздравленіе съ Новымъ Годомъ отвѣчаю съ нѣкоторымъ запозданіемъ. Моя семья была здѣсь (въ Дрезденѣ) до понедѣльника днемъ, а такъ какъ время всегда расчитано въ обрѣзъ, то мнѣ пришлось сейчасъ же уѣхать и я вернулся домой лишь прошлой ночью. 1882 г. тоже принесетъ намъ не много радости, однако, будь что будетъ, будемъ держаться, когда - нибудь послѣдніе станутъ первыми и тогда мы дождемся возмездія.

Карлъ (Гёхбергъ) и мнѣ написалъ длинное письмо въ томъ же тонѣ, я ему обстоятельно отвѣтилъ и рѣшительно взялъ „Соціалъ - демократъ“ подъ свою защиту. Карлъ просто филантропъ, онъ никогда не понималъ движенія и не можетъ постичь классоваго характера современнаго общества. Онъ воображаетъ, что можно пересоздать міръ филонтропіей, что достаточно лишь доброй воли нѣсколькихъ власть имущихъ и все будетъ сдѣлано. Съ этой точки зрѣнія понятно, что онъ придаетъ громадное значеніе соціалистическимъ экспериментамъ и охотно принимаетъ за совершившійся фактъ обѣщанія и слухи.

Я ему отвѣтилъ, что у насъ нѣтъ никакихъ причинъ мѣнять нашу тактику, пока другая сторона не мѣняетъ свою. До сихъ поръ въ томъ лагерѣ дѣло не шло дальше пустыхъ разговоровъ и никуда негодныхъ попытокъ и только; когда прекратится эта болтовня и намъ покажутъ серьезныя дѣла, для насъ наступитъ моментъ серьезно подумать о нашей тактикѣ. Да для той стороны нѣтъ ничего лучше, какъ серьезно заняться реформами,— это принудитъ насъ занять опредѣленную позицію и

быть можетъ тогда удастся насъ расколоть или, по крайней мѣрѣ, сильно повредить намъ, если бы мы на самомъ дѣлѣ отвернулись отъ хорошаго и т. д. и т. д.

Не думаю, чтобы моя нотація помогла. Всему складу его мышленія несвойственно болѣе глубокое пониманіе, и онъ, какъ уже часто бывало, когда ему нечего отвѣчать, прекратитъ полемику.

Меня особенно огорчаютъ постоянныя попытки, дѣлаемыя имъ, какъ только онъ себя чувствуетъ физически немного лучше, отбрыкиваться и разводнять наши взгляды. Несомнѣнно, онъ просилъ Шт. изъ Б. вторить ему, и онъ дѣлаетъ это, во всякомъ случаѣ, съ большою ловкостью.

Впрочемъ, я того мнѣнія, что мы должны попытаться въ этомъ году созвать возможно болѣе многолюдное совѣщаніе, если это возможно гдѣ-нибудь устроить. Не для того, чтобы предотвратить расколъ, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, онъ неизбѣженъ, если только событія будутъ и дальше развиваться такимъ же образомъ. Для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что часть нашихъ вождей уже давно чувствуетъ утомленіе, и что эта часть уже раньше была увлечена въ борьбѣ противъ воли гораздо дальше, чѣмъ въ силу своего характера и своихъ взглядовъ готова была идти, а теперь лишь внѣшне цѣпляется за наше дѣло или потому, что имъ самимъ не совсѣмъ ясны имѣющіяся разногласія, или же потому, что говорятъ себѣ, что имъ трудно расчитывать на сочувствіе и вслѣдствіе этого легко могутъ утратить занимаемое ими положеніе.

Сущность разногласій не въ томъ, вспыхнетъ ли революція черезъ пять лѣтъ или пѣть. Объ этомъ можно спорить, но это не основаніе для раскола, и было бы по меньшей мѣрѣ глупостью дѣлать это основаніемъ раскола. Расхожденіе лежитъ скорѣе въ общемъ пониманіи движенія, какъ классоваго движенія, преслѣдующаго и долженствующаго преслѣдовать великія, преобразующія міръ цѣли и потому не могущаго вступать ни въ какіе компромиссы съ существующимъ обществомъ, а если бы сдѣлало это, то погибло бы или возродилось бы уже въ новомъ видѣ, освободившись отъ теперешнихъ вождей.

Однако, сторонники компромисса и примиренія уже

по одному тому не найдутъ среди насъ сторонниковъ, что ни Бисмаркъ, ни одна изъ партій не могутъ предложить реформъ, мало-мальски пріемлемыхъ. Все въ этой области будетъ оставаться лишь простыми попытками, а если что и будетъ проведено въ жизнь, то въ такомъ половинчатомъ видѣ, что это лишь пробудитъ стремленіе сдѣлать дѣло какъ слѣдуетъ, а на это теперешніе власть имущіе не способны.

Я считалъ бы нужнымъ съѣздъ потому, что тогда можно было бы сразу основательно и не стѣсняясь обмѣняться мнѣніями о существующемъ положеніи дѣлъ и возможномъ будущемъ, и тѣмъ самымъ создать возможность соглашенія съ тѣми, съ кѣмъ въ существенномъ сходишься. Я опасаюсь лишь того, что на такомъ совѣщаніи не будетъ тѣхъ, кто держится иной точки зрѣнія, или же они будутъ молчать, не желая въ ней признаться. Но, конечно, это не основаніе для того, чтобы отказаться отъ совѣщанія.

Продленіе исключительнаго закона я считаю не подлежащимъ сомнѣнію, если только портфель не перейдетъ въ руки канцлера, убаюкивающаго себя иллюзіями—а я не знаю, кто могъ бы быть такимъ мечтателемъ; или же, если при перемѣнѣ на тронѣ въ первый моментъ не одержитъ верхъ миролюбивое чувство, что мало согласуется, впрочемъ, съ обычно господствующими государственными соображеніями. Это почти немыслимые случаи. Единственная уступка, которую, быть можетъ, сдѣлаютъ,—это снятіе осаднаго положенія. остальное все останется,—если только не окажется возможнымъ созданіе для Германіи такого права союзовъ и собраній и такое усиленіе уголовныхъ каръ, что исключительный законъ станетъ ненужнымъ. Но для этого трудно будетъ найти большинство, такъ какъ это ухудшитъ положеніе всѣхъ другихъ партій, а не только нашей, и наказывать имъ самихъ себя нѣтъ никакихъ основаній. Всѣ партіи безъ исключенія, если не считать отдѣльныхъ лицъ, довольны, что существуетъ законъ противъ насъ, и съ истиннымъ страхомъ ожидаютъ того времени, когда мы снова свободно выйдемъ на арену. Всѣ понимаютъ, что тогда число нашихъ сторонниковъ возрастетъ колоссально, такъ какъ приходится имѣть въ виду дальнѣйшее ухудшеніе нашего экономическаго положенія, а отнюдь не улучшенія, или

самое большее, очень мимолетное и даже не во всѣхъ областяхъ замѣтное улучшеніе.

Это инстинктивно чувствуютъ всѣ партіи, и поэтому ихъ охватываетъ смертельный ужасъ при мысли о томъ, чѣмъ мы станемъ при свободѣ, и потому въ 1884 году обязательно составится большинство, готовое продлить дѣйствіе закона и этимъ заслужить молчаливую благодарность оппозиціи.

Наше поведеніе ни въ чемъ не измѣнитъ поведенія нашихъ противниковъ. Для того, чтобы повліять на него, мы должны были бы отъ всего отказаться и отречься, уничтожить нашъ органъ, кастрировать наши рѣчи въ рейхстагѣ и ландтагѣ, однимъ словомъ, отказаться отъ всего, что можетъ хотя бы въ малѣйшей степени не понравиться нашимъ противникамъ. И даже, если мы все это продѣлаемъ, отъ насъ будутъ требовать все большаго и большаго, и, въ концѣ концовъ, все же намъ не довѣрятъ и заявятъ, что все это лишь лицемѣріе, разсчитанное на обманъ, и потому, какъ разъ теперь, слѣдуетъ быть осторожными. И въ результатѣ мы оказались бы совершенно посрамленными.

Культуркампфъ долженъ служить намъ предостереженіемъ. Если кто способенъ дѣлать уступки тѣмъ, кто наверху, и приносить весьма желанную помощь,—то это католическая церковь, и все же какъ осторожно приступаютъ къ дѣлу, какъ недовѣрчиво относятся другъ къ другу, хотя, въ концѣ концовъ, обѣ стороны очень нуждаются другъ въ другѣ.

Единственное, что мы можемъ и должны дѣлать, это не провоцировать безъ нужды и сохранять хладнокровіе, хотя это чертовски трудно при постоянныхъ свинствахъ, чинимыхъ противъ насъ, и хотя никто изъ насъ не можетъ поручиться за себя при всѣхъ обстоятельствахъ. Каждый испытываетъ иногда потребность излить свой гнѣвъ и раздраженіе и тогда происходитъ многое такое, что у людей съ рыбьей кровью вызываетъ возмущеніе. Мы находимся въ такомъ положеніи, когда неизбѣжны ошибки или поступки, могущіе быть принятыми за ошибки, и поэтому не остается, въ концѣ концовъ, иного выбора, какъ мириться съ неизбѣжнымъ или уходить.

Самое большее, что мы можемъ дѣлать—это сообща стараться, по возможности, устранить ошибки — оконча-

тельно устранить ихъ мы не въ состоянін, если не хотимъ духовно и морально себя кастрировать; а затѣмъ, мы не должны забывать, что наши ошибки — ошибки нашихъ враговъ; не мы ведемъ впередъ, а насъ толкаютъ. Такимъ образомъ, наша тактика — если мы не хотимъ отказаться отъ нашихъ принциповъ, — скорѣе навязывается намъ нашими врагами, чѣмъ опредѣляется нами самими.

Весенняя сессія едва ли состоится, поэтому мы не должны на нее разсчитывать; скорѣе надо разсчитывать на осень, когда, вѣроятно, соберутся раньше.

Если вы—ты и Гр. — сдѣлаете, какъ условлено, совѣтую быть поосторожнѣе въ письмахъ: поистинѣ возмутительно, какъ мало умѣеть часть нашихъ товарищей считаться съ обстоятельствами. Прилагаемаго листка могу доставить въ ваше распоряженіе большое количество.

Съ горячимъ привѣтомъ тебѣ и твоимъ домашнимъ

твой Августъ Бебель."

Въ теченіе происходившей тогда сессіи рейхстага фракціи не было недостатка въ работѣ. Правительство внесло новый законопроектъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, который былъ построенъ на принципіально иныхъ основаніяхъ, чѣмъ предыдущій, и болѣе соотвѣтствовалъ желаніямъ буржуазныхъ партій. По поводу проекта говорили Гриллейбергеръ и Кайзеръ. Предложеніе фракціи объ отмѣнѣ всѣхъ исключительныхъ законовъ даже не обсуждалось.

Главнымъ вопросомъ сессіи явился проектъ о табачной монополіи, которую профессоръ Адольфъ Вагнеръ съ компаніей пытались рекомендовать недовѣрчиво относящимся къ ней массамъ, какъ „достояніе неимущихъ." Доходъ отъ монополіи, будто бы, долженъ былъ пойти на цѣли страхованія рабочихъ. Законопроектъ же гласилъ совершенно иное. Правда, незначительная часть всего дохода, предполагавшагося въ размѣрѣ около 165½ милл., должна была идти на страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, но за то львиную долю поглощала имперія на военныя и другія подобныя цѣли. Изъ общаго числа 100.000 рабочихъ и работницъ табачнаго производства предполагалось оставить въ производствѣ 80.000, около 8.000 разсчитать,

лавъ вознагражденіе, остальныхъ 12.000 — просто разсчитать. А заработная плата? 80.000 рабочихъ должны были получать въ среднемъ голодную плату въ 577 марокъ въ годъ. Имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, женщины. Ораторомъ отъ нашей фракціи выступалъ Фольмаръ. Въ прекрасной рѣчи онъ детально разобралъ проектъ, которымъ хотѣли политически заманить крестьянъ. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ не менѣе хорошо говорилъ противъ законопроекта Газенклеверъ. Либералы намѣревались дать Фольмару мѣсто въ комиссіи, имъ наша оппозиція была весьма кстати. Фракція отказалась, она хотѣла похоронить законопроектъ безъ обсужденія въ комиссіи. Въ концѣ концовъ, онъ такъ и былъ брошенъ въ корзину.

Въ №№ 34 и 35 „Соціалъ - демократа“ появились двѣ статьи безъ подписи подъ заглавіемъ: „Отмѣна исключительнаго закона“, въ которыхъ авторъ разбиралъ вопросъ о томъ, что предпочтительнѣе для партіи: отмѣна ли закона или замѣна его усиленіемъ строгости общаго законодательства. Авторъ высказывался за сохраненіе закона, такъ какъ онъ создаетъ для партіи самое желательное положеніе, толкая ее къ рѣшительной борьбѣ. При этомъ онъ ссылался на одно мѣсто изъ брошюры Либкнехта: „Политическая позиція Соціалъ демократіи“, гдѣ говорится: соціализмъ пересталъ быть вопросомъ теоріи, онъ сдѣлался уже вопросомъ силы, который можетъ разрѣшиться не въ парламентѣ, а на улицахъ, на полѣ брани.“

Далѣе авторъ продолжалъ: нужно окончательно договориться о боевомъ планѣ... Всѣ должны проникнуться убѣжденіемъ, что никакое соглашеніе, никакое перемиріе не могутъ предотвратить борьбы, что рѣшеніе дастъ только мечь... Открытая игра — сильная игра. Отбросимъ всякое утаиваніе, затушевываніе, отрицаніе, притворство и лицемѣріе, недостойныя насъ. Скажемъ нашимъ врагамъ открыто и твердо: Да, мы „опасны для государства“, такъ какъ хотимъ уничтожить васъ. Да, мы враги вашей собственности, вашего брака, вашей религіи и всего вашего порядка. Да, мы революціонеры и коммунисты! Да, мы на силу отвѣтимъ силой. Да, мы твердо вѣримъ въ скорый переворотъ и освобожденіе, на это мы надѣемся и къ этому готовимся въ мѣру нашихъ силъ путемъ созданія тайной орга-

низацiи, путемъ агитацiи и всего того, что воспрещаютъ ваши законы и что намъ представляется подходящимъ средствомъ...

Обѣ статьи, авторомъ которыхъ, какъ выяснилось впослѣдствiи, былъ Фольмаръ, произвели большой шумъ, одни ихъ хвалили, другiе бранили, третьи читали ихъ, качая головой. Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ и я. Энгельсъ писалъ мнѣ въ уже цитированномъ выше письмѣ по поводу сообщенiя о моей смерти: „Судя по нѣсколькимъ статьямъ, написаннымъ въ „Соцiалъ-демократѣ" (о возможной отмѣнѣ исключительнаго закона противъ соцiалистовъ) Фольмаръ, кажется, очень выработался. Я былъ бы очень радъ, если бы это подтвердилось. Намъ чертовски нужны дѣльные люди". Это мнѣнiе я раздѣлялъ, но все же не могъ согласиться съ обѣими статьями и потому писалъ Энгельсу:

„Борсдорфъ близъ Лейпцига, 1 октября 1882 г.

Дорогой Энгельсъ!

Я получилъ твое письмо, написанное два мѣсяца тому назадъ—оно сейчасъ лежитъ въ Лейпцигѣ и его нѣтъ у меня подъ рукой—также, какъ и письмо отъ 23 числа предыдущаго мѣсяца. Для меня очень лестно, что извѣстiе о моей мнимой смерти вызвало такой переполохъ и сочувствiе у васъ и вообще въ кругу партiйныхъ товарищей. Я увидѣлъ, какъ дорогъ я для друзей и единомышленниковъ, и это налагаетъ на меня обязанность начать жить по настоящему и исполнять мой долгъ. Пока я заключилъ договоръ со смертью на дальнѣйшiе сорокъ лѣтъ, думаю, что этого времени достаточно не только для того, чтобы дождаться крушенiя стараго, но и успѣть вкусить отъ многаго въ новомъ мiрѣ. Кто, собственно, пустилъ въ свѣтъ сообщенiе о моей смерти, я до сихъ поръ не могъ разузнать: не могу понять, откуда взялось это извѣстiе. Изъ различныхъ писемъ, которыя жена получала во время моей болѣзни въ Лейпцигѣ, я узналъ, что газеты сообщали всяческiя свѣдѣнiя о моей опасной болѣзни. Но о томъ, что я уже умеръ—объ этомъ я узналъ уже

послѣ того, какъ переселился сюда, изъ телеграммы парижскихъ товарищей моей женѣ, въ которой они выражаютъ ей свое соболѣзнованіе по случаю моей смерти.

Эта телеграмма не мало напугала мою бѣдную жену, въ первый моментъ она подумала, что въ Парижѣ извѣстно обо мнѣ больше, чѣмъ извѣстно ей, и, быть можетъ, щадя ее, отъ нея скрываютъ печальную вѣсть.

Однимъ словомъ, сообщеніе выдумано и у насъ все благополучно. Теперь я поселился, какъ и Либкнехтъ, здѣсь въ Борсдорфѣ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Лейпцига. Это — бѣдная деревушка, насчитывающая лишь нѣсколько сотъ жителей, расположенная на гладкой, какъ терелка, равнинѣ. Хорошо лишь то, что она лежитъ въ центрѣ линій Лейпцигъ—Риза—Дрезденъ и Лейпцигъ—Дёбельнъ—Дрезденъ и вслѣдствіе этого отсюда хорошее желѣзнодорожное сообщеніе съ Лейпцигомъ, такъ что нашимъ семьямъ удобно ѣздить сюда и обратно. Мы съ Либкнехтомъ живемъ въ одномъ домѣ и у каждаго изъ насъ достаточно мѣста, такъ что наши могутъ у насъ иной разъ и переночевать.

Теперь надѣюсь проявить больше аккуратности въ своей корреспонденціи и быть прилежнѣе въ литературномъ отношеніи. Больше года, какъ я въ той и другой области почти ничего не могъ дѣлать.

Какъ я слышалъ, ты сначала предполагалъ, что обѣ статьи въ „Соціалъ-демократѣ" по поводу закона противъ соціалистовъ принадлежатъ мнѣ. Какъ ты уже теперь знаешь, это не такъ. Статьи хорошо написаны и принципіально правильны, но *тактически ошибочны*. Если мы будемъ *говорить* такъ, какъ совѣтуетъ Фольмаръ, то черезъ мѣсяцъ насъ всѣхъ упрячутъ по §§ 80, 81, 128, 129 и т. д. нашего уголовнаго Уложенія и мы накачаемъ себѣ на шею отъ 5 до 10 лѣтъ; а если бы газета вздумала писать въ такомъ стилѣ, то то же самое случилось бы и съ каждымъ, арестованнымъ за распространеніе ея.

Такой тонъ просто невозможенъ, какъ бы правиленъ ни былъ онъ принципіально; говоря такимъ тономъ, мы погубимъ себя и поэтому мы имъ не должны говорить.

Мнѣ тѣмъ болѣе трудно понять языкъ Фольмара, что онъ самъ, отдавая себѣ полный отчетъ о нашемъ

положеніи, регулярно, какъ только приближается конецъ сессіи рейхстага, покидаетъ Германію и втеченіи каникулъ не вступаетъ на нѣмецкую почву. Причиной этого является его прежняя работа въ „Соціалъ-демократѣ“, достаточно хорошо извѣстная нѣмецкой полиціи. Фольмаръ, по моему мнѣнію, совершенно правильно опасается, что его тотчасъ же арестуютъ и привлекутъ, если только смогутъ арестовать во время перерыва сессіи рейхстага. И вотъ при такихъ условіяхъ онъ предлагаетъ намъ, сидящимъ среди волковъ, тактику, неизбѣжно толкающую насъ подъ ножъ. Вы, за границей, не можете представить себѣ наше положеніе и не знаете, какъ намъ приходится лавировать, чтобы не быть привлеченными по какой-нибудь статьѣ уголовнаго уложенія, уже давно уготовленной для насъ. Что въ одинъ прекрасный день насъ попытаются привлечь по ст. 128 и 129, касающимся тайныхъ и незаконныхъ организацій, — для меня не подлежитъ сомнѣнію, и, если удастся насъ поддѣть, намъ влетитъ по нѣсколько лѣтъ отсидки. Неужели же мы должны сами выходить на площадь и доносить на самихъ себя?

Я возражу на эти статьи. Я къ тому же не думаю, что отмѣна исключительнаго закона и усиленіе строгости общаго законодательства было бы для насъ вреднымъ и привело бы къ смѣшенію нашей партіи съ буржуазной оппозиціей.

Если бы къ существующему, очень сильному недовольству буржуазныхъ круговъ нашимъ экономическимъ положеніемъ прибавилась еще и политическая оппозиція, это было бы для насъ настоящимъ благодѣяніемъ, ибо то и другое вмѣстѣ приближаетъ катастрофу и, когда она наступитъ, буржуазные герои слова исчезнутъ со сцены, рѣшающее вліяніе и руководство событіями перейдетъ къ намъ.

Либкнехту и мнѣ очень пріятно, что ты думаешь такъ прилежно сотрудничать въ „Соціалъ-демократѣ.“

Мы высказываемся особенно за статьи о бисмарковскомъ соціализмѣ и лассалевскихъ лозунгахъ. Самые пылкіе лассальянцы держатся теперь въ партіи такъ, что допускаютъ критику Лассаля, но только она не должна быть враждебной, а ты, конечно, будешь избѣгать этого. Итакъ, начинай, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: такъ какъ Либкнехтъ въ серединѣ этого мѣсяца

долженъ начать отсидку, то твои статьи будутъ вдвойнѣ желательны, потому что при теперешнемъ тюремномъ режимѣ тайное сотрудничество очень трудно,—а явнымъ оно *никогда* не могло быть. Такъ какъ у Либкнехта два разныхъ приговора, которые должны будутъ отбываться по совокупности, когда будетъ разсмотрѣна его кассаціонная жалоба, которую онъ подалъ вмѣстѣ со мною, то ему удастся выйти изъ тюрьмы къ открытію сессіи рейхстага.

Я собираюсь начать отсидку съ 1 ноября. Если у меня ничего не выйдетъ съ кассаціей моихъ 8 приговоровъ, въ общей сложности давшихъ мнѣ 5 мѣсяцевъ тюрьмы,—а на успѣхъ трудно разсчитывать, такъ какъ имперскій судъ чрезвычайно реакціоненъ и въ извѣстномъ отношеніи компетенція его чрезвычайно ограничена, то, надѣюсь, признаніе совокупности сведетъ мои 5 мѣсяцевъ къ четыремъ, и я въ серединѣ марта покончу со своей порціей.

Благодарю тебя за указаніе книгъ *), постараюсь такъ или иначе добыть ихъ.

Когда будешь писать Марксу, поклонись ему отъ меня; прошу также передать привѣтъ Тусси.

Если будешь опять писать мнѣ, пользуйся и впредь извѣстнымъ тебѣ адресомъ. Либкнехтъ кланяется.

Нужные для твоей работы бисмарковскіе соціальные законопроекты мы тебѣ достанемъ. Этотъ человѣкъ дѣйствуетъ чрезвычайно нелѣпо. Нельзя и представить себѣ болѣе грубыхъ ошибокъ, чѣмъ дѣлаетъ „Провинціальная корреспонденція". Ты долженъ, какъ слѣдуетъ отдѣлать его также и за отказъ отъ стараго плана государственнаго банка для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ—единственной разумной идеи, имѣвшейся у него до сихъ поръ,—только потому, что поддался воздѣйствію Шеффле.

Я недавно прочелъ брошюру Шеффле „Обязательная организація кооперативныхъ кассъ вспомоществованія". Она имѣетъ въ виду пропаганду въ пользу послѣдняго законопроекта и „соціальной реформы" Бисмарка, и рекомендуетъ организацію, создающую настоящій кавардакъ.

*) Энгельсъ въ своемъ письмѣ рекомендовалъ Бебелю изученіе работъ Г. Маурера о германской земельной общинѣ.

Тебѣ не мѣшаетъ немножко отчитать и господина Шеффле.

Привѣтъ и рукопожатіе отъ твоего

А. Бебеля".

Мое возраженіе на статьи Фольмара появилось въ № 42 „Соціалъ-демократа" отъ 22 октября подъ заглавіемъ: „Отмѣна закона противъ соціалистовъ?"

Въ этой статьѣ я рѣшительно выступилъ противъ ложныхъ, по моему мнѣнію, предпосылокъ, лежащихъ въ основѣ статей Фольмара, и отвергалъ предлагаемую имъ тактику, какъ невозможную, ибо она повела бы партію къ гибели. Эта полемика привлекла большое вниманіе враждебной прессы, которая въ то время съ интересомъ слѣдила за содержаніемъ „Соціалъ-демократа". Снова увидѣли въ ней, какъ это уже такъ часто бывало, надвигающійся расколъ въ партіи—ибо охотно вѣрятъ тому, чего желаютъ, и въ соотвѣтствующемъ духѣ освѣдомляли своихъ читателей. Вполнѣ естественно, что я своими статьями далъ удовлетвореніе правымъ элементамъ партіи, хотя по существу для этого не было никакого основанія. Энгельсъ со своей стороны думалъ, что я слишкомъ серьезно отнесся къ статьямъ Фольмара, и вопреки своему обыкновенію дѣлалъ всякіе таинственные намеки на то, что мы избавимся отъ исключительнаго закона скорѣе, чѣмъ ожидаемъ сами.

На это я отвѣтилъ ему 14 ноября въ одномъ изъ писемъ, посланныхъ контрабандой изъ тюрьмы.

„Дорогой Энгельсъ!

Твое письмо я получилъ передъ самымъ закрытіемъ воротъ... Такъ какъ у меня есть возможность переслать тебѣ контрабандой нѣсколько строкъ, то мнѣ хочется какъ можно обстоятельнѣе отвѣтить на него, хотя, разумѣется, самого письма у меня нѣтъ подъ руками.

Не согласенъ, будто я слишкомъ серьезно отнесся къ статьямъ Фольмара. „Соціалъ демократъ" пользуется сейчасъ чрезвычайно большимъ вліяніемъ среди нашей публики, потому что кромѣ него имъ нечего читать, да и ничего другого они и не слышатъ. Если взгляды, подобные фольмаровскимъ, останутся безъ возраженій, ихъ признаютъ общеобязательными, и въ результатѣ

наша публика потребуетъ *соотвѣтствующихъ дѣйствій.* А между тѣмъ теперь, именно, слѣдуетъ больше, чѣмъ когда либо раньше, избѣгать распространенія взглядовъ, которые нельзя проводить въ жизнь. Таковы, въ краткихъ словахъ, соображенія, побудившія меня серьезно отнестись къ дѣлу. Мнѣ отнюдь не было пріятно, что это доставило мнѣ похвалу Фирека, да у него и не было основанія для нея. Въ своемъ усердіи пріобрѣсти себѣ на этомъ капиталецъ, онъ или не понялъ меня или не хотѣлъ понять, что, впрочемъ, случилось и съ оффиціозами, которые, смѣшно сказать, возвѣстили расколъ, и самымъ нелѣпымъ образомъ обрадовались ему. Фольмаръ слишкомъ легко забываетъ, когда сидитъ въ Швейцаріи, каково положеніе у насъ; когда онъ въ Германіи, онъ много благоразумнѣе, какъ это доказала его рѣчь о монополіи.

Мнѣ было бы пріятно, если бы ты не столь таинственно объяснилъ, какъ это мы скоро и, пожалуй, совершенно неожиданно сможемъ освободиться отъ исключительнаго закона. Я мыслю только двѣ возможности и мнѣ хочется узнать, отгадалъ ли я твою мысль.

Или снова въ скоромъ времени на насъ обрушится торговый и промышленный кризисъ, который начнется въ Сѣверной Америкѣ и въ видѣ отраженнаго удара зацѣпитъ Европу, или же вспыхнетъ европейская война, которая, несомнѣнно, будетъ имѣть послѣдствіемъ европейскую революцію. Третьяго я не вижу.

Европейская война кажется мнѣ невѣроятной, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, потому что по моему твердому убѣжденію всѣ европейскіе кабинеты знаютъ и боятся послѣдствій большой войны. Не даромъ вѣдь стараются замолчать египетскій вопросъ, хотя и сознаютъ, что мощь Англіи сильно отъ этого возрастаетъ. Бисмаркъ тоже открыто старается избѣгать всего того, что могло бы вызвать внѣшніе конфликты, онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что Германія въ силу внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ больше всего должна опасаться войны. Выиграть ничего нельзя, можно лишь потерять, а внутреннее положеніе таково, что не говоря уже объ озлобленіи рабочаго класса, три четверти нашей буржуазіи въ слѣдъ за объявленіемъ войны должны будутъ объявить банкротство, а это означаетъ крахъ всей системы. Я не вижу ни одного

государства, если не считать Россіи, у которой нѣтъ недостатка въ желаніи, которое хотѣло бы европейскаго конфликта. Россія же, вслѣдствіе своей внутренней слабости, не можетъ использовать этого положенія.

Итакъ, европейскую войну на ближайшее время я не считаю вѣроятной, но это отнюдь не значитъ, что для нея нѣтъ поводовъ. Горючаго матеріала масса повсюду, а случай можетъ вызвать взрывъ. Но случай вѣдь не является факторомъ, съ которымъ приходится считаться.

Другой толчекъ къ великому краху,—американскій кризисъ, на который я указалъ нашимъ товарищамъ уже давно, кажется мнѣ, напротивъ, очень близкимъ. Цыганскій образъ жизни, который я веду въ послѣдніе годы, помѣшалъ мнѣ слѣдить за развитіемъ во всѣхъ деталяхъ, но картина, которую даетъ американскій торговый балансъ въ послѣдніе мѣсяцы, кажется мнѣ убѣдительно говорящей о близкомъ крахѣ, и тогда прощай европейская экспортная торговля. Тогда, въ особенности для Англіи, долженъ будетъ пробить часъ переворота.

Весь ничтожный подъемъ промышленности, если это можно такъ назвать, который мы наблюдали въ Германіи за послѣдніе полтора года, обязанъ своимъ существованіемъ исключительно возросшему экспорту Достаточно ему получить ударъ,—и мы получимъ крахъ еще болѣе жестокій, чѣмъ въ 1874 г., ибо мы еще не оправились отъ него. Наша желѣзодѣлательная промышленность уже снова хромаетъ; въ дѣйствительности, котировки, публикуемыя въ биржевомъ бюллетенѣ, чистое надувательство — продажа происходитъ по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ. Картель желѣзозаводчиковъ, какъ это можно было предвидѣть, давно уже распался, и перепроизводство въ полномъ ходу. Въ текстильной промышленности дѣла лишь немногимъ лучше; и тутъ вывозъ главное, и если пострадаетъ и онъ, то обѣ главныя отрасли промышленности замрутъ, и тогда это замираніе распространится дальше. Однимъ словомъ, гораздо вѣроятнѣе, что американскій кризисъ, а не европейская война, послужитъ призывнымъ набатомъ къ европейской революціи.

Мнѣ бы хотѣлось услышать при случаѣ твое и Маркса мнѣніе по поводу моихъ соображеній. Надѣюсь,

что въ сочельникъ смогу сдѣлать перерывъ въ своей отсидкѣ.

Будешь мнѣ писать, не обращай вниманія на дату этого письма, она должна ввести въ заблужденіе другихъ.

Очень радъ, что Марксъ снова здоровъ. Посылаю ему и Тусси въ отвѣтъ сердечный привѣтъ. Р. Мейеръ въ послѣсловіи къ своему изданію писемъ и статей Родбертуса пишетъ: „Возможно, что Марксъ еще доживетъ до того времени, когда его ученіе попытаются провести въ жизнь“. Хотя онъ, очевидно, написалъ это лишь съ цѣлью позлить Бисмарка, все же онъ можетъ оказаться правымъ, — это было бы великолѣпно...

Читали ли вы книги Мейера? Я захватилъ ихъ съ собою въ тюрьму. Мейеръ очень хвалитъ васъ обоихъ и, повидимому, чувствуетъ себя весьма польщеннымъ хорошимъ пріемомъ, оказаннымъ ему вами; правда, эти похвалы вы должны дѣлить съ пятью кардиналами, которые также оказали ему эту честь. Такъ какъ Маркса уже часто его добрые друзья - враги изображали въ видѣ соціалистическаго папы, то это общество должно ему понравиться.

Изъ этихъ писемъ и статей я впервые по настоящему узналъ Родбертуса. Во всякомъ случаѣ, онъ стоитъ значительно выше средняго уровня нашихъ такъ называемыхъ политико - экономовъ. Онъ имѣетъ собственныя мысли и умѣетъ критически разсуждать, но оставаясь консервативнымъ соціалистомъ, онъ впадаетъ въ противорѣчія съ самимъ собой. „Капиталъ“ Маркса онъ тоже хотѣлъ „опровергнуть“. Но, кажется, его посмертныя произведенія не будутъ изданы, и это самое лучшее для него самого, поскольку дѣло касается „Капитала“.

Твой А. Бебель“.

Августовская конференція въ Цюрихѣ.

Въ то время, какъ развивалась вышеизложенная полемика, въ руководящихъ партійныхъ кругахъ всѣ убѣдились въ настоятельной необходимости основательно обмѣняться мнѣніями на съѣздѣ, о чемъ я уже писалъ Ауэру 4 января. Въ № 35 „Соціалъ демократа“ было офиціально объявлено о конференціи, чтобы внести успокоеніе въ среду партійныхъ товарищей, установивъ, что спорные вопросы будутъ подвергнуты основательному разбору. Въ конференціи участвовали фракція, редакція и администрація „Соціалъ демократа“, Ауэръ и я. Конференція назначалась на 3 дня, отъ 19 до 21 августа, въ порядкѣ дня стояли: тактика, организаціонные вопросы, урегулированіе выпуска листковъ, положеніе и позиція партійнаго органа, отношеніе къ нѣмецкой прессѣ. Подъ послѣднимъ подразумѣвалось отношеніе къ безцвѣтнымъ газетамъ, издаваемымъ партійными товарищами въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, которыя начинали мало-по-малу вмѣшиваться въ партійныя дѣла въ духѣ умѣренности и въ которыхъ сотрудничали нѣкоторые депутаты рейхстага. Далѣе, въ порядкѣ дня стояло созданіе партійнаго архива, кассовый отчетъ, созывъ съѣзда весною 1883 года, предложенія и жалобы.

То была весьма обширная программа, не обходившая ни одного вопроса партійной жизни. И если у кого-нибудь оставались еще сомнѣнія въ необходимости конференціи, то ходъ ея занятій долженъ былъ ихъ разсѣять. Такъ какъ не могло быть и рѣчи о печатаніи протоколовъ, то на конференціи всѣ держались съ бодрящей откровенностью и искренностью. Другъ другу говорили всю правду и тутъ каждый, кто въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ имѣлъ на сердцѣ какую нибудь тяжесть, могъ отъ нея освободиться Три дня, отведенные для

конференціи, были цѣликомъ поглощены занятіями. Въ результатѣ конференція подѣйствовала какъ гроза, очищающая воздухъ. Были выяснены недоразумѣнія и ошибки, а различныя личныя тренія устранены откровенными объясненіями.

Результаты конференціи сказались уже во время ближайшей сессіи рейхстага, когда ораторы фракціи вели борьбу рѣшительнѣе и сплоченнѣе, чѣмъ прежде.

Важнѣйшія рѣшенія конференціи сводились къ слѣдующему: было рѣшено ближайшей весной снова созвать Партійный съѣздъ за-границей, согласно предложеніямъ ряда мѣстныхъ партійныхъ организацій; постановлено приступить къ созданію партійнаго архива въ Цюрихѣ. Когда Шлютеръ въ 1884 г. переселился въ Цюрихъ, онъ взялъ на себя созданіе архива и завѣдываніе имъ.

1882 годъ принесъ съ собою также улучшеніе положенія нашихъ цюрихскихъ предпріятій. Въ нашу собственность перешло издательство, которое носило фирму „Цюрихская Книготорговля“ и которое печатало „Соціалъ-демократъ“ и другія партійныя изданія; раньше оно принадлежало одному швейцарскому товарищу. Товарищъ К. Концеттъ, переѣхавшій изъ Хура въ Цюрихъ, былъ назначенъ управляющимъ этого предпріятія, извѣстнаго отнынѣ подъ фирмой „К. Концеттъ, швейцарское типографское и книгоиздательское товарищество“. Основной капиталъ доставили мы въ видѣ безпроцентныхъ паевъ по 5 франковъ каждый, при чемъ въ „Соціалъ демократѣ“ Ауэръ, Дитцъ, Гриленбергеръ, Либкнехтъ и я помѣстили воззваніе, приглашавшее подписываться на эти паи.

Дни отдыха.

Въ началѣ ноября я снова отправился въ тюрьму, на этотъ разъ въ Лейпцигѣ, чтобы отбыть заключеніе, отмѣренное мнѣ судебными приговорами. Либкнехтъ и Газенклеверъ явились сюда же еще до меня, но намъ не удалось установить общенія между собою. Я надѣялся имѣть возможность прервать арестъ на Рождествѣ, такъ какъ Имперскому суду предстояло еще разсмотрѣть одинъ обжалованный мною приговоръ и постановленіе о соединеніи нѣсколькихъ приговоровъ могло быть сдѣлано лишь послѣ разсмотрѣнія жалобы. Моя надежда оказалась иллюзіей. Въ вынесенномъ, въ концѣ концовъ, постановленіи мои пять мѣсяцевъ были сведены къ четыремъ. Я, такимъ образомъ, получилъ увѣренность, что буду освобожденъ изъ тюрьмы въ началѣ марта.

Преимуществомъ лейпцигской тюрьмы было то, что меня еженедѣльно могла посѣщать моя жена, получая свиданіе въ присутствіи тюремнаго чиновника. Когда какъ-то я говорилъ съ нею о своемъ дрезденскомъ процессѣ по поводу воззваній, чиновникъ подошелъ къ шкапу, вынулъ изъ него пачку воззваній и положилъ ее передо мною. Къ моему изумленію это оказались экземпляры моего листка, въ октябрѣ 1881 г. конфискованнаго въ Дрезденѣ, который въ силу судебнаго приговора долженъ былъ быть сожженъ. На мой удивленный вопросъ, какъ очутились эти листки въ Лейпцигѣ, я получилъ отвѣтъ, что они обошли всю страну. Повидимому, онъ особенно пришелся по вкусу чиновникамъ, ибо партійные товарищи не распространяли его.

То былъ не единственный случай, когда на долю моего произведенія выпадала честь столь своеобразнаго распространенія. Въ Дрезденѣ былъ конфискованъ ящикъ съ 200 экз. книги „Женщина и Соціализмъ“. Судъ по-

становилъ уничтожить всѣ 200 экз., они, такимъ образомъ, должны были стать добычей огня. Но какъ я впослѣдствіи узналъ изъ самаго надежнаго источника, погибло отъ огня всего нѣсколько экземпляровъ, всѣ остальные очутились въ рукахъ судейскихъ чиновниковъ. Издатель лишился стоимости двухсотъ конфискованныхъ экземпляровъ, зато авторъ получилъ то удовлетвореніе, что книга попала въ такія руки, въ какія она врядъ ли попала бы, не будь конфискаціи. Такъ все имѣетъ на этомъ свѣтѣ свою хорошую и свою дурную сторону.

Пока я находился подъ арестомъ, стали извѣстны мотивы саксонскаго правительства въ пользу продленія малаго осаднаго положенія въ Лейпцигѣ и его округѣ. Въ качествѣ главнаго основанія приводился тотъ фактъ, что мы оба, Либкнехтъ и я, поселились у самой границы, объявленной на осадномъ положеніи области, въ Борсдорфѣ. И въ стремленіи отмѣтить опасность такого положенія для данной области внѣшнимъ признакомъ власти установили въ Борсдорфѣ жандармскій постъ. Нѣсколько высланныхъ изъ Берлина товарищей, на своемъ пути изъ Берлина однажды посѣтившіе насъ въ Борсдорфѣ, были по возвращеніи своемъ въ Лейпцигъ подвергнуты личному обыску. Все это, правда, было очень смѣшно, но у насъ это называется „управлять".

22 декабря Энгельсъ послалъ мнѣ отвѣтъ на мое письмо отъ 10 ноября, въ которомъ между прочимъ писалъ:

„Дорогой Бебель!

Надѣюсь, что послѣ завтра ты выйдешь на 24 часа на свободу и такимъ образомъ безъ затрудненій получишь эти строки.

То мѣсто моего послѣдняго письма, на которое ты такъ энергично возражаешь, не говоритъ ничего другого, какъ только то, что я ожидаю паденія исключительнаго закона отъ событій, которыя или сами являются революціонными (новый ударъ [1]) или созывъ учредительнаго собранія въ Россіи, напримѣръ, при чемъ тотчасъ же

[1]) Энгельсъ, повидимому, подъ словомъ „ударъ" подразумѣваетъ новый удачный террористическій актъ народовольцевъ.

скажется воздѣйствіе этого факта на Германію) или же дадутъ толчокъ движенію и подготовятъ почву для революціи (перемѣна на тронѣ въ Берлинѣ, смерть или уходъ Бисмарка,—то и другое почти неизбѣжно ведущее за собою „новый курсъ").

Кризисъ въ Америкѣ, равно какъ здѣшній кризисъ и не повсюду еще прошедшее стѣсненіе въ германской промышленности, представляется мнѣ не дѣйствительнымъ кризисомъ, а лишь результатомъ перепроизводства при предыдущемъ кризисѣ. Крахъ въ Германіи былъ въ прошлый разъ ускоренъ благодаря пляскѣ милліардовъ, здѣсь и въ Америкѣ онъ наступилъ въ нормальный срокъ—въ 1877 г. Но никогда еще производительныя силы такъ не возрастали за періодъ процвѣтанія, какъ съ 1871 по 1877 годъ, этимъ и объясняется, какъ и съ 1837 по 1842 г., хроническое давленіе здѣсь и въ Германіи на главныя отрасли промышленности, въ особенности хлопчатобумажную и желѣзодѣлательную промышленность. Рынки не могутъ же всегда переварить всѣ произведенные продукты; такъ какъ американская промышленность все еще работаетъ, главнымъ образомъ, на защищенный пошлинами внутренній рынокъ, то тамъ очень легко можетъ возникнуть при быстромъ возрастаніи производства мѣстный промежуточный кризисъ. Но, въ концѣ-концовъ, онъ ведетъ лишь къ сокращенію того періода, въ теченіе котораго Америка станетъ способной къ экспорту и появится на міровомъ рынкѣ въ качествѣ опаснаго конкурента Англіи. Я поэтому не думаю—и Марксъ того же мнѣнія,—что настоящій кризисъ наступитъ задолго до наступленія общей катастрофы.

Европейскую войну я счелъ бы несчастьемъ, на этотъ разъ дѣло было бы ужасно серьезно, всюду на цѣлые годы впередъ былъ бы разожженъ шовинизмъ, ибо каждый народъ боролся бы за свое существованіе. Окажется безплодной, сметенной вся работа революціонеровъ Россіи, стоящихъ наканунѣ побѣды; наша партія въ Германіи будетъ моментально захлеснута потокомъ шовинизма и взорвана, и то же самое произойдетъ во Франціи. Единственный возможный положительный результатъ—возстановленіе маленькой Польши—будетъ на лицо и при революціи, и притомъ самъ собою, самостоятельно; русская конституція, родившаяся

вслѣдствіе неудачной войны, будетъ имѣть совсѣмъ другое, скорѣе даже консервативное значеніе, чѣмъ завоеванная революціей. Подобная война, я думаю, отодвинула бы революцію на десять лѣтъ, зато тогда она, конечно, будетъ основательнѣе и глубже. Впрочемъ, опять грозитъ война. Бисмаркъ демонстрировалъ съ австрійскимъ союзомъ совсѣмъ такъ, какъ въ 1867 г. во время Люксембургскаго инцидента съ южно-германскими союзными договорами. Произойдетъ ли что-нибудь весною—это мы еще увидимъ.

Твое сообщеніе о состояніи нѣмецкой промышленности было для насъ очень интересно, въ особенности опредѣленное подтвержденіе того, что взорванъ картельный договоръ производителей желѣза. Это не могло продолжаться, меньше всего у нѣмецкихъ промышленниковъ, которые не могутъ жить безъ мелочныхъ надувательствъ. Произведенія Мейера мы здѣсь до сихъ поръ еще не видѣли, такъ что ты сообщилъ намъ нѣчто новое. Слѣдовало ожидать, что Марксъ будетъ фигурировать рядомъ съ его кардиналами, Мейеру всегда доставляло совсѣмъ особое удовольствіе, если онъ могъ прямо отъ кардинала Маннинга идти къ Марксу, объ этомъ онъ никогда не упускалъ случая упомянуть.

Въ своихъ „Соціальныхъ письмахъ“ Родбертусъ былъ близокъ къ тому, чтобы напасть на слѣдъ прибавочной стоимости, но ближе онъ не подошелъ. Въ противномъ случаѣ погибли бы всѣ его фантазіи на счетъ того, какъ помочь погрязшимъ въ долгахъ юнкерамъ, а этого добрякъ не могъ хотѣть. Но какъ ты говоришь, онъ стоитъ много больше массы нѣмецкихъ вульгарныхъ политико-экономовъ, включая и катедеръ-соціалистовъ, живущихъ, въ сущности, крошками съ нашего стола...

Вчера я послалъ въ Цюрихъ послѣднія страницы рукописи для брошюры, а, именно, приложеніе объ устройствѣ марки и, вообще, краткій очеркъ исторіи нѣмецкихъ крестьянъ. Такъ какъ Маурерь разсказываетъ очень плохо и многое смѣшиваетъ въ одну кучу, при первоначальномъ чтеніи трудно уловить смыслъ и значеніе сообщаемаго. Какъ только я получу корректурные листы, я пошлю тебѣ исторію, такъ какъ она не представляетъ собою просто извлеченіе изъ

Маурера, но и косвенно критикуеть его и содержитъ еще много новаго. Это первый плодъ моихъ занятій въ области нѣмецкой исторіи, которымъ я отдаюсь уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и я очень радъ, что могу предложить его сначала рабочимъ, а не школьнымъ учителямъ и прочимъ „образованнымъ“.

Ну, а теперь я долженъ кончать, иначе я не смогу отправить письмо заказнымъ вечерней почтой. Пруссаки, повидимому, еще не дошли до выкрадыванія заказныхъ писемъ, до сихъ поръ все приходитъ въ нормальномъ состояніи, продолжительная практика научила меня разсчитывать съ почти полной точностью.

Твою жену прошу принять эту поздравительную карточку къ Рождеству и мои лучшія пожеланія.

Твой Ф. Э.“

Послѣсловіе К. Каутскаго.

На этихъ строкахъ обрывается рукопись. Бебель намѣревался довести свои воспоминанія до паденія закона противъ соціалистовъ. Ему удалось закончить по крайней мѣрѣ важнѣйшую часть, первые этапы борьбы противъ исключительнаго закона. Этотъ періодъ обрисовываетъ Бебеля въ лучшемъ свѣтѣ. Никогда такъ ярко и сильно не выступали его несгибаемость и ясность сужденія, какъ въ эти годы общаго замѣшательства, когда организаціи были распущены, когда малодушіе глубоко охватило какъ массы, такъ и вождей, когда повсюду неумѣніе найти выходъ и растерянность ослабляли партійную дѣятельность.

Съ того момента, на которомъ обрываются воспоминанія, въ партіи дѣла снова пошли въ гору, тогда какъ ея враги не были уже въ состояніи усилить свои репрессивныя мѣры, чтобы противопоставить подымающимся волнамъ все болѣе прочную плотину. Насилія сверху уже не смущали пролетаріатъ, не запугивали его, они лишь сѣяли ненависть и презрѣніе къ ихъ виновникамъ, и тѣмъ большее презрѣніе, чѣмъ болѣе власть имущіе искали себѣ спасеніе въ предоставленіи политической полиціи полной свободы въ фабрикаціи матеріаловъ, необходимыхъ имъ для оправданія своихъ насилій; чѣмъ недвусмысленнѣе эта полиція выступала въ видѣ государственнаго учрежденія для самаго беззастѣнчиваго разведенія преступниковъ и преступленій.

Такъ, въ концѣ-концовъ, законъ противъ соціалистовъ потерпѣлъ моральное крушеніе при всеобщемъ презрѣніи задолго до того, какъ онъ сталъ и политически несостоятельнымъ.

Бебелю не суждено было самому описать это время неудержимаго движенія впередъ и окончательнаго тріумфа. Перо выпало изъ его рукъ непосредственно

передъ разсказомъ о двухъ крупныхъ событіяхъ, по времени почти совпавшихъ и одинаково близко касавшихся нашей партіи: смерти Карла Маркса 14 марта 1883 г. и Копенгагенскаго партійнаго съѣзда, собравшагося 29 марта того же года. Болѣзненно былъ воспринятъ уходъ великаго учителя, но зато ободряюще подѣйствовали занятія съѣзда, который показалъ партію въ благопріятномъ положеніи и постановленія котораго дышали несломленнымъ боевымъ духомъ.

Въ эти дни, когда Энгельсъ лишился друга, съ которымъ онъ былъ связанъ всѣми нитями души, онъ еще больше, чѣмъ до того, сблизился съ Бебелемъ, съ которымъ съ того времени его связывали узы тѣснѣйшей дружбы. Письма, которыми они въ ту пору обмѣнивались, весьма характерны для ихъ обоихъ и для пониманія того, какъ они смотрѣли на свои задачи. Этимъ письмамъ мѣсто еще въ настоящемъ томѣ.

Въ серіи писемъ Бебеля и Энгельса, ближайшимъ по времени къ послѣднему письму, упомянутому въ рукописи Бебеля, является письмо отъ 15 февраля 1883 г. Въ немъ Бебель писалъ:

„Дорогой Энгельсъ!

Такъ какъ я не знаю теперешній адресъ Маркса, попрошу тебя переслать ему прилагаемое письмо. Прочти его, чтобы мнѣ не писать дважды одно и то же.

Меня необычайно огорчаетъ смерть жены Лонге. Она произвела на меня очень симпатичное впечатлѣніе, и особенно печальна ея смерть для бѣдныхъ славныхъ дѣтей. Она, очевидно, умерла отъ удара или чего нибудь подобнаго?

Какъ ты видишь изъ прилагаемаго письма, 9-го марта я вылетаю изъ теперешняго моего гнѣзда. Мнѣ хочется поскорѣе узнать, какой характеръ приметъ нашъ партійный съѣздъ. Пока что я о немъ рѣшительно ничего не знаю, кромѣ того, что по этому поводу сообщено въ „Соціалъ-демократѣ“.

Привѣтъ и рукопожатіе отъ твоего А. Бебеля“.

Это тотъ съѣздъ, который проектировалось созвать въ Копенгагенѣ. Что Бебель не былъ освѣдомленъ о подробностяхъ, понятно, ибо „гнѣздо“, изъ котораго

онъ собирался улетѣть 9 марта, была лейпцигская тюрьма, въ которой онъ сидѣлъ съ ноября, какъ онъ это самъ разсказываетъ еще выше.

Приложенное письмо къ Марксу я не нашелъ въ подобранныхъ Бебелемъ письмахъ. Марксъ тогда вернулся въ Лондонъ съ острова Уайтъ, гдѣ онъ подъ конецъ искалъ излеченія отъ своего упорнаго недуга. Смерть его дочери Дженни, жены Лонге, очень глубоко потрясла его и погнала домой. Ему захотѣлось быть среди своихъ.

Энгельсъ 7 марта отвѣчалъ:

„Дорогой Бебель!

Я долженъ сегодня отвѣчать тебѣ на память, твое письмо я оставилъ у Маркса, но все же мнѣ хочется немедля поздравить тебя съ твоимъ освобожденіемъ послѣ завтра.

Описываемое тобою быстрое развитіе промышленности въ Германіи радуетъ меня чрезвычайно.

Мы нынѣ продѣлываемъ въ своемъ родѣ вторую бонапартовскую имперію: биржа приводитъ въ движеніе всѣ еще совсѣмъ или наполовину праздно лежащіе капиталы, привлекая ихъ и сосредоточивая въ немногихъ рукахъ; эти капиталы, такимъ путемъ отдаваемые въ распоряженіе промышленности, обусловливаютъ промышленный подъемъ (его отнюдь не слѣдуетъ отождествлять съ оживленнымъ положеніемъ торговли и промышленности), а разъ только дѣло пущено въ ходъ, оно идетъ все быстрѣе. Только два обстоятельства отличаютъ эру Бисмарка отъ эры Бонапарта III; послѣдняя процвѣтала благодаря относительной свободѣ торговли, эра Бисмарка отличается какъ разъ для Германіи совершенно неумѣстнымъ протекціонизмомъ. И, во-вторыхъ, эпоха Бисмарка оставляетъ безъ дѣла, безъ работы гораздо больше людей. Это происходитъ отчасти потому, что приростъ населенія у насъ много сильнѣе, чѣмъ во Франціи, придерживающейся двухдѣтной системы, отчасти потому, что Бонапартъ своими парижскими строительными работами создавалъ искусственный спросъ на рабочую силу, тогда какъ у насъ это скоро кончилось послѣ дней милліардовъ. Но отчасти это должно имѣть еще и другія причины, мнѣ еще неясныя. Во всякомъ случаѣ, мелкобуржуазная Германія

начинаетъ, наконецъ, становиться современной страною, а это абсолютно необходимо, чтобы помочь намъ быстро двинуться впередъ.

Читая нѣмецкія буржуазныя газеты и рѣчи въ рейхстагѣ, невольно готовъ думать, что живешь въ Англіи Генриха VII или VIII. Тѣ же жалобы на бродяжничество, тѣ же вопли о насильственномъ подавленіи бродяжничества, о тюрьмахъ и розгахъ. Это лучше всего показываетъ, какъ быстро происходитъ отдѣленіе производителей отъ ихъ средствъ производства, вытѣсненіе мелкаго производства машиной и усовершенствованіе машиннаго производства. Но смѣшны и достойны презрѣнія эти буржуа, которые хотятъ сжить со свѣта своими моральными проповѣдями и карательными мѣрами необходимыя послѣдствія ихъ собственныхъ дѣйствій. Всегда приходится жалѣть, что ты не въ рейхстагѣ, это была бы цѣлая тема для тебя.

Вашъ шагъ въ саксонскомъ ландтагѣ — спокойное принесеніе присяги—встрѣтилъ подражаніе. Итальянцы единогласно заявили, что присяга не можетъ служить препятствіемъ, и Коста безъ всякаго ворчанія принялъ присягу. А вѣдь это люди, объявившіе себя „анархистами", хотя они участвуютъ въ выборахъ и даютъ себя выбирать!

Моя брошюра скандально задержалась въ Цюрихѣ, но теперь печатаніе ея должно быть уже закончено. Такъ же ли долго тянется въ маленькомъ Цюрихѣ брошюровка,—не знаю. Во всякомъ случаѣ, я все еще жду первыхъ экземпляровъ ея, но до сихъ поръ не получилъ ни одного. Глава о маркѣ уяснитъ тебѣ нѣкоторыя мѣста у Маурера. Этотъ человѣкъ пишетъ ужасно сумбурно, но несмотря на это его матеріалы великолѣпны. Я перечиталъ книгу пять-шесть разъ и на будущей недѣлѣ прочту еще разъ, послѣ того, какъ я просмотрѣлъ снова его остальныя сочиненія въ ихъ связи.

Очень порадовало насъ, какъ отдѣланъ былъ нравственно - религіозный Путткамеръ—сперва Гриллленбергеромъ въ рейхстагѣ, потомъ снова въ „Соціалъ-демократѣ". Теперь онъ будетъ поосторожнѣе!..

Надо кончать. Я долженъ итти къ Марксу, здоровье котораго все еще не хочетъ поправляться.. Будь двумя мѣсяцами ближе къ лѣту, погода и воздухъ сдѣлали бы

свое дѣло, но у насъ теперь сѣверо-восточный вѣтеръ, почти штормъ и вьюги, лѣчи при такихъ условіяхъ застарѣлый бронхитъ! Привѣтъ Либкнехту!

Твой Ф. Энгельсъ"

Черезъ недѣлю міръ облетѣла печальная вѣсть, что Карла Маркса уже нѣтъ. Либкнехтъ сейчасъ же поспѣшилъ въ Лондонъ, чтобы присутствовать при погребеніи стараго друга, которое состоялось 17 марта Въ тотъ же день Бебель послалъ Энгельсу слѣдующее письмо:

„Борсдорфъ-Лейпцигъ. 17 марта 1883 г.

Дорогой Энгельсъ!

Твоя телеграмма, сообщающая о смерти нашего дорогого Маркса, застала меня въ Дрезденѣ, какъ ты уже долженъ былъ узнать отъ Либкнехта. Какъ ни жестокъ ударъ, онъ не явился неожиданнымъ. Твое послѣднее письмо снова пробудило мои опасенія, и Либкнехтъ подтвердилъ ихъ. Теперь прежде всего передъ всѣми стоитъ вопросъ: Что будетъ съ неоконченными еще работами Маркса надъ „Капиталомъ"? Французскія газеты уже сообщаютъ и здѣшніе перепечатали это, что ты берешь па себя ихъ окончаніе. Это, разумѣется, ожидаютъ всѣ, и ты одинъ призванъ для этого. Но есть ли у тебя для этого достаточно времени? Такъ какъ я думаю, что ты говорилъ на эту тему съ Либкнехтомъ, я жду съ крайнимъ нетерпѣніемъ того, что онъ сообщитъ

Такъ какъ въ ближайшемъ времени состоится нашъ партійный съѣздъ, я предложу, чтобы партія въ цѣломъ поставила Марксу памятникъ. Само собою разумѣется, рѣчь идетъ не о блестящемъ монументѣ, а просто о свидѣтельствѣ признательности и солидарности рабочихъ всѣхъ странъ.

Здѣсь мнѣ хотѣлось бы задать тебѣ еще одинъ вопросъ. Думаешь ли ты, послѣ того, какъ Марксъ умеръ, оставаться въ Англіи или же предпочтешь переѣхать въ Германію или, по крайней мѣрѣ, въ Швейцарію, чтобы мы могли быть въ болѣе близкомъ и частомъ общеніи съ тобою? Вопросъ этотъ всталъ передо мною въ данную минуту, когда я пишу эти строки, и я ста-

влю его, не упуская изъ виду, что ты связанъ различными нитями съ Англіей и что въ твои годы полную перемѣну во всемъ образѣ жизни не приходится производить безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Но мнѣ думается, что такая боевая натура, какъ ты, будетъ чуствовать себя на материкѣ хорошо.

Всѣ газеты сообщаютъ, что Марксъ умеръ въ Аржентейлѣ. Когда я это въ первый разъ прочелъ, я порядочно испугался. Я въ первую минуту вообразилъ, что Марксъ вѣроятно вернулся въ послѣдніе дни въ Аржентейль и тамъ внезапно умеръ, а тутъ Либкнехтъ отправился въ Лондонъ и, значитъ, не встрѣтилъ тебя. Твое письмо, пришедшее между тѣмъ, успокоило меня въ этомъ направленіи.

Попрошу тебя передать бѣдной Тусси прилагаемыя карточки; мнѣ ужасно жаль дѣвушку. Передай ей привѣтъ отъ насъ.

Привѣтъ и рукопожатія отъ твоего А. Бебеля“.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ письмомъ Бебель долженъ былъ ѣхать въ Копенгагенъ. Энгельсъ отвѣтилъ ему лишь тогда, когда удостовѣрился въ его возвращеніи. Онъ писалъ:

„Лондонъ, 30 апрѣля 1883.

Дорогой Бебель!

На твой вопросъ, не переселюсь ли я въ Германію, въ Швейцарію или вообще куда нибудь на континентъ, само собою дается отвѣтъ тѣмъ, что я никуда не поѣду, откуда могутъ выслать. Отъ этого обезпечены только въ Англіи и Америкѣ. Въ послѣднюю я отправлюсь самое большее на время, если не буду принужденъ къ другому. Въ итогѣ я остаюсь здѣсь.

Къ тому же Англія имѣетъ другое крупное преимущество. Со времени конца Интернаціонала здѣсь абсолютно не существуетъ рабочаго движенія въ иной формѣ, какъ въ видѣ придатка къ буржуазіи, радикаламъ и ради достиженія мелкихъ цѣлей *на почвѣ* сохраненія капиталистическихъ отношеній. Такимъ образомъ, лишь здѣсь можно пользоваться спокойствіемъ для продолженія теоретической работы. Повсюду въ другомъ мѣстѣ по необходимости пришлось бы уча-

ствовать въ практической агитаціи и терять чрезвычайно много времени. Въ практической же агитаціи я сдѣлалъ бы не больше, чѣмъ кто либо иной, въ области же теоретической работы я пока еще не вижу, кто призванъ замѣнить меня и Маркса. То, что въ этомъ направленіи пытались сдѣлать болѣе молодые,—стоитъ немного, большей частью, даже меньше, чѣмъ ничего. Каутскій, единственный, кто старательно работаетъ надъ теоріей, долженъ писать, чтобы жить, и уже изъ-за этого ничего не можетъ дать. И теперь, на шестьдесятъ третьемъ году, съ портфелемъ, полнымъ своей работой, и съ перспективой работы на цѣлый годъ надъ вторымъ томомъ „Капитала“ и на еще одинъ годъ — надъ біографіей Маркса рядомъ съ Исторіей нѣмецкаго соціалистическаго движенія съ 1843 по 1863 г. и Интернаціонала съ 1864 по 1872 г.,—я долженъ былъ бы совсѣмъ сойти съ ума, чтобъ обмѣнять свой спокойный пріютъ здѣсь на мѣсто, гдѣ надо принимать участіе въ собраніяхъ и въ газетной полемикѣ и гдѣ уже только благодаря этому одному утрачивается ясность взора. Конечно, если бы повторилось нѣчто вродѣ 1848 и 1849 годовъ, я вскочилъ бы на коня, ибо это было бы нужно. Но теперь—строгое раздѣленіе труда. Даже въ „Соціалъ-демократѣ“ я долженъ по возможности совсѣмъ не писать. Подумай только о необъятной корреспонденціи, которую раньше мы съ Марксомъ дѣлили между собою и которую уже больше года долженъ былъ вести я одинъ. Ибо многочисленныя нити изъ всѣхъ странъ, добровольно сходившіяся въ рабочей комнатѣ Маркса, мы вѣдь хотимъ сохранить непорванными, поскольку это въ моихъ силахъ.

Что касается памятника Марксу, то я не знаю, что слѣдуетъ дѣлать. Семейство противъ. Простой могильный камень, поставленный надъ его женой и носящій имя ея и ея маленькаго внука, былъ бы оскверненъ въ глазахъ послѣдняго, если бы былъ замѣненъ монументомъ, который здѣсь въ Лондонѣ съ трудомъ можно было бы отличить отъ претенціозныхъ филистерскихъ памятниковъ, окружающихъ его. Англійское кладбище выглядитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ нѣмецкое. Тутъ могила на могилѣ и нѣтъ мѣста для деревца между ними, а памятникъ не долженъ превышать въ ширину и длину купленнаго узенькаго пространства.

Либкнехтъ говорилъ о полномъ изданіи произведеній Маркса. Все это очень хорошо, но какъ и при проектѣ Дитца о второмъ томѣ, люди забываютъ, что второй томъ давно уже запроданъ Мейсснеру и что изданіе другихъ, мелкихъ сочиненій должно быть тоже сперва предложено Мейсснеру и лишь потомъ можетъ появиться *за границей*. Уже *до* закона противъ соціалистовъ всегда оказывалось, что даже Коммунистическій Минифестъ не можетъ быть напечатанъ въ Германіи! Если не считать того случая, когда онъ фигурировалъ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ въ вашемъ процессѣ.

Рукопись второго тома закончена до 1873 г., похоже даже, что уже до 1870 г. Она написана готическими буквами, тогда какъ съ 1873 г. Марксъ писалъ лишь латинскими.

Слишкомъ поздно для посылки письма заказнымъ. оно должно поэтому пойти простымъ, на всякій случай я запечатаю его своей печатью.

Либкнехту сегодня вечеромъ пишу въ Берлинъ.

Твой Ф. Энгельсъ".

Бебель тотчасъ же отвѣтилъ:

„Борсдорфъ-Лейпцигъ, 2 мая 1883 г.

Дорогой Энгельсъ!

Твое письмо получилось какъ разъ въ ту минуту, когда я собирался тебѣ писать. Какъ видишь, оно дошло по назначенію и безъ „заказа", что меня нѣкоторымъ образомъ удивляетъ. Но отвѣтъ я все же не намѣренъ посылать тѣмъ же способомъ, такъ какъ содержаніе его не безразлично для третьихъ лицъ.

Мой вопросъ, не согласишься ли ты покинуть Англію, порожденъ собственно скорѣе тѣмъ чувствомъ, что ты послѣ смерти Маркса долженъ чувствовать себя очень одинокимъ. Основанія, которыя ты приводишь въ пользу дальнѣйшаго пребыванія въ Англіи, я вполнѣ одобряю и лишь хотѣлъ бы самъ быть въ подобномъ же положеніи. Мною все болѣе и болѣе овладѣваетъ ощущеніе, что вся агитаціонная дѣятельность и, въ особенности, парламентская при нынѣшнихъ условіяхъ не оправдываетъ тѣхъ силъ и времени, которыя на нихъ затрачиваются. Подъ вліяніемъ этого ощущенія

я просилъ гамбургцевъ отказаться отъ моей кандидатуры, но мое письмо пришло слишкомъ поздно. Объявленіе кандидатуры уже воспослѣдовало. Я утѣшаюсь теперь тѣмъ, что выборы прибавятъ мнѣ новый провалъ къ числу прежнихъ; непріятно лишь то, что это вѣчное фигурированіе кандидатомъ вовнѣ производитъ впечатлѣніе, будто я во что бы то ни стало хочу проникнуть въ парламентъ, а это большое недоразумѣніе.

Не знаю, получилъ ли ты уже изъ другихъ источниковъ болѣе ясное представленіе о копенгагенскомъ съѣздѣ. „Соціалъ-демократъ", естественно, можетъ давать отчеты, прошедшіе сквозь свою цензуру. Дѣло дошло до довольно бурныхъ преній между обоими направленіями, спеціально—между Гейеромъ и мною. Хотя всѣ въ „принципѣ" единодушны, но мнѣ нѣтъ нужды говорить тебѣ, что все же весьма существенно то, какъ представляютъ себѣ борьбу за принципъ. И такъ какъ не подлежитъ сомнѣнью, что среди нашихъ парламентаріевъ имѣются люди, которые, не вѣря въ революціонное развитіе, склонны къ игрѣ въ парламентъ и весьма неохотно встрѣчаютъ всякое рѣзкое выступленіе. Тотъ, кто полагаетъ, что насъ отъ соціальной революціи отдѣляетъ еще, по мѣньшей мѣрѣ, цѣлая сотня лѣтъ, будетъ выступать иначе, чѣмъ тотъ, кто усматриваетъ ее въ уже обозрѣваемой дали...

Настроеніе въ массахъ, какъ я уже писалъ тебѣ раньше, вполнѣ хорошее, и съ этой стороны можно ждать лишь еще лучшаго.

Весьма печально, что ты въ дальнѣйшемъ не сможешь писать въ „Соціалъ-демократѣ", но принимая во вниманіе другія и очень важныя работы, которыя лежатъ на тебѣ, это естественно. Къ сожалѣнію, „Соціалъ-демократу" не достаетъ дѣльныхъ сотрудниковъ... Меня очень обрадовала вѣсть, что второй томъ „Капитала" законченъ. Либкнехтъ не мало напугалъ меня подозрѣніемъ, что возможно, будто онъ уничтоженъ самимъ Марксомъ. Но какъ оказалось возможнымъ это утаиваніе при твоемъ тѣсномъ общеніи съ Марксомъ?

Твое описаніе англійскаго кладбища напоминаетъ мнѣ картину, которая недавно предстала моимъ глазамъ въ Гамбургѣ, когда я посѣтилъ тамъ на кладбищѣ могилы Іорка и Гейба; оно выглядитъ какъ двѣ капли воды, похоже на англійское. Леденящая картина.

Если семья отвергаетъ всякій памятникъ, а предложеніе Либкнехта тоже неосуществимо—что я также говорилъ себѣ,—то тогда, вообще, ничего не остается дѣлать. Позаботимся зато усерднѣе о томъ, чтобы идеи и ученіе Маркса находили все большее распространеніе и все болѣе осуществлялись въ жизни. Къ сожалѣнію, ты правъ, что плохо обстоитъ дѣло съ теоретическими пріемниками вамъ. Силы, имѣющіяся на лицо, уже отработали свое и износились, а новыя силы въ данное время подъ давленіемъ господствующихъ условій не могутъ появиться. Но онѣ появятся, какъ только подуетъ свѣжимъ воздухомъ, на это ты можешь положиться. Это я проповѣдую всѣмъ тѣмъ, кто указываетъ на слабость нынѣшнихъ умственныхъ силъ партіи, не хотятъ вѣрить въ побѣдное будущее и пессимистически указываютъ на бисмарковскій исключительный законъ, который насъ „уничтожаетъ", по крайней мѣрѣ, не даетъ двигаться впередъ.

Нашъ экономическій развалъ подвигается впередъ спокойнымъ темпомъ, но съ несомнѣнностью. Желѣзный рынокъ обнаруживаетъ общій застой; картельный договоръ богемскихъ желѣзозаводчиковъ совсѣмъ недавно тоже разлетѣлся вдребезги. Въ саксонской Фойгтландѣ въ вязальной промышленности надвигается серьезный кризисъ въ виду неполученія американскихъ заказовъ, то же самое въ игрушечномъ производствѣ Тюрингенскаго лѣса. Другія отрасли промышленности, зависящія отъ американскаго рынка, тоже скоро окажутся въ подобномъ же положеніи.

Наши крестьяне жалуются на низкія цѣны продуктовъ земледѣлія — несмотря на покровительственныя пошлины. Они въ среднемъ имѣли хорошій урожай, но сквернаго качества, затрудняющаго сбытъ. Затѣмъ, дождливая осень и до сегодняшняго дня весьма свѣжая весна сдѣлали въ значительной части невозможной обработку полей или попортили посѣвы, такъ что, повидимому, предстоящая жатва рисуется мало обѣщающей. Строительное дѣло—его я специально знаю—тоже находится, большею частью, въ очень угнетенномъ сосостояніи. .

Твой А. Бебель."

Энгельсъ постарался побороть припадокъ парламентской усталости Бебеля. Онъ писалъ ему:

„Лондонъ, 10 мая 1883 г.

Дорогой Бебель!

Охотно тебѣ вѣрю, что ты *предпочитаешь* не сидѣть въ рейхстагѣ. Но ты видишь, что сдѣлало возможнымъ твое отсутствіе. Уже много лѣтъ назадъ Браке писалъ мнѣ: „Изъ всѣхъ насъ только одинъ Бебель обладаетъ настоящимъ парламентскимъ тактомъ“. И я всегда убѣждался въ справедливости этого утвержденія. И повидимому, дѣло не пойдетъ по иному, пока ты при первой представившейся возможности снова не займешь свой постъ, и я буду очень радъ, если ты будешь избранъ въ Гамбургѣ и, благодаря этому по необходимости, избавленъ отъ своихъ сомнѣній.

Агитаторская и парламентская дѣятельность, несомнѣнно, становятся скучными и утомительными послѣ продолжительнаго занятія ею. Тутъ повторяется то же, что и съ объявленіями, рекламированіемъ, поѣздками коммивояжеровъ въ любомъ коммерческомъ дѣлѣ: успѣхъ приходитъ лишь медленно и притомъ для нѣкоторыхъ совсѣмъ не приходитъ. Но иначе не бываетъ, и кто однажды попалъ сюда, долженъ продѣлать исторію до конца, въ противномъ случаѣ утрачиваются безплодно всѣ предшествующія усилія. И при законѣ противъ соціалистовъ абсолютно нельзя лишить себя этого единственно оставшагося открытаго пути...

Твое пониманіе экономическаго положенія подтверждается въ Англіи, Франціи и Америкѣ. Это промежуточный кризисъ, подобный бывшему въ 1841—42 г.г., но гораздо болѣе колоссальныхъ размѣровъ. Десятилѣтній циклъ промышленнаго развитія яснѣе сталъ обнаруживаться лишь съ 1847 г. (изъ-за калифорнскаго и австралійскаго производства золота и связаннаго съ этимъ полнаго созданія мірового рынка). Нынѣ, когда Америка, Франція и Германія начинаютъ пробивать брешь въ монополіи Англіи на міровомъ рынкѣ и когда поэтому перепроизводство, какъ и до 1847 г., начинаетъ давать о себѣ знать быстрѣе,—теперь вновь появляются пятилѣтніе промежуточные кризисы. Доказательство полнѣйшаго самоисчерпанія капиталистическаго спо-

соба производства. Періодъ процвѣтанія уже не успѣваетъ проявиться въ полномъ объемѣ. Уже черезъ пять лѣтъ на лицо вновь оказывается перепроизводство, и даже въ теченіе этихъ пяти лѣтъ дѣло идетъ, въ общемъ, не важно. Но это отнюдь не доказываетъ, что у насъ не будетъ опять общій подъемъ въ 1884—87 г.г., какъ это было въ 1844—47 г.г. Но затѣмъ уже, несомнѣнно, разразится главный крахъ.

11 мая. Я хотѣлъ дальше поговорить съ тобой объ общемъ хозяйственномъ положеніи, но пришло время отправлять заказную почту, а потому—конецъ.

Твой Ф. Э“.

Оказалось на дѣлѣ еще хуже, чѣмъ Энгельсъ ожидалъ въ 1883 г. „Общаго подъема“ въ 1884 г. не было. Онъ наступилъ лишь въ 1887 г. и въ 1890 г. уже снова закончился. Новаго періода процвѣтанія, новаго возрожденія капиталистическаго способа производства послѣ его „полнаго самоисчерпанія“, временнаго преодолѣнія хроническаго перепроизводства Энгельсу не пришлось пережить. На нѣмецкій пролетаріатъ на ряду съ политическимъ гнетомъ исключительнаго закона легъ въ 1883 г. ужасный экономическій гнетъ.

Тѣмъ возвышеннѣе представляется его сила сопротивленія и боевое настроеніе.

Особенно пріятное доказательство давалъ Энгельсу пріемъ, оказанный его брошюрѣ, о которой онъ говорилъ въ письмѣ отъ 7 марта. Это была брошюра „Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ“.

Торжествующе сообщалъ объ этомъ „Соціалъ-демократъ“ (17 мая 1883 г.) подъ заголовкомъ: „Побѣда за нами, несмотря ни на что!“ Онъ писалъ:

„Товарищи! Въ концѣ февраля возвѣстили мы вамъ появленіе новой брошюры Фридриха Энгельса; нынѣ, еще до истеченія 3 мѣсяцевъ, мы можемъ вамъ сообщить, что все изданіе ея раскуплено до послѣдняго экземпляра, такъ что въ виду непрерывнаго поступленія новыхъ заказовъ пришлось немедленно приступить къ печатанію новаго изданія“.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того состоялись выборы въ первомъ гамбургскомъ избирательномъ округѣ. Потребовалась перебаллотировка, которая 29 іюня послала Бебеля въ рейхстагъ 11.711 голосами. Большимъ

количествомъ голосовъ, чѣмъ мы когда-либо получали тамъ.

Такъ Бебель снова былъ возвращенъ къ парламентаризму, и несмотря на свое стремленіе къ другого рода дѣятельности, врядъ ли онъ пожалѣлъ объ этомъ. Дѣйствительно, нигдѣ онъ не былъ такъ на своемъ мѣстѣ, какъ въ рейхстагѣ. Браке былъ совершенно правъ, когда писалъ, что ни одинъ изъ нашихъ депутатовъ не обладаетъ такимъ парламентскимъ тактомъ, какъ Бебель.

Когда Бебель вступилъ въ 1867 г. въ рейхстагъ первымъ нашимъ депутатомъ, парламентская дѣятельность соціалиста-пролетарія была еще чѣмъ-то совершенно неслыханнымъ. Правда, французскіе рабочіе обладали съ 1848 г., съ небольшимъ перерывомъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ, но они сперва не сумѣли многаго добиться при его помощи, а при имперіи они держались въ сторонѣ отъ палаты какъ въ силу политическаго гнета, такъ и въ виду недовѣрія къ правительству.

Ни во Франціи, ни въ Англіи Бебель не имѣлъ предшественниковъ, которыхъ онъ могъ бы взять себѣ за образецъ въ своей дѣятельности.

Даже передъ болѣе опытнымъ, болѣе зрѣлымъ и болѣе образованнымъ человѣкомъ подобное положеніе ставило трудно разрѣшимыя задачи. Бебель былъ молодъ, ему еще не исполнилось 27 лѣтъ, когда онъ былъ впервые избранъ, онъ обладалъ лишь весьма скуднымъ школьнымъ образованіемъ и небольшимъ политическимъ опытомъ — таковъ былъ соціалистъ-пролетарій, первый въ міровой исторіи вступившій въ парламентъ. Ему противостояли крупнѣйшіе государственные дѣятели, опытнѣйшіе ораторы, искуснѣйшіе парламентаріи того времени. Ему противостояло правительство, блестяще выигравшее три войны, удовлетворившее національныя стремленія, правительство, передъ которымъ становился на колѣни весь буржуазный міръ. А за нимъ не стояло ничего другого, кромѣ слабой маленькой партіи, еще стремившейся выработать ясное сознаніе внутри своихъ собственныхъ рядовъ.

И несмотря на все это онъ сумѣлъ завоевать положеніе и импонировалъ врагамъ. Мало того. Онъ тотчасъ же нашелъ, еще безъ яснаго теоретическаго сознанія

совершенно инстинктивно, парламентскую тактику, лучше всего согласующуюся съ пролетарской классовой борьбой, съ нею гармонически связанную. Сознательно онъ разошелся при этомъ съ старшими, болѣе зрѣлыми, гораздо болѣе образованными и съ точки зрѣнія формальнаго умѣнія превосходящими его членами его собственной партіи, каковы Либкнехтъ и Швейцеръ, изъ которыхъ одинъ слишкомъ подчеркивалъ недовѣріе, голый протестъ, а другой—слишкомъ уходилъ въ положительную работу и этимъ затемнялъ задачу болѣе рѣзкой и энергичной оппозиціи.

Для превращенія парламентаризма изъ средства господствовать надъ массами и дурачить ихъ въ средство ихъ освобожденія никто не сдѣлалъ такъ много, какъ Августъ Бебель. Онъ въ этой области проложилъ новые пути не теоретическими разсужденіями, а мастерскимъ дѣйствіемъ. тѣснѣйшимъ связываніемъ парламентской работы съ пролетарской классовой борьбой, съ движеніемъ массъ, при чемъ одно дѣйствіе оплодотворяетъ другое, усиливаетъ и углубляетъ его смыслъ.

Бебель въ качествѣ парламентарія совершилъ великое дѣло. Энгельсъ былъ совершенно правъ. Бебель былъ незамѣнимъ въ рейхстагѣ, а рейхстагъ—незамѣнимъ для насъ, при всей мелочности и утомительности парламентской работы, какъ и почти всякой работы при нашемъ способѣ производства, которою долго занимаются, не считая лишь работы изслѣдователя и художника.

Но величіе заслугъ Бебеля въ парламентѣ покоится на величіи его заслугъ внѣ стѣнъ парламента, на проявлявшемся имъ живомъ интересѣ по отношенію ко всѣмъ потребностямъ, всѣмъ движеніямъ, всѣмъ боевымъ средствамъ пролетаріата, на его глубокомъ пониманіи положенія пролетаріата въ современномъ обществѣ. Онъ могъ въ качествѣ парламентарія сдѣлать такъ много потому, что постоянно былъ болѣе, чѣмъ только—парламентаріемъ, потому что соединялъ съ полнѣйшимъ знаніемъ парламентскаго аппарата и совершеннымъ овладѣніемъ имъ также и ясное пониманіе границъ парламентскихъ возможностей и потому еще, что былъ, какъ у себя дома, въ любой изъ областей пролетарской классовой борьбы.

Парламентская практика германской соціалъ-демо-

кратіи представляла собою ея особенность, которая выдѣляла ее въ первыхъ стадіяхъ новаго рабочаго движенія съ 60 хъ годовъ отъ другихъ рабочихъ партій. Если она стала для нихъ образцомъ, то это произошло, главнымъ образомъ, благодаря ея парламентской дѣятельности. И въ значительной степени благодаря этой послѣдней занялъ Бебель въ міровомъ пролетарскомъ классовомъ движеніи такое положеніе, какого не достигли наши глубочайшіе мыслители — Марксъ и Энгельсъ. Ибо нѣтъ другого средства, способнаго лучше и сильнѣе всего дѣйствовать на массы, ихъ глубже будоражить, сплачивать ихъ для совмѣстнаго дѣйствія, извлекать изъ нихъ максимумъ энергіи, какъ энергичное, смѣлое, освѣщаемое съ широкой точки зрѣнія отстаиваніе принциповъ пролетарской классовой борьбы въ томъ центральномъ собраніи, которое представляетъ собою весь народный организмъ въ его совокупности.

Типъ великаго и сильнаго парламентарія такого рода созданъ Августомъ Бебелемъ. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть главнѣйшую его историческую заслугу. Онъ нашелъ многочисленныхъ, сильныхъ и способныхъ послѣдователей въ почти всѣхъ парламентахъ міра, дѣйствующихъ въ его духѣ. Все же до самаго конца его дней, въ теченіе цѣлаго полувѣка неутомимой творческой работы ни одному изъ болѣе молодыхъ не удалось превзойти его.

Бебель своимъ образцовымъ умѣніемъ владѣть оружіемъ парламентаризма и его использовать завоевалъ, какъ пролетарскій политикъ, единственное въ своемъ родѣ положеніе, подобно тому, какъ Наполеонъ пріобрѣлъ себѣ такое же положеніе въ качествѣ полководца.

Но Бебель всегда оставался равнымъ среди равныхъ, его блестящіе успѣхи никогда не кружили ему голову, никогда не затемняли его взоръ въ распознаваніи границъ собственныхъ возможностей и возможностей пролетарскихъ силъ, стоявшихъ за нимъ. При всемъ революціонномъ энтузіазмѣ и оптимизмѣ, онъ показалъ себя также мастеромъ въ умѣніи ограничивать, концентрировать всѣ силы на необходимомъ и возможномъ, и потому, хотя онъ могъ отмѣтить въ своей жизни не одну Іену и Аустерлицъ, но ни разу зато не приводилъ себя и свою партію къ Москвѣ или Ватерло.

Вспоминая о немъ, мы не увидимъ ни малѣйшаго уродливаго пятнышка, не увидимъ даже ни одной неудачи, способныхъ затемнить въ нашемъ воспоминаніи его лучезарный образъ. Никто такъ строго не критиковалъ себя, какъ Бебель. Ничья дѣятельность не могла выдержать болѣе строгую критику, чѣмъ дѣятельность Бебеля.

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе К. Каутскаго	1
Обсужденіе Закона противъ соціалистовъ	6
Непосредственные результаты закона	21
Первыя проявленія жизнедѣятельности партіи	37
Основаніе нелегальной партійной прессы	45
Ежегодникъ Рихтера	62
„Соціалъ-демократъ"	69
Распространеніе „Соціалъ-демократа" и красный почтмейстеръ	95
Сессія рейхстага 1879 года	105
Утраченное наслѣдство	111
Борьба съ нѣмецкой полиціей	115
Нѣсколько словъ о собраніяхъ при исключительномъ законѣ	131
Подпольная работа	135
Сессія рейхстага 1880 года	146
До, во время и послѣ съѣзда въ Виденѣ	150
Малое осадное положеніе въ Гамбургъ-Альтона и округѣ	167
Лондонская Каносса	172
Первая сессія рейхстага 1881 года	179
Малое осадное положеніе въ Лейпцигѣ съ округомъ	185
Мое избраніе въ саксонскій ландтагъ	193
Общіе выборы въ рейхстагъ осенью 1881 г.	196
Послѣсловіе къ выборамъ въ Дрезденѣ	205
Заживо похороненъ	212
Въ саксонскомъ ландтагѣ въ 1881—82 г.г.	216
Первый процессъ о государственной измѣнѣ въ Имперскомъ судѣ	223
Разногласія	228
Августовская конференція въ Цюрихѣ	245
Дни отдыха	247
Послѣсловіе К. Каутскаго	252